

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

МЕТОДИКА
ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Выпуск 4

Редакционная коллегия серии

член-корреспондент РАН П. Г. Гайдуков (председатель),
к.и.н. К. Н. Гаврилов, к.и.н. В. А. Завьялов, к.и.н. С. Д. Захаров,
к.и.н. А. Р. Канторович, к.и.н. Н. А. Кренке, к.и.н. Н. В. Лопатин,
д.и.н. А. А. Масленников (зам. председателя), д.и.н. М. В. Шуньков,
к.и.н. А. В. Энговатова (зам. председателя)

Москва 2011

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГРЕЧЕСКИЕ И ВАРВАРСКИЕ
ПАМЯТНИКИ
СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Опыт методики
российских и украинских
полевых исследований

Москва 2011

УДК 902/904
ББК 63.4
Г 81

Подготовлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 08-01-91100а/Ук

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН
и Ученым советом Института археологии НАНУ

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ

д.и.н. Н. А. Гаврилюк, д.и.н. А. А. Масленников
д.и.н. А. А. Завойкин

РЕЦЕНЗЕНТЫ

д.и.н. Е. М. Алексеева
к.и.н. Т. М. Арсеньева

Г 81 **Греческие и варварские памятники Северного Причерноморья. Опыт методики российских и украинских полевых исследований (Серия «Методика полевых археологических исследований». Выпуск 4).** М.: Институт археологии РАН, 2011. 228 с.: илл.

ISBN 987-5-94375-103-5

Сборник научных статей, посвященный обобщению методического опыта полевых исследований на античных и сопредельных им варварских памятниках Северного Причерноморья. В издание включены статьи участников совместного российско-украинского проекта. Приоритет в подборке статей отдан публикациям, в которых затронуты проблемы методики полевых или камеральных исследований, а также представлены обобщающие наблюдения над некоторыми ключевыми в археологии категориями или группами памятников указанного региона.

Для археологов, историков, краеведов.

УДК 902/904
ББК 63.4

ISBN 987-5-94375-103-5

© Учреждение Российской академии наук
Институт археологии РАН, 2011
© Институт археологии Национальной
академии наук Украины, 2011
© Коллектив авторов, 2011

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаем вашему вниманию сборник статей российских и украинских исследователей — участников проекта, поддержанного Российским гуманитарным научным фондом и Национальной академией наук Украины.

Как следует из его названия, главной целью издания является публикация накопленного специалистами в ходе полевых исследований разнообразных памятников античной и варварской культур на территории Северного Причерноморья опыта. В рамках отдельных статей были затронуты лишь некоторые, подчас частные вопросы и проблемы, связанные с методикой раскопок, а также анализом и интерпретацией полученных в поле материалов. Выбор конкретных тем и памятников целиком определялся научными интересами самих авторов. Но во всех случаях в центре внимания были проблемы методического характера, желание обобщить наблюдения, сформировавшиеся в ходе многолетних полевых работ, представить для обсуждения определенные рекомендации, которые могут быть использованы практически в процессе дальнейших исследований.

Таким образом, настоящий сборник ни в какой мере не претендует на целостность и завершенность, какими должны были бы обладать специальные общие «Положения», «Рекомендации» или учебники. Авторы и составители будут считать поставленную цель достигнутой даже в том случае, если начинающие исследователи смогут почерпнуть здесь информацию, побуждающую к решению тех методических вопросов, которые постоянно встают перед археологами, какой бы памятник или вещевой материал они ни изучали. Что же касается опытных специалистов, то они наверняка найдут здесь много спорного или даже неприемлемого для них или же, напротив, давно назревшего и созвучного их собственному опыту и наблюдениям. В любом случае надеемся, что сборник будет небезынтересен для археологов-практиков, историков Древнего мира и студентов вузов наших стран.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Гаврилюк Н. А. Обработка массового археологического материала античных поселений.....	7
Завойкин А. А. О культурном слое поселений Таманского полуострова VI—V вв. до н. э.....	18
Каменецкий И. С., Романова Г. П. Последствия обмеров меотских городищ.....	40
Крапивина В. В. Методика полевых археологических исследований античных памятников (на примере Ольвии Понтийской).....	71
Крыжицкий С. Д. К методике составления обоснований объемно-планировочных графических реконструкций ольвийских жилых домов.....	91
Крыжицкий С. Д. Архитектурно-археологические обмеры строительных остатков античных городов и поселений Северного Причерноморья.....	109
Кузнецов В. Д. Заметки о культурном слое Фанагории (по материалам раскопа «Верхний город»).....	117
Марченко И. И., Лимберис Н. Ю. Оборонительные сооружения меотских городищ хут. Ленина № 2 и Старокорсунского № 2.....	131
Масленников А. А. Сельские поселения Восточного Крыма как исторический источник (Методика исследования и информативные возможности).....	185
Полин С. В. К истории развития методики раскопок больших скифских курганов.....	206
Сокращения.....	223

Н. А. Гаврилюк
(Институт археологии НАУ Украины)

ОБРАБОТКА МАССОВОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА АНТИЧНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ

Вторая половина прошлого столетия характеризуется формированием основных принципов методики археологической науки. При обработке массового материала обычно ссылались на методики, которые, как оказалось, довольно разнообразны, что в частности проявилось при сдаче в Научный архив Институту археологии НАН Украины полевой документации. Выяснилось, что у нас нет единого представления о том, что представляют собой такие документы как «полевые списки», «полевая опись», «коллекционная опись» «опись индивидуальных находок». Если сами археологи не обсудят и не выработают четких правил требований к этим документам и к их оформлению, бюрократы от археологии навяжут нам свои. Уже звучали предложения сделать некие «усреднённые списки» материалов из раскопок. Поскольку цель всего совместного украинско-российского проекта — обобщение опыта, накопленного археологами двух стран в области методики полевых исследований памятников античности на юге Украины и России, то освещение вопроса фиксации массового материала также уместно.

Про необходимость изучения керамики, наиболее массовой и хорошо сохраняющейся в земле категории археологического материала, речь ведется уже не одним поколением археологов. Ещё в начале XX в. В. А. Городцовым на примере посуды периода бронзы была разработана первая система изучения лепной керамики. Основывалась она на формальной классификации сосудов и определении наиболее значимых элементов формы или орнамента. Исследователь оперировал находками из курганов, то есть археологически целыми сосудами. Проблема же изучения массового материала поселенческих памятников оставалась за пределами его интересов. Между тем, как известно, на античных памятниках, прежде всего, поселениях, приходится сталкиваться с тысячами фрагментов не только гончарной, но и лепной посуды.

Только в 1934 г. появляется работа Т. Н. Книпович, посвященная итогам изучения Елизаветовского городища, где дается характеристика всего массового керамического материала, а лепная посуда рассматривается как отдельная категория материальной культуры и её количество соотносится с другими группами керамических находок (Книпович, 1935, с. 159—176). Позднее по такому же принципу ей описывалась и лепная керамика Ольвии (Книпович, 1940, с. 13 и сл.).

Монографическое исследование лепной посуды Ольвии и Березани, проведенное К. К. Марченко стало не только первым в изучении лепной керамики в широких хроно-

логических рамках и на массовом материале (Марченко, 1988), но и по сути первым опытом использования метода статистической обработки массового материала *по полевым спискам* из многослойного античного городища. Учитывая то, что работа эта проводилась вручную (без компьютера), а в Ольвии только на одном участке в сезон пишется 200–300 полевых списков, можно представить ее масштабность и трудоемкость. После проведения подсчетов и применения в оценке массового материала методов и приемов статистики были получены очень важные результаты: соотношение основных групп керамики лепной-гончарной; кухонной столовой. Автору удалось получить очень интересные наблюдения по организации быта первых греческих переселенцев и проследить эти изменения на протяжении нескольких столетий — с VII до первой половины I в. до н. э. Еще одной важнейшей особенностью указанной работы явилось произведение количественной оценки *всего* керамического комплекса таких сложных античных памятников как Ольвия и Березань, определение соотношения её основных групп. Эти исследования сделали возможным сравнение керамических комплексов отдельных античных памятников и позволили шире взглянуть на проблему соотношения местного и пришлого элементов в материальной культуре. Они оживили дискуссию о «варваризации» или «эллинизации» населения Северного Причерноморья в раннем железном веке.

Тогда же А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской был поставлен вопрос о необходимости обобщающей работы по лепной керамике степных скифов, находившихся в прямом контакте с населением античных центров Северного Причерноморья. Причем отмечалось, что результативная разработка возможна здесь лишь в широких хронологических (если цель — изучение происхождения того или иного керамического комплекса) и территориальных рамках (если речь идет о сравнении керамических комплексов различных археологических культур). Эти принципы обработки лепной керамики как массового археологического материала были использованы автором статьи в написании работы по лепной посуде степных скифов (Гаврилюк, 1981).

Об актуальности учета и принципах обработки массового материала при изучении керамических комплексов других культур и народов свидетельствует статья А. В. Сазанова, посвященная средневековой посуде Херсонеса. Автор, совершенно справедливо критикуя западных исследователей за неопределенность понятия «контексты», призывает, вслед за В. Д. Блаватским, к «публикации комплексов со всеми их составляющими и статистикой». Однако остались неясными представления А. В. Сазанова о разнице между «полевой статистикой» и «реальной», которая составляет, по его подсчетам, 30–40% (Сазанов, 2008, с. 78–93). Каждый исследователь-полевик понимает: для того, чтобы статистика была «реальной», «полевая статистика» должна быть составлена очень тщательно, т.е. необходимо учитывать весь материал, получаемый в поле. Именно на этом принципе базируется пункт 2.3.7 «Положения про методику проведения археологических полевых исследований та про порядок складання наукового звіту», принятое в Украине 28.01.2008 г., обязательный для выполнения всеми исследователями («При исследовании городищ, поселений или селищ, древних городов в обязательном порядке осуществляется ведение полевых списков или полевых описей, в которые вносятся весь археологический материал, который изымается из земли»). Впрочем, исследователь не ограничивается в выборе формы ведения этой документации.

Цель данной работы — не только убедить в необходимости статистической обработки массового материала, но и показать примеры результатов, наблюдений и выводов, которые получены только на одном из участков Ольвии — НГС, Нижний город. Эта работа была возможна благодаря хорошо организованной полевой документации, в первую очередь, продуманной системе заполнения «Книги списков».

Упомянутый принцип широких хронологических рамок и использование статистических методов исследования всего керамического комплекса вполне оправдал себя на примере сравнения керамики Ольвии и ее хоры и степных скифских памятников VI–IV вв. до н. э. Замечено, что этническим индикатором могут быть не сосуды определенного типа, а *набор* тех или иных сосудов. Если на памятнике встречены сосуды, имеющие строго ограниченные хронологические рамки и характерные для данной территории, при этом они встречаются не только на поселениях, но и в погребальных памятниках, этническая принадлежность которых определяется другими категориями находок, можно уверенно говорить об особом керамическом комплексе той или иной археологической культуры.

При этом важнейшую роль играют количественные характеристики. Конечно, количество горшков или мисок того или иного типа не могут определить количество проживающего на памятнике скифского или греческого населения. Однако статистическая обработка полевых списков (массового материала, вынутого сразу из земли, а значит, лишенного того субъективизма, который неизбежен при отборе коллекций) делает сравнимыми памятники и позволяет говорить о тенденциях в развитии материальной культуры.

Для облегчения обработки массового материала в 1993 г. коллективом авторов был разработан пакет компьютерных программ «Поселение» (Крыжицкий, Гаврилюк, Тимченко, 1996, с. 26–29; 1996а, с. 299–306). Он прошел апробацию при раскопках ряда скифских поселений, в частности — Каменского городища (раскопки 1987–1998 гг.) (Гаврилюк, 1999) и 120 поселений его округа. Список признаков по античным памятникам был составлен С. Д. Крыжицким и В. М. Отрешко. На его основании обработаны материалы некоторых античных поселений — Березани (материалы 1979–1984 гг.) (Гаврилюк, 2007), Западного теменоса Ольвии (Гаврилюк, 2006, с. 191–197), Нимфея (Гаврилюк, Соколова, 2007) и др. В последние годы программы по обработке массового материала были модернизированы и соотнесены со стандартными программами Excel и Access, позволяющими представить результаты в виде всевозможных графиков и диаграмм.

Список признаков по керамике из античных памятников, использовавшийся при составлении программы «Поселение», актуален при работе со стандартными программами, однако он постоянно расширяется. Уникальность разработанного пакета программ в том, что они через продуманную диалоговую систему сокращают время занесения полевых списков в компьютер. На основании этих признаков создается база данных по группам керамики античных памятников Северного Причерноморья, которая легко обрабатывается. Однако для успешности использования компьютерных программ необходима единая методика фиксации массового керамического материала поселений. Это не только позволяет качественно обработать весь массовый материал, но и делает сравнимыми коллекции этих памятников. Для этого необходимо ведение полевых списков, в которых отражен весь материал из культурного слоя. При этом надо помнить, что это направлено, в первую очередь, на получение

количественных оценок. Рисунки, по материалам списков отражающие тот материал, который не взят в полевую опись, нельзя называть «списками»¹. Списки же необходимы исследователю памятника при общей оценке его материальной культуры. Прорисовки находок из списков могут быть использованы при обработке массового материала, но, как правило, они не отражают те характеристики, которые необходимы при работе специалиста-керамолога.

Сведения, которые можно получить при обработке полевых списков

Представим на примере участка НГС в Ольвии схему обработки массового материала (Гаврилюк, 2006, с. 56, 57; Gavriiliuk, 2010, р. 327, 326; 336, 337; 589–629). По результатам обработки полевых списков составлялись статистические таблицы, отражающие соотношение основных категорий материалов всего участка (табл. 1).

Таблица 1.
Распределение материалов из раскопа НГС по группам и условиям находок

Наименование	Слои	Помещения и подвалы	Другие объекты	Уборка, отвал	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7
Черепица	81343	19396	11339	7052	119130	27,54
Архитектурные детали	96	5	2	9	112	0,03
Амфоры	52079	3251	9979	7982	73291	16,94
Красноглиняная, светлоглиняная	48549	16052	6998	6840	78439	18,13
Сероглиняная	20480	7402	3990	3231	35103	8,11
Кухонная	37332	19016	7134	4729	68211	15,77
Лепная	9140	4191	1301	1164	15796	3,65
Чернофигурная	155	111	34	24	324	0,07
Краснофигурная	114	63	17	14	208	0,05
Архаическая расписная	432	288	81	88	889	0,21
Чернолаковая	16627	6892	3238	2170	28927	6,69
Буролаковая	733	140	179	123	1175	0,27
Светильники	309	214	77	61	661	0,15
Рельефные и фигурные сосуды	420	214	82	37	753	0,17
Пифосы	65	20	7	29	121	0,03
Толстостенная	1238	341	210	185	1974	0,46

¹ Некоторые исследователи сдают прорисовки соответствующих находок в Научный архив Института археологии в качестве «Списков», что является излишним, поскольку карандашные не всегда профессиональные прорисовки вряд ли так необходимы для специалиста-керамолога, обрабатывающего материал определенной категории.

Таблица 1. Продолжение

Наименование	Слои	Помещения и подвалы	Другие объекты	Уборка, отвал	Всего	%
Терракота	154	57	24	37	272	0,06
Поделки	785	528	112	117	1542	0,36
Монеты	568	489	91	125	1273	0,29
Бронза	871	610	166	133	1780	0,41
Железо	668	713	162	66	1609	0,37
Свинец	163	118	16	141	438	0,10
Кость	105	87	23	13	228	0,05
Скульптура	5	3	1	0	9	0,00
Стекло	160	133	20	29	342	0,08
Серебро	0	2	0	0	2	0,00
Всего находок	272591	80336	45283	34399	432609	100,00
%	63,01 %	18,57 %	10,47 %	7,95 %	100 %	

Это первая таблица, которую получает исследователь после обработки «Книг списков». Следующий этап — предварительные экспертные оценки полученного массива данных. Они могут быть общими — соотношение основных категорий материальной культуры по участку в целом (анализ столбцов 1, 6 и 7). Эти сведения, как правило, включаются в отчет по участку или памятнику. Из них специалисты могут использовать необходимую строчку, получив из нее первые сведения об условиях находок. Далее следует уже отбор необходимого материала — из столбцов 2, 3, 4. Данные из столбца 5, как правило, используются крайне редко.

Массив данных из столбца 2 требует уточнения и дробления. Правильно обработанный массовый материал сложного многослойного памятника позволяет построить новую таблицу, отражающую его распределение по слоям (табл. 2).

Таблица 2.
Распределение по слоям основных групп находок участка НГС (без учета слоев в подвалах и помещениях)

Наименование	Дерн, гумус	Сероглиняный	Желтоглиняный	Горелый	Золотистый	Погребенный гумус	Всего
Черепица	5632	44655	25469	36	2902	2649	81343
Архитектурные детали	1	3	1	0	0	0	5
Амфоры	4319	29500	14338	204	2704	1014	52079
Красноглиняная, светлоглиняная	3540	27845	15027	102	2434	1014	49962
Сероглиняная	1198	12934	6201	147	1366	237	22083
Кухонная	2221	23061	11864	186	2553	431	40316

Таблица 2. Продолжение

Наименование	Дерн-гумус	Серогли-нистый	Желтогли-нистый	Горелый	Золотистый	Погребен-ный гумус	Всего
Лепная	530	5213	3379	18	510	131	9781
Чернофигурная	8	112	35	0	6	0	161
Краснофигурная	9	75	30	0	4	0	118
Архаическая расписная	29	226	144	0	20	13	432
Чернолаковая	861	10575	5117	74	1206	157	17990
Буролаковая	438	3480	2116	6	360	89	6489
Светильники	10	199	71	3	26	0	309
Рельефные и фигурные сосуды	26	197	197	0	43	11	474
Пифосы	6	21	38	0	4	0	69
Толстостенная	74	751	413	0	80	8	1326
Терракота	12	86	56	0	12	3	169
Поделки	43	466	269	7	72	3	860
Монеты	12	281	240	3	32	0	568
Бронза	11	460	323	6	71	0	871
Железо	13	390	225	0	38	2	668
Свинец	3	88	63	0	9	0	163
Кость	7	54	36	0	8	0	105
Скульптура	0	1	0	0	0	0	1
Стекло	21	81	48	0	7	3	160
Всего находок	19024	160754	85700	792	14467	5765	286502
%	6,64 %	56,11 %	29,91 %	0,28 %	5,05 %	2,01 %	100,00 %

Эта таблица может быть положена в основу хронологических наблюдений как в целом так и по основным категориям материала. Она может прекрасно иллюстрироваться всевозможными графиками и диаграммами, которые легко строятся в среде Excel.

Дальнейшая обработка массового материала выглядит следующим образом. На основе таблицы 1 и оценки значения в быту каждой категории керамики из участка НГС была составлена таблица 3.

Таблица 3
Распределение основных функциональных групп керамики

Группы керамики	Слой	%	Помещения и подвалы	%	Объекты	Уборка, отвал	Всего	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Столовая	69029	50,93	23454	42,70	10988	10071	113542	48,84
Парадная	18481	13,62	7708	14,03	3631	2456	32276	13,88
Кухонная	46472	34,29	23207	42,25	8435	5893	84007	36,14

Таблица 3. Продолжение

Группы керамики	Слой	%	Помещения и подвалы	%	Объекты	Уборка, отвал	Всего	%
Хозяйственная	1238	0,91	341	0,62	210	185	1974	0,85
Светильники	309	0,23	214	0,39	77	61	661	0,28
Всего керамики	135529	100	54924	100	23341	18666	232460	100,00

Здесь выделены категории керамического материала, которые содержат в себе сведения о хозяйстве и быте обитателей этого участка Ольвии. Подробнее рассмотрим группы кухонной и хозяйственной керамики. В табл. 4 показано распределение кухонной гончарной и лепной керамики по слоям и объектам участка НГС в Нижнем городе Ольвии. По данным этой таблицы можно определить соотношение лепной и гончарной керамики по слоям, что является ярким показателем в оценке места посуды этих групп в быте обитателей Ольвии.

Таблица 4.
Распределение лепной и кухонной гончарной керамики в материалах НГС
(данные по спискам за 1985–2002 гг.)

Откуда	Кухонная		Лепная		Кухонная/лепная
	шт.	%	шт.	%	
Слой	37332	54,73	9140	57,86	4,1
Помещения и подвалы	19016	27,88	4191	26,53	4,5
Объекты	7134	10,46	1301	8,24	5,5
Уборка, отвал	4729	6,93	1164	7,37	4,1
Всего	68211	100,00	15796	100,00	4,3

Полученные данные мы попробовали в соответствии с паспортами списков расположить по помещениям, по слоям, ямам и другим объектам. При этом следует помнить, что помещения, как правило, не являются закрытыми комплексами и материал их заполнения более поздний. Эта закономерность присуща как всем постройкам участка, так и города в целом. Поэтому с методической точки зрения сравнение формализованных данных по объектам может стать объективным показателем, например, функционального предназначения того или иного помещения.

Весь соответствующий керамический материал в Ольвии, как и на других античных памятниках, представлен столовой (красноглиняная, сероглиняная, светлоглиняная и др.), парадной (чернолаковая, буролаковая, краснолаковая, чернофигурная, краснофигурная, восточнореческая и т.п.), кухонной (гончарная и лепная), хозяйственной (толстостенная) и осветительной посудой. По этим группам проводились оценочные характеристики помещений. Несмотря на случайность формирования заполнений помещений и подвалов, при сравнении количественных показателей удалось заметить некоторые особенности помещений.

Вначале по всем помещениям участка были вычислены средние показатели заполнения объектов (табл. 4). Затем были составлены статистические таблицы по каждому дому

Нижнего города. Эти данные сравнивались со средними показателями из таблицы 4. Потому были определены абсолютные количественные показатели по группам. Их сравнение с использованием принятых в статистике коэффициентов выявило количественные аномалии, которые и являются показателями функциональных особенностей постройки. Результаты количественных оценок массового материала по объектам подтвердили выводы, полученные по другим данным (Лейпунская, 2005).

Таблица 4.
Средние показатели основных функциональных групп керамики

Группы керамики	Дом II-3	Дом II-5	Помещения участка НГС
	%		
Столовая	45,37	46,84	46,32
Парадная	16,01	15,05	19,11
Кухонная	37,83	37,21	33,80
Хозяйственная	0,62	0,9	0,52
Светильники	0,17	0	0,25
Всего керамики	100	100	100

Полученные с применением критериев сходства цифровые результаты можно сравнивать не только в пределах выбранного круга (например, при определении функционального назначения помещения одного участка (Гаврилюк, 2006, с. 55–62), но и в пределах круга памятников.

Изучение соотношений функциональных групп посуды (столовой, парадной, кухонной и т. д.) по открытым археологическим объектам того или иного центра позволяет делать выводы о функциональном предназначении того или иного помещения. Так, на основании обработки материалов полевых списков участка НГС Ольвии (материалы 1985–2002 гг. – 232 460 фрагментов керамики различных категорий (без учета амфор)) были выделены кухонные помещения, кладовки, склады, хозяйственно-производственные (Гаврилюк, 2006, с. 55–62; Gavriiliuk, 2010, p. 339–352).

Таким образом, количественный подход в оценке комплексов того или иного уровня позволяет:

- ✓ обосновать субъективную часть анализа изученного массива — осуществить отбор значимых признаков, определить значимые признаки при сравнении комплексов;
- ✓ сопоставить множество комплексов (памятников, культур и т.д.) на основе четко выделенных признаков;
- ✓ оценить сравнение типов керамики, выделенных нематематическим путем;
- ✓ при обобщении результатов анализа массива — определить доверительные интервалы;
- ✓ при сравнении выборок из различных археологических памятников — выделить культурные, этнические или хронологические эталоны.

Статистическая обработка полевых списков (массового материала, лишённого субъективизма, который неизбежен при отборе коллекций) делает сравнимыми памятники и по-

зволяет, как уже отмечалось, говорить о тех или иных тенденциях в развитии материальной культуры. Поэтому при изучении массового материала добросовестное ведение полевых списков по единой схеме превращается в обязательное требование.

Сведения, которые содержатся в полевых и коллекционных описях

В полевые описи включают сведения и о так называемых индивидуальных находках. В них уточняются условия находки. Сюда включается материал, который пригоден для классификации. На примере лепной керамики покажем, как функционирует аппарат статистической обработки малых выборок. Из полевых описей отбирается группа керамики, несущей информацию, необходимую для типологии выбранной группы. На основании коллекционных описей, составляемых при сдаче материалов на музейное хранение, отбирается материал заинтересовавшей группы. После визуального исследования сосудов составляется типологическая схема, которая отражается в таблице, подобной табл. 5.

Таблица 5.
Основные группы лепной посуды участка НГС

Категории сосудов	Типы	Кол-во		Генетич. группа
		шт.	%	
Кастрюли	кастрюли (два типа)	57	9,45	греческая
	кастрюли-жаровни	5	0,83	греческая
Горшки	с короткой дуговидной шейкой	56	9,29	греческая
	с раструбом	254	41,96	греческая
Крышки		15	2,49	греческая
Горшки, кастрюли	с выступом для крышки	14	2,32	греческая
Кувшины		5	0,83	греческая
Кратеровидные сосуды		7	1,16	греческая
Открытые	чаши на ножках	20	3,31	греческая
Сковородки		9	1,66	греческие
Светильники		2	0,33	греческие
Горшки	с дуговидной шейкой	80	13,27	скифская
	слабопрофилированные	12	1,99	скифская
Миски		2	0,33	скифские
Горшки	дуговидная шейка, раструб, слабо профилированные	18	2,99	фракийские
Корчаги	Корчаги	6	1,00	фракийские
Тюльпановидные		5	0,83	фракийские
Банки		11	1,82	фракийские

Таблица 5. Продолжение

Категории сосудов	Типы	Кол-во		Генетич. группа
		шт.	%	
Открытые миски		7	1,16	фракийские
Дуршлаги		1	0,17	фракийские
Кернос		1	0,17	фракийские
Курильницы		2	0,33	фракийские
Всего определено:		589	100	

Обработанный таким образом массовый материал из античных памятников позволяет получить максимально полную информацию о них. Конечно же не стоит отождествлять выделенные группы археологического материала с реально существующим населением и утверждать, что наличие, например, лепной керамики свидетельствует о непосредственном проживании варваров на том или ином памятнике. Проблема намного сложнее и решается она с учетом многих археологических и других факторов. Но данные будут более объективными, если будет учтен весь материал, извлеченный из земли и если это будет сделано с учетом всех методических требований.

Литература

- Гаврилюк, 1981. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика Степной Скифии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев, 1981.
- Гаврилюк, 1999. Гаврилюк Н. А. История экономики Степной Скифии. Киев, 1999.
- Гаврилюк, 2006. Гаврилюк Н. А. Массовый археологический материал в определении функционального назначения помещений (на примере хозяйственных сооружений участка НГС Ольвии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Материалы VII Боспорских чтений. Керчь, 2006.
- Гаврилюк, 2007. Гаврилюк Н. О. Проблема співвідношення «грецького» та «варварського» компонентів матеріальної культури (за матеріалами ліпної кераміки поселення на о. Березань) // Записки наукового товариства ім. Шевченка. Т. ССІІІ. Львів, 2007.
- Гаврилюк, Соколова. 2007. Гаврилюк Н. А., Соколова О. Ю. Лепная керамика Нимфея // Античный мир и варвары на юге Украины и России. Скифия. Ольвия. Боспор. Москва — Киев — Запорожье, 2007.
- Гаврилюк, 2006. Гаврилюк Н.А. Лепная керамика и общие статистические данные керамических материалов // Древнейший теменос Ольвии Понтийской. Симферополь, 2006.
- Книпович, 1935. Книпович Т. Н. Опыт характеристики городища у станицы Елизаветовской по материалам Северо-Кавказской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры в 1928 г. // ИГАИМК. 1935. Вып. 104.

- Книпович, 1940. Книпович Т. Н. Керамика местного производства из раскопа «И» // Ольвия. Т. 1. Киев, 1940.
- Крыжицкий, Гаврилюк, Тимченко, 1996. Крыжицкий С. Д., Гаврилюк Н. А., Тимченко Н. П. Информационное обеспечение археологических памятников раннего железного века // Більське городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. Полтава, 1996.
- Лейпунская, 2005. Лейпунская Н. А. Функциональные различия домов в жилых кварталах Нижнего города Ольвии // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Периоды дестабилизаций, катастроф. Материалы VI Боспорских чтений. Керчь, 2005.
- Марченко, 1988. Марченко К. К. Варвары в составе населения Березани и Ольвии во второй половине VII — первой половине I в. до н. э. Л., 1988.
- Сазанов, 2008. Сазанов А. В. К методике исследования средневекового Херсонеса // Археологія. 2008. №3.
- Gavriliuk, 2010. Gavriliuk N.A. Statistical considerations // The Lower City of Olbia (sector NGS) in the 6th century BC to the 4th century AD. Ed. N.A. Lejpunskaja, Pia Guldager Bilde, Jakob Munk Hojte, V.V. Krapivina, S. D. Kryzickij. Aarhus. 2010.

О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ПОСЕЛЕНИЙ ТАМАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА VI—V ВВ. ДО Н. Э.¹

Стимулом к написанию данной статьи стали работы по изучению самого раннего (вторая третья четверти VI в. до н. э.) периода истории сельской территории Азиатского Боспора [см. Завойкин, Гарбузов, 2010, с. 184 слл.]. Тогда на первый план выступил вопрос о соотношении известных по письменным источникам и раскопкам апойкий, возникших в ходе Великой греческой колонизации (Корокондама, Гермонасса, Кепы, Патрей, Фанагория) и синхронных им (в пределах этого периода) поселений, некоторые из которых (Береговой 4, Голубицкая 2, Ахтанизовская 4), судя по древнейшим находкам, возникли еще во второй четверти — середине VI в. до н. э., а другие (без малого три десятка) — в следующей четверти того же столетия. Практически невозможно утверждать, что *все* эти «сельские поселения», в том числе достаточно удаленные от известных центров, появились вследствие так называемой внутренней колонизации полисных земель, в особенности те из них, что практически равнозначны по возрасту известным боспорским городам², тем более, что письменные и эпиграфические источники позволяют, например, говорить о некоторых центрах в северной части Фонталовского п-ова (Киммерида, Ахилий), до сих пор не найденных [Завойкин, 2001, с. 22—28]. Допуская в принципе обратное, приходим к гипотезе, что какие-то из «сельских» поселений сами *могли* возникнуть в ходе Великой греческой колонизации как апойкии [Завойкин, 2009, с. 194 слл., подробнее см.: Завойкин, Гарбузов, 2010, с. 184 слл.]. Другое дело, что для их выявления, при полном молчании на этот счет письменных источников, необходимо искать подтверждений «в поле». Понятно, что это дело более или менее отдаленного будущего. Но для того, чтобы поиски были эффективны, уже сейчас имеет смысл сформулировать некоторые их направления³.

Одним из существенных аспектов исследования должно быть сравнение характеристик культурных отложений различных памятников. Если мы ставим на одну стартовую плоскость

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Греко-варварские памятники Северного Причерноморья: Опыт методики российско-украинских полевых исследований», финансируемого РГНФ (№08-01-91100а/Ук.).

² Хотя ситуация в Нижнем Побужье, как будто, предполагает именно такой сценарий развития событий [см.: Буйских, 2009, с. 225—227; Буйских, Буйских, 2009, с. 58—59].

³ При этом, конечно, ни на минуту не следует забывать о том, что «полисный статус» таких ранних поселений остается ничем не подтвержденной гипотезой. Известны, однако, примеры, когда это обстоятельство упускается из виду [см.: Журавлев и др., 2009, с. 122—128; 2010а, с. 70—71; 2010б, с. 172 слл.].

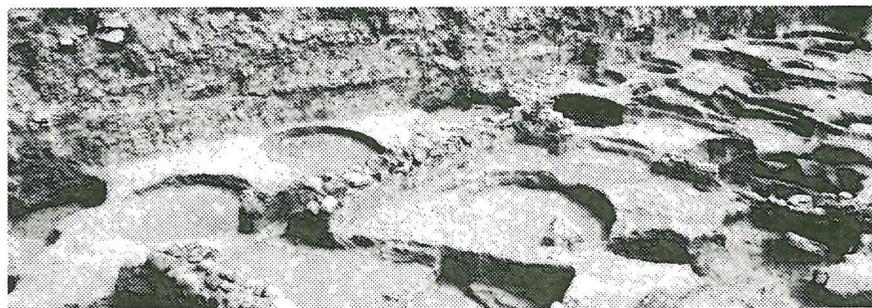
горизонт материка), предположим, Фанагорию и Ахтанизовскую 4 как равнозначные по статусу поселенческие структуры, следовательно, можно предполагать, что в пределах синхронных слоев должны, очевидно, обнаруживаться и совпадения, обусловленные единством (при бесконечном разнообразии вариантов) культурно-исторических традиций греческих колонистов, которое проявлялось в принципах организации обживаемого пространства, приемах домостроительства, особенностях хозяйственного уклада и других признаках материальной культуры. Если говорить об отличиях, то они в рамках единого региона, скорее, должны были проявляться в количественных, а не в качественных показателях. Таким образом, имеются, хотя бы и умозрительные, основания считать, что начальный период истории греческих апойкий на Таманском п-ове должен характеризоваться сходными стратиграфическими показателями, сопоставимыми по структуре и насыщенности слоями (а также сходными планиграфически схемами организации обживаемого пространства). Однако сравнивая между собой древнейшие слои городов (Фанагория, Гермонасса, Кеп, Патрея) со слоями других поселений, мы обнаруживаем заметную разницу, которую сложно целиком объяснить различной степенью исследованности или сохранности памятников.

Начать характеристику раннего слоя следует, пожалуй, с констатации того факта, что остатки (элементы) слоя второй — третьей четверти VI в. до н. э. пока зафиксированы почти исключительно в переотложенном виде в ямах, впущенных в материк (например, в Кехах см.: Кузнецов, 1991, с. 36—37; 1992, с. 29, 32]). И только со второй половины VI в. до н. э. мы находим в городах не переотложенный (хотя, обычно, сильно поврежденный поздними вторжениями) слой со строительными остатками. Пока, пожалуй, лишь Фанагория (раскоп «Верхний город») дает несомненный пример того, что лежащий на материке слой довольно точно соотносится по времени с моментом основания города выходцами из Теоса⁴. Этому слою принадлежат сырцово-кирпичные постройки жилого, хозяйственного и общественного назначения [Кузнецов, 2009, с. 192 сл.; 2010а, рис. 23], а самые ранние находки из слоя в целом соотносятся по времени со становлением нового полиса [Кузнецов, 2005а, с. 271; 2010а, с. 455]⁵. Соответственно, характер и структура древнейшего городского слоя определяется отложением остатков жизнедеятельности и гибели построек (прежде всего, из сырцового кирпича), появившихся в течение жизни первого поколения колонистов (рис. 1. 1-4). В данном случае определяющим является именно то обстоятельство, что речь идет о таком участке городища⁶, который начал осваиваться колонистами с момента их прибытия на но-

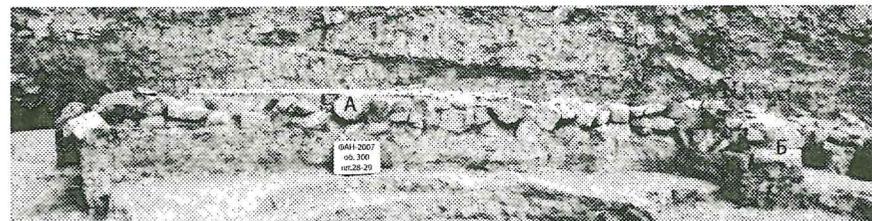
⁴ Я оставляю за рамками обзора раскопки так наз. Торика — архаического поселения в Геленджикской бухте [Онайко, 1980], прежде всего потому, что он располагается в совершенно иных природных условиях и формирование культурного слоя на скалистом грунте при обилии строительного камня — тема отдельного исследования, более созвучного памятникам Восточного Крыма. Выводы, к которым приходим на материалах исследования памятников Таманского п-ова, применимы, разумеется, к тем районам Керченского п-ова, в которых характеристики материковых грунтов (лэссы, глина) сопоставимы, например, на хоре Нимфея — Героевки 1 и 2.

⁵ Хотя и этот вопрос сложнее, чем может показаться на первый взгляд [Кузнецов, 2010б, с. 313—312].

⁶ По приблизительной оценке В. Д. Кузнецова [2009, с. 192], площадь Фанагории на верхнем плато городища первоначально могла быть весьма небольшой, не более 2 га. Впрочем, эта оценка существенно предварительная.

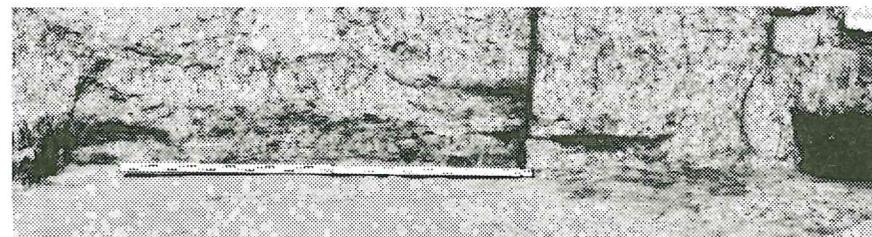
1

2

3

4

Рис. 1. Нижний горизонт культурного слоя в центральной части Фанагории (раскоп «Верхний город»): 1 — вид на северо-западную часть раскопа с З—ЮЗ; 2 — фрагмент северного борта и цоколь здания (306 второй половины VI в. до н. э., вид с юга; 3 — юго-восточный угол раскопа и остатки разрушения сырцового кирпичного здания (212) второй половины VI в. до н. э., построенного с поверхности материка; 4 — фрагмент западного борта, остатки сырцово-кирпичного здания, погибшего в конце VI — начале V в. до н. э.

вую родину. Другие районы городища (например, южная его окраина) соответствующего слоя, естественно, не дали⁷. (Но, что важно для нашей темы — и в этом районе города на материке формируются чрезвычайно насыщенные культурными остатками слои.)

Однако и раскопки исторического ядра городища не гарантируют сохранного слоя времени основания колонии. Может быть, самый яркий тому пример — Кепы, где на верхней террасе городища, на поверхности материка, в который были впущены ямы с материалами второй — третьей и последней четверти VI — первых десятилетий V вв. до н. э., лежал слой II—III вв. н. э. [Кузнецов, 1992, с. 28–29]. Совершенно очевидно, что ранний слой был полностью уничтожен на этом участке при нивелировке (-ках) этой территории под строительство в более позднее время⁸. (Недалеко от участка, исследованного в 1980-х годах В. Д. Кузнецовым (раскоп Западный, А), ранее Н. И. Сокольским были раскопаны остатки заглубленной части (подвала) позднеархаического — раннеклассического дома, сооруженного из сырцового кирпича [Сокольский, 1973, с. 88; 1975, с. 615–619].)

В Гермонассе ввиду того, что древнейшие напластования перекрыты очень мощными поздними культурными отложениями (общая толщина слоя достигает местами 12 м), поверхность материка была достигнута на небольших площадях⁹. Слой времени основания поселения в первой половине VI в. до н. э. (датировка И. Б. Зеест), исследован на «Восточном» раскопе [Зеест, 1974, с. 85–86; 1961, с. 53 сл.]. «Следы городской жизни» этого времени представлены хозяйственными ямами второй четверти VI в. до н. э. Их перекрывает мусорный слой второй половины столетия и жилая постройка (№ 104) с печами, тремя хозяйственными и одной зерновой ямами конца VI — начала V в. до н. э. Каменный фундамент здания с незначительными остатками сырцово-кирпичной кладки первой половины V в. до н. э. был открыт в 1969 г. на Нагорном раскопе [Коровина, 1992, с. 22]. С 1986 г. на площади 450 м² велось исследование на Северо-Восточном раскопе. До материка работы были доведены в 2002–2003 гг. [Финогенова, 2005, с. 422 сл., рис. 2]. Древнейшие находки с этого участка датируются со второй четверти VI в. до н. э. Самые ранние сооружения представлены горе-

⁷ Древнейшие постройки в этом районе города, с рубежа первой и второй четверти V в. до н. э., были представлены глиноплетневыми конструкциями [см.: Долгорук, Колесников, 1993 с. 113–131]. Однако, по мнению В. Д. Кузнецова [2010а, с. 443–444], эти сооружения не были жилыми домами, а связаны с производственной деятельностью. Небольшие фрагменты сооружений, вероятно, выполненных в той же технике (плетни проследить не удалось ввиду того, что канавки под их установку (?) сохранились всего на несколько сантиметров в глубину) удалось зафиксировать и на «Верхнем городе», на материке: канавки (и отдельные столбовые ямки) «уходят» под основание постройки явно производственного характера, датируемой в пределах второй половины/последней четверти VI в. до н. э. [см.: Кузнецов, Завойкин, 2010, с. 260, примеч. 9]. Подобные же конструкции конца VI — начала V в. до н. э. были открыты раскопками А. П. Абрамова в Патрее в 2008 г. [Абрамов, 2010, с. 531, рис. 4], тоже на материке.

⁸ Кстати, также на упомянутом раскопе «Верхний город» в Фанагории, в центральной его части, наряду с остатками слоя и построек архаического периода на материке, местами подрезанном, были выявлены кладки большой общественной постройки IV в. до н. э. (в южной ее части; подошва кладок северной части здания лежала на слое первой половины V в. до н. э.) [см.: Кузнецов, 2010а, с. 445, 449, рис. 20, 22].

⁹ Так, на «Северном» раскопе, начатом в 1971 г., к 1985 г. удалось довести до материка площадь всего в 30 м², а на «Нагорном» (с 1965 по 1969/70 гг.) — только 20 м² [Коровина, 1992, с. 32].

лым слоем — это, по-видимому, глинобитный пол и остатки стен из тростника, обмазанные глиной (с северо-запада укреплены каменной кладкой). По мнению автора раскопок, эта конструкция была углублена в материк («полуземлянка»). Каркас кровли был деревянный, стропила — редоточены, в основном, на раскосах рва (или рвов?) и вала, окружавших поселение с востока и юга. Постройка, судя по упомянутым находкам, была возведена ещё в первой половине VI в. до н. э. и погибла в пожаре [Финогенова, 2005, с. 423]. В конце VI в. до н. э. на этом месте строится новый дом (не менее трех помещений) на каменных фундаментах.

Независимо от того, датировать ли наиболее ранние открытые остатки периодом колонизации или последующими десятилетиями, мы видим, что на поверхности материка фиксируется насыщенный, динамично нарастающий слой, образование которого связано с активной жизнедеятельностью обитавших здесь людей и гибелью их построек.

Несколько менее насыщен древнейший слой Патрея («Западного»). Несмотря на присутствие отдельных находок второй четверти — середины VI в. до н. э., можно говорить о «ранней» застройке, где было раскопано несколько многокамерных домов) и хозяйственных ямах — с последней четверти VI в. до н. э. [Абрамова, 1999, с. 13; 2006, с. 9 сл.; Таскаев, 1999, с. 62]. Не исключено, что этим постройкам предшествовали конструкции, сооруженные из столбов и плетней, обмазанных глиной, подобные следам жилых остатков пока не выявлены. Культурный слой на путствующему датированному материалу это доказать невозможно.

Близкую аналогию находим на соседнем (в 4,5 км к З—СЗ от Патрея) памятнике, Береговой 4, где тоже присутствуют находки второй четверти — середины VI в. до н. э., правда, значительно более редкие и менее выразительные, чем на Патрее. На открытой в северной части памятника площади (более 500 м², толщина слоя в целом достигает 1,78 м) над материком был открыт слой второй половины VI — первой четверти V в. до н. э. (толщиной около 0,50 м), в котором Н. И. Сударев выделяет остатки сырцово-кирпичных построек очень плохой сохранности двух строительных периодов (постройку второго периода он интерпретирует как толос). Открыто несколько синхронных поздней постройке ям (№ 10, 5, 6, 7). Во второй четверти V в. до н. э. (как и в Патрее) это поселение переживает разрушения, вероятно связанные с военными действиями [Завойкин, Сударев, 2004, с. 73—74; 2010, с. 185—186].

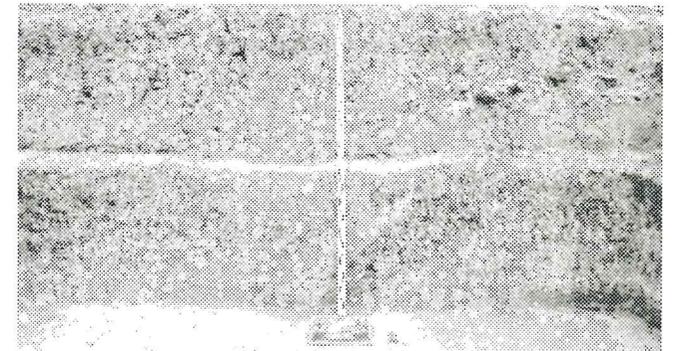
Следует отметить, что древнейшие слои и Патрея, и Береговой 4 отличаются от слоев (осадить какие-либо существенные различия). Разумеется, дефицит культурных остатков (особенно второй четверти V в. до н. э.) в целом характеристики слоя на этих памятниках, на выводе преждевременно, одна из причин — в береговых обнажениях, производят впечатление, что застройка уже сейчас очевидно, что, здесь была более разреженной¹⁰. Не исключено, что это связано с тем, что здесь исследуются периферийные районы поселений, значительная (в том числе центральная) часть котловина города природный процесс рва оказалась размытой и затопленной морем (Патрей) или обрушилась в море вследствие оползневой деятельности (Береговой 4).

Раскопки на других ранних памятниках Азиатского Боспора проводились пока очень некультурных остатков.

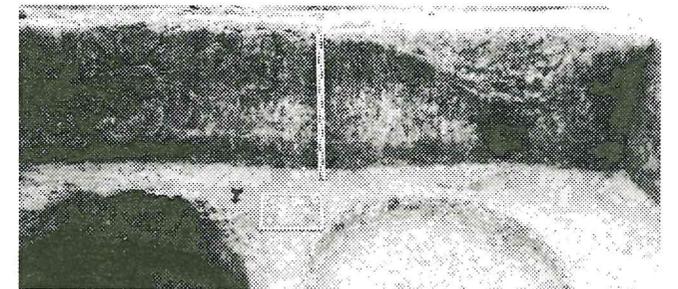
Большинство, за редкими исключениями (о которых см. ниже). С 2006 г. начаты исследования на Голубицкой 2 [Журавлев, Шлотцауэр, 2008; Schlottzhauser, Zhuravlev, 2009; Журавлев, и др., 2010а, с. 69—73]. Работы сосредоточены в основном, на раскопках рва (или рвов?) и вала, окружавших поселение с востока и юга. Постройка, судя по упомянутым находкам, была возведена ещё в первой половине VI в. до н. э. и погибла в пожаре [Финогенова, 2005, с. 423]. В конце VI в. до н. э. на этом месте строится новый дом (не менее трех помещений) на каменных фундаментах.

1

2

3

Рис. 2. Культурный слой поселения Береговой 4 (раскоп 1, 2009 г.): 1 — общий вид на участок с СВ; 2 — участок северного борта; 3 — участок южного борта

Раскопки на поселении Ахтанизовская 4, затронувшие ранний его участок, велись в 2000 г. С. Л. Соловьев и А. М. Бутягин сопоставляют эту конструкцию с глиноплетневыми на раскопе I, в южной «центральной части поселения» (на площади 100 м²). «Примечательно, что на этой территории отсутствовали какие-либо сооружения, за исключением хозяйственных. Эти сооружения, разумеется, не идентичны [Соловьев, Бутягин, 2002, с. 67–74; Соловьев, 1999, л. 19 сл., рис. 164–166]. В северо-восточной части помещения 1, на полу¹⁸ in В большинстве хозяйственных ям на этом участке содержался материал эллинистического времени. Исключением стала хозяйственная яма № 1». Материалы позволяют датировать ее начала V в. до н. э. Находки из помещений немногочисленны, из их числа стоит обратить внимание на бронзовый наконечник стрелы¹⁹, ножку хиосской амфоры «второй половины 3–6]. Разрозненные находки того же времени были встречены и в слое (поскольку верхний V в. до н. э.), фрагмент ионийского сосуда, фрагменты лепных мисок и горшков с S-видным венчиком [Соловьев, 1999, рис. 171, 168; Соловьев, Бутягин, 2002, с. 72 сл., рис. 5–7]²⁰. Исследователь отмечает в отчете: «Без всякого сомнения, это временная хозяйственная постройка. Не исключено, что поблизости может быть открыто постоянное жилище²¹ этого времени. Пока не исследовано ни одной ямы периода поздней архаики, но, судя по всему, были исследованы пять ям этого периода (№ 29, 50, 56, 61, 62)²² и СК-7 — «канавообразное углубление... это сооружение могло служить для помещения в нем плетеной деревянной изгороди, окружавшей некую территорию вокруг СК-6 и защищавшей жителей поселения, а также их имущество, по крайней мере, от диких животных» [Соловьев, 2000, л. 7 сл.]. В 2001 г. в южной, периферийной части памятника (раскоп III, площадь 4350 м²) были начаты исследования В. Г. Житниковым. Мощность слоя 0,25–1,30 м. Была раскопана серия объектов (СК), датированных автором раскопок от V–IV вв. до н. э. до римского времени²³. Преобладают (дали (как численно, так и по сохранности) остатки построек на каменных фундаментах римского времени (СК № 3, 4, 7), а также объекты эллинистического периода (СК № 2, 5, 6²⁴). К IV в. до н. э. относятся остатки сырцовых стен постройки СК № 1²⁵. V веком до н. э. датируются находки из рвовиков 1 и 3 [л. 77 сл.; рис. 363–367]. Из массива исследованных ям (всего 75), некоторые из которых, по мнению исследователя, связаны с разработкой железорудного сырья, выделена серия ранних. «Большинство ям (относится. — А.З.) — к V–IV вв. до н. э., а некоторые — к 2-й половине V в. до н. э.». В одном из поздних комплексов был найден фрагмент чернофигурной амфоры (?), датированной исследователем 540-ми годами до н. э. (СК¹⁵-4, пом. 1) [Соловьев, 1999, л. 14, 85, рис. 81].

Наибольший интерес, конечно, представляет СК-6 — жилой наземный комплекс, единственная (!) до сих пор на хоре Азиатского Боспора наземная постройка архаического раннеклассического времени. Это многокамерная постройка из пяти помещений¹⁶ с заглубленными на 0,15–0,25 м полами, выполненная, по мнению исследователей, в глинобитной технике на деревянной основе¹⁷; толщина стен ок. 0,50 м, т.е. близка размерам сырцовых

На Волне 1 раскопки нижней части культурного слоя в центральной части памятника производились под руководством С. Л. Соловьева [1999, л. 4 сл.]. В слое позднеархаической керамика составляла: в материалах 1998 г. ок. 2% (в том числе фрагменты: амфор Хиосской посуды — 3% (в том числе киликов с полосками и др.) [Соловьев, 1999, л. 6; 2000, л. 1]. В одном из поздних комплексов был найден фрагмент чернофигурной амфоры (?), датированной исследователем 540-ми годами до н. э. (СК¹⁵-4, пом. 1) [Соловьев, 1999, л. 14, 85, рис. 81].

Наибольший интерес, конечно, представляет СК-6 — жилой наземный комплекс, единственная (!) до сих пор на хоре Азиатского Боспора наземная постройка архаического раннеклассического времени. Это многокамерная постройка из пяти помещений¹⁶ с заглубленными на 0,15–0,25 м полами, выполненная, по мнению исследователей, в глинобитной технике на деревянной основе¹⁷; толщина стен ок. 0,50 м, т.е. близка размерам сырцовых

¹² В частности отмечена находка фрагмента «миски XVI–XVIII вв. с поливой салатого цвета (оп. № 55, рис. 27. 2)».

¹³ «Признаки» 15, 27, 28, 36, 72 [Абрамов, Паромов, 1993, с. 43, рис. 6].

¹⁴ В скобках даны номера поселений по археологической карте Я. М. Паромова [1992].

¹⁵ СК — «строительный комплекс».

¹⁶ В Отчете — три помещения общими размерами 5,5 x 6,0 м.

¹⁷ Диаметр ямок от вкопанных жердей каркаса составлял ок. 5 см.

¹⁸ Имел слабые следы глинистой подмазки, заглублен на 3–15 см; в помещении 2 — на 20 см; в помещении 3 — на 5–7 см.

¹⁹ Предположительно из ямы, прорезавшей помещение 2.

²⁰ Не раньше конца VI — начала V в. до н. э.

²¹ Соловьев, Бутягин, 2002, с. 71: «...На поселении Волна 1 была обнаружена, по всей видимости, легкая сельскохозяйственная постройка типичной для греческого домостроительства планировочной схемы. Постройки такого типа, вероятно, использовались жителями Гермонассы в качестве жилища на удаленных от города сельскохозяйственных угодьях в течение теплого времени года — весенне-летне-осеннего сезона сельскохозяйственных работ». См также мнение Ю. А. Виноградова [2009, с. 69] о временном (сезонном) характере ранних поселений на Таманском п-ове.

²² На рис. 39 (яма 29) — фрагменты хиосских амфор второй четверти V в. до н. э.; рис. 40 (яма 56) — то же; рис. 41.2 (яма 61) — ?

²³ Не считая СК № 8 — «строение земляночного типа», XV–XVI вв.

²⁴ Судя по находке монеты первых веков н. э. (рис. 352), может быть, более поздний, хотя автор раскопок ошибочно датирует постройку на каменном фундаменте V–IV вв. до н. э.

²⁵ Рис. 247 сл.; рис. 263 — клеймо на ручке синопской амфоры, рис. 264.4 и 266 — чернолаковая аттическая солонка IV в. до н. э.

пол. VI в.» [Житников, 2002, л. 80-81]²⁶. В следующем году (раскоп IV²⁷, площадь 1000 м²) были выявлены только слои конца VI—V и IV — начала III вв. до н. э. Из пяти зафиксированных построек (фрагменты каменных цоколей плохой сохранности, планы не поддаются реконструкции) три средневековых и одна IV — начала III в. до н. э. [2002, л. 3]. В 2005 г. (раскоп V²⁸, площадь 500 м²) исследовался слой V—IV — III вв. до н. э., было выявлено три ямы (две — с находками V—IV вв. до н. э., одна — без находок) [Житников, 2005, л. 3 слл., 33—35].

Таким образом, на значительной площади (на 2005 г. — ок. 7000 м²) были исследованы остатки глубинного сельского поселения, жизнь на котором начинается с последней трети четверти VI в. до н. э. Оставляя без внимания верхний горизонт культурных напластований (серьезно порушенных в результате плантажной вспашки), отметим тот факт, что в основном своей массе маловыразительные остатки сооружений (рвов-каналов, ям) фиксируются в материковом слое и в материке. Как представляется, развалы построек на каменных цоколях, в том числе самые ранние из них, датируются только с IV—III вв. до н. э. (или позднее). Сравнительно многочисленные находки (их заметно меньше на периферии памятника), с учетом большой площади раскопов, не дают возможности характеризовать слой как обильный и насыщенный. Общая масса строительных остатков и их планиграфическая плотность весьма не велики по сравнению с городскими центрами. Вероятно, это связано, с одной стороны, отсутствием внешних границ поселения, а с другой, — возможно, с сезонным характером проживания здесь людей и отсутствием капитальной застройки²⁹.

²⁶ Особенно примечательна яма № 76 (2002 г.) с хиосской амфорой 470-х годов до н. э. [Житников, 2002, рис. 127, 128—130].

²⁷ Юго-восточная окраина поселения.

²⁸ Юго-восточная окраина поселения.

²⁹ Об этом см. также [Виноградов, 2009, с. 69]. Исследователь, ссылаясь на работы [Соловьев, Бутыгин, 2002, с. 71; Виноградов, 2006, с. 75; Горлов, 2007, с. 96], считает эти данные «убедительными». Склоняясь в целом к аналогичной оценке значительной части ранних поселений на Таманском п-ове, должно все-таки отметить, что это предположение надо еще доказывать и едва ли его можно а priori считать универсальным для всего региона. Кроме того, наличие рядом с некоторыми сельскими поселениями некрополей (с рубежа VI—V вв. до н. э.) — например, некрополя «Артющенко 2», расположенного между поселениями Артющенко 2 и Артющенко 1 — заставляет думать, что не во всех случаях позволительно говорить о сезонном характере поселений на хоре греческих центров. Ср. на хоре Ольвии: [Буйских, 2009, с. 229].

Ю. В. Горлов в статье, на которую ссылается Ю.А. Виноградов, пишет буквально следующее: «Отсутствие четких следов размежевания хоры Фанагории, некрополей рядом с её сельскими поселениями, а также относительная близость последних к городу свидетельствуют об определенной системе землепользования, характеристика которой сводится, как нам представляется, к следующему. Поселения этого времени, вероятно, не были местами постоянного проживания. Характер разрушенной пахотой культурного слоя, который часто не превышает 1,0 м, свидетельствует о том, что там могли существовать, скорее всего, постройки временного типа, где мог храниться урожай, сельскохозяйственные инструменты, находиться домашний скот и т.п. В пользу этого отчасти свидетельствует отсутствие зерновых ям в архаических слоях города в отличие от более поздних периодов». Едва ли эти наблюдения исследователя можно признать строгим доказательством временного характера жизни на сельских поселениях. Аргумент, апеллирующий к отсутствию зерновых ям в городе раннего времени мне и вовсе непонятен. Не говоря уже о том, что архаические слои в Фанагории изучены пока не на очень большой площади, отсутствие зерновых ям, на мой взгляд, скорее говорит не в пользу точки зрения Ю. В. Горлова. Но я бы не стал придавать слишком большого значения этому «контраргументу».

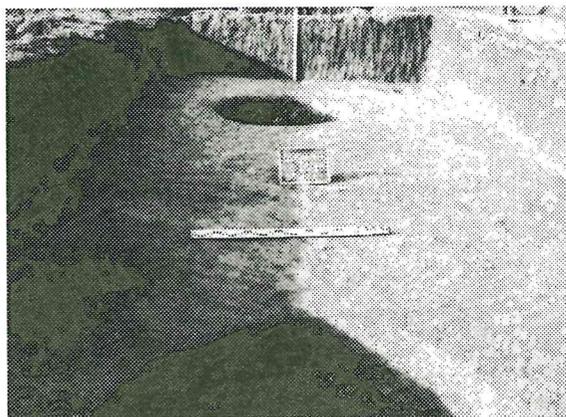
Ровно тоже самое можно сказать и о характере культурного слоя на соседнем памятнике — ольвионской береговой 4 (рис. 3. 1-3), на котором в 2006—2007 гг. под руководством Н.И. Сударева исследована вдвое большая площадь³⁰. Согласно наблюдениям исследователя, «... данное поселение той или иной форме существовало с последней четверти VI в. до н. э. ... При этом абсолютное большинство датирующего керамического материала на поселении... может быть проатрировано в пределах 3 четверти V — 4 четверти IV вв. до н. э. ... Наиболее древняя часть поселения находилась в северо-западной части участка исследований... Памятник представляет собой сельское поселение с разреженной структурой и межусадебной и приусадебной территорией» [Сударев, 2010, л. 90, 155—157].

Интересны для нашей темы хорошо документированные в отчете результаты раскопок на поселении Вышестеблиевская 10 [Ломтадзе, 2008; 2009]. Работы были проведены на площади 876 м² (раскоп 1 в центральной части памятника), на которой исследованы 32 хозяйственные ямы. Выявленная мощность слоя достигала 1,5—2,0 м. В находках представлен материал второй половины VI — I в. до н. э. (в ямах ранний материал обильен); по наблюдениям М. Паромова, здесь встречаются находки и II—III вв. н. э., а также VIII—IX вв. [Абрамов, Паромов, 1993, с. 62].

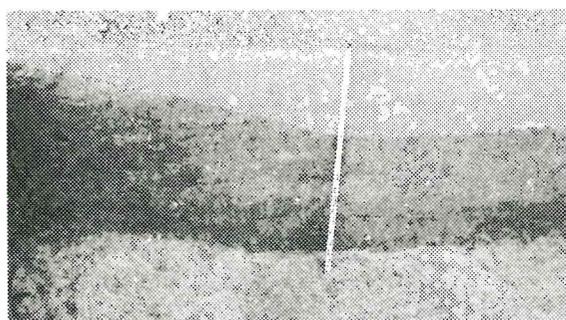
Автор раскопок так описывает стратиграфическую ситуацию на момент начала исследования: «В результате выборки грунта в западной части карьера образовалась терраса, на которой и проводились археологические работы (рис. 3, 4). В борту террасы был выявлен культурный слой мощностью до 1,8 м. В нем прослеживались разновременные ямы, некоторые из которых уходили в материковый грунт... На горизонтальной террасе также прослеживались остатки культурного слоя и ямные пятна. Нами были зачищены борта и дно образовавшегося раскопа». Далее сообщается, что «Культурный слой на нём был практически уничтожен... Были зачищены борта и дно раскопа, которое представляло собой материк (рис. 5—7). В оставшихся бортах хорошо фиксировался достаточно мощный (до 1,8 м) культурный слой поселения (рис. 8—9). В верхней части разреза отчетливо виден гумусированный суглинок — пахотный слой. Мощность его достигала в некоторых местах 0,45—0,47 м. Ниже залегал слой темно-серого рыхловатого суглинка мощностью до 0,76 м. Его подстилал наиболее мощный слой поселения, сформированный плотным серым суглинком мощностью до 1,40 м. Ниже располагался предматериковый слой серо-жёлтого суглинка, который, в свою очередь, подстилал материковый слой (светло-жёлтая супесь с прослойками песка). К сожалению, практически все эти напластования были уничтожены карьерными работами, что не позволяет говорить о времени их формирования на данном участке» [Ломтадзе, 2008, л. 7, 8].

Иллюстративный материал отчета позволяет существенно уточнить стратиграфию исследованного Г. А. Ломтадзе участка памятника. Так, ни одна из ям, оказавшихся в плоскостях сечения бортов раскопа, не была выкопана здесь ниже уровня подошвы 2-го (сверху) слоя, серого рыхлого суглинка [см.: Ломтадзе, 2008, рис. 8, 9, 12]. На фотографии юго-западного борта (рис. 8) хорошо видны «высолы» на нижней границе этого слоя и подстилающего плотного серого суглинка» (по фото — жёлто-коричневого), который, на мой взгляд, яв-

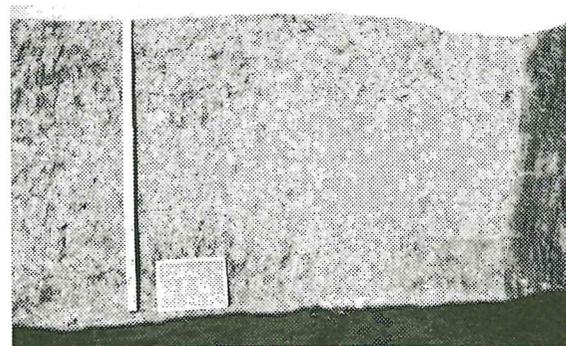
³⁰ Выражаю искреннюю признательность автору раскопок этого памятника, а также поселения береговой 4, за щедрое разрешение опубликовать избранные фотоматериалы (рис. 2 и 3).

1

2

3

Рис. 3. Культурный слой поселения Волна 4 (раскоп I, 2006–2007 гг.): 1 — вид на блок квадратов (Г15, 16 — У15, 16) с востока; 2 — западный борт блока квадратов (Г17, 18 — Д17, 18); 3 — северный борт блока квадратов (Е15, 16 — Ж15, 16)

ляется материковым. Параметры глубины амечались и внешние границы городов, которые в возможно ближайшее время должны раскопанных ям тоже свидетельствуют о том, что раскопками были получены архитектурное оформление в виде крепостных стен. Иными словами, изначально определенная площадь под застройку определяла высокую плотность и, в дованы только их нижние части. какой-то мере, её характер. Иной характер имели поселения на хоре. Безотносительно

Понятно, что в такой ситуации судить о временными (сезонными) ли они были, или постоянными, внешняя регламентация о наличии или отсутствии наземных обжитых структур не играла никакой роли. Все определялось материальными возможностями на памятнике в принципе невозможными и представлениями о целесообразности и комфорте, которые свойственны были можно. Значительная концентрация владельцу земельного надела.

площади ям говорит о довольно интеллектуальном и бытовой уклад жизни на сельской территории, а также особенности сивной хозяйственной жизни в центральной части памятника, особенно в после раннем этапе освоения земель, отличающихся недолговечностью, незначительностью маней четверти VI — начале III вв. до н. э. материальных затрат на их обустройство) целиком определяли и своеобразие в формировании И это все, что пока можно сказать. культурных отложений, образовывавшихся в процессе жизнедеятельности и гибели этих по-

Археологическая картина на поселении Вышестеблиевская 10 не уникальна (почвообразования, в отличие от культурного слоя городов [см.: Долгих, 2010, с. 15–16, скорее типична для Таманских памятников 5], превалировал, как правило, над формированием слоев или прослоек, представляющих сельской территории, на которых верхнебой отложения остатков домостроений и продуктов хозяйства и быта. Здесь возможны два горизонт слоя (до 0,7–1,0 м при плантаварианта в образовании культурного слоя: 1) когда стерильный (природный) слой «вклини-ной распашке) практически полностью «заполняется» между культурными остатками и 2) когда «вкрапления» культурных остатков более разрушен. И если каменные развалы или менее равномерно перемешаны в нарастающей почве. Первый вариант характерен для кольных частей домов, начиная с IV–III памятников, на которых в определенный момент (или моменты) происходит перерыв (переход н. э., на пахоте могут нам указать на бывы) в жизнедеятельности; второй — определяется балансом антропогенного и природно-присутствие, то остатки стен из сырцового факторов (здесь возможно значительное разнообразие взаимодействия обоих факторов и кирпича, если они оказались под плутоконкретных их форм).

останутся практически неуловимы. Оба отмеченных варианта хорошо представлены в двух небольших разведочных раско-

Итак, как в планиграфии, так и в стратиграфии ранних городских и сел. В 1977 г. памятник обследовал Ю. М. Десятчиков («Кучугуры III»); его площадь ских памятников наблюдаются весь была оценена ок. 5 га, хронологические рамки — V — III вв. до н. э. [Десятчиков и др., заметные и выразительные отличия 1978, с. 117]. В 1981 г. на Приазовском 4 провел разведки Я. М. Паромов [1992, л. 17–значительно бóльшая плотность 18], который по подъемному материалу определил площадь памятника ок. 18,5 га и дати-

стройки в городских центрах, отсеровал его VI в. до н. э. — III в. н. э. В 1992 г. небольшие раскопки в западной береговой ствие в них «межусадебных» пустош части памятника были проведены Ю. В. Горловым [1992, л. 6–27], который оценивал Хотя допустимо предполагать, что его площадь ок. 14 га. Стратиграфия раскопанного участка, согласно Ю. В. Горлову, был древнейший период, сразу же в моментакова. Нижний (I) культурный слой (коричневый суглинок — от 0,1 до 0,78 м), к кото-образования колонии, на территории отнесена серия ям и керамический сброс, датированы второй половиной VI — ру-будущего города выделялось пространство V/IV вв. до н. э. Вышележащий слой (II) серо-коричневого суглинка разделен на ство, свободное от рядовой, жилой два горизонта. Нижний представляет собой, по интерпретации автора раскопок, «ниве-хозяйственной, застройки — свящелировочную субструкцию» (0,20–0,80 м) под наземное домостроительство³¹. Соответ-ные участки под сооружение храмовственно верхний горизонт связан с сооружением, жизнью и гибелью постройки, от кото-святых мест, для обустройства других ирой сохранились обрывки фундаментов/цоколей. Засыпку субструкции и строительствостроек и объектов общественного здания Ю. В. Горлов датирует первой половиной IV в. до н. э., а гибель строительного значения. Но точно так же и тогда

³¹ Как мы увидим ниже, это образование имеет природный характер.

комплекса — не ранее третьей четверти IV в. до н. э.³² III — гумусный слой (0,1–0,25 м) выделяется условно³³.

В 1998 г. раскоп «Берег I» (100 м²) был заложен в западной части памятника, впритык к береговому обрыву, в 6 м к западу от раскопа Ю. В. Горлова. Вся площадь вскрыта материка (коричнево-жёлтая глина с выходами рыхлых известняковых конкреций). Только культурного слоя (от 0,40 в северной части до 1,28 м в южной) разделяется на два основных пласта: лежащий на материке стерильный жёлто-коричневый лёссовидный суглинок и серая (серо-коричневая) супесь, основную массу которой тоже составляют грунты эолового происхождения, сильнее гуммированные и содержащие золистый компонент. Предматериковый слой стратиграфически не выделяется: он фиксируется в нижнем горизонте жёлто-коричневого лёсса по изолированным находкам (и объекту 1.3). Важно подчеркнуть, что все находки, кроме упомянутого объекта, ямы, прорезавшие слой жёлто-коричневого суглинка, фиксируются в плане только с предматерикового горизонта и иногда читаются (очень слабо) в вертикальном срезе бортов³⁴.

Жёлто-коричневый суглинок является стерильной прослойкой эолового происхождения (мощностью ок. 0,60–0,80 м), разделяющей древнейшую поверхность, на которую в эпоху пришли эллины и на которой началась их хозяйственная деятельность (объект 1.3, стратиграфия ниже), и слой последующей их жизни (серая супесь). Хронология образования этого слоя может быть определена со значительной точностью. По позднейшим материалам закрыты ямы-погреб 1.3 датируется серединой V в. до н. э. [Завойкин, Сударев, 1999, л. 11–12, рис. 100–101A], а амфоры 3.1 (хиосская «позднепухлогорлая» [Завойкин, Сударев, 1999, л. 13, рис. 33, 98]) и 3.2 (тип КТБ 27; [Завойкин, Сударев, 1999, л. 34, 99]), вкопанные в вновь образовавшейся поверхности (жёлто-коричневый суглинок) и сохранившиеся *in situ*, датируются третьей четвертью V в. до н. э. Таким образом, так называемая пылевая буря, переместившая на участок мощный слой лёсса, прошла где-то в середине — начале третьей четверти V в. до н. э.³⁵

Эти два объекта важны еще в том отношении, что указывают на использование данной площади как *хозяйственной территории* поселения и после того, как «пылевая буря» затронула (нарушен только позднейшими ямами), то на раскопе «Берег II» процесс пологообразования, довольно интенсивный, протекал иначе. Фиксируется, видимо, иное использование исследованной площади — в качестве пустыря для сброса мусора (сброс 2.2 и мусорные ямы IV в. до н. э. на уровне цоколей постройки, и

³² Им высказана догадка (не находящая, правда, опоры в материалах раскопок) о взаимосвязи разрушения строений с политическими событиями на Боспоре после смерти Перисада I в 310/09 г.

³³ Отмечена сильная его нарушенность в годы Великой Отечественной войны и при современном строительстве.

³⁴ Это объясняется особенностью лёссов, «затягивающих» пустоты и окрашивающих заполнение ям под цвет общего фона. Нередко указанием на яму была только концентрация находок в рамках замкнутого контура.

³⁵ Обратим внимание читателя на аналогичный неантропогенный характер почвообразования, установленный при раскопках в 1996 и 1997 гг. остатков усадьбы I в. н. э. близ Ильичевского гор. дища, у берегового обрыва (см. отчеты автора за соответствующие годы раскопок). Имеются и другие основания говорить о том, что этот природный фактор периодически оказывал серьезное влияние на процесс почвообразования в данном регионе.

исследованной в 1992 г. Ю. В. Горловым). Судя по позднейшим находкам, жизнедеятельность в этом участке памятника прекращается в середине — третьей четверти IV в. до н. э.

Тот факт, что после того, как в середине — начале третьей четверти V в. до н. э. недренные хозяйственные объекты оказались погребенными под слоем лёсса и далее жизнь продолжилась с уровня его поверхности, не требует разъяснений. Не было никакой необходимости расчищать хозяйственную территорию от занесшего её грунта, поскольку проще было при необходимости обустроить её заново. Ничего подобного, насколько мне известно, никогда не наблюдалось в городах: как и в современных поселениях, переживших пылевые наносы, довольно быстро их площадь освобождалась от ненужного балласта.

Раскоп «Берег II» был заложен в 258 м к востоку от раскопа «Берег I», также у кромки берегового обрыва³⁶. Раскопанная до материка площадь составила 50 м². Мощност культурного слоя колеблется в пределах 1,47–1,88 м. Стратиграфия участка предельно проста: дневной поверхности до материка залегает монолитный серый/серо-жёлтый лёссовидный суглинок, более гуммированный в верхней половине и более жёлтый в нижней. Граница между двумя этими пластами очень «растянута», трудно уловима. Бóльшая плотность (в верхних двух-трех штыках — комковатость) верхнего горизонта обусловлена бóльшей его сухостью, столько. Общая характеристика грунта — равномерная его промешанность, однородность, отсутствие следов перекопов или иных объектов. Другая примечательная его черта — слабая насыщенность керамикой, её измельченность и сильная заизвесткованность. Картина существенно меняется только в самом нижнем, предматериковом горизонте, когда мы вплотную подходим к заполнению вырытых с поверхности материка ям. Здесь обнаружены сравнительно крупные обломки амфор и других категорий посуды.

Хотя в хронологическом плане культурные отложения частично синхронны исследованному на раскопе «Берег I», отсутствует выраженный слой наносного стерильного лёссовидного жёлто-коричневого суглинка. Поскольку топография не дает оснований видеть в том и другом случаях какую-то исключительную ситуацию, остается думать о различиях характера человеческой деятельности там и здесь. Если на раскопе «Берег I» наносной слой остался нетронутым (нарушен только позднейшими ямами), то на раскопе «Берег II» процесс пологообразования, довольно интенсивный, протекал иначе.

Измельченность и заизвесткованность керамики, предполагающая близость залегания к дневной поверхности, наводит на мысль, что после того, как на данном участке был сделан мусорный сброс, грунт постоянно перекапывался. При этом лежащие внизу обломки керамики постоянно поднимались вверх, а эоловые отложения перемешивались и гуммировались. В какой мере эта догадка соответствует хронологическим параметрам слоя? Первое, что привлекает внимание при анализе амфорного материала в хронологическом плане — отсутствие находок ранее второй четверти V в. до н. э., с одной стороны, а с другой — числен-

³⁶ Между двумя участками — по наблюдениям в береговом обрыве и в шурфе I — фиксируется отсутствие культурного слоя. Следовательно, зоны хозяйственной деятельности, открытые на двух раскопах, имели отношение к двум отдельным поселенческим структурам конца VI — первой половины V в. до н. э. (I) и второй — последней четверти V в. до н. э. (II), между которыми, вероятно, располагались сельскохозяйственные угодья. О характере самих поселенческих структур, к сожалению, пока ничего определенного сказать нельзя. Для участка «Берег I» в IV в. до н. э., видимо, это домостроение на каменном цоколе, остатки которого были открыты Ю. В. Горловым.

ное преобладание хиосских второй и последней четвертей V в. до н. э. Второе, фрагменты домов на каменных основаниях, остаются на стадии первоначального накопления информации, однозначно датируемые позднее рубежа V—IV вв. до н. э., единичны (гераклейских — и. Единственная наземная постройка предшествующего периода, открытая в центральной ранней «косской» — 1)³⁷, при этом найдены они до 5-го штыка включительно. Третье, пласти поселения Волна 1, позволяет лишь ставить вопрос о недолговечности материалов, ность находок сверху вниз возрастает прогрессивно, и это наряду с хронологической одн которых могли строить свои дома на хоре греки-земледельцы, поскольку остатки домов родностью материала (с оговоркой на второе обстоятельство) служит подтверждением в сырцового кирпича, подобные тем, что хорошо известны нам в городах, со значительной сказанного предположения о перемещении керамики снизу вверх³⁸. Это означает, что в епенью вероятности были бы зафиксированы при раскопках большими площадями, на- время, как шел процесс почвообразования, культурный слой формировался «пассивно», эимер, на поселениях Волна 1 и 4. И еще один вопрос, остающийся пока без убедитель- есть уже после того, как культурные материалы (находки) отложились на данной площади ответа: не связана ли напрямую плохая сохранность строительных остатков на хоре с Это, разумеется, не исключает попадания сюда в самом процессе почвообразования един- существом перекрывающих их более поздний остатков⁴⁰? В реальности же мы наблюдаем ных более поздних вещей. Ввиду этого, с известными оговорками, штыки 1—5 можно датир- только сохранившиеся в материке углубления (ямы, канавы, «карьеры» и т.п.), связанные вать IV в. до н. э., а нижележащие второй — последней четвертями V в. до н. э. Оговорка хозяйственной (и иной) деятельностью людей за пределами городских стен, начиная уже с (и весьма существенная) в том, что нижнюю хронологическую отметку следует определить етьей четверти VI в. до н. э.

материалам объектов в материке, поскольку речь идет о перемещенных (мусорных) матер- Несколько десятилетий назад с аналогичной проблемой столкнулись исследователи п-ятников сельской территории Ольвии, на поселениях которой на значительных площадях

Исследованный участок памятника вошел в зону прямой хозяйственной деятельности были открыты (в основном, с уровня материка) хозяйственные ямы и «углубленные структу- только с последней четверти V в. до н. э. В это время здесь, прорезав слой лёссовидны» различной конфигурации (округлые и прямоугольные) и размеров — «полуземлянки» суглинка и глины с известняками, были выкопаны две ямы и тогда же засыпаны. В одну «землянки»⁴¹ [см.: Крыжицкий и др., 1989, с. 22—41]. Признание того, что полуземлянка/ них сбросили мусор (керамика, кости) из сравнительно недалеко расположенного комплек- землянка была в самый ранний период единственной формой (типом) жилого и хозяйствен- 2—4-й четверти V в. до н. э. Мусорный развал перекрыв и площадь за пределами конту- того сооружения (как в городе, так и, естественно, в сельской местности), проблему как бы ямы. Следов другой хозяйственной деятельности, кроме как использование этой террито- рии снимает». В данный момент мы не станем останавливаться на дискуссионном вопросе о в последней четверти V в. до н. э. в качестве свалки, здесь нет. Из этого следует: либо втепени распространенности в греческих колониях и метрополии «землянок» [см.: Кузнецов, бросы мусора с поселения в последующее время совершались в других местах, либо же с- 995; Виноградов, 1999, с. 107—108; Завойкин, 2009, с. 186—193; Буйских, 2005, с. 3—15]. это поселение прекратило свое существование. В последующий период исследованная те- однако выразим сомнения в том, что предложенный путь решения проблемы в полной мере ритория оставалась пустошью или (что вероятнее) была подвержена «распашке»³⁹: одно- е разрешает. Примечательно, что в той же самой плоскости, что и для сельских поселений менно с процессом почвообразования происходило «выпахивание» лежащей ниже дневи- аманского п-ова или Ольвийской хоры, вопрос стоит и для большинства северопричерно- торских городских центров в первые десятилетия их жизни⁴². Со второй половины VI в. до

Приведенные примеры двух вариантов слоеобразования с преобладанием природно- э. картина в городах постепенно меняется, на сельской территории — изменений нет и фактора не дают ответа, пожалуй, на главный вопрос: как выглядит ранний слой непосред- начительно позднее⁴³.

ственно в области распространения жилых и хозяйственных построек? Мы получили пр- Важнее для нашей темы отметить, что один из решающих контраргументов против рас- ставление только о формировании слоя на межусадбном пространстве или в зоне хозяй- пространности «углубленных структур» в качестве так называемых «домов колонистов» — ственной территории, примыкавшей к «домохозяйству».

плохая сохранность наземных частей построек вследствие периодических нивелировок древ-

Суммируя сказанное, мы, видимо, должны будем признать, что наши знания о сельск- ей поверхности в ходе подготовки к новому этапу застройки городской площади — в условиях поселениях Азиатского Боспора вплоть до IV—III в. до н. э., когда начинается строительс- сельской местности, вероятно, почти не работает или, во всяком случае, мы не можем пока

³⁷ Хиосские «колпачковые» IV в. до н. э. могут быть определены предположительно: по им- щимся фрагментам дифференциация их от пригородных последней четверти V в. до н. э. условна. То относится и к фрагментам Фасоса и Менды.

³⁸ Учитывая особенности грунтов, мы, разумеется, не можем полностью исключить и обратн- направления движения керамики. Можно только предполагать (поскольку стратиграфически это- явить не удалось), что ямы в последней четверти V в. до н. э. прорезали стерильный слой середины- третьей четверти V в. до н. э. Однако сброс керамики, синхронный заполнению ям, на поверхно- материка говорит все-таки о другом.

³⁹ Разумеется, о таком механизме подъема находок из нижележащего культурного слоя мы- говорить лишь сугубо предположительно.

⁴⁰ Очевидно лишь то, что отсутствие в ранних (до IV в. до н. э.) постройках строительного камня- делает их для изучения практически неуловимыми на сегодняшний день.

⁴¹ О терминологии [см.: Крыжицкий, 1982, с. 12, примеч. 2].

⁴² Хотя для Боспора, безусловно, роль углубленных конструкций в древнейший период истории- ряда городов сильно преувеличивается [см.: Завойкин, 2009, с. 187—191].

⁴³ Например, на хоре Акры (Заветное 5) полуземлянки продолжают использоваться и в IV—III вв.- до н. э. [Соловьев, Шепко, 2004, с. 26—32], наряду с наземными фундаментальными постройками на- других поселениях.

ситуации. Как представляется, здесь объяснение отсутствию выявленных остатков наземных построек (за исключением отмеченного СК-6 на Волне 1) следует искать в плохой (худшей) сохранности материалов, из которых наземные постройки в сельской местности сооружались. Однако, пожалуй, для предметного исследования этой проблемы все ещё недостаточно исходных данных. В отличие от ольвийской хоры, где «полуземлянки» и «землянки» выявлены многими десятками, на сельских памятниках Азиатского Боспора они буквально единичны. Речь идет не о всяких ямах, а только о таких объектах, в которых сами исследователи склонны видеть жилые или хозяйственные сооружения.

Один из весьма немногих примеров — помещение III (последняя четверть VI — первая четверть V в. до н. э.), открытое раскопками в восточной части поселения Артющенко 1 [Виноградов, 2002, с. 61–63, рис. 1 и 2]. Объект представлял собой прямоугольный, со скругленными углами, котлован 3,3x2,2 м глубиной 0,7 м. Премазок пола и следов от опорных столбов перекрытия не было обнаружено. В этот комплекс входила круглая яма №8 (1,4–2,0 м, глубиной 1,15 м), врезанная в юго-западный угол котлована, из которого в неё вела трапезиевидная в плане ступенька. Весьма высокий процент, среди прочей посуды, фрагментов лепных сосудов побудил Ю. А. Виноградова сделать вывод (правда, как он сам подчеркивает, предварительного характера) о том, что «имеющиеся данные... позволяют предполагать, что на поселении Артющенко 1 во второй половине VI — первой четверти V в. до н. э. проживали в основном выходцы из местных племен, так или иначе вовлеченные в систему греческого экономического и политического влияния» [Виноградов, 2002, с. 65]. Исследователь прямо не говорит о том, что эта строительная практика в данном случае восходит к традициям местным, варварским, но, вероятно, подразумевает это⁴⁶. Если это в самом деле так, необходимо было бы представить подобающие аналогии на синхронных памятниках местных племен (в Прикубанье), что сделать, насколько я представляю, практически невозможно.

Другой редкий пример — упомянутый ранее объект 1.3 на Приазовском 4. Это яма округлой в плане формы (по устью 2,48x2,00 м, по дну — 2,59x2,38 м, глубина 1,04 м). Дно

⁴⁴ Стоит отметить историографический феномен: массовое исследование углубленных структур в Ольвии и на поселениях её хоры в 1970–1980-е годы и введение этих материалов в научный оборот обусловили своего рода «моду» на эти объекты, что привело, в числе прочего, к открытию землянок и там, где их следы ранее не были выявлены. К сожалению, в ряде случаев атрибуция в которых таких объектов, как «жилые» или «хозяйственные» постройки, далеко не всегда обоснована. Получившая распространение идея, что «земляночное домостроительство» всегда предшествует наземным домам из камня и/или сырцового кирпича, нередко приводила к фактическим ошибкам.

⁴⁵ Диаметры устья и дна ямы.

⁴⁶ В принципе, как известно, он придерживается мнения, что землянки и полуземлянки исключительно характерны для греческих поселений первых нескольких десятилетий (до 70–80 лет) с момента колонизации, но традиции земляночного домостроительства были, тем не менее, заимствованы греками у туземного населения [см.: Виноградов, 1999, с. 107–108; 2000, с. 230]. Ср.: «Традиции земляночного домостроительства, идея которого была заимствована у местных варварских племен...» [Бутягин, 1999, с. 2–23; ср.: Буйских, 2005, с. 3 слл.]. С. Б. Буйских, более других исследователей уделивший внимание этой тематике, считает, что ещё исследования В. В. Лапина [1966, с. 153–158] доказали, что землянки и полуземлянки — специфические формы греческого жилья времени адаптации колонистов в новых экологических условиях, «в проявлении которых отразились не этнические, а общественно-экономические факторы» [Буйских, 2005, с. 3].

поское с уступом-порожком в западной части (высотой 0,27 м). В заполнении ямы, главным образом в придонной части и прежде всего вдоль бортиков, лежали небольшие скопления известняковой — местного плитчатого камня⁴⁷. У северного борта зафиксирована пара плоских камней, лежащих под углом к горизонту, скрепленных глиняным раствором. Локализация назвала и взаиморасположение камней указывают на то, что они рухнули с края ямы и, по видимому, составляли небольшую кладку (обкладку) на её бортах, идущую по окружности.

Особенность заполнения объекта 1.3 — чередование стерильных прослоек суглинка и горелых прослоек (зола, угольки, мелкая печина) с камешками и керамикой. Прослойки лежали почти горизонтально, визуалью напоминая так называемые «слоевые субструкции». Визуально, однако, утверждать, что яма, которая могла использоваться в качестве погреб⁴⁸, была забутована прослойками намеренно и одновременно; это и не серия мусорных сбросов, пересыпанных чистым грунтом, совершенных уже после того, как сооружение не использовалось по прямому назначению⁴⁹. В заполнении ямы-погреб⁴⁹ (собственно, в горелых прослойках) были найдены кости животных, фрагменты амфор (хиосских конца VI — первой половины V в. до н. э.; «протофасосских», лесбосской); обломки гончарной красноглиняной посуды (мисок и кастрюли); стенка чернолакового арибаллического лекифа с полоской; обломки лепной посуды (горшков и мисок); а также пиленный астрагал, крышечка из стенки сосуда, каменный пестик, керамическое пряслице.

По позднему материалу засыпку ямы-погреб⁴⁹ следует датировать не позднее середины V в. до н. э. Хотя материалы засыпки не имеют прямого отношения к первоначальному функционированию этого объекта, оправданно его сооружение отнести к концу VI — началу V в. до н. э.

Мне показалось уместным привести более или менее подробное описание этих двух объектов по той лишь причине, что, в отличие от многочисленных простых хозяйственных ям («комбинаций» разновременных ям, режущих друг друга), пожалуй, не могу добавить других примеров⁵⁰. Можно не сомневаться в том, что они ещё будут открыты новыми раскопками. Но уже сейчас ясно, что «ольвийская модель» не может быть применена на сельских памятниках Таманского п-ова безоговорочно. На это следует обратить серьёзное внимание, особенно потому, что характеристики грунтов, подстилающих и слагающих культурные слои в этих двух регионах, по моим представлениям, сопоставимы.

И последнее. Выявленные различия в характеристиках культурных слоев, сформировавшихся на памятниках городских и сельских, заставляют признать, что в настоящий момент мы не располагаем какими-либо данными (исключая, может быть материалы Берегового 4),

⁴⁷ В изобилии выходящего на поверхность в нижнем горизонте берегового обрыва, особенно в районе мыса Каменный, западнее памятника.

⁴⁸ Ю. А. Виноградов, посетивший раскопки на памятнике вместе с Е. Я. Роговым и немецкими коллегами, определил этот объект как «полуземлянку».

⁴⁹ Ничуть не реалистичнее предположение, что горелые прослойки представляют собой стorerевные остатки деревянного перекрытия погреб⁴⁹-полуземлянки.

⁵⁰ Речь, разумеется, только об объектах VI–V вв. до н. э. Подобные им немудреные сооружения встречались и позднее, например, в период позднего эллинизма на Волне 1, СК-5 [Соловьев, 2000, л. 9 слл.] или в средневековье на Волне 1, СК-8 [Житников, 2002, л. 75 слл.].

позволяющими стратиграфически подкрепить гипотезу о том, что некоторые поселения, явившиеся еще в период греческой колонизации региона⁵¹, могли возникнуть как самостоятельные апойки, а следовательно, и как (хотя бы и неразвитые в структурно-планировочном отношении, «потенциальные») городские центры. Если даже допускать, что они не пережили этапа так называемого «земляночного домостроительства», и в этом случае следовало сначала отыскать в достаточном количестве эти «землянки», как, например, в Ольвии. Пожалуй, все-таки рановато говорить о «несостоявшихся полисах» [см.: Нøjte, 2008, р. 155–159] на Азиатском Боспоре иначе как в гипотетической плоскости.

Литература

- Абрамов, 1999. Абрамов А. П. Городище Патрей. Периодизация и топография // Патрей: Материалы и исследования. М., 1999. Вып. 1.
- Абрамов, 2010. Абрамов А. П. Патрей // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.
- Абрамов, Паромов, 1993. Абрамов А. П., Паромов Я. М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2.
- Буйских, 2005. Буйских С. Б. Земляночное домостроительство эпохи колонизации Северного Причерноморья // БИ. 2005. Вып. 9.
- Буйских, 2009. Буйских С. Б. Хора колониального полиса в Нижнем Побужье: от архиполиса к эллинизму // Старожитності степного Причорномор'я і Криму. XV. Запоріжжя, 2009.
- Буйских, Буйских, 2009. Буйских С. Б., Буйских А. В. К хронологии архаических поселений Нижнего Побужья // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности средневековья: Материалы X Боспорских чтений. Керчь, 2009.
- Бутягин, 1999. Бутягин А. М. К вопросу о генезисе земляночного домостроительства Северного Причерноморья // VI Чтения памяти профессора В. Д. Блаватского. К 100-летию со дня рождения. М., 1999.
- Виноградов, 1999. Виноградов Ю. А. Греческая колонизация и греческая урбанизация Северного Причерноморья // Stratum Plus. Скифский квадрат. Вып. 3. Кишинев, 1999.
- Виноградов, 2000. Виноградов Ю. А. К проблеме становления древнегреческих городов в районе Боспора Киммерийского // ΣΥΣΤΙΤΑ. Памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000.
- Виноградов, 2006. Виноградов Ю. А. Лепная керамика архаического времени с поселения Артющенко I на Таманском полуострове // Записки ИИМК РАН. № 1. СПб., 2006.
- Виноградов, 2009. Виноградов Ю. А. Миграции кочевников Евразии и некоторые особенности исторического развития Боспора Киммерийского // БИ. 2006. Вып. XXII.
- Горлов, 1992. Горлов Ю. В. Полевой отчет о работах Таманской экспедиции в 1992 г. М., 1992 // Архив ИА РАН. Р-1. Ф-1. № 17641.
- Горлов, 2007. Горлов Ю. В. К изучению сельской округи Фанагории // ДБ. 2007. Т. 14.
- Десятчиков и др., 1978. Десятчиков Ю. М., Зайцев А. К., Чернов Ю. В. Разведки Кургурского отряда // АО 1977 г. М., 1978.

⁵¹ Что подтверждается новыми находками на Голубицкой 2, см.: [Журавлев, Шлотцауер, 2009, с. 98–100, рис. 2].

Долгих, 2010. Долгих А.В. Формирование педолитоседиментов и почвенно-химической среды древних городов Европейской России: Автореф. дисс. ... канд. географ. наук. М., 2010.

Долгоруков, Колесников, 1993. Долгоруков В. С., Колесников А.Б. Новый тип строительных комплексов Фанагории // РА. 1993. № 1.

Житников, 2002. Житников В. Г. Отчет о раскопках поселения «Волна 1» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2001 г. Ростов-на-Дону, 2002 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24125.

Житников, 2003. Житников В. Г. Отчет о раскопках поселения «Волна 1» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2002 г. Ростов-на-Дону, 2003 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 24632.

Житников, 2005. Житников В. Г. Отчет об охранно-спасательных раскопках на поселении «Волна 1» в Темрюкском районе Краснодарского края в 2005 г. Краснодар, 2005 // Архив ИА РАН. Р-1. № б/н*.

Житников, 2006. Житников В. Г. «Исследования поселения «Волна 1» на Таманском полуострове» // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов, 2006.

Журавлев, Шлотцауер, 2008. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Новые исследования на Таманском полуострове // Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Журавлев и др., 2009. Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Кельтербаум Д., Поротов А. В. Новые данные о колонизации Таманского полуострова // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конференции. Краснодар, 2009.

Журавлев, Шлотцауер, 2010. Журавлев Д. В., Шлотцауер У. Поселение Голубицкая 2 в Таманском районе Краснодарского края: новые данные // Труды Исторического факультета МГУ. 49. Серия II: Исторические исследования. 18. Восток, Европа, Америка в древности. Сборник научных трудов XVI Сергеевских чтений. М., 2010.

Журавлев и др., 2010а. Журавлев Д. В., Кельтербаум Д., Шлотцауер У. Новые данные о Таманском полуострове в VI в. до н. э. // Symbola. Античный мир Северного Причерноморья: новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва-Киев., 2010.

Журавлев и др., 2010б. Журавлев Д. В., Шлотцауер У., Камелина Г. А., Кельтербаум Д. Поселение Стрелка 2 на Таманском полуострове (Предварительная информация) // ДБ. 2010. Т. 14.

Завойкин, 2001. Завойкин А. А. Боспор: территориальное государство и полис // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Ч. I. СПб., 2001.

Завойкин, 2009. Завойкин А. А. О «больших» и «малых боспорских городах» // ДБ. 2009. Т. 13.

Завойкин, Гарбузов 2010. Завойкин А. А., Гарбузов Г. П. О первом этапе освоения греческими Таманского полуострова // ДБ. 2010. Т. 14.

Завойкин, Сударев, 1999. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Отчет об исследованиях на памятнике «Приазовский 4» в 1998 г. М., 1999 // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 21566.

* «б/н» — отчеты, переданные из ОПИ РАН на хранение в Архив, однако, в картотеке не значатся (в данном случае последний отчет автора — за 2002 г.).

- Завойкин, Сударев, 2004. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Итоги исследований на памятнике «Береговой 4» в 1999—2000 гг. (предварительная информация) // Патрей.: Материалы исследования. Вып. 2. М., 2004.
- Завойкин, Сударев, 2010. Завойкин А. А., Сударев Н. И. Поселение и святилище «Береговой 4». Итоги исследований в 1999—2004 г. // Археологические открытия 1991—2004. Европейская Россия. М., 2010.
- Зеест, 1974. Зеест И. Б. Возникновение и первый расцвет Гермонассы // СА. 1974. № 83.
- Зеест, 1961. Зеест И. Б. Архаические слои Гермонассы // КСИА. 1961. № 83.
- Коровина, 1992. Коровина А. К. История исследования Таманского городища СГМИИ. 1992. Вып. X.
- Коровина, 2002. Коровина А. К. Гермонасса. Античный город на Таманском полуострове. М., 2002.
- Крыжицкий, 1982. Крыжицкий С. Д. Жилье дома античных городов Северного Причерноморья. Киев, 1982.
- Крыжицкий и др., 1989. Крыжицкий С. Д., Буйских С. Б., Бураков А. В., Отрешко В. Сельская округа Ольвии. Киев, 1989.
- Кузнецов, 1991. Кузнецов В. Д. Кепы: ионийская керамика // СА. 1991. № 4.
- Кузнецов, 1992. Кузнецов В. Д. Раскопки в Кепях 1984—1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Кузнецов, 1995. Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. 6.
- Кузнецов, 1998. Кузнецов В. Д. Раскопки последних лет в Фанагории // ТС. 1998. Вып. 1.
- Кузнецов, 2005а. Кузнецов В. Д. Клазоменская керамика из Фанагории // ДБ. 2005. Т. 10. № 1.
- Кузнецов, 2005б. Кузнецов В. Д. Фанагория: новые исследования // КСИА. 2005. № 19.
- Кузнецов, 2009. Кузнецов В. Д. Фанагория в архаическое время // Пятая Кубанская археологическая конференция: Материалы конф. Краснодар, 2009.
- Кузнецов, 2010а. Кузнецов В. Д. Фанагория — столица Азиатского Боспора // Античное наследие Кубани. Т. I. М., 2010.
- Кузнецов, 2010б. Кузнецов В. Д. О времени основания Фанагории // ДБ. 2010. Т. 14. № 1.
- Кузнецов, Завойкин, 2010. Кузнецов В. Д., Завойкин А. А. О мастерских фанагорийских ювелиров (?) второй половины VI в. до н. э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в I в. до н. э. — I в. н. э.: Ремесла и промыслы: Материалы XI Боспорских чтений. Керчь, 2010.
- Лапин, 1966. Лапин В. В. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев, 1966.
- Ломтадзе, 2006. Ломтадзе Г. А. Отчет о работах Таманской археологической экспедиции ГИМ в районе станицы Ахтанизовской Темрюкского района Краснодарского края в 2005 году. М., 2006 // Архив ИА РАН. Р-1. № 6/н.
- Ломтадзе, 2008. Ломтадзе Г. А. Отчет о работах Восточно-Боспорской археологической экспедиции ИА РАН на поселении Вышестеблиевская 10 к северу от станицы Вышестеблиевская Темрюкского района Краснодарского края в 2008 году. М., 2008 // ОПИ ИА РАН.
- Ломтадзе, 2009. Ломтадзе Г. А. Античные керамические комплексы VI—II вв. до н. э. раскопок поселения Вышестеблиевская 10 // Пятая Кубанская археологическая конф.: Материалы конференции. Краснодар, 2009.
- Ломтадзе, Камелина, 2008. Ломтадзе Г. А., Камелина Г. А. Первые итоги исследования античного памятника на северо-востоке Таманского полуострова — «Ахтанизовская 4» // ДБ. 2008. Т. 12/II.
- Онайко, 1980. Онайко Н. А. Архаический Торик. Античный город на северо-востоке Таманского полуострова. М., 1980.
- Паромов, 1992. Паромов Я. М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. Рукопись депонирована ИНИОН РАН. № 47103 от 1.10.1992.
- Паромов, 1994. Паромов Я. М. Ахтанизовская «батарея» (укрепленное поселение на Таманском Полуострове) // БС. 1994. 4.
- Паромов, 2006. Паромов Я. М. Таманский полуостров в раннеантичное время (VI—V вв. до н. э.) // ДБ. 2006. Т. 10.
- Сокольский, 1963. Сокольский Н. И. Из истории Северо-Западной части Таманского полуострова в античную эпоху // Материалы VI международной конф. классических наук стран. София, 1963.
- Сокольский, 1973. Сокольский Н. И. Культ Афродиты в Кепях конца VI—V в. до н. э. // ДБ. 1973. № 4.
- Сокольский, 1975. Сокольский Н. И. Новые раскопки в Кепях // Actes de la XIIe Conference d'Études Classiques "Eirene" — 1972. Bucureşti — Amsterdam, 1975.
- Соловьев, 1999. Соловьев С. Л. Отчет о раскопках поселения Волна 1 (Темрюкский район Краснодарского края) в 1998 году. СПб., 1999 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1. № 21989.
- Соловьев, 2000. Соловьев С. Л. Отчет о раскопках поселения Волна 1 (Темрюкский район Краснодарского края) в 1999 году. СПб., 2000 // Архив ИА РАН. Ф. 1. Р-1, № 23165.
- Соловьев, Бутягин, 2002. Соловьев С. Л., Бутягин А. М. Архаические комплексы поселения Волна 1 в окрестностях Гермонассы // ТС. 2002. Вып. 4.
- Соловьев, Шепко, 2004. Соловьев С. Л., Шепко Л. Г. Архаические памятники сельской округи Акры. Поселение Заветное 5. СПб., 2004.
- Сударев, 2010. Сударев Н. И. Отчет об охранных археологических исследованиях на поселении «Волна 4» Темрюкского района Краснодарского края в зоне строительства подъездных путей ЗАО «Таманьнефтегаз» в 2006—2007 гг. М., 2010 // ОПИ ИА РАН.
- Таскаев, 1999. Таскаев В. Н. Подводная археология и палеогеографическая реконструкция Патрея // Патрей: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 1999.
- Финогенова, 2005. Финогенова С. И. Очерк истории Гермонассы по материалам раскопок последних лет // ДБ. 2005. Т. 8.
- Schlotzhauer, Zhuravlev, 2009. Schlotzhauer U., Zhuravlev D. Greek Colonization in the Northern Black Sea: Russian — German Investigations in the North of the Taman Peninsula // Archaeological Institute of America. 110th Annual Meeting. January 8—11, 2009. Philadelphia (Pennsylvania).
- Højte, 2008. Højte J. M. The Cities that Never Were. Failed Attempts at Colonization in the Black Sea // BSS. 2008. Vol. 8.

ПОСЛЕДСТВИЯ ОБМЕРОВ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ

В 1979 г. Донская экспедиция переместилась на Кубань и вскоре стала называться Северо-Кавказской. В том же году были проведены довольно крупные работы: раскопки курганные могильники Лебеди I и Лебеди II, проведены раскопки на остатках Пашковского VI городища, начаты работы на грунтовом могильнике Лебеди III. Одновременно были предприняты разведки памятников по берегам Краснодарского водохранилища. В 1980 г. экспедиция по заданию краевого отделения ВООПИК начала работы по составлению археологической карты Усть-Лабинского района. В последующие годы разведки приобрели систематический характер. Ежегодно создавались специальные разведочные отряды, во главе которых в 1980 г. стояли В. К. Гугуев и А. Н. Гей, в 1981 — С. А. Науменко и И. С. Каменецкий, в 1982 — И. С. Каменецкий, в 1983 — Е. И. Савченко. Разведки вышли далеко за пределы Усть-Лабинского района, и мы получили возможность выделить отдельные группы памятников, которые возможно толковать как отдельные меотские племена [Каменецкий, 1985; 1989, с. 226]. Разведочные работы продолжались и в последующие годы.

Мы вели сплошные или «ковровые» разведки, которые требуют затраты значительных сил и средств. Работа разведочных отрядов обычно продолжалась около месяца. Велась инструментальная съёмка памятников — как известных ранее, так и вновь обнаруженных. Особое внимание уделялось городищам как памятникам наиболее сложным. Более чем обычный подъёмный материал с городищ, особенно распахиваемых, позволяет давать достаточно глубокие характеристики не только группам памятников, но и отдельным городищам как в области датировок, так и в области культурной принадлежности. В своё время, характерные для таких разведок, Д. Б. Шелов, ссылаясь на Г. Е. Арешяна, указал, что они в хорошо исследованных районах Армении увеличили число известных памятников в несколько раз [Шелов, 1984, с. 7]. Разведки на Кубанских памятниках дали аналогичные результаты.

Усть-Лабинский район считался хорошо исследованным, одним из наиболее полностью исследованных районов Краснодарского края. Работы на его территории начались ещё в конце XIX в. и связаны с именем В. Б. Беренштама [Беренштам, 1882]. В это же время стали появляться сведения о случайных находках [О случайном открытии...; Письмо из Кубани...; Комитет...]. На начало XX в. приходится широко известные раскопки Н. И. Веселового на «золотом кладбище» [Гущина, Засецкая, 1994]. После революции работы вели А. А. Миллером [Миллер, 1926], М. В. Покровским [Покровский, 1937] и Н. В. Анфимовым [Анфимов, 1951]. Указанные работы дали возможность уже в 1937 г. опубликовать

археологических памятников, на которой в пределах Усть-Лабинского района было указано 3 городища и 3 могильника [Покровский, Анфимов, 1937]. После войны работы продолжались под руководством Н. В. Анфимова [Анфимов, 1948; 1949—1950; и др.].

Нашими работами было открыто не так уж много новых поселений — всего 26, куда входят, по-видимому, и некоторые памятники ранее открытые Н. В. Анфимовым, но которые могли быть опознаны из-за отсутствия или недостаточности описаний. В общей сложности на территории района известно сейчас 59 поселений, в большинстве случаев, городищ. Четыре памятника — Тенгинское III, Киевское, Ново-Лабинское II и Октябрьское — были отнесены к эпохе средневековья. Культурная принадлежность Будёновского селища не определяется из-за недостатка подъёмного материала. Наконец, 8 уже известных городищ исследованы в должной мере, и, хотя отнесены к меотской культуре, использовать их для каких-либо выводов рискованно.

Меотские городища, за редкими исключениями, разделены рвами на большее или меньшее число участков с выделенной «цитаделью», с культурным слоем, мощность которого сокращается к периферии, что отражает последовательность освоения участков [Каменецкий, 1971]. Иногда к городищам примыкают неукрепленные участки, которые ещё не успели, как мы думаем, защитить рвом. Вероятно, рвы дополнялись валами, но сейчас это видно только в редких случаях. Не очень ясно назначение цитаделей. Представляется, что это территория первоначального поселения, времени его возникновения (рис. 1). По мере роста населения застраиваются новые участки, вокруг которых также возникают укрепления (рис. 2). По мере роста старые рвы, оказавшиеся внутри поселения, постепенно засыпаются. И только ров вокруг «цитадели» сохраняется в первоначальном виде или даже углубляется. Это указывает на особую роль «цитадели». Думается, что уже в момент поселения на этом участке возникает какое-то святилище. По мере роста поселения оно оказывается старейшим, и, следовательно, наиболее почитаемым. Возможно, что рядового населения на этом участке уже нет, только люди, как-то связанные с этим святилищем. Поэтому обособленность, выходящая в сохранении рва, подчёркивается. При этом надо отметить, что в большинстве случаев площадь «цитадели» невелика (рис. 3). И на ней может разместиться ограниченное число жилищ (рис. 4).

Все городища расположены вдоль рек на высоких террасах или коренном берегу. Размеры городищ сильно варьируют, достигая иногда очень больших размеров. Поражает близость расположения городищ: например, расстояние между внешними рвами Васюринского и Воронежских I и II городищ составляет всего 35 м [Каменецкий, 1998]. Практически сливаются Воронежские I и II городища. Без перерыва на километры протянулись Воронежские III и IV городища, заняв весь правый берег Кубани между ст. Воронежской и г. Усть-Лабинском. Имеются городища с двумя «цитаделями», которые следует рассматривать как слившиеся в результате роста первоначально самостоятельные небольшие поселения (рис. 5). Обычно городища расположены на расстоянии зрительной связи. С каждого городища видно, как минимум, два соседних, а иногда и больше. Эта плотность расселения и ставила нас заняться некоторыми расчётами.

Довольно отчётливо выделилась усть-лабинская группа городищ (рис. 6). Она не совсем совпадает с границами нынешнего района, но ожидать полного совпадения и не приходилось.

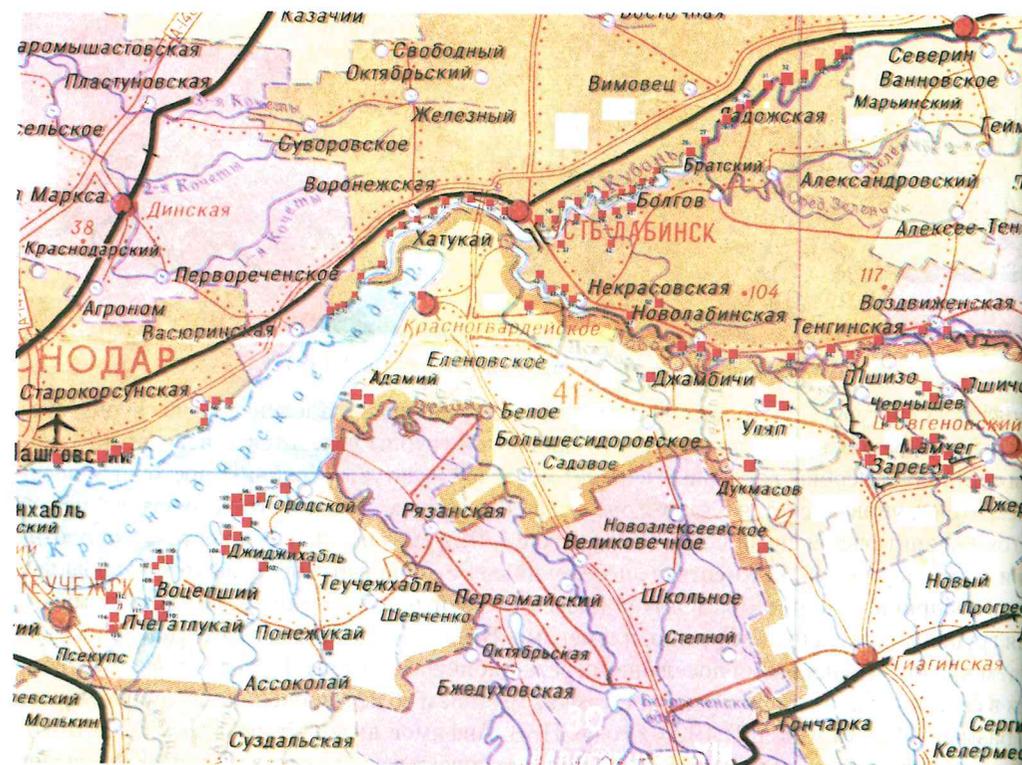

Рис. 6. Схема расположения меотских поселений усть-лабицкой группы и её соседей: 1 — Васюринское I городище; 2 — Васюринско-Воронежское II городище; 3 — городище Лесной Кордон I; 4 — городище Лесной Кордон II; 5 — городище Лесной Кордон III; 6 — Воронежское II городище; 7 — Воронежское поселение; 8 — Воронежское I городище; 9 — Карпенковское городище; 10 — Воронежское III городище; 11 — Воронежское IV городище; 12 — Усть-Лабинское IV городище; 13 — Усть-Лабинское I городище; 14 — Усть-Лабинское II городище; 15 — Усть-Лабинское I городище; 16 — поселение Разрытый Бугор; 17 — городище Разрытый Спуск (Усть-Лабинское 6?); 18 — городище Разрытое (Усть-Лабинское 6?); 19 — городище Спорное; 20 — городище Дружба V; 21 — городище Дружба I; 22 — городище Дружба II; 23 — городище Дружба III; 24 — городище Дружба IV; 25 — Ладожское IV городище; 26 — Тополёвое городище; 27 — Ладожское III городище; 28 — Газопроводное городище; 29 — Ладожское II городище; 30 — Ладожское I городище; 31 — Ладожское V городище; 32 — Ладожское VII городище; 33 — Ладожское IX городище; 34 — Ладожское X городище; 35 — Ладожское VIII городище, западная часть (Мирзап); 36 — Ладожское XI городище, восточная часть (Мирвос); 37 — речное городище; 38 — Кубанское городище; 39 — городище Коллектив I; 40 — городище Коллектив II; 41 — городище Коллектив II; 42 — Кадухинское селище; 43 — поселение Пункт 1; 44 — Некрасовское I городище; 45 — Некрасовское II городище; 46 — Некрасовское III городище; 47 — Ново-Лабинское I поселение; 48 — Ново-Лабинское I городище; 49 — Ново-Лабинское III городище; 50 — Ново-Лабинское II городище; 51 — Ново-Лабинское IV городище; 52 — Мухинское поселение; 53 — Тенгинское I городище; 54 — Тенгинское I городище; 55 — Тенгинское II городище; 56 — Воздвиженское III городище; 57 — Воздвиженское II городище; 58 — Воздвиженское I городище; 59 — Старо-Корсунское II городище; 60 — Старо-Корсунское IV городище; 61 — Старо-Корсунское I городище; 62 — Старо-Корсунское III городище; 63 — хут. Ленина III городище; 64 — хут. Ленина II городище; 65 — хут. Ленина I городище; 66 — ашксовское VI городище; 67 — поселение Беляево I; 68 — Адамийского карьера напротив «позднемеотское поселение (III)»; 69 — Адамия аула «поселения эпохи ранней бронзы и позднемеотское (V)»; 70 — Красногрудейское II поселение; 71 — Салтановское городище; 72 — поселение Джамбичи II; 73 — Уляпское городище; 74 — Уляпское поселение; 75 — Дукмасовское городище; 76 — городище Медовка; 77 — поселение Зарево I; 78 — поселение Зарево II; 79 — поселение Ульский Пенькозавод II; 80 — поселение Ульское VII; 81 — поселение Ульское VI; 82 — поселение Колясыж I; 83 — поселение Колясыж II; 84 — поселение Колясыж III; 85 — городище Мамхег Левобережный; 86 — городище Мамхег Правобережный; 87 — Семеновское поселение; 88 — городище Чемдэж; 89 — Чернышевское I поселение; 90 — Чернышевское II поселение; 91 — Хатажукаевское городище; 92 — Городское поселение; 93 — Пишишское поселение; 94 — поселение Чишко; 95 — поселение Пхагугапе; 96 — Тауйхабльское городище; 97 — городище Джиджихабль; 98 — Барсучье городище; 99 — Красное городище; 100 — Новопчасовское городище; 101 — Шекуйхабльское городище; 102 — Слепое городище; 103 — поселение Копанежий; 104 — «памятник» Пундук I; 105 — селище Зачистка № 1; 106 — селище Зачистка № 5; 107 — селище Зачистки № 11 и 13; 108 — Ново-Вочепшійское городище; 109 — Вочепшійское II городище; 110 — Вочепшійское I городище; 111 — поселение Пчегатлука IV; 112 — Гатлукаевское I городище; 113 — Гатлукаевское II городище; 114 — Меотское поселение № 2; 115 — Меотское поселение № 1.

10, кажется, они не отделяли его от Васюринско-Воронежского II, у которого описали только остатки цитадели. Не исключено, что оно было впервые выделено нами в 1979 г. В 1982 г. был снят план [Каменецкий, 1982a, с. 11-26; 1997]. Городище состоит из трёх частей, разделённых рвами. Последовательность освоения участков уверенно определяется. Характерной цитадели нет, судя по всему, она разрушена рекой. И поэтому за первоначальную территорию принимается самый ранний из сохранившихся участков, но и он сохранился не полностью. Осмотр 2001 г. показал, что размыв берега продолжается [Кочкар, 2002]. Васюринско-Воронежское II городище расположено рядом. В 1979 г. сохранялся ещё небольшой фрагмент цитадели и значительный участок рва, её окружавший, которые не давали основания судить о размерах цитадели. В 1982 г. был снят план. Мы имеем только размеры внешней части, которая тоже частично разрушена [Каменецкий, 1982a, с. 26-29]. При посещении 2001 г. установлено, что остатки цитадели и окружавший её ров полностью разрушены рекой, несмотря на то, что у основания обрыва растёт лес, который должен бы препятствовать размыву. Васюринско-Воронежское II городище расположено на мысу, образованном долиной Кубани и правым берегом поперечного глубокого оврага, по дну которого течёт значительный ручей. Вероятно, этот ручей показан на карте Е. Д. Фелицына 1896 г. как «Изрядный источник посты 1797—1861». Пост находился на Васюринско-Воронежском I городище [Фелицын, 1896]. На мысу, образованным левым берегом этого оврага, расположено городище Лесной Кордон I. От него сохранился значительный участок внешней части, защищенной с западной стороны рвом. Цитадель, по-видимому, уничтожена размывом берега. И обрушение берега продолжается [Каменецкий, 1982a, с. 29-32]. Городища Лесной Кордон II и III не имеют заметных нарушений. У них отчётливо выделяются цитадели [Каменецкий, 1982a, с. 32-37]. Воронежское II городище упомянуто Н. В. Анфимовым в 1935 г. [Анфимов, 1935, л. 5-6]. и помещено на карте Покровского — Анфимова под № 23 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. К. Гугуев снимает план, который И. С. Каменецкий уточняет в 1982 г. Городище большое, состоит из многих частей, последовательность освоения которых уверенно

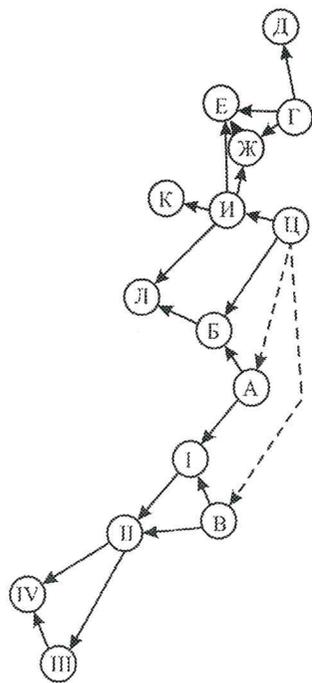

Рис. 7. Последовательность освоения участков Воронежского II городища

от размыва берега [Каменецкий, 1982а, л. 88–90]. Усть-Лабинское IV городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 27 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. К. Гугуев произвел съемку городища. Памятник практически уничтожен, по сохранившимся остаткам невозможно составить представление о его первоначальном виде [Каменецкий, 1982а, с. 93–95]. Усть-Лабинское III — это то городище, которому принадлежит знаменитый Усть-Лабинский № 2 могильник. Известно с 1890 г. [Живило, 1890]. В 1982 г. И. С. Каменецкий произвел съемку. Городище очень сильно пострадало, в частности, в результате устройства спуска к мосту через Кубань [Каменецкий, 1982а, с. 95–97]. Усть-Лабинское II городище известно с 1925 г., когда А. А. Миллер произвел съемку городища [Миллер, 1925, с. 28, 41, 42]. В 1982 г. И. С. Каменецкий вновь производит съемку. Цитадель не сохранилась, внешняя часть находится под сельской застройкой и размывается Кубанью [Каменецкий, 1982а, с. 98–101]. Усть-Лабинское I городище известно с 1928 г., когда его посетил Н. В. Анфимов [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 408]. На карте Покровского — Анфимова оно помещено под № 30 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1982 г. произведена съемка. Цитадель практически скрыта, но контуры её с напольной стороны прослеживаются, со стороны реки она частично размыва [Каменецкий, 1982а, с. 101–105]. Городище Разрытый Бугор I снято в 1980 г. А. Н. Гей. Цитадель не сохранилась. Допускается, что его следует объединить с го-

определяется (рис. 7). Участок, который принят за цитадель, стично разрушен. Учитывая его размеры, он, возможно, не цитаделью, но из сохранившихся он, несомненно, самый ранний [Каменецкий, 1982а, л. 37–50]. План Воронежского поселения снят В. К. Гугуевым в 1980 г. и уточнен И. С. Каменецким в 1982 г. Оно состоит из одного участка, частично размываемого Кубанью. Не исключено, что входит в Воронежское II или Воронежское I городище, между которыми находится [Каменецкий, 1982а, л. 51–52]. Воронежское I городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 24 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. К. Гугуев снял план, который в 1982 г. уточнен И. С. Каменецким. Городище состоит из 7 участков, повреждено карьером [Каменецкий, 1982а, л. 52–60]. Часть цитадели уже в 1890 г. обрушилась в Кубань [Живило, 1890б]. План Курдюковского городища снят в 1982 г. Памятник попорчен «ворьями», из которых жители брали глину, но структура читается отчетливо [Каменецкий, 1982, с. 61–64]. Воронежское III городище помещено на карте Покровского — Анфимова под № 28 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. А. Гугуев снял план. Та часть, которую считаем цитаделью, возможно ею не является — великовата по размерам. Значительная площадь внешних частей ушла в реку [Каменецкий, 1982а, л. 64, 76–88]. Воронежское IV городище помещено на карте Покровского — Анфимова под № 26. [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. К. Гугуев снял план. И цитадель, и другие части значительно пострадали от размыва берега [Каменецкий, 1982а, л. 88–90]. Усть-Лабинское IV городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 27 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1980 г. В. К. Гугуев произвел съемку городища. Памятник практически уничтожен, по сохранившимся остаткам невозможно составить представление о его первоначальном виде [Каменецкий, 1982а, с. 93–95]. Усть-Лабинское III — это то городище, которому принадлежит знаменитый Усть-Лабинский № 2 могильник. Известно с 1890 г. [Живило, 1890]. В 1982 г. И. С. Каменецкий произвел съемку. Городище очень сильно пострадало, в частности, в результате устройства спуска к мосту через Кубань [Каменецкий, 1982а, с. 95–97]. Усть-Лабинское II городище известно с 1925 г., когда А. А. Миллер произвел съемку городища [Миллер, 1925, с. 28, 41, 42]. В 1982 г. И. С. Каменецкий вновь производит съемку. Цитадель не сохранилась, внешняя часть находится под сельской застройкой и размывается Кубанью [Каменецкий, 1982а, с. 98–101]. Усть-Лабинское I городище известно с 1928 г., когда его посетил Н. В. Анфимов [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 408]. На карте Покровского — Анфимова оно помещено под № 30 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1982 г. произведена съемка. Цитадель практически скрыта, но контуры её с напольной стороны прослеживаются, со стороны реки она частично размыва [Каменецкий, 1982а, с. 101–105]. Городище Разрытый Бугор I снято в 1980 г. А. Н. Гей. Цитадель не сохранилась. Допускается, что его следует объединить с го-

родище Разрытый Бугор II [Гей, 1980б, с. 35–37]. Городище Разрытый Бугор II в 1980 г. снял Н. Гей. Допускает, что это Усть-Лабинское V городище [Гей, 1980б, с. 38–40]. Если это так, то оно известно с 1930 г., когда его посетил Н. В. Анфимов [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 410 сл.], а на карте Покровского — Анфимова оно обозначено под № 31 [Покровский, Анфимов, 1937]. Городище Разрытый Бугор III (Разрытый Спуск) в 1980 г. снял А. Н. Гей, который допускает, что это Усть-Лабинское VI городище [Гей, 1980б, с. 40–42]. Если это так, то оно известно с 1930 г. по посещению Н. В. Анфимова [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 411], а на карте Покровского — Анфимова городище идет под № 32 [Покровский, Анфимов, 1937]. Последним городищем усть-лабинской правобережной группы является городище Спорное. Оно снято в 1980 г. А. Н. Гей [Гей, 1980б, с. 42–46]. Сейчас оно известно, прежде всего, как некрополь, на котором в 2003–2004 гг. раскопано 536 погребений [Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005, с. 172; Раев, Марченко, 2005].

Что касается Закубанья, то вхождение тамошних поселений в усть-лабинскую группу может быть подвергнуто сомнению. Кубань уже сама по себе является достаточной естественной преградой и могла служить границей. И с памятниками здесь не очень ясно. Они находятся на территории Адыгеи и не были нами обследованы должным образом. Если считать, что на левом берегу граница проходила примерно там же, где и на правом, то к ней должны были принадлежать памятники, расположенные в Белореченском р-не Краснодарского края и Красногвардейском р-не Адыгеи. Памятники, расположенные ниже по течению, в Теучежском р-не Адыгеи, в этом случае должны были быть отнесены к краснодарской группе, если, конечно, Кубань не была границей.

В Белореченском р-не известно только одно меотское поселение. Это Беляево I, где в 1994 г. В. А. Тарабановым в размываемой части средневекового поселения «встречена меотская сероглиняная керамика конца I тыс. до н. э. и первых веков н. э.» [Тарабанов, 1995, с. 179]. Из того же хутора происходят находки из частной коллекции, скорее всего, из погребальных комплексов [Вальчак, Пьянков, Хачатурова, Эрлих, 2005, с. 146 сл.]. Хутор расположен на берегу Краснодарского (Тшицкого) водохранилища. Остальные открытия сделаны южнее — это курганные погребения и случайные находки. И это всё. Как видим, из поселений имеем только Беляево I, и то маловыразительное.

Не очень много памятников и в Красногвардейском р-не Адыгеи. И здесь тоже преобладают погребения и случайные находки. В 1931 г. Н. В. Анфимов, идя от Адамия вверх по течению Кубани, обнаружил селище, на котором собрал материал меотского времени [Анфимов, Хачатурова, 2006, с. 340 сл.]. Определить местонахождение этого селища трудно, так как в районе хутора Адамия обнаружена три поселения: «позднемеотское (III)», «позднемеотское или раннесредневековое поселение (IV)» и «поселения эпохи ранней бронзы и позднемеотское (V)» [Носкова, 1986, л. 146 сл.]. Какое из них тождественно анфимовскому — непонятно. В 1982 г. Э. С. Шарафутдинова копала Красногвардейское II поселение, верхний слой которого дал протомеотский материал IX–VIII вв. до н. э. [Бочкарев, 1988; Шарафутдинова, 1991]. Раскопки были продолжены в 1984 и 1985 гг. [Шарафутдинова, 1986, с. 111; 1987, с. 159 сл.]. Это те памятники, которые расположены на левых террасах Кубани. И здесь нет ни одного городища, а только поселения, площадь которых не определяется.

Выше по течению Кубани от устья Лабы, в Усть-Лабинском р-не, известна серия городищ, планы которых были сняты нашей экспедицией. Это расположенные по Кубани городища Заречное, Кубанское, Коллектив I, II и III [Гей, 1980; Науменко, 1981; Каменецкий, 1981]. Городище Коллектив II находится примерно напротив городищ Дружба I—IV, где провели восточную границу группы. Из указанных городищ Заречное уничтожено карьером, а Коллектив III — трубопроводом. Остальные, кажется, повреждены размывом, но в последнее время берег задернован. Только городище Коллектив II продолжает размываться. На Мамаевом Заречье (левый приток Кубани) около хут. Кадухина находится Кадухинское поселение, которое в древности было более обширным, чем сейчас. Площадь его, как и других поселений, не определена [Науменко, 1981, с. 8-9].

Мы присоединили к нашей группе и городища по Лабе, до ст. Воздвиженской включительно. Выше по течению имеется перерыв, который мы рассматриваем как границу. Если идти по правому берегу от устья вверх, то первым будет поселение «Пункт 1», расположенный недалеко от западной окраины ст. Некрасовской. Здесь в 1981 г. И. С. Каменецкий произвел небольшие сборы меотской керамики [Каменецкий, 1981, с. 68—69]. Затем идут городища Некрасовских городища, расположенных на территории станицы. Первое расположено на западной окраине. Оно было помещено ещё на карте 1783 г. как «гор.[одь] пустой построены франками» [Каменецкий, 2002, с. 21]. Потом неоднократно посещалось, но инструментальная съёмка была выполнена только в 1981 г. [Науменко, 1981]. Некрасовское II городище обнаружила в 1981 г. С. А. Науменко в центральной части станицы и произвела съёмку [Науменко, 1981, с. 2-3]. Некрасовское III городище в 1979 г. нашли И. С. Каменецкий и С. А. Науменко, позднее С. А. Науменко выполнила инструментальную съёмку [Науменко, 1979]. В 1930 г. Н. В. Анфимов «на юго-восточной окраине ст-цы Некрасовской на правом (правом) берегу р. Лабы обнаружил селище» [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 40]. В 1937 г. оно помещено на карте Покровского — Анфимова под № 44 [Покровский, Анфимов, 1937]. Однако обнаружить это селище ни С. А. Науменко, ни нам не удалось. Возможно, оно соответствует Некрасовскому III городищу.

Река Лаба является достаточно серьёзным препятствием и неясно, представляются расположенные по её берегам городища единой группой. На левом берегу Лабы городища известны в Красногвардейском и Шовгеновском районах (рис. 6). В Красногвардейском районе это поселение Джамбичи II, исследованное В. Р. Эрлихом в 1988 г., была проведена инструментальная съёмка [Лесков, Габуев, Днепровский, Самойленко, Эрлих, 1988, л. 129, рис. 67, 68)]. Салтановское городище в 1930 г. посетил Н. В. Анфимов [Хачатурова, Анфимов, 2005, с. 410]. Оно обозначено на карте Покровского — Анфимова под № 48, каких сведений о размерах нет, указано только, что «его центральная часть резко выделяется над окружающей местностью» [Покровский, Анфимов, 1937]. Уляпское городище обнаружено А. А. Миллером в 1926 г. [Миллер, 1926]. В 1988 г. В. Р. Эрлих произвел инструментальную съёмку. Городище находится под усадьбами хут. Уляп [Лесков, Габуев, Днепровский, Самойленко, Эрлих, 1988, л. 124, рис. 64]. В том же году В. Р. Эрлих обнаружил поселение Уляп в 2,2 км к востоку от аула [там же].

В Шовгеновском районе, расположенном выше по течению Лабы, поселений больше не потому, что здесь больше плотность расселения, а, по-видимому, потому что здесь

работала экспедиция Музея востоковедения. Собственно, зона её работ начинается с Уляпского городища. В Шовгеновском районе известно 17 памятников — 6 городищ и 11 поселений. Дукновское городище В. Р. Эрлих посетил в 1988 г., а в 1990 г. шурфовал его [Эрлих, 1990, с. 8—9]. В те же годы В. Р. Эрлих обнаружил и шурфовал городище Медовка [Эрлих, 1990, с. 5—7]. Инструментальной съёмки этих городищ, насколько нам известно, он не производил. В 1987 г. К. А. Днепровский находит поселения Звереве I—II, Ульские VI—VII, Коляж I—III, Серегинское, Чернышевские I—II, но указывает только продольно-поперечные размеры, по которым вычислить площадь с необходимой точностью невозможно. К тому же в поселении размещение жилищ может быть более свободным, чем на укрепленном поселении. На Серегинском поселении раскопано 10 м² [Лесков, Днепровский, 1987]. Поселение Ульское Пенькозавод II обнаружено в 1987 г. К. А. Днепровским и В. Г. Самойленко, в 1990 г. его шурфовал В. Р. Эрлих [Эрлих, 1990, л. 12—15]. В 1982 г. А. Н. Гей осмотрел городища Мамхег Левобережный и Мамхег Правобережный, на первом он выполняет глазную съёмку, а на втором — инструментальную [Гей, 1982, л. 22—25; Каменецкий, 1990, с. 89]. Городище Чемдэж найдено в 1987 г., тогда же К. А. Днепровский снял план, определив площадь в 19,5 га, указав, что цитадель имела 100 м в диаметре [Лесков, Днепровский, 1987]. В 1990 г. В. Р. Эрлих отметил, что на цитадели имеется заплывшая траншея Н. И. Веселовского, и заложил 2 шурфа [Эрлих, 1990, л. 9-11]. Наконец, Хатажукаевское городище раскопал ещё в 1899 г. тремя глухими траншеями Н. И. Веселовский, приняв его за курган [Веселовский, 1899; Бобринский, 1902, с. 51 сл.; Спицын, 1918, с. 143].

На этом городища и поселения, которые могут быть включены в усть-лабинскую группу, не исследованы. Они распадаются на три части, будучи разделёнными Кубанью и Лабой: правобережную, левобережную выше устья Лабы и по её правому берегу, левобережную ниже устья Лабы и по её левому берегу (рис. 6). Ещё раз повторим, что каждая из них может быть вполне самостоятельной. Третью группу мы не используем в расчётах, так как данных для этого явно недостаточно.

В нашем распоряжении имеются ещё сведения о городищах правобережной части ладожской группы, которые мы тоже используем в расчётах. Здесь имеется 17 памятников. Отметим, что все они укрепленные, что представляет резкий контраст с памятниками левого берега Лабы. По-видимому, обстановка на правом берегу Кубани была более опасной, рядом была кочевая степь.

Группа городищ Дружба I—V обнаружена в 1982 г. На всех была проведена инструментальная съёмка. Сборы были датированы II—III вв. н. э. для Дружбы I, I в. до н. э. — I в. н. э. для Дружбы II, III в. н. э. для Дружбы III и римским временем для Дружбы V. Материал с Дружбы IV не дал возможности для датировки. Все они небольшие, имеют цитадели и следов разрушения не заметно. [Каменецкий, 1982 б, с. 32—48]. Ладожское IV городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 33 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1982 г. произведена съёмка [Каменецкий, 1982 б, л. 54—55]. Съёмка Тополевого городища проведена в 1982 г. Оно сильно заросло лесом и удалось выявить только часть, цитадель частично разрушена [Каменецкий, 1982 б, с. 56-57]. Ладожское III городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 34 [Покровский, Анфимов, 1937]. Съёмка произведена в 1982 г. [Каменецкий, 1982 б, л. 57-64]. При обследовании 1982 г. от Ладожского II городища был

отделен участок, получивший название Газопроводное городище. Тогда же была произведена съёмка. Через городище проведен газопровод, и в центре имеется яма, похожая на раскопки [Каменецкий, 1982б, с. 65–66]. Ладожское II городище показано на карте Покровского Анфимова под № 35 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1982 г. произведена съёмка. Особых разрушений не отмечено [Каменецкий, 1982 б, л. 66–71]. Ладожское I городище показано на карте Покровского — Анфимова под № 36 [Покровский, Анфимов, 1937]. В 1982 г. произведена съёмка. Городище практически полностью уничтожено карьером, но структура его прослеживалась [Каменецкий, 1982б, л. 72–75]. Ладожское V городище обнаружено Н. В. Анфимовым в 1928 г. [Анфимов, 1944, л. 21]. На карте Покровского — Анфимова помещено под № 37 [Покровский, Анфимов, 1937]. Съёмка начата в 1982 г. [Каменецкий, 1982в, с. 75–76] и закончена в 1983 г. [Савченко, 1983, рис. 269–271]. Городище большое, сложное, имеет 2 или 3 цитадели (рис. 5). Ладожское VII– VIII городище, которое по нашим данным названо Конусным, обнаружено в 1944 г. Н. В. Анфимовым, который ошибочно делил его на два [Анфимов, 1944, л. 24–28]. Городище очень большое, очень сложное, имеет значительные разрушения. Ладожское IX городище осмотрено и описано Н. В. Анфимовым в 1944 г. [Анфимов, 1944, л. 28–29]. В 1983 г. Е. И. Савченко производит инструментальную съёмку. Цитадель в виде кольцевого рва расположена не на мысу, как обычно, а на ровной поверхности, несколько отступая от края коренного берега [Савченко, 1983, л. 5–7, рис. 3]. Ладожское X городище в 1944 г. осмотрено Н. В. Анфимовым [Анфимов, 1944, л. 29]. В 1983 г. Е. И. Савченко снимает план [Савченко, 1983, л. 7–10, рис. 10]. Городище Мирзап у Н. В. Анфимова, который осмотрел его в 1944 г., — это западная часть городища Ладожского XI [Анфимов, 1944; 1958, с. 32–33]. В 1982 г. И. С. Каменецкий выполнил съёмку (рис. 2) [Каменецкий, 1982б, с. 77–83]. Городище Мирвос — у Н. В. Анфимова является восточной частью Ладожского XI городища [Анфимов, 1944, л. 30; 1958, с. 32–33]. В 1983 г. Е. И. Савченко произвел инструментальную съёмку [Савченко, 1983, л. 11–15, рис. 24]. Городище отделено от Мирзапа глубоким оврагом и имеет 2 цитадели.

На этом заканчивается максимально краткая характеристика памятников, которые так или иначе используем в данной работе. Это было необходимо не только для того, чтобы показать нашу базу, но и для того, чтобы разъяснить, почему указанные нами сохранившиеся размеры иногда меньше первоначальных.

В ниже приводимой таблице дан список использованных нами памятников. Размеры «цитаделей», которые мы принимаем за начальную площадь поселений (в га), обозначены So. Площадь поселений к моменту их гибели обозначаем St. В этой же таблице даны и результаты вычислений, о которых мы будем говорить позднее.

№	Название	So	St	No	Nt	t
Усть-Лабинская группа (правый берег Кубани)						
1	Вас.-Воронежское I	>4.370	>17.401	> 218	>870	197
2	Вас.-Воронежское II	?	>12.122	?	>606	?
3	Лесной Кордон I	?	8.912	?	446	?
4	Лесной Кордон II	5.347	16.597	267	830	162

№	Название	So	St	No	Nt	t
5	Лесной Кордон III	877	88.102	44	4405	658
6	Воронежское II	>19.532	289.974	>977	14.499	<385
7	п.Воронежское	?	14.764	?	738	?
8	Воронежское I	>475	134.703	> 24	6735	<807
9	Карпенковское	1.125	16.100	62	805	365
10	Воронежское III	9.460	>137.088	473	>6.854	>382
11	Воронежское IV	>1.120	>23.082	>56	>1.154	432
12	Усть-Лабинское IV	Уничтожено				
13	Усть-Лабинское III	>>690	>>35.440	>>35	>>1.772	563
14	Усть-Лабинское II	?	>15.750	?	>787	?
15	Усть-Лабинское I	>1.196	81.646	>60	4.082	<603
16	п. Разрытый Бугор	?	38.400	?	1.920	?
17	Разрытый Спуск	656	82.356	33	4.118	690
18	Разрытое	4.344	93.444	217	4.672	438
19	Спорное	2.616	131.916	131	6.596	560
Ладожская группа (правый берег Кубани)						
20	Дружба V	1.334	21.559	67	1.078	397
21	Дружба I	2.629	32.979	131	1649	361
22	Дружба II	1.137	9.262	57	463	300
23	Дружба III	989	12.814	49	641	366
24	Дружба IV	2.111	37.936	105	1.897	413
25	Ладожское IV	2.641	?	132	?	?
26	Тополёвое	900	>>3.300	45	>>165	>>186
27	Ладожское III	2.263	142.299	113	7.115	592
28	Газопроводное	1.211	6.336	60	317	236
29	Ладожское II	5.526	95.151	276	4.757	407
30	Ладожское I	4.275	83.025	214	4.151	424
31	Ладожское V	12.673	239.673	634	11.984	424
32	Ладожское VII-VIII	Нет данных				
33	Ладожское IX	228	13.694	11	685	585
34	Ладожское X	263	29.360	13	1.468	673
35	Мирзап	1.313	55.388	66	2.769	535
36	Мирвос	1.033	46.412	52	2.321	544
Усть-Лабинская группа (левый берег Кубани и правый Лабы)						
37	Заречное	Уничтожено				

Продолжение

№	Название	So	St	No	Nt	...
38	Кубанское	602	?	30	?	?
39	Коллектив I	350	13.040	17	652	517
40	Коллектив III	Уничтожено				
41	Коллектив II	>1.187	>28.062	>59	>1.403	452
42	п. Кадухинское	Нет данных				
43	п. Пункт I	Нет данных				
44	Некрасовское I	>1.782	16.722	>89	836	<32
45	Некрасовское II	1.373	3.423	69	171	130
46	Некрасовское III	Нет данных				
47	п. Ново-Лабинское	Нет данных				
48	Ново-Лабинское I	2.106	44.431	105	2.221	436
49	Ново-Лабинское III	2.100	8.500	105	425	200
50	Ново-Лабинское II	>1.971	>54.475	>98	>2.724	474
51	Ново-Лабинское IV	1.245	13.073	62	657	336

По городищам левого берега Лабы у нас сведений о площадях нет. Таким образом имеем три группы для рассмотрения: усть-лабинскую правобережную, усть-лабинскую вобережную и ладожскую. Усть-Лабинскую мы разделили на тот случай, если Кубань являлась границей. Напомним, что ладожская представлена только правым берегом Кубани, а сейчас мы знаем городища и по левому берегу, но съёмку их не производили. Да и восточная граница ладожской группы не столь очевидна.

Мы получили данные о площади городищ. Для того, чтобы получить численность населения, нам надо знать, сколько метров приходится на одного человека, на одну семью. Мы исходим из представления, что одна семья занимает одно жилище. О планировке поселения имеем представления только по раскопкам Подазовского городища в дельте Дона [Каменецкий, 1974]. Там был раскопан довольно большой участок вала и примыкающей к нему с внутренней стороны территории. Был выявлен ряд жилищ вдоль вала, двери которых выходили на улицу (рис. 8). Следующий ряд домов располагался по противоположной стороне улицы, выходившей тыльной стороной. Средний размер жилища — 6х6 м. Они были подквадратными в плане со скругленными углами (рис. 9, 10). Расстояние между домами в ряду равнялось 1 м. Ширина улицы 5 м. Следовательно, на одно жилище приходилось 77 м². Так было на раскопанном участке. Такую плотность застройки подтвердили раскопки Н. Ф. Шевченко 1989–1991 гг. в Ново-Джерелиевском III городище [Шевченко, 1989; 1990; 1991; 1992]. Возможно, какие-то площади были отведены для общего пользования, например, для народного собрания, празднований, для совершения религиозных обрядов и т. д. Учитывая это, можем округлить площадь, занимаемую одной семьёй, до 100 м². Разделив площади цитадели и всего городища на эти 100 м² получим число семей, проживавших на поселении в начальный период его существования, т. е. основавших его, и число семей в конце функционирования поселения.

Рис. 8. Жилища 22 и 23 Подазовского городища. Вид с севера (раскопки 1967 г.)

Рис. 9. Жилище 31 Подазовского городища. Вид с севера (раскопки 1971 г.)

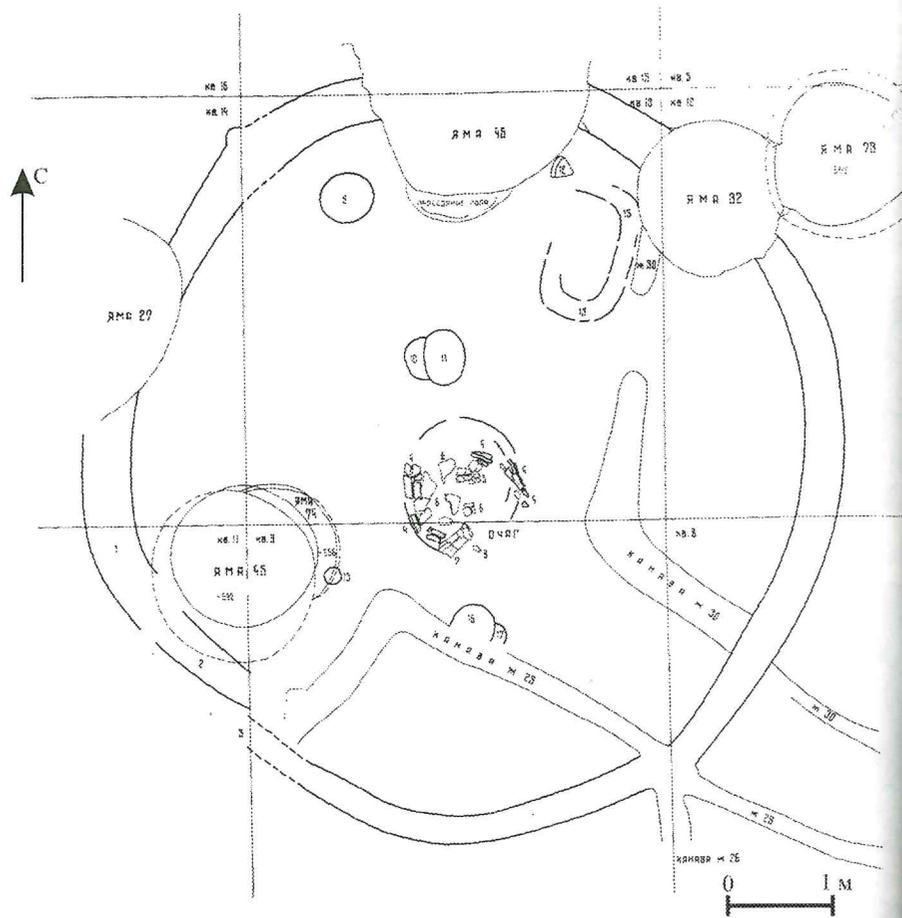

Рис. 10. План жилища 31 Подзавского городища (раскопки 1971 г.)

Средние размеры семьи принимаем за 5 человек: супружеская пара и дети. Конечно, это условность. Если опираться только на археологический материал, то можно предположить и полигамию. Допустим, есть хозяин, а жены его живут в отдельных хижинах. Этнография знает такие примеры. Судя по всему, у меотов было иначе. Кое-что нам известно из письменных источников. У Полемона сохранился рассказ о меотийке Тирготаме, жене Гекатея (*Polyaen.* VIII, 55). Судя по этому источнику, брак у меотов был моногамным, патрилокальным, допускалась возможность разводов и повторных браков как для мужчин, так и для женщин [Каменецкий, 1989]. В свете этих данных можно иначе интерпретиро-

Рис. 11. «Хлебопекарные» печи жилищ 19 и 23 Подзавского городища (раскопки 1967 г.)

археологические данные. На Подзавском городище были исследованы остатки 34 жилищ. Из них 11 сохранились настолько, что можно говорить об их устройстве. В центре каждого жилища имелся открытый очаг. И только в двух жилищах кроме очага обнаружены большие «хлебопекарные» (?) печи (рис. 11). Следовательно, такая печь обслуживала 5–6 жилищ, то дает основание предположить существование большой семьи, состоящей в среднем из 1–6 супружеских пар, для которых пища или часть её готовилась в одном из жилищ. Если предположить, что в «главной» хижине жили два человека, а в остальных по пять человек, то мы получим численность большой семьи у меотов в 22–27 человек. Широко распространено мнение, что потомками меотов являются адыгейцы, хотя серьезных доказательств этого не существует. Но и серьезных опровержений не существует тоже. Так вот — у адыгейцев существовала как раз та форма большой семьи, которую мы реконструируем. Если исходить из кавказской этнографии, то можно допустить существование и гостевой хижины. Можно допустить существование в семье и одиноких. Правда, последнее может компенсироваться наличием более многочисленных малых семей, чем 5 человек. При реализации одного из этих допущений или двух сразу размер большой семьи будет колебаться от 17–18 до 22–23 человек. В среднем на одну хижину это даёт 3,4–3,8 человека. Таким образом, возможны два варианта расчёта населения: при 5 жителях на хижину и при 3,6 жителей.

Есть и обоснования численности семьи в 5 человек. Они основываются на демографическом анализе антропологического материала из могильника Лебеди III. Определение уровня смертности у населения, оставившего этот могильник, заставляет предполагать, что для сохранения численности группы каждая женщина должна была оставить не менее 3 живых потомков. В сумме с двумя родителями получаем средний размер семьи в 5 человек. Правда,

такое число потомков обеспечивает лишь сохранение численности группы. Чтобы население увеличивалось, уровень рождаемости должен быть выше. Конечно, рост населения может происходить и за счёт притока извне, но это принимать в расчёт можно только для отдельного памятника. При общих подсчётах этот фактор теряет смысл: если на одном поселении имеется прирост за счёт мигрантов, то на другом имеем убыль. Косвенное доказательство указанного размера семьи и неизменности его во времени можно найти в работе Р. Ласлетта «Семья и домохозяйство: исторический подход» [Laslett, 1972]. Автор приводит данные о типах домохозяйств в некоторых странах Европы, в Японии и колониальной Америке в XIX-XIX веках, а также рассчитывает среднее число людей в домохозяйствах. Он выделяет структуру 5 типов домохозяйств, в которые входят в разных соотношениях главы семей, супруги, дети, родственники, слуги, посторонние лица и лица, связь которых с домохозяйством неопределима. Среднее число людей во всех исследованных домохозяйствах колеблется от 4,16 до 5,85 человек, что совпадает с принятой нами цифрой.

Теперь мы располагаем всеми данными для вычисления населения. Результаты даны в вышеприведенной таблице, где численность для этапа возникновения поселения дана в столбце No, а число жителей на финальной стадии в столбце Nt. Суммируя эти данные, получаем для финальной стадии при семье в 5 человек:

для усть-лабинской правобережной группы >61.929 человек
для усть-лабинской левобережной группы >9.089 человек
для части ладожской правобережной группы >41.460 человек.

Это заниженные цифры, так как часть городищ сохранилась неполностью, а по некоторым нет данных. И, несмотря на это, мы имеем неожиданно огромные цифры. Если первые группы представляют единство, то это племя (?) насчитывало к концу своего существования 71 тыс. человек. Напомним, что у нас нет сведений и о городищах по левому берегу Лабы, которые, возможно, тоже входили в эту группировку. Наличие могильников по левому берегу Кубани в пределах Белореченского района Краснодарского края и Красногвардейского района Адыгеи свидетельствуют о наличии поселений и тут, и не только отмеченных выше. Если учесть, что отсутствуют данные по самому большому городищу ладожской группы — Ладожскому VII—VIII (Конусному) — и по левобережным городищам, то и эта группа будет иметь аналогичные размеры, если не большие.

В этом свете данные письменных источников о количестве выставляемых меотами воинов, которые обычно расценивались как преувеличенные, выглядят не так уж фантастично. Обычно считается, что способными к несению воинской службы являются 20% населения. Можно думать, что в древности этот процент был выше — учитывая продолжительность жизни, меньше было небоеспособных стариков, раньше становились воинами, на могиле Лебеди III до 25% женщин были захоронены с оружием и часто с конями. Но если не учитывать всего этого, то и тогда усть-лабинская группа могла выставить 14200 воинов. И ещё раз напомним, что это заниженная цифра. А таких групп-племен в составе меоты были 201 лёгкой пшеницы. Предполагалось, что на пахаря приходится упряжка волов, кобыл, лошадей, которые потребляют 1400 кг зерна в год, т. е. на человека приходится по 280 кг. Следовательно, для получения 481 кг надо было засеять 0,65 га, для чего требовалось ещё 67—85 кг. В итоге

Выше говорилось о возможности другого варианта подсчёта населения. Если исходить из того, что в одной хижине жило в среднем не 5, а 3,6 человека, то получим следующие цифры: для усть-лабинской правобережной группы >44.561 человек
для усть-лабинской левобережной группы >6.542 человека
для части ладожской правобережной группы >29.851 человек.
В этом случае усть-лабинская группа могла бы выставить «всего» 10220 воинов, что уже немало. И опять напоминаем, что это заниженные цифры.

Следующий вопрос, который нам предстоит решить: сколько продукта надо, чтобы прокормить это население. Для этого следует выяснить годовое потребление для одного человека. С. Н. Бибикина, основываясь на сведениях античных авторов, определила минимальную норму в 200 кг [Бибикина, 1965]. Мы имеем некоторые данные на этот счёт для древности. И. Доватур, ссылаясь на расчёты А. Гомма [Gomme, 1933], считал, что раб в Аттике в V вв. до н. э. потреблял в год 6 медимнов зерна [Доватур, 1980, с. 54]. В переводе в наши дни это 315 л или 233 кг (считая, что 100 л весят 74 кг). А. И. Павловская использовала данные архива Зенона для III в. до н. э. в Египте. Зенон был управляющим поместьем, как сказали бы теперь, многопрофильным. Но был и дом в Александрии, который он снабжал продуктами. У него были постоянные работники, были рабы, на винограднике работали сирийцы. Оплата шла, главным образом зерном или печеным хлебом. Зерно получали в виде заработной платы, хлеб получали рабы. Разные категории людей получали различное количество зерна — от 222 до 741 кг в год, а сирийцы мужчины получали даже 887 кг ячменя. Правда, это присутствие половозрастного разделение. Указанное количество получали именно мужчины, юноши уже только 591 кг, а женщины и дети — по 296 кг [Павловская, 1969, с. 290]. В пересчёте на семью из 5 человек получается 473 кг на человека. Это наиболее высокая оплачиваемая часть работников. Выдавались зерно или хлеб и на содержание семьи. Обычная норма потребления хлеба взрослым человеком была равно 1 артобе в месяц [Павловская, 1969, с. 274]. Считая, что артоба равнялась 55,08 л или 41,18 кг, получаем 494 кг в год. Минимальная цифра (222 кг в год) — это пропитание раба. Для более привилегированных в выдачу, по-видимому, входило не только питание, но и собственно оплата. Пауль Эрнст указывал, что римский воин во времена Цезаря кроме денежной оплаты ежемесячно «получал 2/3 медимна (медимн — 54 литра) зерна, т. е. четыре модия, а позднее даже пять модиев. Раб, который питался только хлебом, получал ежемесячно столько же» [цитируем по: Эрнст, 1923, с. 66]. Медимн — афинская мера объёма — равен 52,5 л [Словарь..., 1989, с. 347]. Модий — римская мера — равен 8,74 л [там же], или 6,549 кг. Следовательно, в год воин потреблял по 314 кг. Норма потребления для раба взята из сочинения Катона Старшего «О сельском хозяйстве» (Катон 56). В. Д. Блаватский рассчитывал потребление одной семьи (пахаря). Он исходил из того, что пахарь потреблял 446,25 л зерна в год, его жена 315 л, а остальные три члена семьи по 200 л. В среднем это даёт 272,25 л на человека, или 201 кг лёгкой пшеницы. Предполагалось, что на пахаря приходится упряжка волов, кобыл, лошадей, которые потребляют 1400 кг зерна в год, т. е. на человека приходится по 280 кг. Следовательно, для получения 481 кг надо было засеять 0,65 га, для чего требовалось ещё 67—85 кг. В итоге

получалось, что на одного человека в год приходилось 548—565 кг зерна. В. Д. Блаватский предполагал ещё продажу или поставки [Блаватский, 1953, с. 158 сл., 174 сл.]. А. П. Каждан считал, что в Византии X—XII вв. «хлеба (в переводе на зерно) съедали в день примерно 325—650 г. Всё остальное составляло приварок — желательное, но отнюдь не обязательное добавление к хлебу» [Каждан, 1968, с. 11]. Это означает потребление от 119 до 237 кг в год. Наконец, по подсчётам ООН минимальная норма потребления составляет 328 кг [Грошевич, Новиков, 1975, с. 226]. Исходя из всех приведенных данных, мы приняли для расчётов следующие цифры — 222 (раб в Египте) и 565 (по В. Д. Блаватскому) кг в год на человека. Теперь, зная численность населения, легко высчитать потребность в зерне для рассматриваемых групп населения, принимая размер семьи в 5 человек:

для усть-лабинской правобережной группы >13748 и >34990 т;
для усть-лабинской левобережной группы >2018 и >5135 т;
для части ладожской правобережной группы >9204 и >23425 т;
Если мы принимаем размер семьи в 3,6 человека, то получаем:
для усть-лабинской правобережной группы >9892 и >25177 т;
для усть-лабинской левобережной группы >1452 и >3696 т;
для части ладожской правобережной группы >6627 и >16866 т.

Собственно, эти данные не представляют особого интереса, но они являются исходными для определения необходимой площади распахки. Для этого нам надо определить урожайность зерновых на интересующей нас территории. Желательно — урожайность в древности. Прямых данных для Прикубанья на этот счёт нет, но есть указания на урожайность в древности в мире, в средневековье и в нашу эпоху. Конечно, теперь урожаи выше, но, как предельные, они представляют для нас интерес. До недавнего времени урожай определялся по принципу «сам 4», «сам 6», что означало, что один посеянный килограмм зерна приносил 4 или 6 центнеров. При переводе в наши «центнеры с гектара» надо учитывать, во-первых, нормы высева во-вторых, вес зёрен. Например, в украинской степи в послевоенные годы высеивали озимую пшеницу 1,4—1,6 ц/га, а яровой 0,9—1,7 ц/га [Якубцинер, 1955, с. 373]. Плиний сообщает, что пшеница из Галлии и Херсонеса особенно лёгкая [см.: Блаватский, 1953, с. 81]. Как видите, задача достаточно сложная, и мы доверимся в этом вопросе расчётам исследователей, тем более, что все наши расчёты приблизительны.

Норма высева в древности была ниже, чем в послевоенной Украине. Она рассчитывается, исходя из данных Плиния. Комментируя его сообщение, что на один югер земли надо было сеять 4—5 модиев пшеницы (в зависимости от качества почвы) и 6 модиев ячменя (в зависимости от качества почвы) [Плиний, 1998, с. 198-199], В. Д. Блаватский пришел к выводу, что на 1 га «требовалось сеять 140—176 л пшеницы и около 208 л ячменя» [Блаватский, 1953, с. 158—159]. Один гектолитр гальской и херсонесской пшеницы по Плинию (NH, XVIII, 66) весил 74 кг [Блаватский, 1953, с. 81], следовательно, норма высева была от 1,04 до 1,3 ц на 1 га. Саудовской Аравии была африканская пшеница — гектолитр её весил 81 кг [там же]. Это даёт нам нормы высева от 1,13 до 1,43 ц на га. Мы не знаем, каков был вес пшеницы, высеивавшейся в древности. Будем иметь в виду крайние значения — 1,04 и 1,43. Указанные выше нормы высева для Украины, как отмечает М. М. Якубцинер, выше нормальных, это «опыт передовых стран» [Якубцинер, 1955, с. 373].

Противоречивы сведения и об урожайности. Марк Варрон (116—27) в трактате «О сельском хозяйстве» среднюю урожайность в Италии определял «сам-10», или, учитывая указанные нормы высева, от 10,4 до 14,3 (Varo I, 44). Автор I в. н. э. Колумелла в своём классическом сочинении, название которого повторяет название труда Варрона, указывает, что в Италии средняя урожайность зерновых была значительно ниже, всего «сам-4», что означает 6—5,72 ц/га (III,3,4). Страбон (ок. 63 г. до н. э. — ок. 20 г. н. э.) сообщает, что Херсонес «плодороден, особенно богат он хлебом. Во всяком случае, поле, вспаханное первым из нас лемехом, приносит урожай в 30 мер» (VII, 4, 6), что исследователи определяют как «сам-6, сам-7» [Блаватский, 1953, с. 158 сл.; Бибикина, 1965], т. е. 6,24 — 10,01 ц/га. В Италии X—XI вв. обычный урожай достигал сам-три или сам-четыре, и даже в XIII в. десятикратный урожай расценивался как идеальный. В Византии он был, по-видимому, выше: с которых полей собирали даже сам-двадцать», т. е. 20,8—28,6 ц, по свидетельству Евстафия Кунского [Каждан, 1968, с. 10]. Для позднего времени имеем данные для Дона: в 20-х и 30-х годах XIX в. урожай пшеницы был сам-4,5, а для ячменя сам-5 [Сухоруков, 1891, с. 201 сл.]. Кубани имеем данные только начиная с конца XIX в. Е. Марков пишет: «За Кубанью тянется плодородная равнина с нетронутой ещё почвою... Урожаи здесь баснословные — сам-двадцать, сам-сорок» [Марков, 1901, с. 10 сл.]. По-видимому, Е. Марков ошибался, так как в последующее время все данные говорят о худших результатах. С другой стороны, он говорил о «нетронутой» почве, т. е. о целине. Если норму высева принимать от 1,0 до 1,4, то сам-30, сам-40 — это действительно баснословный урожай: сам-30 равен 30—42 ц/га, а сам-40 равен 40—56 ц/га. В 1913 г. в Кубанской области было получено по 12,2 ц/га [Хрестоматия..., 1982, с. 229], а по России в целом в 1909—1913 гг. урожай в среднем не превышал 6,2 ц/га для яровой и 8,7 ц/га для озимой пшеницы [Якубцинер, 1955, с. 373]. В предвоенные годы наблюдается медленный рост — в 1940 г. средний урожай в СССР для яровой пшеницы поднялся до 8,9 ц/га, а для озимой до 12,4 ц/га. Рекордные результаты отмечены в 1939 г. для Запорожской обл. — 18,6 ц/га и для Сумской обл. — 19,2 ц/га [там же]. Газета «Правда» сообщала, что в Краснодарском крае в 1937 году был получен рекордный урожай Северного Кавказа — «в среднем по районам 14—17 центнеров с гектара, а в отдельных районах свыше 20 центнеров зерновых культур» [Хрестоматия..., 1982, с. 20 сл.]. Отметим, что и в других странах урожай отличался не сильно. В 1934—1938 гг. средний урожай пшеницы в США был 8,7 ц/га, в Италии — 14,4 ц/га, во Франции — 15,6 ц/га [Якубцинер, 1955, с. 371]. В послевоенные годы урожаи увеличились: в 1953 г. — в США до 11,6, в Италии до 19, во Франции до 21,2 ц/га [там же]. Выросли и урожаи в СССР. Называются рекордные урожаи: в 1952 г. в Таганрогском р-не Ростовской области собрали по 30,5 ц/га, в Краснодарском крае (в 1952 г.) — по 31,1 ц/га, в колхозе «Кубань» Усть-Лабинского района Краснодарского края (в 1952 г.) — по 33 ц/га, а на Лабинском госсортоучастке Краснодарского края в 1952 г. собрали даже 60,2 ц/га. Всё это расценивалось не как норма, а как рекорды. Отметим, что за 30 ц/га давали звание Героя социалистического труда. Рост урожайности продолжался и дальше: газета «Правда» сообщила, что к 1967 г. урожай зерна в Краснодарском крае достиг 25,7 ц/га [Хрестоматия..., 1982, с. 229]. Это не очень много, если сравнивать с передовыми странами. В 1960 г. в Германии собрали пшеницы по 35,5, в Англии — по 35,7 ц/га. Правда, в Японии собрали по 25,4, во Франции — по 25, а в

США — по 17,6 ц/га, в Италии, Канаде, Австралии и того меньше [Развитые..., 19]. Не забудем о плодородии краснодарских чернозёмов и о неуверенности в советской статистике. Последние данные по Кубани, которые имеются в нашем распоряжении, относятся к 1983 г. Тогда по краю в целом было собрано по 31,6 ц/га, а по Усть-Лабинскому району 44,5 ц/га [Пашков, 1984]. Мы видели, что данные античных писателей говорят об урожае в 10–14 ц/га, как об очень высоком (Варрон), нормальным считается урожай в 4–6 ц/га. Уже 6–10 ц/га Страбон считает очень хорошим, и эта норма сохранялась очень долго. Рост начинается только в XX в. Исходя из приведенных цифр, будем считать урожай равным от 4 ц (Колумелла) до 12,2 ц (Кубань в 1913 г.).

Возможны разные способы подсчёта, исходя из колебаний возможного размера семьи, норм высева, урожайности и т. д. Мы остановимся только на двух — минимальном и максимальном. В минимальном варианте мы принимаем размер семьи в 3,6 человека, урожай в 12,2 ц/га, потребление в 220 кг в год на человека, норма высева 1,04 ц. По подсчётам В. Д. Блаватского необходимо ещё зерно на питание скота, прежде всего волов. Но в час мы не будем этого учитывать, допуская, что волы, как и остальной скот, кормились пастбищах. Для питания 44561 человека усть-лабинской правобережной группы требуется 98034 ц зерна. Для этого надо распахать 8036 га. Чтобы засеять эту площадь надо произвести ещё 8357 ц зерна, для чего освоить ещё 685 га. Следовательно надо иметь 8721 га или 87 км² сплошной пашни. При наличии перелогов, площадь которых при двупольной системе равна площади под посевом, пастбищ, площадь которых тоже примерно должна равняться пашне, дорог и неудобий, площадь которых, учитывая долины речек и овражистость местности, принимаем превосходящей площадь пашни вдвое, получаем, что должно было быть освоено 435 км².

Для питания 29 851 человека учитываемой части ладожской группы требуется 65 671 ц зерна, для чего надо распахать 5 383 га. Для посева на этой территории требуется 5 528 ц зерна, т. е. ещё 459 га пашни, что в сумме даёт 5 842 га или 58 км². При учёте перелогов прочего имеем 292 км².

Расстояние от Васюринско-Воронежского I городища до Спорного — около 22 км по прямой. Получается, что при таких исходных данных жителями усть-лабинской группы должна была быть освоена полоса в 20 км шириной, а ладожцами — в 13 км, учитывая что расстояние от городища Дружба V до Мирвоса равно 24 км по прямой, но из них надо исключить 2 км, которые занимает Ладожское VII–VIII городище, по которому нет сведений. Разница связана как с отсутствием этих данных, так с наличием небольших городищ Дружба I–IV возникших позднее.

Если мы объединим обе группы, то получим полосу шириной около 16,5 км. Это минимальный вариант.

При максимальном варианте принимаем размер семьи в 5 человек, урожайность 4 ц/га (данные Колумеллы для Италии с её передовым земледелием), потребление 5,65 ц на человека (по В. Д. Блаватскому, с учётом посевного материала).

Для 61 929 человек усть-лабинской правобережной группы надо было произвести 349 899 ц зерна, для чего распахать 87 475 га, или 875 км² сплошной пашни. Как и в предыдущих расчётах умножаем на 5, и получаем 4375 км². Расстояние между крайними

городищами группы по прямой 22 км, следовательно, ширина используемой полосы должна быть равна 199 км.

Для учтённой части ладожской группы, где проживало не менее 41460 человек, надо было произвести 234 249 ц зерна, для чего распахать 58562 га, или 586 км². При учёте пастбищ и прочего это будет 2 928 км². Считая расстояние между крайними городищами в 24 км и учитывая 2 км на Ладожское VII–VIII городище, получаем полосу освоения 133 км шириной.

Если суммировать эти данные, то получим в сумме 7303 км² используемой территории и полосу шириной 166 км. Принять эти фантастические цифры совершенно невозможно. Это означало бы, что меотами была освоена практически вся территория Краснодарского края, в том числе и занятая сираками. С другой стороны, минимальная цифра — 16,5 км, учитывая принятые нами крайние значения численности населения, норм потребления и высева, а также максимальную урожайность, по-видимому, занижена. Достаточно изменить хотя бы одно исходное значение, и мы получим другую ширину этой полосы. Например, если мы перейдем от нормы потребления египетского раба на норму потребления римского раба (314 кг), что почти совпадает с минимальной нормой по данным ООН (228 кг), то получим уже 23,6 км. А у нас нет оснований утверждать, что вольные меоты потребляли на уровне рабов. А мы ведь ещё не учитывали экспорт пшеницы, который, правда, к финалу был незначителен, если судить по греческому импорту, находимому на меотских памятниках. Поэтому можно допустить 23,6 км для полосы освоенных земель, хотя, конечно, такая цифра вызывает удивление, учитывая, что И. Т. Кругликова определяла хору Пантикапея для V–IV вв. до н. э. и Нимфея для VI–V вв. до н. э. в 7–10 км шириной» [Кругликова, 1975, с. 30]. Конечно, плотность застройки в этих греческих городках была иной.

Ширина освоенной полосы представляет интерес не только сама по себе, но и в связи с сарматами, взаимоотношениями с ними. В степи кочевали сираки, и разграничение территории явно играло значительную роль. Ведь меоты, распространяя запашку на север, сужали территорию для кочевания. В пользу нашей цифры говорит то обстоятельство, что в этой зоне почти нет сарматских погребений. И. И. Марченко помещает тут только один памятник, который считает сарматским — ОПХ «Рассвет» [Марченко, 1996, рис. 1]. Погребения «Зона того кладбища» мы, естественно считаем меотскими, поскольку они расположены около меотских городищ.

Есть ещё один крайне любопытный момент, связанный с интерпретацией данных о территории рассматриваемых городищ. При определении площади городищ, приведенных в таблице, мы везде, где это было возможно, давали два замера: площадь «цитадели», принимая её за первоначальную площадь поселения, и всю площадь, какой она была к моменту гибели поселения. Как мы уже видели, от размеров поселения легко перейти к численности населения. При естественном росте населения неизбежен вывод, что, чем больше разница между этими величинами, тем большее время на это требуется. Это время может быть вычислено по формуле:

$$t = \frac{\ln N_t - \ln N_0}{r}$$

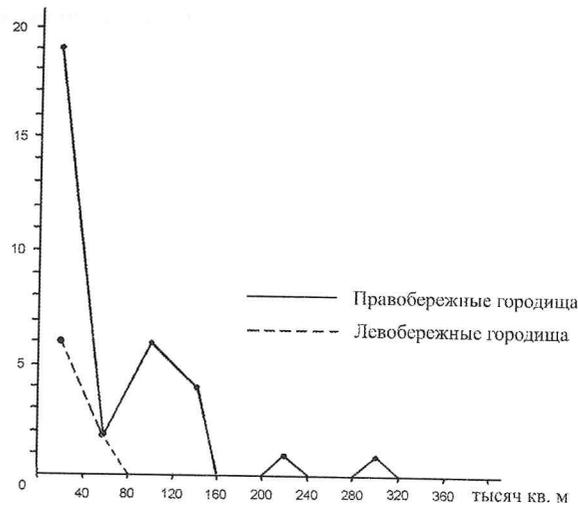

Рис. 12. Размеры правобережных и левобережных городищ

видимому, было и с переселением с левобережных городищ, которые испытывали трудности с землей — при росте населения им было некуда расширяться. Поэтому часть тамошнего населения переселялась на правый берег Кубани, где такая возможность была. Так как население левобережья был этим обстоятельством затруднен, то и площадь городищ там была незначительно и сами городища были в среднем меньше, чем на правом берегу (рис. 12). Конечно, такие события нарушали естественный рост населения отдельных поселений, но ввиду значительными в определенный момент, они вряд ли оказывали существенное влияние на многовековые процессы. Строго говоря, можно было бы использовать начальную (S₀) конечную (S_t) площади городищ, поскольку они строго связаны с населением, во всяком случае, в наших расчетах. Но численность населения более наглядна. «Естественный» прирост площади поселения звучал бы странно.

Необходимым условием является предположение о неизменном на протяжении времени среднем размере семьи. В этом, по-видимому, можно быть уверенным, поскольку на протяжении времени t не меняется ни культура, ни тип хозяйства.

В экспоненциальном населении коэффициент прироста r постоянен во времени. Он может иметь отрицательное значение, и тогда численность населения уменьшается. Он может быть равен «0», и тогда население остается постоянной. Выше уже говорилось, что численность населения остается неизменной. Коэффициент прироста r может иметь и положительную величину, и тогда население растёт по экспоненте. Мы имеем данных для определения значения r , известно только, что она положительна, известны размеры поселений. Можно предполагать, что она достаточно велика.

По мнению американского исследователя Cowgill, в человеческих сообществах в 1750 г. величина коэффициентов естественного прироста r колебалась от -7 человек на 1000 населения до $+7$. Cowgill считает, что если величина коэффициента превышала

Понятно, что t зависит от соотношения конечной (N_t) и начальной численности населения и от коэффициента естественного прироста r . Конечно, в жизни поселения могут быть какие-то чрезвычайные обстоятельства. Часть населения может выселиться, как это было в Греции при выводе колоний, да и у меотов такие события иногда имели место. Мы имеем в виду переселение жазатских Кирпилей на Дон [Каменецкий, 1997]. В этом случае поселение перестаёт существовать. Речь именно об отселении, как было с основанием городища Дружба I—V, население которых переселилось, по нашему мнению, с дружин ладожской группы. Такими событиями, по нашему мнению, с дружин ладожской группы. Такими событиями, по нашему мнению, с дружин ладожской группы. Такими событиями, по нашему мнению, с дружин ладожской группы.

Понятно, что расчеты возможны только для тех городищ, для которых известны площади цитадели, и всего городища (поселения). По подъёмному материалу мы знаем, что городища, расположенные восточнее, просуществовали до середины III в. н. э. Расчеты времени существования городищ дали результаты, представленные в таблице в колонке t . На рис. 13 приведены данные для усть-лабинской правобережной группы, представленные в виде гистограммы. В трёх случаях (Воронежское II, Воронежское I, Усть-Лабинское I) указано, что полученная величина больше реальной. Это связано с тем, что цитадели этих городищ сохранились не полностью. А если первоначально они были больше, то время их существования при расчетах по формуле будет меньше. Для Воронежского III городища картина обратная — разрушена часть внешней территории городища. Соответственно, реальный возраст городища должен быть больше расчетного. Для Васюринско-Воронежского I городища расчетное время (197 лет) указывает не время существования городища, а время освоения двух внешних участков, т. е. реальный возраст должен быть больше. Вообще рассчитанные нами сроки иногда отличаются от реальных. На могильнике Усть-Лабинского III городища были исследованы погребения VI в. до н. э. [Анфимов, 1951], слои этого времени должны быть и на городище, но оно сильно разрушено, чем, вероятно, и объясняется несоответствие расчетного времени. Зато материалы могильника Спорного городища по дате совпадают с расчетными [Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005].

На рис. 14 представлены расчетные даты городищ Ладожской группы. Ни одно из этих городищ не подвергалось раскопкам. Только на Ладожском V городище доследовано несколько погребений. Имеется подъёмный материал, но датировка его пока основана только на редких находках фрагментов амфор, почти исключительно светлоглиняных с профилированными ручками, которые датируют последний этап жизни городищ. Для городища Друж-

- Анфимов, 1946. Анфимов Н. В. Отчет об археологических работах в Краснодарском крае в 1946 г., произведенных по открытому листу № 7 Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 94, 96.
- Анфимов, 1947. Анфимов Н. В. Отчет об археологических исследованиях в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 177, 178.
- Анфимов, 1948. Анфимов Н. В. Отчёт об археологических работах, проведенных Краснодарским краевым историко-краеведческим музеем в 1948 г. по открытому листу № // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 244, 245.
- Анфимов, 1950. Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 484, 485.
- Анфимов, 1951. Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской МИА. № 23.
- Анфимов, 1953. Анфимов Н. В. Отчет об археологических работах на Семибратнем городище и разведки по Левобережью и по среднему течению р. Кубани // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 817, 822.
- Анфимов, 1955. Анфимов Н. В. Археологические разведки по среднему Прикубанью // КСИИМ. Вып. 60.
- Анфимов, 1958. Анфимов Н. В. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958.
- Анфимов, 1963. Анфимов Н. В. Отчёт о раскопках Николаевского могильника // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 2988.
- Беглова, Эрлих, 1994. [Беглова Е. А.], Эрлих В. Р. Отчет о работах Кавказской археологической экспедиции весной—летом 1994 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 19043.
- Беглова, Эрлих, 1995. Беглова Е. А., Эрлих В. Р. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции в 1995 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 19280.
- Беренштам, 1882. Беренштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кубани в 1879 году В. Л. Беренштамом // V АС в Тифлисе. Протоколы Подготовительного комитета под редакцией секретаря Комитета И. Д. Мансветова (продолжение). Приложение I вып. IX Т. «Древностей». М., 1882.
- Бибикова, 1965. Бибикова С. Н. Хозяйственно-экономический комплекс развитого неолита // СА. 1965. № 1.
- Блаватский, 1953. Блаватский В. Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья // Причерноморье в античную эпоху. Вып. 5. М., 1953.
- Бобринский, 1902. Бобринский, граф. Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1899 год. СПб., 1902.
- Бочковой, Лимберис, Марченко, 2005. Бочковой В. В., Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения с амфорами из могильника городища Спорное // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Вальчак, Пьянков, Хачатурова, Эрлих, 2005. Вальчак С. Б., Пьянков А. В., Хачатурова Е. А., Эрлих В. Р. Новые материалы предскифского времени с южного берега Краснодарского водохранилища (из частной коллекции) // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Веселовский, 1899. Веселовский Н. И. Отчет о раскопках Старшего Члена Императорской Археологической Комиссии в Кубанской области в 1899 году // Архив ИИМК. Ф. 1. Д. 96.
- Гей, 1980. Гей А. Н. Отчёт о работе II-го разведочного отряда Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР в 1980 г. (открытый лист № 2) // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10017.
- Гей, 1982. Гей А. Н. Отчёт о работе IV разведочного отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1982 г. (разведки в Шовгеновском районе Краснодарского края) // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 11629.
- Громов, Новиков, 1975. Громов Г. Г., Новиков Ю. Ф. Некоторые приемы расчетов хозяйственных ареалов // Математические методы в исследованиях по социально-экономической истории. М., 1975.
- Гушина, Засецкая, 1994. Гушина И. И., Засецкая И. П. «Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье // Российская археологическая библиотека. 1. СПб., 1994.
- Доватур, 1980. Доватур А. И. Рабство в Аттике в VI—V вв. до н. э. Л., 1980.
- Каждан, 1968. Каждан А. П. Византийская культура (X—XII вв.). М., 1968.
- Каменецкий, 1971. Каменецкий И. С. Разведки в Приазовье // Тезисы докладов, посвященных итогам полевых археологических исследований в 1970 г. в СССР (археологическая секция). Тбилиси, 1971.
- Каменецкий, 1971. Каменецкий И. С. О язаматах // МИА. 1971. № 177.
- Каменецкий, 1974. Каменецкий И. С. Итоги исследования Подазовского городища // МИА. 1974. № 4.
- Каменецкий, 1981. Каменецкий И. С. Разведочные работы по правому берегу низовья реки Кубань // Отчёт III-го разведочного отряда 1981 года (СК-81-III) // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 10657.
- Каменецкий, 1982а. Каменецкий И. С. Разведки в Усть-Лабинском районе весной 1982 года // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 9824.
- Каменецкий, 1982б. Каменецкий И. С. Отчет III-го разведочного отряда 1982 года (СК-82-III) // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 11873, 11873 а, б.
- Каменецкий, 1982в. Каменецкий И. С. Ладожское № 5 городище // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13763.
- Каменецкий, 1984. Каменецкий И. С. Разведки и раскопки в бассейне Кубани // АО 1982. М., 1984.
- Каменецкий, 1985. Каменецкий И. С. Локальные варианты меотской культуры // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке»: тезисы докладов. Баку, 1985.
- Каменецкий, 1989. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа VII в. до н. э. — III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время // Археология СССР. М., 1989.
- Каменецкий, 1989а. Каменецкий И. С. Семья у меотов // Первая Кубанская археологическая конференция: Тезисы докладов. Краснодар, 1989.
- Каменецкий, 1990. Каменецкий И. С. Племена Закубанья в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Древние памятники Кубани (Материалы семинара). Краснодар, 1990.
- Каменецкий, 1998. Каменецкий И. С. Меотские городища на Кубани // МАИЭТ. Вып. 1. Симферополь, 1998.
- Каменецкий, 2002. Каменецкий И. С. Археологические памятники на старых картах Прикубанья // Очерки истории отечественной археологии. Вып. III. М., 2002.

- Каутский, 1923. Каутский К. Происхождение христианства. М.—Л., 1923.
- Кочкаров, 2002. Кочкаров У. Ю. Работы Старокорсунского отряда // АО 2001. 2002.
- Лесков, Габуев, Днепровский, Самойленко, Эрлих, 1988. Лесков А. М., Габуев Т. Днепровский К. А., Самойленко В. Г., Эрлих В. Р. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1988 г. // Архив РАН. Р-1. Д. 12894, 12895.
- Лесков, Днепровский, 1987. Лесков А. М., Днепровский К. А. Отчет о работе Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов Востока в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 12383.
- Марков, 1901. Марков Е. Россия в Средней Азии. Т.1. Ч. 1. ???, 1901.
- Миллер, 1926. Миллер А. А. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Государственной Академии Истории материальной культуры в 1924 и 1925 годах // ИИМК. Вып. 1. Л., 1926.
- Миллер, 1931. Миллер А. А. К вопросу об охране памятников старины // СГАИ. 1931. Вып. 4/5.
- Науменко, 1979. Науменко С. А. Работы II-го разведочного отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 8086, 8086а, б.
- Науменко, 1981. Науменко С. А. Работы I-го разведочного отряда Северо-Кавказской экспедиции в 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 9724.
- Носкова, 1986. Носкова Л.М. Отчет о работе Теучежского отряда Кавказской археологической экспедиции Государственного музея искусства народов востока в 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13766, 13767.
- О случайном открытии..., 1896. О случайном открытии древностей в ст. Некрасово Майкопского отдела Кубанской области // Архив ИИМК. Ф. 1, 1896. Д. 184.
- Павловская, 1969. Павловская А. И. Рабство в эллинистическом Египте // Работы археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края. Л., 1969.
- Пашков, 1984. Пашков А. Сполна ли взяли от пашни? // Газ. «Советская Кубань». 1984. 16 февраля. № 39 (18951).
- Письмо из Кубанского комитета..., 1897. Письмо из Кубанского областного статистического комитета в ИАК от 23 июня 1897 г. // Архив ИИМК. Ф. 1, 1897. Д. 131.
- Покровский, 1937. Покровский М. В. Городища и могильники среднего Прикубанья. Труды Краснодарского гос. пед. института. Т. VI. Вып. 1. Краснодар, 1937.
- Покровский, Анфимов, 1937. Покровский М. В., Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV в. до н. э. по III в. н. э. // СА. Т. IV. Л., 1937.
- Раев, Марченко, 2005. Раев Б. А., Марченко И. И. Катакомбы и подбой меотского пологого могильника городища «Спорное I» // Четвертая Кубанская археологическая конференция: Тезисы и доклады. Краснодар, 2005.
- Развитие..., 1979. Развитие капиталистические страны / Социально-экономический справочник. М., 1979.
- Савченко, 1983. Савченко Е. И. Отчет о работе разведочного отряда Краснодарского историко-археологического музея-заповедника в 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 13763-13763а.
- Спицын, 1918. Спицын А. Курганы скифов-пахарей // ИАК. 1918. Вып. 65.
- Страбон, 1964. Страбон. География в 17 книгах. Л., 1964.
- Сухоруков, 1891. [Сухоруков В. Д.]. Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822—32 годах. Новочеркасск, 1891.
- Тарабанов, 1995. Тарабанов В. А. Исследования памятников близ хутора Беляево в Асенодарском крае // АО 1994. М., 1995.
- Тарабанов, 1997. Тарабанов В. А. Поселение салтово-маяцкой культуры на Правобережье Кубани близ станицы Васюринской // Историко-археологический альманах. Вып. 3. Мавир—Москва, 1997.
- Фелицын, 1896. Фелицын Е. Д. Военно-историческая карта Северного Кавказа с обозначением местонахождения не существующих ныне крепостей, укреплений, постов и главных кордонных линий, устроенных русскими войсками с 1774 года до окончания Кавказской войны. Составлена Е. Д. Фелицыным // Российская государственная библиотека. Ф. 7/1-41.
- Хачатурова, Анфимов, 2005. Хачатурова Е. А., Анфимов И. Н. Обследование археологических памятников Усть-Лабинского района. Из дневников Н. В. Анфимова 1927—1930 гг. // МИАК. 2005. Вып. 5.
- Хрестоматия..., 1982. Хрестоматия по истории Кубани (1917—1967): Документы и материалы. Часть 2. Краснодар, 1982.
- Шарафутдинова, 1986. Шарафутдинова Э. С. Раскопки в зоне Краснодарского водохранилища // АО 1984. М., 1986.
- Шарафутдинова, 1987. Шарафутдинова Э. С. Раскопки в зоне Краснодарского водохранилища // АО 1985. М., 1987.
- Шарафутдинова, 1991. Шарафутдинова Э. С. Новые данные о памятниках эпохи поздней бронзы и начала раннего железа на Кубани // Древние культуры Прикубанья (По материалам археологических работ в зонах мелиорации Краснодарского края). Л., 1991.
- Шевченко, 1989. Шевченко Н. Ф. Отчет о раскопках Новоджерелиевского городища № 3 Брюховецкого района Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 14230, 14231.
- Шевченко, 1990. Шевченко Н. Ф. Отчет о раскопках Новоджерелиевского городища № 3 Брюховецкого района Краснодарского края в 1990 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 15006, 15007.
- Шевченко, 1991. Шевченко Н. Ф. Отчет о раскопках Новоджерелиевского городища № 3 Брюховецкого района Краснодарского края в 1991 году // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 16499, 16500.
- Шевченко, 1992. Шевченко Н. Ф. Итоги работ Приазовской археологической экспедиции 1989 года // Археологические раскопки на Кубани в 1989—1990 годах. Ейск, 1992.
- Шелов, 1984. Шелов Д. Б. Полевая археология и охрана археологических памятников // СА. 1984. № 1.
- Эрлих, 1990. Эрлих В. Р. Отчет о работе Хатажукайского отряда Кавказской археологической экспедиции в Шовгенском районе Адыгейской автономной области, Лабинском и Мостовском районах Краснодарского края летом 1990 года // Архив ИА РАН. Р-1. Д. 15173.

Якубцинер, 1955. Якубцинер М. М. Пшеница // БСЭ. Изд. 2-е. Т. 35. М., 1955.
Cowgill, 1975. Cowgill P. Ancient and Modern Population Changes // American Anthropologist. Vol. 77. No 3.

Gomme, 1933. Gomme A. W. The Population of Athens in the Fifth and Fourth Centuries B.C. Oxford, 1933.

Laslett, 1972. Laslett P. La famille et le menage: approches historiques // Annales. Economiques. Sociétés. Civilisations. 1972. No 4—5.

В. В. Крапивина
(Институт археологии НАН Украины)

МЕТОДИКА ПОЛЕВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ АНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ОЛЬВИИ ПОНТИЙСКОЙ)¹

Ольвия является одним из наиболее крупных античных центров Северного Причерноморья, история которого насчитывает почти тысячу лет (с рубежа второй четверти VI в. до н. э. до третьей четверти IV в. н. э. включительно). Она располагается на правом коренном берегу лимана р. Южный Буг, немного выше места его слияния с Днепровским лиманом (соврем. с. Парутино Очаковского р-на Николаевской обл.). В плане территория Ольвии приражена к треугольнику, ограниченному с запада и севера Заячьей и Северной балками, а с востока — лиманом. Она состоит из трех частей: Верхнего города, расположенного на 10—42 м выше уровня лимана, Нижнего города, размещающегося на 4—10 м выше уровня лимана, и Террасной части, соединяющей Верхний и Нижний город. Часть Нижнего города в настоящее время разрушена и затоплена лиманом. Судя по развалу северной оборонительной стены, город простирался к востоку не менее чем на 170—210 м от современного берега [Крыжицкий, 1985, с. 42, 134]. Северная, южная, западная и юго-восточная границы в древности совпадали с современными (рис. 1, 2).

Культурный слой сохранился по всей территории городища, на площади до 33 га, его мощность — 1,30—8,00 м. Слои архаического, классического и эллинистического времени выявлены повсеместно, первых веков н. э. — в основном в ее южной трети, севернее известны только производственно-хозяйственные постройки этого времени. Территория некрополя составляет порядка 500 га (около 240 из них — заповедник), содержит погребения I в. до н. э. — III в. н. э., а также остатки предместья и усадеб V—IV вв. до н. э.

Благодаря наличию слоев только античного времени² и степени сохранности культурного слоя города и некрополя, Ольвия является одним из важнейших памятников классической археологии, позволяющих использовать все приемы методики полевых исследований, общепризнанных, однако не всегда применяемых. Со времен Б. В. Фармаковского раскопки Нижнего города и его некрополя проводятся по заранее разработанным научным программам, строго послойно и широкими площадями. О работе Б. В. Фармаковского академик С. А. Кебелёв писал, что развалины Ольвии нашли достойного исследователя, которым русская

¹ Работа выполнена в рамках проекта 1-08 «Греко-варварские памятники Северного Причерноморья (опыт методики украинско-российских исследований)».

² В Ольвии отсутствуют более поздние и более ранние слои, она не переживает IV в. н. э.

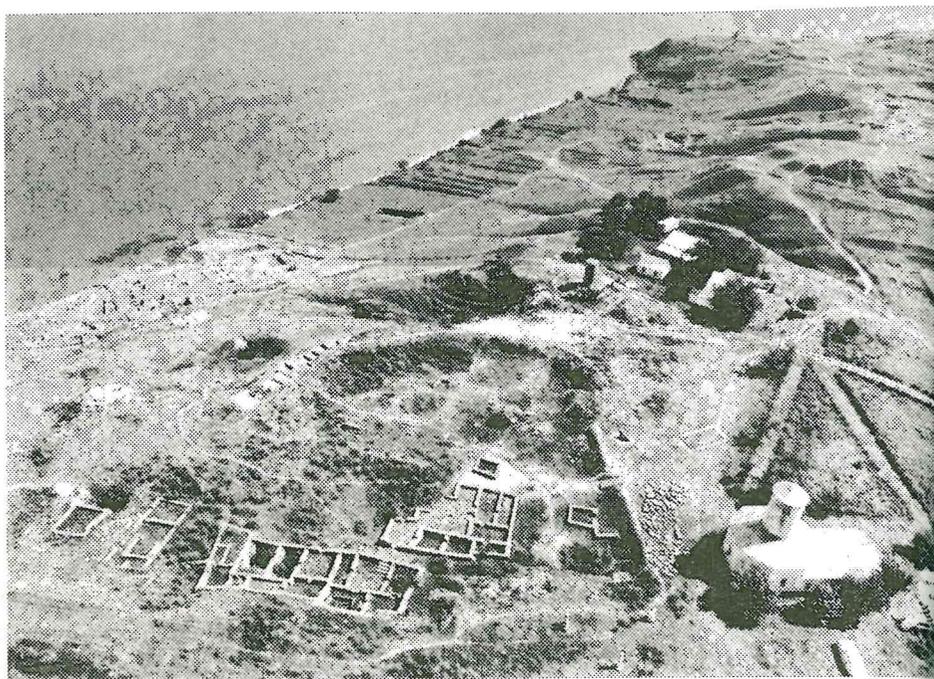

Рис. 1. Общий вид Ольвии с вертолета (фото А. Кремко)

археология вправе гордиться (1915, с. 13—21). В дальнейшем ученики Б. В. Фармако-го: А. Н. Карасев, Л. М. Славин, Е. И. Леви — значительно усовершенствовали мето-ды полевых археологических исследований [Славин, 1943, с. 67—69]. Затем эта работа продолжена под руководством С. Д. Крыжицкого [Kryzhitskii, Kravivina, 1994, р. 182—183].

В последние три десятилетия раскопки в Ольвии проводятся главным образом в ме-стах, особенно подверженных эрозионным и оползневым процессам, с последующей консерва-цией и частичной музеефикацией раскрытых строительных остатков. Это касается, прежде всего, береговой линии как в Нижнем, так и в южной части Верхнего города, а также Терра-цита. Кроме того, через северную часть Нижнего города проходит геологическая трещина, что, согласно заключению геологов, также требует максимального раскрытия строитель-ных остатков. Разрушение зданий, происшедшее здесь вследствие оползневых процессов, фиксируется в слое конца III в. до н. э. Оползневые процессы на территории некрополя также прослеживаются на склонах балок и лимана, кроме того, отметим отрицательное антропогенное воздействия на памятник. Вследствие всех этих причин исследования на некрополе сосредоточены в северной и юго-западной части.

В Ольвии установлена единая система нумерации квадратов. Территория города делится на большие квадраты размером 100 x 100 м, индекс которых определяется буквенным наименованием меридиональной полосы и цифровым (в римских цифрах) широтной полосой. Каждый большой квадрат делится на 400 квадратов, размерами 5 x 5 м, имеющих свои собственные номера.

Рис. 2. Последний геодезический план Ольвии, выполненный Д. Беленьким

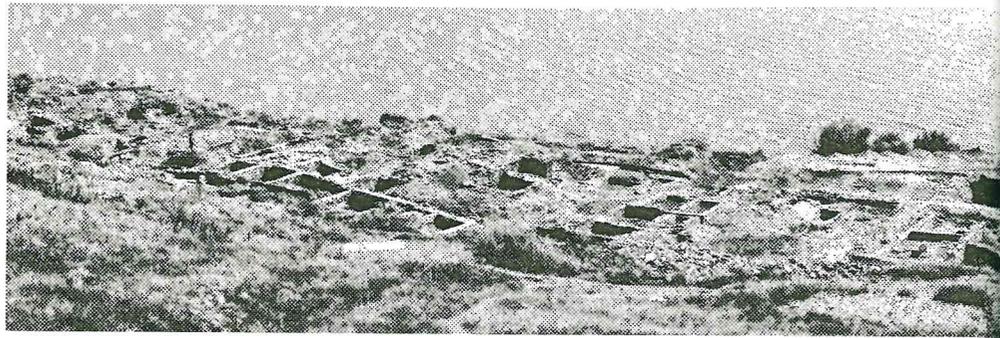

Рис. 3. Ольвия, участок НГС с кварталами жилых домов эллинистического времени

ствующие порядковые номера. По всей территории городища и на некрополе установлены геодезические реперы, каждый из которых имеет свой номер, координаты и абсолютную метку в Балтийской системе. При закладывании нового участка учитывается как характер рельефа местности, так и существующая сетка квадратов. Если рельеф позволяет, участок сразу разбивается по сетке квадратов, если нет — новый участок соотносится с топосъемкой в соответствии с которой разбивается сетка квадратов со стороной 5 метров. Всего в настоящее время известно более 10 топосъемок Ольвии, проведенных в XIX—XX вв. Последней наиболее точная топосъемка городища и некрополя была осуществлена в 1987—1989 (рис. 3). Масштаб этой съемки городища — 1/500, сплошные горизонталы проведены на высоте раз 0,5 м некрополя — 1/2000, горизонталы — через 1,0 м. На топосъемку нанесены раскопы с основными объектами, намеченными линиями, а также курганы и сохранившиеся раскопы некрополя. На некрополе были установлены стационарные реперы.

Основным в полевой работе является наиболее полная характеристика слоя и всех составляющих. Как уже указывалось, работы в Ольвии проводятся широкими площадями строго послойно, вначале по квадратам, со стороной 5 м, затем в соответствии с раскопываемыми объектами. За основу выделения различных этапов берется слой, как отложение с особым характером образования и особым содержанием. Все строительные остатки рассматриваются в тесной связи со слоем. Прослойки при этом фиксируются, материал извлекается отдельно, однако они, как правило, не являются определяющими для характеристики слоя [Крапивина, 1998, с. 159—163].

Одновременное послойное раскрытие строительных остатков на большой площади дает максимальную информацию о них. Наиболее разрушенные самые ранние и самые поздние слои Ольвии вообще не могли бы быть изучены без применения такой методики. Например, ранний теменос и кварталы землянок на участке АГД (рис. 4), комплекс Западных оборонительных ворот, слой III—IV вв. н. э. на участке Р-25. Благодаря работе широкими площадями могут быть охарактеризованы кварталы эллинистического времени в Верхнем и Нижнем городе (участки Центральный квартал, НГСС), II—III вв. н. э. в Верхнем городе (участки М, Р-25) (рис. 5).

³ Автор — Д. Б. Беленький.

Рис. 4. Ольвия, участок АГД, землянки и полуземлянки

Рис. 5. Ольвия, участок Р-25, дом II—III вв. н. э. на нижней террасе

Применение этой методики на территории не только города, но и некрополя в течение последних пятидесяти лет, позволило выявить помимо собственно погребений культовые сооружения и предместье V—IV вв. до н. э. Ранее работы на некрополе часто ограничивались поиском могил с помощью щупа, при этом большие площади не открывались и не исследовались. Культовые сооружения некрополя были практически неизвестны.

Стратиграфические бровки по сторонам квадратов оставляются только в начале работ на участке, когда характер стратиграфии еще не ясен. Затем стратиграфия фиксируется горизонтально в плане и вертикально по бортам раскопа. Бровки по сетке квадратов мешают целостности восприятия раскрываемого объекта и ведут к неполной выборке сопровождающего материала. Как правило, тщательная горизонтальная фиксация слоев по раскрываемой площади и вертикальная — по бортам раскопа и закладываемых в случае необходимости разведочных траншей и шурфов оказывается вполне достаточной для получения всей необходимой информации о слое и содержащихся в нем строительных остатках [Крапивина, 1999 (рис. 6—8)].

Фиксация сопровождающего материала производится по слоям и выявляемым объектам. При отсутствии строительных остатков или до выявления их в плане материал из одного слоя может быть взят одним списком при небольшой раскапываемой площади несколькими списками по квадратам — при значительной площади. Указывается глубина залегания слоя от уровня современной дневной поверхности и его абсолютные отметки. Использование такого субъективного показателя, как количество прокопанных штыков для характеристики объективно существующего слоя неприемлемо.

После установления границ и выявления конкретного объекта на плане именно он становится определяющим при выборке сопровождающего материала. По возможности фиксируется стратиграфия и производится раскрытие объекта по слоям (или прослойкам) с тщательной фиксацией глубин и материала. Глубины фиксируются от уровня современной дневной поверхности и от верха раскрываемого объекта. Кроме того, с помощью геодезических инструментов определяются абсолютные отметки этого объекта.

Следует констатировать, что, как и большинство многослойных памятников, Ольвия имеет большое количество разновременных перекопов. Результатом их является то, что вещи, лежащие внизу, часто попадают в верхние, более поздние слои, и, наоборот, поздние вещи встречаются в ранних объектах. В связи с этим важно отделить перекопы и засыпки основного слоя. При этом следует учитывать, что часть перекопов появилась еще в период жизнедеятельности древнего города (котлованы под жилища, хозяйственные ямы, подсыпки под уровни пола).

Другие перекопы, также связанные с жизнедеятельностью человека, имели место в более и новейшее время, намного позднее прекращения жизни города. В Ольвии это были траншеи и ямы. Траншеи времен двух мировых войн, а также бессистемно вырытые ямы только разрушили городище. Они не несут никакой информации о строительных остатках Ольвии. Минимум информации об этом дали и раскопочные траншеи И. Е. Забелина, В. Г. Тизенгаузена, заложенные в 1873 г. в центральных частях Верхнего и Нижнего городища, а также в северной части Верхнего города в соответствии с существовавшей тогда методикой раскопок городищ посредством серии параллельных «глухих» траншей.

Несколько иначе обстоит дело с перекопами, которые закладывались в Ольвии в целях добычи обработанного строительного камня. Это делали в новое время турки для постройки Очаковой крепости и в конце XVIII — начале XIX вв. жители с. Парутино для постройки своих домов. Данные траншеи заложены точно по стенам здания и их тщательная фиксация уже с появлением верхнего гумусного слоя дает информацию о плане дома (рис. 9). Обычно выполнение этих выборок гумусированное, насыщенное мелким и средним известняковым бутом, обломками известняковых плит, непригодных для использования в регулярных зданиях. Завалы камня, образовавшиеся в помещениях в результате их разрушения, разбирались редко, поэтому они содержат не только мелкие средние камни, но также и крупные. При раскрытии этих остатков получают достаточно четкий план дома, границенный полосами завалов, содержащий подчас и более крупные камни. Подобные работы результаты имеют только при вскрытии большой площади, охватывающей не только отдельные дома, но и целые кварталы (Крапивина, 2004, 67—75) (рис. 10). Всем археологам, исследующим многослойные памятники, приходится сталкиваться с проблемами датировки как отдельных слоев и комплексов, так всего объекта в целом. Без их решения невозможна историческая интерпретация археологических материалов, которая, в конечном итоге, является основной целью полевых исследований. При этом

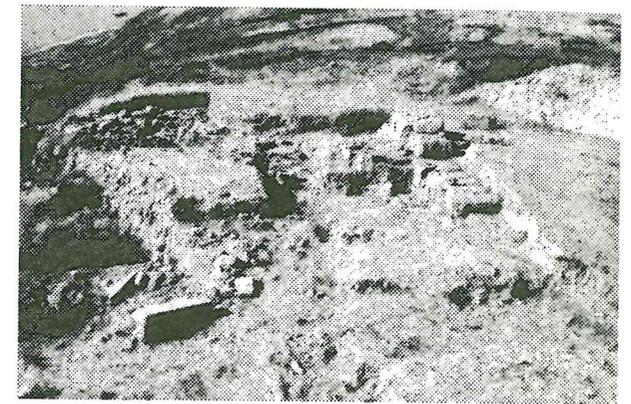

Рис. 6-8. Ольвия, участок Р-25, послойное раскрытие слоев в западной части верхней террасы

Рис. 9. Ольвия, участок Р-25, остатки жилого дома IV в. н. э. с выбранными стенами

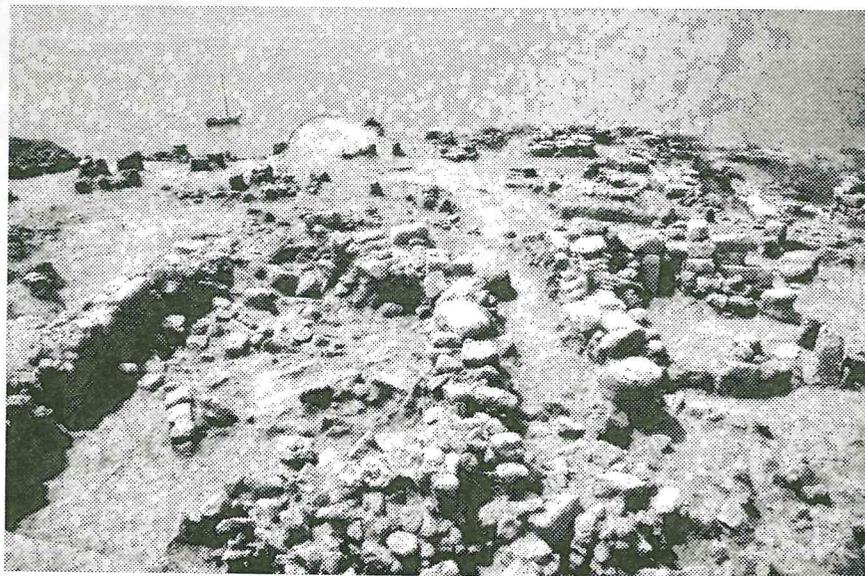

Рис. 10. Ольвия, участок Р-25, остатки помещений IV в. н. э.

ждому памятнику присущи индивидуальные особенности, неразрывно связанные с историческими судьбами и характером жизни его обитателей [Блаватский, 1967, с. 6]. Археологические данные всегда требуют источникового анализа, их интерпретация связана с выявлением причин и особенностей формирования культурного слоя [Романчук, Щеглов, 1998, с. 180]. Процесс формирования культурного слоя достаточно сложен и многообразен. Он зависит от целого ряда причин. Это и функциональное назначение объекта, и материал, из которого он сооружен, и характер разрушения, и степень сохранности слоя.

Так называемые правильные слои образуются постепенно на месте жизнедеятельности человека. Основная их особенность — одновременность слоя с входящим в него материалом. Выделяются также свалочные (вывезенные) и переотложенные слои. Переотложенный слой — это слой, время образования которого позже времени содержащегося в нем материала [Каменецкий, 1970, с. 88—90].

Однако для многослойных античных памятников представление о постепенном отложении слоев очень часто является неверным. Еще более ошибочно представление об одновременности культурного напластования и всех строительных остатков, в нем обнаруженных [Блаватский, 1967, с. 42]. Напластования чаще возникают в сравнительно короткий срок, когда разрушаются постройки, и в несколько больший промежуток времени, когда на этом месте появляются новые сооружения [Блаватский, 1967, с. 191—193]. Обычная же жизнедеятельность на поселенческих структурах может быть не отражена в их стратиграфии, а отсутствие или малочисленность археологических источников для какого-то периода не может быть однозначно воспринято как показатель упадка или кризиса поселения [Романчук, Щеглов, 1998, с. 183].

Подробная фиксация всех культурных напластований в юго-восточной части Верхнего города Ольвии (участок Р-25) на большой площади, многолетние стратиграфические наблюдения, совершенствование полевой методики позволили выделить многочисленные стратиграфические ярусы и проследить особенности сооружения, бытования и разрушения рассматриваемых на участке объектов. Результатом проведенных исследований явилось не только значительное уточнение археологической топографии, но также и отдельных этапов истории Ольвии, особенно наиболее раннего и позднего. Жизнь в этой части города продолжалась на протяжении всего периода его существования — с рубежа второй четверти VI в. до н. э. по вторую четверть IV в. н. э. [см.: Крапивина, Буйских, 1997; Крапивина, 2002a].

Итак, освоение юго-восточной части Верхнего города Ольвии происходило в следующей последовательности. Во второй четверти VI в. до н. э. на верхней террасе появляются первые землянки и полуземлянки, на южном склоне естественной балки сооружается заглубленная в землю металлообрабатывающая мастерская. В середине — второй половине VI в. до н. э. здесь существуют жилые и хозяйственные полуземлянки (рис. 11), хозяйственные ямы и большие ямы-погребца. Яма-ботрос V в. до н. э. была связана с существовавшим где-то поблизости святилищем Афродиты. Концом V — первой половиной IV в. до н. э. датируются мастерская по производству мелких металлических изделий, в том числе и votивных, а также помещение с сырцово-каменными стенами к северу от нее. Хозяйственные ямы сооружаются в этой части городища в основном до середины — третьей четверти IV в. до н. э., т. е., до момента возведения на верхней террасе монументального храма. Перед его строительством

Рис. 11. Ольвия, участок Р-25, остатки полуземлянки конца VI — начала V в. до н. э.

Рис. 12. Ольвия, участок Р-25, остатки металлообрабатывающей мастерской конца V — первой половины IV в. до н. э., которые прорезала стена храма

засыпаются и нивелируются все более ранние строительные остатки как на месте храма, так на большой площади вокруг него. Именно тогда была засыпана и прорезана стеной храма упомянутая мастерская конца V — первой половины IV в. до н. э. (рис. 12). Существование храма можно объяснить практическое отсутствие на участке строительных остатков I—II вв. до н. э. и сохранение на значительной площади к северу от него слоя древнего гумуса. Слой II—I вв. до н. э. на данном участке не выявлен, вероятно, он был уничтожен в процессе дальнейшего строительства. Террасы с подпорными стенами и лестницами характеризуют застройку I—IV вв. н. э. Культурно-хронологические комплексы, датируемые I — первой половиной II вв. н. э., представлены портиковым сооружением, несколькими хозяйственными помещениями на верхней, средней и нижней террасах, винодельней, остатками металлообрабатывающих мастерских и хозяйственных помещений, системой подпорных стен террас. Слой второй половины II — третьей четверти III вв. н. э. самый мощный по толщине и насыщенности строительными и вещевыми находками. В нем выделяется несколько строительных периодов. Раскрыты остатки оборонительной стены и башни на нижней террасе, производственно-хозяйственные комплексы на средней террасе, жилые дома на нижней и верхней террасах. По всей площади участка в слое III в. н. э. прослеживаются слои двух разрушений города. Нижний из них — более мощный, достигает толщины 1,0—1,5 м (рис. 13). После этого разрушения временной разрыв не наблюдается. Восстановление зданий происходит практически сразу. Они частично перестраиваются, ремонтируются в рамках прежней планировки. Не восстанавливаются только отдельные помещения, которые засыпаются под новое строительство. В них следы пожара наиболее ярко выражены. Слой второго разгрома Ольвии в целом менее выразительный, представлен сырцово-каменными завалами и сырцовыми массивами, следы пожара прослеживаются с трудом. Однако именно после него жизнь на месте Ольвии на некоторое время прекращается и прослеживается временной разрыв. Изучение (впервые широкой площадью) культурно-хронологических комплексов конца III — третьей четверти IV вв. н. э., представленных несколькими домами, в том числе зданием общественного назначения, сложенным на цементном растворе (рис. 14), алтарями, улицами и площадью, металлообрабатывающими мастерскими, гончарным горном, позволило восстановить облик Ольвии позднеантичного времени и проследить особенности её исторического развития.

По материалу различаются строительные остатки, вырезанные в грунте, сооруженные из глины, сырцовых или обожженных кирпичей, бутво-

Рис. 13. Ольвия, участок Р-25, остатки пожарища в доме III в. н. э.

Рис. 14. Ольвия, участок Р-25, остатки общественного здания конца III — начала IV вв. н. э.

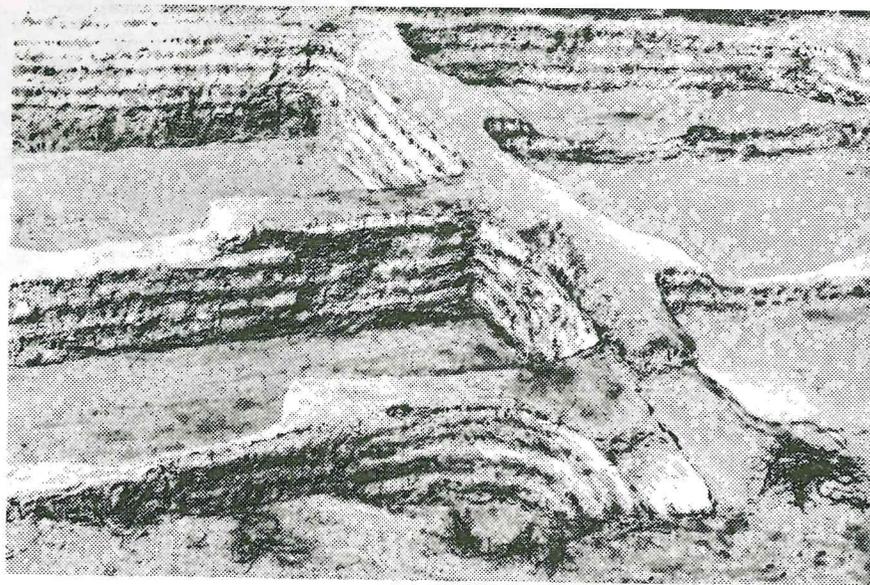

Рис. 15. Ольвия, участок АГД, так называемые слоевые основания

или обработанного камня. Встречаются объекты, выполненные с использованием сразу нескольких материалов: камня, глины, сырцовых или обожженных кирпичей. Следует отметить наличие в Ольвии специфических фундаментов — так называемых субструкций или слоевых оснований, состоящих из чередующихся прослоек золы и лессового грунта (рис. 15). Наибольшая тщательность требуется при раскрытии сооружений, вырезанных в грунте или сложенных из глины и сырцовых кирпичей, так как они наиболее близки по своей структуре глинистым слоям Ольвии и часто с трудом вычлняются из окружающего слоя, особенно тогда, когда сырцовые стены и глинобитные полы образуют в процессе разрушения почти единую массу. При раскрытии этих объектов учитываются малейшие изменения грунта. Это касается, прежде всего, производственно-хозяйственных сооружений, которые обычно построены достаточно небрежно и существуют сравнительно недолго. При этом их разрушение действительно способствует интенсивности формирования слоя, как отмечал еще В. Д. Блаватский [1967, с. 193—196], писавший, правда, что остатки сырцовых стен выявляются легче всего, с чем согласиться сложно. Эти работы надо проводить с помощью ножей, мастерков и щеток. Лопаты следует исключить при подобных зачистках, чтобы не подрезать раскрываемые объекты (рис. 16, 17). При тщательном выявлении остатков, вырезанных в грунте, иногда можно проследить следы древних инструментов, которые использовались при их сооружении.

Хотя формирование слоя и происходит в большей степени во время строительства и разрушения комплексов, тем не менее, это не исключает возможности выявления также и во время бытования объекта. Его толщину определяют перестройки и ремонты. В по-

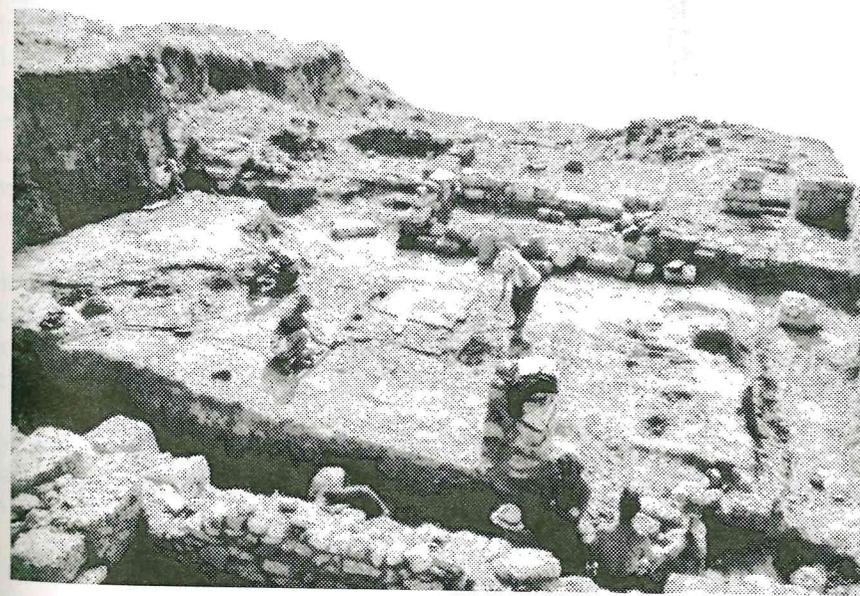

Рис. 16. Ольвия, участок Р-25, рабочий момент, зачистка по уровню глинобитного пола

Рис. 17. Ольвия, участок Р-25, пример зачистки хозяйственной ямы

мещениях это, прежде всего, постоянный ремонт глинобитных полов, который происходит гораздо чаще, чем ремонты стен. Прослеживаются как ежегодные (возможно, и сезонные) тонкие промазки глинобитных полов (от 1–3 мм до 1 см), так и ремонты проседавших полов жилищных помещений, происходившие раз в несколько лет. Полы хозяйственных и особенно производственных помещений горели в толще, до 10–12 см. Они вряд ли ремонтировались ежегодно, следовательно, это делалось один раз в несколько лет, при этом ремонт был менее тщательным. Полы вычищались, подмащивались в местах просадок мелким камнем или щебнем, а затем, вероятно, заливались более или менее густым глиняным раствором, часто содержащим смесь травы, соломы или мелко порезанной рамики и костей животных. Наличие фрагментов костей в уровнях полов и вымостках улиц свидетельствует о том, что заполнение для них

взято из свалки (рис. 18). Следует отметить еще возможность оползания глинобитных полов помещений в траншеи нового времени, образовавшиеся в результате разборки этих помещений.

Очень часто полы не видны в вертикальных срезах, особенно если они грубо выполнены, однако выявляются при горизонтальных зачистках (рис. 19). Именно горизонтально проведенная стратиграфия дает наиболее полную информацию о слоях и прослойках. Поэтому стоит увлекаться вертикальными срезами, её нарушающими. Они нужны только в отдельных случаях.

Следы пожара, как показали работы на участке Р-25, наиболее ярко выражены, если сразу же засыпаны под новое строительство. В том случае, когда население надолго оставило свой город или поселение, погибшее в результате пожара, оно продолжает постепенно разрушаться под воздействием природных сил и следы пожарища менее заметны.

Следует констатировать, что застройка участка террасами, границы которых на разных этапах не совпадали, привела к возможности расположения разновременных строительных остатков практически на одном уровне (рис. 20).

Рис. 18. Ольвия, участок Р-25, пример зачистки уровня вымостки улицы

Рис. 19. Ольвия, участок Р-25, пример зачистки уровня пола хозяйственного помещения

Рис. 20. Ольвия, участок Р-25, террасы и остатки оборонительной стены II—III вв. н. э., расположенной на склоне

В установлении абсолютной и относительной даты слоев и объектов первостепенную роль играют понятия так называемых чистых и перемещенных слоев, закрытых и открытых комплексов [Крапивина, 2002, с. 105—107].

Обычно под закрытым подразумевают изолированный комплекс, в который предположительно попали одновременно. Наиболее типичные случаи: могилы, вещевые или монетные комплексы [Каменецкий, 1970, с. 83; Колпаков, Бочкарев, Васкул и др., 1990, с. 48; Словник-довідник, 1996, с. 128; Малеев, 1999, с. 11]. На городищах и поселениях к закрытым комплексам относятся материалы, находившиеся на полу в момент гибели жилища, содержимое подвальных хозяйственных ям, игравших роль хранилищ. Замкнутый круг вещей, который они представляют, датировка объекта этим же временем. Эти материалы дают только *terminus post quem*. Датировка объекта по возможности уточняется материалом подстилающего слоя. Например, на участке Р-25 — подсыпка грунта эллинистического, классического или архаического времени под уровни полов помещений первых веков н. э. При этом в закрытом комплексе отражен какой-то конкретный момент времени, а в открытом — обязательно отрезок времени, длина которого определяется характером образования и залегания слоя, скоростью его нарастания, степенью перемешивания [Каменецкий, 1970, с. 83—85].

К идеальным закрытым комплексам на поселении могут быть отнесены только разрушенные сооружения в материке или на материке (стерильной прослойке), перекрытые сверху стерильной же прослойкой или более поздним строительством и не нарушенные. Обычно же на многослойном памятнике о чистых слоях и ненарушенных стратиграфических ярусах можно говорить только в отношении отдельных площадей. Как правило, все

казываются в большей или меньшей степени нарушенными в процессе жизнедеятельности ставившего их населения, а также последующей деятельностью людей (в более редких случаях — природой).

Тем не менее, при условии тщательного исследования стратиграфии именно многослойные памятники дают наиболее четкие и точные данные для относительной хронологии, которая фиксирует определенную последовательность объективно существующих комплексов [Каменецкий, Маршак, Шер, 1975, с. 83].

Безусловно, ямы или помещения домов, даже сооруженные в многослойной толще, а также могилы с многократными захоронениями, являются все же более информативными в отношении датировки и характера памятника, чем слои, частью которого они являются. Эти комплексы могут условно считаться закрытыми. Таким образом, комплекс, сооруженный в слое разновременных слоев, следует считать относительно закрытым комплексом. При его датировке надо проводить корреляцию датировок с учетом степени их достоверности. Необходимо подсчитывать процент примеси иного материала и учитывать его при датировке комплекса в целом, в том числе и при определении сопутствующих палеоантропологических, палеозоологических, палеоботанических и прочих материалов [Крапивина, 2002, с. 106].

На многослойном памятнике практически всегда преобладают находки наиболее мощные из сохранившихся культурных слоев. Чем активнее жизнедеятельность населения — тем быстрее разрушаются слои, залегающие ниже. Если последующий слой оказывается менее мощным, ненасыщенным материалом, в нем всегда присутствует значительная примесь подстилающего слоя, особенно если они оба были в дальнейшем нарушены перекопами.

При датировке слоя учитывается весь комплекс выявленного в нем материала (кроме более поздних перекопов), а также стратиграфическая ситуация. Как правило, определяющим считается наиболее поздний материал. При датировке объектов находки из окружающего слоя и верхней части заполнения, безусловно, учитываются, хотя датирующими являются наиболее поздние материалы из нижней части заполнения, а в помещениях — с уровнем пола. Наиболее поздний материал из верхней части заполнения и окружающего слоя дает *terminus ante quem*. Наличие в засыпи помещений или хозяйственных ям более ранних (относительно всего комплекса) материалов само по себе еще не является основанием для датировки объекта этим же временем. Эти материалы дают только *terminus post quem*. Датировка объекта по возможности уточняется материалом подстилающего слоя. Например, на участке Р-25 — подсыпка грунта эллинистического, классического или архаического времени под уровни полов помещений первых веков н. э. При этом в закрытом комплексе отражен какой-то конкретный момент времени, а в открытом — обязательно отрезок времени, длина которого определяется характером образования и залегания слоя, скоростью его нарастания, степенью перемешивания [Крапивина, 2004].

Встречается и обратная ситуация, когда более ранние строительные остатки не только не разрушены, но и частично используются при их сооружении. При этом, естественно, наблюдается значительная примесь более поздних ма-

териалов, не являющихся датирующими относительно времени возникновения сооружений. Подобных случаев отсутствия возможности датировки комплексов по общепринятой методике можно привести много.

Например, ранее высказанное предположение, что храм, сооруженный в последней четверти IV в. до н. э., был перекрыт остатками домов второй половины III—II вв. до н. э. [Кравчиук, Буйских, 1997, с. 124], не подтвердилось. Датировки были основаны на материалах, выявленных на месте наоса храма и к западу от него. В процессе раскопок, проводимых на уровне полов при кладках, выявленных на месте наоса храма и к западу от него. В процессе дальнейших работ была установлена принадлежность всех раскрытых кладок, интерпретированных как остатки дома второй половины III—II вв. до н. э., двум помещениям металлической брабатывающей мастерской конца V — третьей четверти IV вв. до н. э., сооружение которых предшествовало возведению храма. Западная стена храма прорезала мастерскую [Кравчиук, 2002a, с. 148].

Все вышеизложенное должно быть учтено при определении степени достоверности датировки комплексов и слоя в частности, и памятника в целом, что поможет избежать ошибок при его исторической интерпретации.

Характер строительных остатков, выявляемых в Ольвии, отличается большим разнообразием как по функциональному назначению, так и по материалу, из которого они выполнены. Все связанные с этим особенности диктуют и специфику работы с раскрываемыми объектами. По функциональному назначению это оборонительные сооружения, жилые дома, административные здания, разнообразные культовые сооружения, производственно-хозяйственные комплексы, сооружения, связанные с благоустройством города, погребальные комплексы.

Во время работ в Ольвии, как это и положено по методике полевых археологических исследований, постоянно проводится фотофиксация, архитектурные обмеры строительных остатков (планы, разрезы, фасировки), подробное ежедневное описание проводимых работ, раскрываемых объектов и выявленного материала в полевом дневнике. Материалы тщательно разбирают, подсчитывают, датируют, зарисовывают, фотографируют. В экспедиции работают палеозоологи, палеоантропологи, реставраторы по керамике и металлу, перически — палеоботаник, геофизик. Рассмотрение методики всех этих изысканий является одной из специальных публикаций и в наши задачи не входит.

Остановимся только на кратком описании обработки найденного материала. Вначале поступает в соответствии со списками на *точок*⁴, где проходит предварительную обработку. Находки сортируются по материалу, из которого они изготовлены (керамика, металл, стекло, камень), затем по типам изделий, выделяется остеологический материал. Наибольшая многочисленная группа находок — керамика — моется (за исключением терракот, лепной керамики и образцов с дипинти, которые подвергаются только сухой очистке), сортируется по принятой в античной археологии системе. Весь материал записывается в книгу списка, где также указывается его количество, датировка, отмечается материал, взятый в коллекцию. Часть находок, не попавшая в коллекцию, по возможности зарисовывается с указанием номера списка. Материал, отобранный в коллекцию, поступает в лабораторию камеральной обработки, где он очищается и при необходимости реставрируется, записывается в картонную опись, шифруется. Затем он зарисовывается и фотографируется.

⁴ Точок — это специально отведенное место для первичной разборки найденных артефактов.

При работах на поселениях хоры Ольвии применяется практически та же методика полевых археологических исследований, что и на городище. Однако работы там часто осложнены тем, что памятники расположены на местах современных сельскохозяйственных полей и должны быть раскрыты в короткий срок с последующей рекультивацией земель. В таких случаях, если культурный слой разрушен полностью, до материка, возможно снять его с помощью механизмов, полностью выбрав сопровождающий материал, а затем раскрыть сохранившиеся в материке объекты на широкой площади, что позволит получить более полное представление о памятнике. В целом же соблюдаются основные общепринятые методические принципы и приёмы полевых исследований на античных памятниках Северного Причерноморья [Крыжицкий, Марченко, Щеглов, 1985, с. 40-42].

Литература

- Авдусин. 1972. Авдусин Д. А. Полевая археология СССР. М., 1972.
- Блаватский. 1967. Блаватский В. Д. Античная полевая археология. М., 1967.
- Жебелёв. 1915. Жебелёв С. А. Ученые заслуги Б. В. Фармаковского // Отчет Московского археологического общества. М., 1915.
- Каменецкий. 1970. Каменецкий И. С. К теории слоя // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970.
- Каменецкий, Маршак, Шер. 1975. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
- Колпаков, Бочкарев, Васкул. 1990. Колпаков Е. М., Бочкарев В. С., Васкул И. О. и др. Классификация в археологии. Терминологический словарь-справочник. М., 1990.
- Кравчиук. 1998. Кравчиук В. В. О методике полевых археологических исследований в Ольвии // Археологічні відкриття в Україні 1997—1998 рр. Київ, 1998.
- Кравчиук. 2002. Кравчиук В. В. К вопросу о «закрытых комплексах» в археологии // Сучасні проблеми археології. Київ., 2002.
- Кравчиук. 2002a. Кравчиук В. В. Краткие итоги работ на участке Р-25 в Ольвии в 2000—2001 годах // Археологічні відкриття в Україні у 2000—2001 рр. Київ, 2002.
- Кравчиук. 2004. Кравчиук В. В. О некоторых проблемах хронологии и датировки многослойных памятников на примере античной Ольвии // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников: Материалы международной конференции. СПб., 2004.
- Кравчиук, Буйских. 1997. Кравчиук В. В., Буйских Кравчиук В. В., Буйских А. В. Предварительные итоги исследования юго-восточной части Верхнего города Ольвии (1982—1996) // Никоний и античный мир Северного Причерноморья. Одесса, 1997.
- Крыжицкий. 1985. Крыжицкий С. Д. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев, 1985.
- Крыжицкий, Марченко, Щеглов. 1985. Крыжицкий С. Д., Марченко К. К., Щеглов А. Н. Основные методические принципы изучения поселений на земледельческой территории античных государств Северного Причерноморья // Проблемы исследования Ольвии. Тезисы докладов и сообщений семинара. Парутино, 1985.

- Малеев. 1999. Малеев Ю. М. Словник археологічних термінів. Київ, 1999.
- Романчук, Щеглов. 1998. Романчук А. И., Щеглов А. Н. Проблема культурного слоя византийской археологии // Византийский временник. 1998. 55 (80). Ч. 2.
- Славін. 1943. Славін Л. М. Основні підсумки вивчення Ольвії за радянський період. Наукові записки Інституту історії і археології АН УРСР. Вип. 1. Уфа, 1943.
- Словник-довідник. 1996. Словник-довідник з археології. Під редакцією Н. О. Гавлюк. — Київ, 1996.
- Kryzhitskii, Krapivina. 1994. Kryzhitskii S. D., Krapivina V. V. A Quarter-Century of Excavation at Olbia Pontica // Classical Views. 1994. Vol. XXXVIII. N.S. 13.

С. Д. Крыжицкий
(Институт археологии НАН Украины)

К МЕТОДИКЕ СОСТАВЛЕНИЯ ОБОСНОВАННЫХ ОБЪЕМНО-ПЛАНИРОВОЧНЫХ ГРАФИЧЕСКИХ РЕКОНСТРУКЦИЙ ОЛЬВИЙСКИХ ЖИЛЫХ ДОМОВ

Необходимость составления по возможности всесторонних характеристик жилых домов для истории и истории культуры вряд ли нуждается в специальной аргументации. Однако, во многих случаях исследователи, приводя подробнейшие описания находок, условий их залегания и датировок, опускают такой существенный для характеристики жилищ момент, как разработка обоснований реконструкции жилых домов. Как правило, это обусловлено плохой сохранностью строительных остатков, когда прямой информации недостаточно для выделения границ отдельных домов, дворов, определения связей между помещениями, конфигурации и конструкции крыш и т.п. В итоге при публикации результатов раскопок читателю часто непонятно, на основании чего определены те или иные границы домов, внутренних дворов и другие важные элементы планировки, а также объемных решений (в тех редких случаях, когда они предлагаются), которые отнюдь не очевидны и наличие которых требует соответствующей аргументации.

Многолетние исследования жилых домов Ольвии, посвященные реконструкции их планов и объемов, позволили накопить некоторый опыт методических подходов к решению этих задач, краткое изложение которых входит в задачу настоящей статьи.

Исходя из того, что пространственная структура античного жилого дома определяется его планом, высотными габаритами и конфигурацией крыши, различны и методические подходы к составлению обоснования реконструкции этих трех основных составляющих для создания пространственной модели. При этом необходимо подчеркнуть, что в ходе реконструкции зависимость между этими составляющими, а особенно между планом и крышей, может быть не только прямой, но и обратной. Так, например, при Г-образном расположении крытых помещений относительно внутреннего двора возможно устройство как одной общей, так и двух разных крыш с карнизами на различных высотах. А это может косвенно свидетельствовать об отсутствии функциональной связи между смежными, но располагающимися под разными крышами помещениями. Выявление и обоснование, исходя из характера окружающей застройки, единственно возможного направления сброса атмосферных осадков со скатов крыши и определения количества скатов может помочь установить наиболее реальное, даже объемное решение. Это в условиях крайне плохой сохранности строительных остатков приобретает существенное значение. Особенно в тех случаях, когда форма плана дома и перекрываемых помещений, в частности, их наружный контур, не прямоугольны.

Ниже будут кратко охарактеризованы использованные нами методические подходы к обоснованию реконструкции перечисленных составляющих. Данная статья продолжает тему, к которой мы обращались еще в 1971 г. [Крыжицкий, 1971], и включает в себя наблюдения, полученных в ходе дальнейших работ по графической реконструкции жилых домов, проведенных в особенности в последнее десятилетие [см.: например, Крыжицкий, 2000; Kružíckij, Lejrunskája, 2010, p. 40–101; Крыжицкий, Лейпунская, 2010].

Планировка домов

Основным источником для реконструкции планировки ольвийских жилых домов служат выемки дворов, полы, остатки стен, главным образом подвальных помещений, траншеи, выборки стен, выемки улиц. Наземные кладки каменных стен сохранились в большинстве случаев крайне фрагментарно, в них редко сохраняются остатки дверных проемов. Первоочередной задачей является определение границ дома и внутреннего двора на основании совокупности этих данных.

В связи с этим для реконструкции планировки домов особую важную роль играют планы, являвшиеся особенностью домостроительства в Северном Причерноморье в целом. Дома в кварталах строились (или перестраивались) не все сразу, а по отдельности. Об этом говорит отсутствие не только регулярности в разбивке планов домов, но зачастую и отсутствие четкой прямолинейности в разделении соседних домовладений. Очевидно, не редкими были случаи, когда участок рядом с перестраиваемым домом представлял собой пустырь, как это произошло в западном квартале участка НГС при строительстве дома III-2.

Во-первых, учитывая значительный вес стеновых конструкций (основными материалами были глина и камень), строительство стен первого этажа над подвальным пространством следует исключить. Это находит косвенное подтверждение и в том, что даже в больших подвалах с перекрываемым пролетом около полудесяти метров при раскопках не находили баз или ям для установки подпорных столбов, а встречающиеся в подвальных стенах гнезда для балок перекрытий говорят о больших сечениях последних. Иначе говоря, выдержать вес каменной или сырцово-глиняной обычной балочной деревянной конструкции без опорных столбов (или балок с высотой не менее 0,3–0,35 м) вряд ли в состоянии. Отсюда следует, что наземные стены не располагались либо непосредственно на подвальных кладках, либо вне подвалов. Исключение небольших средних размеров наземных комнат в ольвийских жилых домах, следует исключить возможность устройства под одним и тем же наземным помещением более одного подвала. Т.е. при наличии в доме нескольких подвалов, в том числе смежных, основания для восстановления над ними такого же количества наземных помещений.

Во-вторых, особенностью планировки многих ольвийских подвалов является несовершенство их разбивки на местности — отсутствие четкой прямоугольной параллельности стенам наземных помещений. Эта ситуация усугубляется последующими деформациями, когда стены выпучиваются, наклоняются, получают вертикальные трещины в результате при последующих подвижках грунта, как это имеет место, например, на участке НГС, может в известной степени меняться и сама конфигурация плана дома в целом.

следует, что при восстановлении планировки наземного этажа дома стены наземных помещений, реконструируемых на основании существующих подвалов, не обязательно должны совпадать (или располагаться параллельно) со стенами находящихся под ними подвалов. Если подвалы не смежные и находятся на некотором небольшом расстоянии один от другого, при отсутствии дополнительных данных о местоположении наземных стен их конкретное размещение в плане будет иметь несколько условный характер. Однако, при этом количество помещений первого этажа и их взаимное расположение будут установлены достаточно надежно.

В-третьих, необходимо принимать во внимание то, что строительство эллинистических домов в Ольвии велось не на пустом месте. Здесь повсеместно под домами эллинистического времени находятся более ранние строительные остатки. Исследование последних проводилось только частично в связи с необходимостью обеспечить сохранность более поздних комплексов, имеющих существенное экспозиционное значение. Тем не менее, было прослежено, что в большинстве случаев между первыми и вторыми наблюдается определенная преемственность в местах размещения подвалов. Несмотря на значительный масштаб перестроек, происходивших в Ольвии в эллинистическое время, когда они захватывали значительные городские территории, эти работы проводились не одновременно. Дома в кварталах строились (или перестраивались) не все сразу, а по отдельности. Об этом говорит отсутствие не только регулярности в разбивке планов домов, но зачастую и отсутствие четкой прямолинейности в разделении соседних домовладений. Очевидно, не редкими были случаи, когда участок рядом с перестраиваемым домом представлял собой пустырь, как это произошло в западном квартале участка НГС при строительстве дома III-2. Вследствие всего этого в планировке и в конфигурации пятна плана домов неизбежно должны были происходить мелкие изменения. Помимо сказанного, появление этих изменений объясняется и тем, что разделяющая разные домовладения стена могла состоять из неоднородных (и по толщине, и по технике кладки) отрезков, а также образовывать небольшие уступы. Причем примыкающие друг к другу домовладения, как правило, имели не две параллельные разделяющие их стены, а одну — совместную. Эта практика была общей для древнегреческого домостроительства, соблюдалась она, в основном, и в Ольвии. Исключение в данном случае представляют внутриквартальные промежутки шириной 1,2–1,5 м (4–5 футов) между блоками домов, как это имело место в Олинфе или Кассопе [Hoerlner, Schwandner, 1986, Abb. 32, 110]. Но и там дома в отдельных блоках таких кварталов разделяли одинарные стены.

Иначе говоря, возможные небольшие взаимные сдвиги планировочных сеток соседних домов вполне реальны, и здесь нужно исходить, главным образом, из характера соединения каменных кладок стен, а также общих особенностей планировки конкретного дома. Так, например, в центральном квартале участка НГС параллельное расположение двух подвальных блоков (№ 351, 353 в доме IV-4 и соответственно № 280, 302 в доме IV-2) с северных сторон дворов, по нашему мнению, достаточно убедительно свидетельствует в пользу того, что это разные дома (рис. 1). И заметные нестыковки в разделяющей их стене могут быть результатом деформаций строительных остатков и участка в целом, но, скорее всего, строительства конкретного дома в условиях уже существующей окружающей застройки.

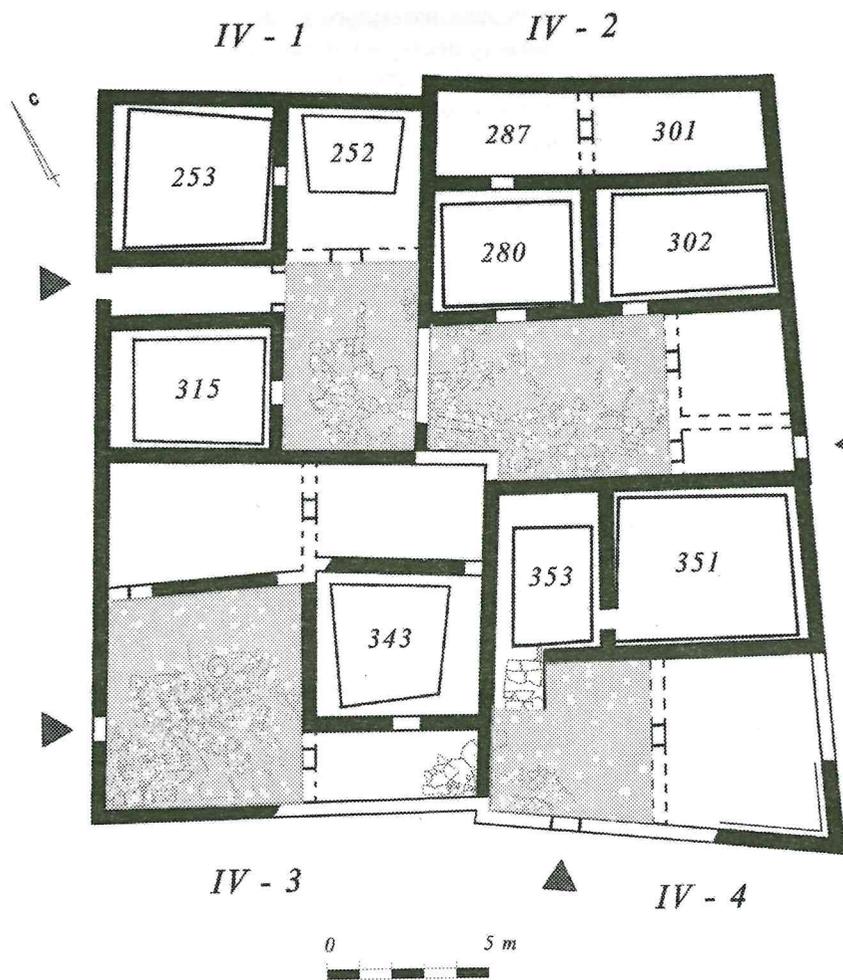

Рис. 1. Схематический план центрального квартала на участке НГС. Серым цветом показаны дворы, подвалы обозначены дополнительными линиями

Среди косвенных факторов, которые в целях контроля необходимо учитывать при выборе различных вариантов реконструкции домов, отметим пропорции пятна плана дома. В ольвийских жилых домах эллинистического времени соотношение сторон их планов не выходит за пределы 1 к 1,7. Чаще же всего это соотношение приближается к 1 к 1. Замечательно в связи с этим, что удлиненные пропорции жилых домов характерны в основном для домов, построенных по последовательно-иерархическому принципу планировки, в частности, простадного. Наиболее ярко это прослеживается в домах Приены [Hoerlner, Schwandner, 1986, Abb. 1]. В Ольвии же пока неизвестно ни одного дома эллинистического времени с последователь-

но-иерархическим (простадным) принципом планировки [Крыжицкий, 1971а, с. 107]. Последнее относится к жилым домам и в других античных городах Северного Причерноморья [Крыжицкий, 1993, с. 152].

Исходя из сказанного и анализа планировки греческих жилых домов эллинистического времени — Делоса, Приены и других городов, планировка которых восстанавливается по прямым археологическим данным, нам представляется, что основными критериями для выделения отдельных домов и границ, их разделяющих, могут быть приняты следующие: 1) наличие «длинных» стен, разделяющих квартал в целом (такие стены могут состоять не из одной, а из нескольких кладок). Исходной при этом является гипотеза о том, что смежные дома в первом строительном периоде разделялись в большинстве случаев по прямой, а не изломанной линии; 2) наличие однотипных и одинаково ориентированных планировочных модулей. Например, в Приене — простад или в Ольвии — двух сблокированных подвалов, располагающихся в северной части предполагаемого домовладения¹; 3) количество внутренних дворов. Общим правилом является наличие одного двора, хотя имеются и исключения.

Для определения размещения помещений следует исходить из расположения внутреннего двора и подвалов. При определении местоположения внутренних дворов необходимо учитывать не только наличие каменной (или из битой керамики) вымостки, а также сопровождающего материала, но и характер размещения предполагаемого двора в плане дома, возможность наличия или отсутствия его прямой связи с протиром или улицей, наличие водостоков, наконец, анализ возможного количества и направления скатов крыши, которые в ряде случаев зависят от окружающей застройки. При сравнении возможных вариантов размеров двора может помочь учет процентного соотношения площадей двора и застройки дома в целом.

Естественно, при всем этом особое внимание нужно обращать на характер связи и взаимного размещения кладок, наличие или отсутствие поворотов и сдвигов планировочных секторов, степень четкости планировки и однотипности конструктивных приемов отдельных узлов строительных конструкций, наличие или отсутствие функциональной связи между отдельными помещениями, разницу в уровнях глубины заложения полов и вымосток.

Завершает планировочную реконструкцию обоснование возможной (при отсутствии прямых данных) функциональной связи между помещениями. Первостепенную роль при этом играет сопровождающий материал, характер размещения того или иного помещения относительно внутреннего двора и других крытых помещений. Сравнение вариантов, возникающих в ходе обоснования реконструкции планировки, исходя из различных подходов, позволит выбрать наиболее оптимальное решение.

Высотные габариты (высоты помещений, количество этажей)

Как правило, остатки наземных помещений ольвийских жилых домов сохраняются на небольшую высоту. Поэтому для определения высот наземных комнат мы вынуждены ис-

¹ Это могут быть и помещения аналогичного функционального назначения, например, так называемого хозяйственного.

пользовать в основном косвенные данные, совокупность которых, тем не менее, позволяют наметить верхний и нижний пределы этих величин.

Найденные в стенах ольвийских жилых подвалов гнезда от междуэтажных балочных перекрытий (дома И—2, А—10) позволяют установить высоту жилых подвальных помещений равной 1,9—2,2 м (отдельные подвалы таких домов, как А—10 или А—2, судя по сохранившейся высоте кладок, возможно, были и выше, однако для нас в данном случае важен нижний предел). Отсюда, учитывая относительно большие размеры ряда комнат в ольвийских домах (до 4,5—5,5 м по меньшей стороне), можно предположить, что высота наземных помещений вряд ли могла быть меньше, так как обычно подвалы ниже наземных комнат.

Возможно, между этими величинами в ходе местного строительства могла выработаться эмпирическим путем некоторая зависимость. Подобная зависимость, только между высотой первых и вторых этажей, нашла отражение у Витрувия (Vitruv. V—I—3; VI—III—1 по которому следует, что высота второго этажа должна составлять $\frac{3}{4}$ от высоты первого. Возможно, близкое соотношение могло иметь место и в нашем случае, т. е. h подвала I этажа = $\frac{3}{4}h$ (где h — высота). Причем вычисленные на основании этого соотношения высоты первых этажей ольвийских домов (которые при высоте подвалов 1,9—2,2 м составляют 2,5—2,9 м) примерно совпадают с данными, полученными при расчете высот портиков аттического ордера по основаниям капителей или пролетам пастад в ордерных домах ЗК-1, Е-1, Е-2. Так, меньшие стороны известных нам аттических капителей имеют размеры в пределах 0,13 м до 0,3 м и в большинстве случаев 0,18—0,22 м. При обычном для аттического ордера соотношении узкой стороны столба² к его высоте — один к десяти или одиннадцати [Витрувий, 1949, рис. 253, 254; Шуази, 1935, с. 288] — мы получим высоту столба портика, равную 1,3—3,3 м и чаще всего 1,8—2,4 м³. Высоту 2,4—3,3 м получают столбы портиков в домах ЗК-1, Е-1, НГФ—1, если ее определять исходя из указания Витрувия о соотношении пролетов галерей и высот портиков (Vitruv. VI—III—7). Следовательно, учитывая уклон кровли ольвийских домов (17—21°), высоту архитрава (0,3—0,4 м) и пролеты портиков, высота наиболее парадных помещений в ордерных домах могла составлять (при расчете по основаниям капителей) 2,6—3,2 м. Естественно, в безордерных домах эти цифры будут меньше, приближаясь к высотам, определенным выше на основании соотношения высот подвалов и первых этажей. Таким образом, в качестве верхнего предела высот наземных помещений в безордерных домах представляется возможным принять 2,5—2,9 м.

Разумеется, не обязательно, чтобы в каждом отдельном доме или в домах одной группы все помещения имели одинаковую высоту. Хозяйственные комнаты, очевидно, могли быть ниже, а группа андрона — выше. Но общий порядок цифр $\pm 0,2—0,5$ м представляется убедительным, а для реконструкции объемов подобная точность достаточна. Значительно более важным для реконструкции является соотношение объемов. Но они определяются исходя из возможности сопряжения и направления скатов крыш, взаимного расположения помещений и дворов и т. п.

² Как известно, столбы на фасад портиков выходят обычно узкими сторонами. Известное нам исключение было отмечено в Ольвии в доме Е-6 Центрального квартала в районе агоры.

³ По-видимому, капители со сторонами порядка 0,13—0,18 м относились, скорее всего, к типу капителей полузакрытого типа [Graham, 1953, p. 203 etc.].

На основании приведенных соображений и приняты высоты крытых помещений в ольвийских домах [конкретные расчеты см.: Крыжицкий, 1971а, с. 90—93]. Следует подчеркнуть, что довольно близкие цифры определены и для жилых домов столь различных центров, как Олинф, Кура-Европос или, например, Илурат [подробнее: Крыжицкий, 1971а, примеч. 1 на с. 90].

Особое место занимает проблема определения вертикальной структуры дома — установления количества этажей и их соотношения с уровнем дневной поверхности. Здесь следует выделить три аспекта: возможность наличия вторых этажей, вероятность использования подвальных и полуподвальных этажей в жилых, хозяйственных или производственных целях, существование полутора этажных домов, как самостоятельного типа (рис. 2).

Вопрос о наличии вторых этажей в ольвийских домах (так же как и об их планировке) возник еще в начале прошлого века, когда в предложенной Б. В. Фармаковским и П. П. Покрышкиным реконструкции центральной части ольвийского дома из раскопок 1902—1903 гг. Зевсова кургана было предложено устройство второго этажа над группой помещений с простадой [Фармаковский, 1906, с. 39—98]. Какие-либо археологические основания для такого решения отсутствовали. Оно было принято, исходя только из общетеоретических рассуждений, и в дальнейшем поддержки не нашло [Соболев, 1953; Крыжицкий, 1971а, с. 58].

Только через полвека этой теме вскользь коснулись в своей статье о домах Северного Причерноморья Е. И. Леви и А. Н. Карасев. Ими было высказано предположение о том, что в доме НГФ-1⁴ над тремя помещениями, примыкавшими к склону террасной части города, находился второй этаж, устройство которого в этом месте они обосновывали большой толщиной стен первого этажа [Леви, Карасев, 1955, с. 228]. Свое предположение они подкрепили свидетельством Лукиана Самосатского о существовании в одном из домов города Борисфенитов «верхнего» этажа (SC I, с. 562⁵). Предполагалась этими исследователями возможность наличия второго этажа также и в доме А—2, но без какого-либо обоснования [Леви, Карасев, 1955, с. 234].

Более осторожную позицию занимал Л. М. Славин, который отмечал, что «Вопрос о наличии в домах Ольвии двух наземных этажей остается пока нерешенным» [Славин, 1958, с. 289, 290].

За прошедшие после этого полвека ситуация почти не изменилась. Вплоть до настоящего времени в Ольвии, за одним исключением, не найдены какие-либо прямые археологические свидетельства о существовании здесь домов с двумя наземными этажами — остатки нижних ступеней или оснований лестниц, соответствующая стратиграфия заполнения погибших помещений. Исключение, возможно, представляет собой лишь находка трех нижних каменных ступенек в одном из крытых помещений наземного этажа дома Е-7 (Центральный квартал в районе агоры), находившихся *in situ* в уровне древней дневной поверхности⁶.

⁴ О нумерации ольвийских домов см.: [Крыжицкий, 1971а, с. 8].

⁵ «...Абавх однажды пришел в город Борисфенитов... а им случилось остановиться в верхнем этаже...» (SC, с. 562).

⁶ Возможность устройства в этом месте над одним из наземных помещений второго этажа (куда ведут эти ступеньки) позволяет более или менее успешно решить проблему устройства крыш над большой группой крытых помещений, избежав слишком больших перекрываемых пролетов (работа по реконструкции этого дома находится в печати).

В связи с этим отметим, что в подавляющем большинстве случаев дошедшие до наших времен наземные каменные стены ольвийских домов низкого качества. Они делались в глиняном растворе часто из непрямоугольных камней с плохо обработанными постелью. Конечно, при этом следует учитывать, что до нашего времени стены из прямоугольных плит или блоков могли просто не сохраниться, поскольку из ольвийского камня в XIX в. было построено большинство старых парутинских домов, вывозился этот камень и турками при строительстве Очаковской крепости. Но против этого косвенно свидетельствует то, что в ольвийских постройках первых веков н.э., в которых в большинстве использовался вторичный камень, взятый из прекратившей свое существование разрушенной части города, хорошо обработанного камня было намного меньше, чем в домах предшествующего времени. Т.е. хорошо обработанный камень в эллинистическое время использовался относительно ограниченно.

Теоретически возможно строительство двухэтажных домов также из сырцового кирпича с толщиной стен до 0,45 м. При этом приводятся обычно ссылки на дома Олинфа в частности, на свидетельство Робинсона, который упоминает о строительстве таких домов в юге США в двадцатые — тридцатые годы прошлого века [Robinson, Graham, 1938, p. 22]. Действительно, по прочности сырцовые стены толщиной 0,4-0,5 м вполне могут выдерживать нагрузку в два этажа (при несущей способности около 25 кг/кв. см). Но это в южных широтах, где процессы разрушения конструкций и, как следствие, потери ими прочности благодаря более сухому и теплomu климату значительно замедлены по сравнению с Нижним Подольем. Очевидно, не случайно в этом районе не строились двухэтажные дома из сырцового кирпича и в новое время — в XIX и первой половине XX веков. Иначе говоря, строительство двухэтажных домов с полностью сырцовыми стенами в Ольвии вряд ли могло широко практиковаться. Не подтверждается это и археологически, поскольку встречающиеся в раскопках массивы рушенного сырца или желто-глинистые заполнения по своим объемам и частоте встречаемости обычно существенно скромнее, чем этого следовало бы ожидать при разрушении двухэтажных домов. Вместе с тем вполне возможен вариант с устройством двухэтажей из разных материалов: первого — из камня, а второго — из сырцового кирпича.

Учитывая сказанное, а также опыт строительства домов в средиземноморских городах — Пирее, Олинфе, Приене, Абдере, Делосе и др. [Hoerfner, Schwandner, 1986, Abb. 14, 172, 261, 199, 248], дома которых имели обычно над частью комнат наземного этажа второй этаж, считать, что в Ольвии такие дома вообще отсутствовали, было бы неверно. Тем не менее, пока в Ольвии, кроме дома Е-7, известен только еще один уже упоминавшийся дом И-1, в отношении которого есть основания предполагать возможность устройства второго надземного этажа, исходя из значительной толщины стен в части помещений первого этажа. Таким образом, обычные двухэтажные дома (рис. 2. 4) в Ольвии, по-видимому, были не являлись, скорее, исключением, чем правилом.

Антиподом проблеме существования домов с двумя наземными этажами является вопрос о подвальных этажах. Обычно сам факт существования подвалов не оспаривается. Вызывают же споры возможность их использования в качестве жилых помещений, что, возможно, является следствием терминологической неточности, поскольку подвалами обычно называются любые заглубленные помещения. В связи с этим уточним терминологию. Под подвалами подразумеваются помещения, или группа помещений, полностью заглубленных в землю

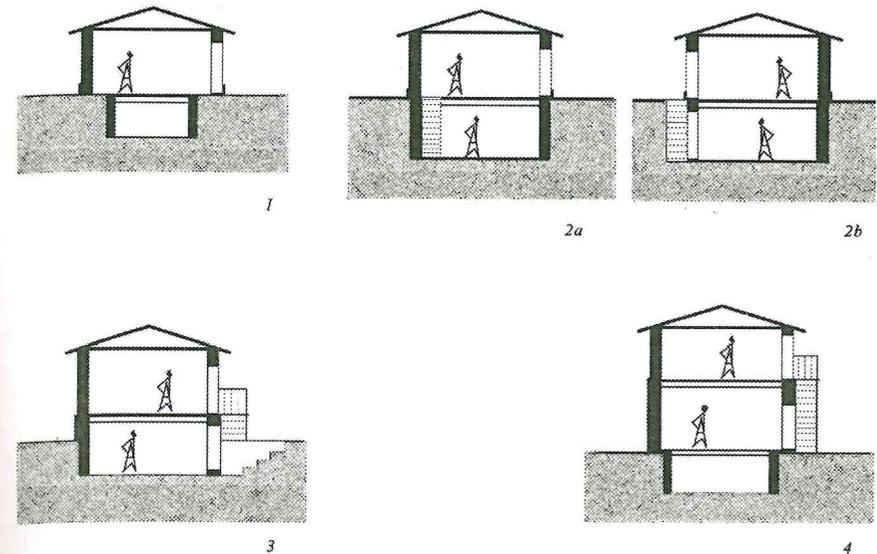

Рис. 2. Типы вертикального развития ольвийских домов: 1 — одноэтажный дом с подполом; 2 — одноэтажный дом с подвалом с устройством наружного или внутреннего входа в подвал; 3 — полтораэтажный дом; 4 — двухэтажный дом с подполом

главное — имеющих высоту более человеческого роста (не менее 1,9–2,0 м)⁷, т.е. такую, которая позволяет человеку, находясь в подвале нормально функционировать длительное время.

Соответственно заглубленные помещения меньшей высоты вряд ли могли использоваться в иных целях, нежели складских. Это определяет их подсобное назначение и в пространственном отношении не дает оснований считать их полноценным этажом. Эти помещения не имели между собой прямой функциональной связи (т.е. не соединялись друг с другом дверными проемами), даже находясь рядом. Такие помещения можно определить, как «подпол» («... пространство или яма под полом; у крестьян род чулана или погребка» [Даль, 1955, т. III]). Подполы делались во многих ольвийских домах (рис. 2. 1, 4), иногда даже под полами подвалов. Их размеры обычно существенно меньше наземных помещений, под полами которых они устраивались. Так, например, подпол в помещении № 1 в доме И-1 при глубине 1,4 м имел площадь порядка 5 кв. м, тогда как наземное помещение — 11 кв. м [Славин, 1940, табл. 4, разрез 2–2; Крыжицкий, 1971а, с. 12 и сл.]. Разумеется, предполагать возможность использования подполов в качестве не только жилых, но и хозяйственных или производственных помещений ни малейших оснований нет.

Иное дело подвалы в приведенном нами выше определении. Многолетние раскопки Ольвии дают основания считать, что большинство заглубленных помещений в жилых до-

⁷ Здесь в дополнение к данному нами ранее определению подвалов (Крыжицкий, 1982, сноска на с. 12) мы вводим критерий высоты подвала для четкого разделения помещений по возможности функционального использования.

Рис. 3. Схематические планы домов IV-4 (1) и VI-2 (2)

мах являлись не подполами, а подвальными этажами, которые могли служить не только в качестве складов, но и как жилые, хозяйственные или производственные помещения [Левин, 1955, с. 234, 235; Славин, 1958, с. 289; Крыжицкий, 1971а, с. 107; Крыжицкий, 2007, с. 62]. В настоящее время в Ольвии известно более двух десятков таких домов (в частности, И-2; А-2, А-4, А-10; ЗК-1, ЗК-2; Е-1, Е-2⁸, Е-4, Е-5, Е-7, Е-12, Е-18, Е-20; НГФ-Т-3; на участке НГС: II-3, II-6, II-7, III-1, III-3, IV-1, IV-2, IV-3, IV-4, VI-3 [Крыжицкий, 1971а, 2009, 2010], подвалы которых могли использоваться в хозяйственных, жилых и рабочих целях. Они были в виде как отдельных единичных помещений, так и двух (иногда более), в том числе соединявшихся иногда между собой дверными проемами.

Наряду с одноэтажными и двухэтажными (с подвалами или редко без них) домами в Ольвии существовала еще одна категория жилищ. Это так называемые «полуторазэтажные» дома, нижний этаж которых был полуподвальным и благодаря этому мог иметь дневное освещение (рис. 2. 3). О том, что такие дома существовали в Ольвии, предполагалось Л. М. Славиним. Однако, как самостоятельный тип дома они не рассматривались.

Надежно выделить этот тип стало возможным в ходе раскопок домов IV — 4 и VI — 2 на участке НГС в Нижнем городе домов [Крыжицкий, 2009; Крыжицкий, Лейпунская, 2010]. В доме IV — 4 (рис. 3) было установлено, что высотная отметка (11,28 м) верха подвальной стены № 338, которая разделяет помещения №№ 353 и 351, на 0,47 м превышает отметку пола двора (10,81 м). Т.е. сохранившаяся высота этой подвальной стены свидетельствует о том, что пол комнат наземного этажа был как минимум на 0,7 м выше, чем поверхность двора. Сохранившаяся высота полуподвала составляла 2 м (отметка пола — 9,3 м) при заглублении

⁸ В этом доме, помимо подвала имелись и полуподвальные (см. ниже) помещения.

на 0,51 м. Близкая ситуация была и в доме VI — 2 (рис. 2.4), где наиболее высокая сохранившаяся точка на стене, разделяющей помещения №№ 395 и 410 (12,22 м), на 0,32 м выше уровня вымостки двора (11,90 м). Соответственно уровень пола наземного этажа был выше поверхности двора не менее, чем на полметра, а сохранившаяся высота помещения № 410 составляла 2,15 м (отметка его пола 10,06 м) при заглублении 1,84 м. В обоих домах в упомянутые полуподвальные помещения вели из дворов лестницы, устроенные в самостоятельных проемах.

Проанализировав с этой точки зрения ольвийские дома, раскопанные ранее, представляется возможным выделить еще несколько полуторазэтажных домов — И-6, Е-2, Е-5, НГФ-1 [Крыжицкий, 2007, с. 63–64]. Как следует из приведенных выше цифр известные нам полуподвалы заглублялись в землю на различную глубину — от 0,6 до 1,84 м, а высота самих полуподвалов, судя по двум домам, открытым на участке НГС, составляла не менее 2,0–2,15 м.

В связи с этим возникает вопрос о возможности строительства над полуподвалами наземного этажа. Очевидно, при значительном (более 0,5–0,6 м) заглублении полуподвалов наличие таких надземных этажей неизбежно, иначе компенсация изоляции внутреннего двора от окружающей застройки путем наращивания высоты наземных стен не рациональна. В противном случае внутрисемейная жизнь, центром которой во многом являлся двор, оказывается открытой для посторонних, что противоречит самому принципу строительства дома с замкнутым внутренним пространством двора. Таким образом, наличие надземного этажа над полуподвалом в любом случае представляется более реальным.

В принципе прием, когда примыкающие к склону помещения дома могут частично в него врезаться, в древней Греции был достаточно широко распространен, что является вынужденным следствием строительства на рельефе с большими перепадами высот. Раскопан такой дом и в террасной части Ольвии на участке Т-3 (раскопки В. И. Назарчука). Однако, в этих случаях тыльные помещения домов, примыкающие к склону, не являются полностью полуподвальными, поскольку их полы находятся в уровне дневной поверхности дворов, к которым они примыкают, или даже несколько выше [см., например, дома Приены: Ноерпегер, Schwandner, 1986, Abb. 172, 261]. Перечисленные же выше ольвийские дома располагаются на более или менее горизонтальных участках местности (исключение дом И-6) и их полуподвальные помещения заглублены в землю по всей своей площади.

Все сказанное позволяет предположить, что полуторазэтажный дом, состоявший из полуподвального и одного наземного этажей, являлся самостоятельным объемно-планировочным типом ольвийского дома. В пользу этого свидетельствует то, что эти дома строились в Ольвии на относительно горизонтальной поверхности. Т.е. этот тип вертикальной структуры дома был чем-то привлекателен для жителей Ольвии вне зависимости от необходимости приспособления дома к рельефу местности. По-видимому, в появлении этого типа сыграл роль комплекс причин — климатических (о чем говорилось выше), экономических, конструктивно-прочностных (каменные стены полуподвалов, служившие в то же время цоколями для сырцовых стен наземного этажа). Возможность устройства удобных неглубоких капитальных лестничных входов и дневного освещения выгодно их отличала от подвалов.

Конфигурация крыши

Существенные проблемы, по-видимому, часто возникали перед древними строителями в связи с устройством крыш. Эти непростые проблемы в полной мере встают и перед нами при осуществлении объемно-планировочных графических реконструкций. От крыш до нашего времени обычно доходит лишь черепица (и то, в основном, фрагментированная). Все остальное архитектор должен реконструировать на основании косвенных соображений. Наиболее существенные сложности при этом вызывает отнюдь не несущая конструкция крыши, а определение кровельного материала и формы крыши — количества и направления скатов кровли, возможности их сопряжения.

Выяснение этих вопросов во многом зависит от конфигурации плана жилого дома — характера взаимного расположения отдельных блоков помещений, степени ортогональности планировки. Здесь речь идет об определении, прежде всего, материала кровли и затем связанных с этим решений вопросов о количестве и направлении скатов кровли, а также возможности устройства их пересечений.

По поводу материала кровли отметим, что, как известно, основными материалами для жилых домов могли служить черепица, саманное покрытие либо, возможно, тростник, обожженный глиной. Устройство чисто тростниковых или соломенных кровель в городских жилых домах, учитывая наличие в них не только жаровен, но и очагов, а также печей, при высокой плотности застройки и, тем самым, высокой степени пожарной опасности представляется маловероятным. Известное изображение на краснофигурном килике женщины, набирающей воду из источника, и расположенной рядом постройки с соломенной кровлей (рис. [Hoerfner, Schwandner, 1986, Abb. 183] вряд ли может являться убедительным аргументом в пользу противного, поскольку место действия автором рисунка не определено и вряд ли относится к обычному городскому жилому дому. Выяснение вопроса, о каком из трех материалов может идти речь, осложняется тем, что, если черепица хорошо сохраняется в культурных слоях, то саманные покрытия полностью уничтожаются, смешиваясь с обычными напластованиями. Не встречались в Ольвии при раскопках и остатки тростника, которые можно было бы связывать с кровельным ковром.

Подчеркнем также, что, несмотря на относительно частую встречаемость черепицы при раскопках среди сопровождающего материала, ее количество обычно отнюдь не таково, чтобы могла идти речь о наличии черепичной кровли над тем или иным помещением. Что же касается завалов черепицы *in situ*, то они встречаются редко и относятся обычно не более, чем к одному-двум помещениям дома. Так, например, за более чем два десятка лет раскопок участка НГС в Ольвии такие завалы были обнаружены всего в двух помещениях № 301, 302 дома VI-1 и в одном помещении № 395а дома VI-2 (это почти на сотню исследованных помещений). Конечно, редкость завалов черепицы объясняется в первую очередь тем, что хорошо сохраняющуюся черепицу не выбрасывали, а продолжали использовать. Но, тем не менее, сказанное дает основания предполагать, что наряду с черепицей довольно широко использовался и саман. Очевидно, в одном и том же доме вполне могли сочетаться черепичные крыши над группами наиболее значительных помещений с ортогональной планировкой и саманные — над блоками помещений с непрямоугольной планировкой, а также над хозяйственными.

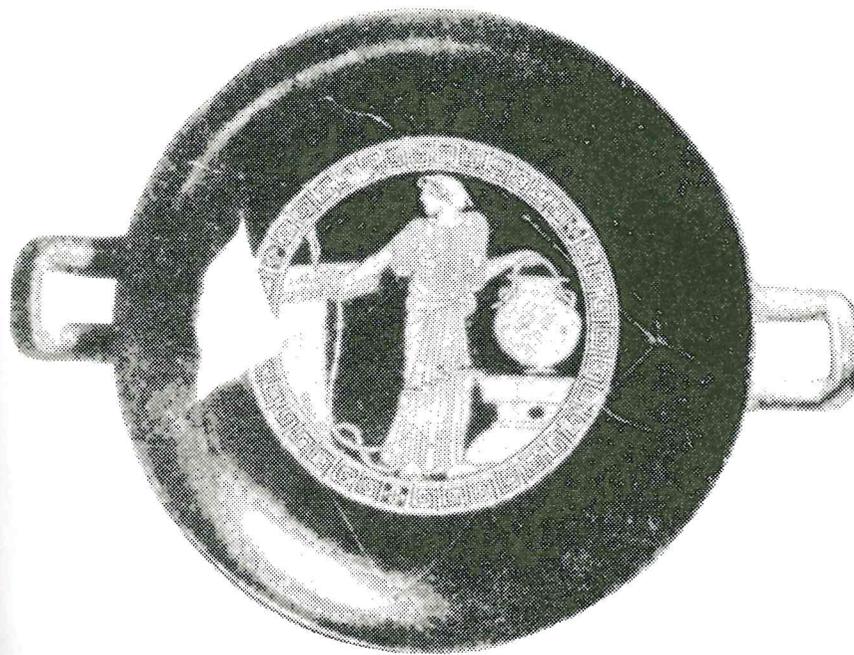

Рис. 4. Килик с изображением женщины, набирающей воду

Однако в решении вопроса о материале кровли может косвенно помочь и, по нашему мнению, достаточно убедительно конфигурация планов перекрываемых помещений. В отличие от четкой прямоугольной планировки домов Гиммеры, Пирея, Олинфа, Кассопе, Приамуны, Абдеры [Hoerfner, Schwandner, 1986, Abb. 4, 10, 29, 30, 104, 147, 198] в ольвийских домах имеются в очень многих случаях нарушения ортогональности плана. Это не играет особой роли в решении вопроса о материале кровли в случае подобных нарушений внутри того или иного блока помещений, имеющих общую крышу, но выступает на первый план, когда нарушаются ортогональная форма черепицы придет в противоречие с непрямоугольной формой плана сооружения. Среди трех основных систем черепичной кровли — коринфской, лаконской и сицилийской первая и третья в силу геометрической жесткости могут использоваться для перекрытия только лишь четких прямоугольников (рис. 5. 1, 2, 3). Возможности разгона наклона при нарушении прямоугольности здесь крайне ограничены. Более пластична в этом отношении лаконская система. Однако и ее возможности не безграничны. Таким образом, при достаточно ярко выраженной остро- или тупоугольной форме плана возникают существенные основания предполагать, что кровля, скорее всего, была саманной. Саманный кровельный ковер в силу своей пластичности допускает любые комбинации направления, количества и пересечения скатов кровель. Переходя ко второй части проблемы — решению вопроса о количестве скатов кровли и направлении сброса атмосферных осадков, а также возможности пересечений скатов в кры-

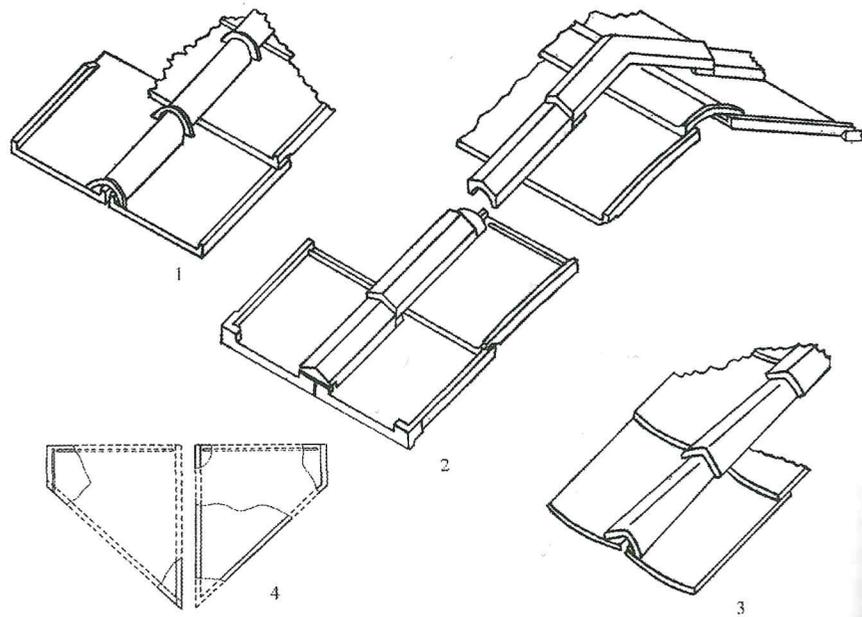

Рис. 5. Системы черепичных кровель: 1 — сицилийская система; 2 — коринфская система; 3 — лаконская система; 4 — трапециевидные керамиды

шах с черепичной кровлей — предварительно отметим, что вопросы согласований между владельцами соседних домов строительных мероприятий, затрагивающих интересы обеих сторон в частности, таких как определение направления сброса атмосферных осадков, наверняка были достаточно болезненными для жителей ольвийских домов. Не зря же в римском законодательстве уделялось много внимания таким проблемам, как согласование размещения водосточков, канав, окон, водопроводов (*Vitruv.* I, 1, 10), отвода или отказа в отводе дождевой воды на крышу или на участок соседа, закрепления балки в стене соседа и т.п. (*Dig.* VIII, 1, 1). Разумеется, вряд ли в Ольвии подобные правила могли быть столь тщательно разработаны, как в Риме, но в условиях плотнейшей городской застройки, тем более при наличии обветшавших стен домов, отсутствие таких правил маловероятно. Определенные правила были необходимы, учитывая не только спорные вопросы, неизбежно возникающие при строительстве в условиях окружающей застройки, но и особенности ольвийского строительства, в частности большое количество сырцовых стен, требовавших защиты от влаги. Очевидно, согласование всех возникающих проблем между соседними домовладельцами должны были регулироваться городскими властями с помощью специальных правил и договоров, контроль за выполнением которых входил в круг обязанностей, скорее всего, астиномов.

Исходя из этого представляется, что оптимальным решением для каждого отдельного дома, должно было являться такое устройство крыши, при котором сброс атмосферных осадков мог бы осуществляться непосредственно на улицу или в собственный внутренний двор, последующим выводом на улицу.

Что касается вопроса определения количества скатов крыш в ольвийском доме отметим, что основная масса найденной в Ольвии черепицы относится к коринфской системе и во много раз меньше — к лаконской или сицилийской. При этом исключительно редки находки коньковых продольных и поперечных калиптеров. Кроме двух известных коньковых поперечных и одного продольного калиптеров, опубликованных еще И.Б. Брашинским [Брашинский, 1964, с. 295 и сл., рис. 6, 7], найденных при раскопках агоры и Зевсова кургана, за все последующие годы в Ольвии были обнаружены только три коньковых продольных калиптера архаического времени при раскопках Западного теменоса (рис. 6) [Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005, с. 26, 27, табл. III.1-3]. Конечно, здесь следует учитывать, что

таких деталей должно было бы быть, как минимум, в полтора—два десятка раз меньше, чем рядовых черепиц. Кроме того, фрагменты коньковых калиптеров могут быть признаны таковыми только в том случае, если сохранился изгиб у вершины. Но, тем не менее, сложившаяся ситуация все же свидетельствует в пользу редкости устройства двускатных кровель коринфской или сицилийской системы с использованием коньковых калиптеров в жилых домах. Перекрыть же конек крыши с черепичным покрытием обычными калиптерами в силу несостоятельности деталей керамид и калиптеров проблематично. Решение этой проблемы — соединение двух скатов — возможно в двух вариантах: использование в качестве продольных калиптеров керамид лаконской системы⁹ либо вариант, при котором под конек крыши может быть

⁹ Эти керамиды встречаются в Ольвии в слоях не только первых веков н.э. (Козуб, 1966, с. 43, табл. 31.5), но и в более ранних.

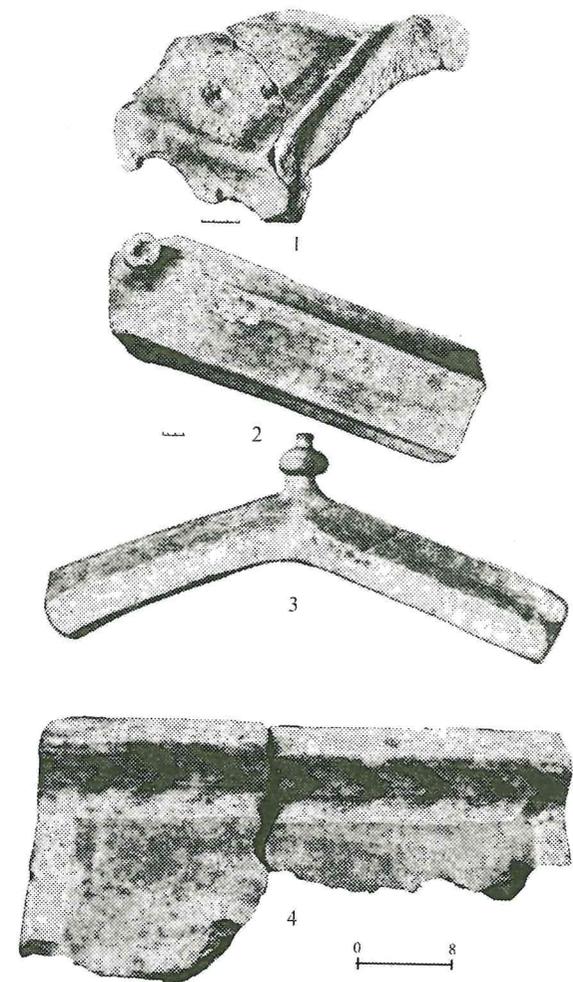

Рис. 6. Коньковые калиптеры: 1-3 — продольный и два коньковых калиптера из публикации И. Б. Брашинского; 4 — продольный коньковый калиптер из раскопок Западного теменоса Ольвии

использования деталей керамид и калиптеров проблематично. Решение этой проблемы — соединение двух скатов — возможно в двух вариантах: использование в качестве продольных калиптеров керамид лаконской системы⁹ либо вариант, при котором под конек крыши может быть

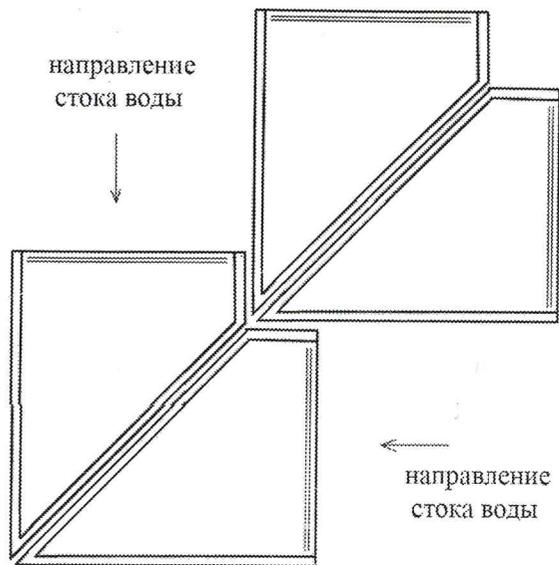

Рис. 7. Схема примыкания друг к другу трапециевидных черепиц при внутреннем пересечении скатов

крываемых объемах. Здесь возможны два варианта образования пересечения двух скатов — наружный и внутренний. В первом случае имеется в виду пересечение скатов с водоотводом наружу от пересечения скатов, во втором — с водоотводом внутрь — к пересечению скатов.

Первый вариант не обязателен, поскольку его в любом случае может заменить обычная двускатная или односкатная крыша. Что касается второго, то он в определенных ситуациях практически неизбежен, в частности, в перистилиях. Для обоих вариантов требуется фасонная черепица. Поясню это на примере внутреннего пересечения.

Керамиды, подходящие к диагональному желобу (*ендове*), образуемому при этом, должны иметь в плане форму неравнобедренной трапеции (рис. 7). В противном случае из-за большой ширины желоба будет невозможно обеспечить его гидроизоляцию. Подобные трапециевидные черепицы неоднократно находили в Пантикапее (рис. 5. 4) [Зеест, 1966, с. 54, табл. 36.5]. Угол их среза в нижней части около 45 градусов, что говорит об их предназначении для перекрытия только прямоугольных в плане конфигураций. Однако в Ольвии пока не найдено ни одной керамиды трапециевидной формы. Трудно сказать могла ли эта проблема решаться другим путем, например, удалением углов обычных керамид и устройством под ними желоба из перевернутых калиптеров или керамид лаконской системы¹⁰. Однако становится понятным, что при черепичных крышах коринфской или сицилийской системы в массовом строительстве архитекторы, очевидно, старались избегать пересечения скатов путем устройства, скорее всего, разновысоких объемов.

¹⁰ Возможно, этим и объясняется относительно малое число находок керамид лаконской системы — они использовались главным образом для устройства диагональных желобов.

подведена внутренняя стена. В этом случае коньковые края скатов крыши могут утапливаться в разделяющей стене.

Таким образом, уверенно реконструировать двускатные крыши коринфской или сицилийской системы с использованием коньковых калиптеров можно главным образом в монументальных сооружениях, в частности, в храмах или сокровищницах, где двускатность крыши предопределена наличием фронтового портика. Что же касается жилых домов, здесь наиболее вероятны односкатные крыши и только при больших перекрытых пролетах — двускатные.

С определением количества скатов тесно связан также вопрос о возможности сопряжения пересекающихся в плане крыш при равновысоких пере-

Отмечу, что находки аналогичных керамид для наружного варианта пересечения скатов (это трапециевидные керамиды с косым срезом в верхней (а не нижней) части черепицы) нам не известны.

Таким образом, мы очертили круг основных вопросов, связанных с реконструкцией объемно-планировочных решений античных жилых домов Ольвии. Все вышесказанное актуально не только для домов Ольвии, но и для жилых домов в других античных центрах, особенно для городов, где отсутствует регулярная ортогональная система планировки. Используемые нами методические подходы действенны в условиях Северного Причерноморья в достаточно широком хронологическом диапазоне, охватывающем примерно вторую половину первого тысячелетия до н.э. За пределами этих географических и временных рамок необходима корреляция предложенных методических подходов с учетом специфики объемно-планировочных структур, конструкций и строительной техники.

Подчеркнем также еще раз, что, как было сказано выше, между обоснованиями реконструкций плана, высотных габаритов и крыши жилого дома существует взаимозависимость. Эта прямая и обратная связь — зависимость пространственной структуры крыши и материала ее покрытия от характера планировки и высот и наоборот — представляет существенный интерес, поскольку позволяет не только корректировать реконструкцию плана, но и определяет круг реальных задач, стоявших в древности перед строителем при возведении отдельного дома в ранее сложившихся условиях окружающей застройки.

Литература

- Брашинский, 1964. Брашинский И. Б. Комплекс кровельной черепицы из раскопок ольвийской агоры 1959—1960 гг. // Ольвия, Теменос и Агора. М. — Л., 1964.
- Зеест, 1966. Зеест И. Б. Боспор // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Археология СССР. САИ. Вып. Г1 — 20. М., 1966.
- Козуб, 1966. Козуб Ю. И. Ольвия // Керамическое производство и античные керамические строительные материалы. Археология СССР. Археология СССР. САИ. Вып. Г1—20. М., 1966.
- Крижицкий, 1971. Крижицкий С. Д. Деякі питання методики реконструкції житлових будинків Північного Причорномор'я елліністичної епохи // Археологія. 1971. № 1.
- Крижицкий, 1971a. Крижицкий С. Д. Жилые ансамбли древней Ольвии (IV—II вв. до н.э.). Киев, 1971.
- Крижицкий, 1982. Крижицкий С. Д. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. — IV в. н.э.). Киев, 1982.
- Крижицкий, 1993. Крижицкий С. Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.
- Крижицкий, 2007. Крижицкий С. Д. До питання про об'ємно-планувальні типи безпорядних житлових будинків Ольвії елліністичного часу // Археологія. 2007. № 1.
- Крижицкий, 2009. Крижицкий С. Д. Опыт реконструкции жилых домов центрального квартала на участке НГС в Нижнем городе Ольвии // БИ. 2009. Вып. XXI.

Крыжицкий, 2010. Крыжицкий С. Д. Проблема реконструкции крыш в ольвийских жилых домах (к вопросу о строительных ремеслах) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Материалы XI Боспорских чтений. Керчь, 2010.

Крыжицкий, Лейпунская, 2010. Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А. Обоснование графической реконструкции планировки эллинистических домов на участке НГС в Ольвии // БИ. 2010. Вып. XXIV.

Крыжицкий, Русяева, Назарчук, 2005. Крыжицкий С. Д., Русяева А. С., Назарчук В. Архитектурная терракота позднеархаического времени из Ольвии // БИ. 2005. Вып. VIII.

Леви, Карасёв, 1955. Леви Е. И., Карасёв А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья // АГСП. М.—Л., 1955.

Славин, 1940. Славин Л. М. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935 и 1936 гг. // Ольвия. Т. I. Киев, 1940.

Славин, 1958. Славин Л. М. Ольвия как город в VI—I вв. до н. э. // СА. 1958. XXVIII.

Соболев, 1953. Соболев И. Н. О реконструкции ольвийского жилого дома II в. до н. э. открытого Б. В. Фармаковским в 1902—1903 гг. // ВДИ. 1953. № 1.

Фармаковский, 1906. Фармаковский Б. В. Раскопки в Ольвии в 1902—1903 гг. // ИИ. 1906. Вып. 13.

Шуази, 1935. Шуази О. История архитектуры. Т. I. М., 1935.

Graham, 1953. Graham J.W. Olynthiaka // Hesperia. 1953. Vol. XXII. № 3.

Hoepfner, Schwandner, 1986. Hoepfner W., Schwandner E. L. Haus und Stadt im Klassischen Griechenland. München, 1986.

Kryžickij, Lejpunskaja, 2010. Kryžickij Sergej D., Lejpunskaja Nina A. Building Remains and Accompanying Finds, 6th-1st Century BC // The Lower City of Olbia (Sector NGS) Was Excavated by Ukrainian Archaeologists between 1988 and 2002. Vol. 1: Text. Ed. by Nina A. Lejpunskaja†, Pia Guldager Bilde, Jakob Munk Hojte, Valentina V. Krapivina & Sergej D. Kryžickij. Aarhus, 2010.

Robinson, Graham, 1938. Robinson D. M., Graham J. W. The Hellenic House // Excavations at Olynthus. Vol. VIII. Baltimore, 1938.

С. Д. Крыжицкий
(Институт археологии НАН Украины)

АРХИТЕКТУРНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБМЕРЫ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ АНТИЧНЫХ ГОРОДОВ И ПОСЕЛЕНИЙ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

К настоящему времени разработан целый ряд приборов и базирующихся на их использовании методов, позволяющих без особых затруднений выполнять высокоточные обмеры любых раскопанных объектов [см. например: Крыжицкий и др., 1992].

Однако на практике, как показывает анализ отчетов об археологических раскопках, в абсолютном большинстве эти приборы и методы по разным причинам не применяются. С элементарными же принципами проведения архитектурно-археологических обмеров с помощью мерных лент и отвесов, пользование которыми не требует специальных знаний, знакомы на практике в должной степени далеко не все археологи и даже во многих случаях приглашаемые ими архитекторы. Напомнить по возможности эти принципы призвана настоящая статья.

Прежде всего, отметим, чем отличается архитектурно-археологический обмер, осуществляемый элементарными методами, от чисто архитектурного. Во-первых, крупным масштабом. В основном — от 1:1 до 1:50, который выбирается в зависимости от абсолютных размеров объекта и необходимой степени его детализации (форма камней, особенности кладок, деформации и т.п.). Более мелкие масштабы возможны только для схематических чертежей. Во-вторых, необходимостью выполнения практически всех стадий обмера в поле (исключение составляют только лишь крупномасштабные (1:1; 1:2) обмеры, когда объект можно переместить в чертежную). Несоблюдение этого правила приводит обычно к существенным погрешностям (в случае недобросовестного отношения к делу) либо к бесконечной беготне между чертежной и обмеряемым объектом. В связи с этим подчеркнем, что оригинальным документом является именно черновик, сделанный на месте. Камеральная обработка ограничивается лишь изготовлением чистовиков, т.е. копий с черновиков. В-третьих, трудностью в ряде случаев выбора опорных для обмера отдельных помещений точек вследствие нечеткости углов, особенно объектов с несохранившейся обмазкой стен и деформациями. В-четвертых, возможностью в большинстве случаев промерять расстояние непосредственно между любыми точками объекта в силу обычно относительно небольшой сохранившейся высоты строительных остатков.

Любой обмер начинается с подготовки соответствующего инструментария. При крупных масштабах обмеров — порядка 1:1; 1:2 — достаточно металлической трехметровой рулетки, масштабной линейки, двух прямоугольных треугольников, отвеса, циркуля с удлинителем

(разумеется, здесь излишне напоминать о необходимости наличия карандашей, чертежной доски и т.п.). Для масштаба 1:10 — 5-ти метровая металлическая рулетка¹, два отвеса, уровень, масштабная линейка и циркуль с удлинителем. Для масштабов 1:25 — 1:50 — 20-ти метровых рулетки, два отвеса, уровень — желателен гидравлический, состоящий из двух стеклянных трубок и соединяющего их шланга (идеально — использование нивелира шпагат или капроновый шнур, деревянные или лучше металлические колья, масляная краска для фиксации точек на поверхности камней², масштабная линейка и циркуль с удлинителем).

Выбор масштаба. В археологических обмерах выделяется три группы масштабов. Масштабы 1:1 — 1:2 (как исключение 1:5) — используются для архитектурных деталей, декоративных элементов и пластики, показа особенностей соединения конструкций и т.п. $M = 1:10$ (иногда 1:5) чаще всего применяется при обмерах погребальных сооружений, гончарных печей, рыбозасоложных ванн, виноделен, цистерн, колодцев, водостоков, землянок и полуземлянок, хозяйственных ям, фасадов кладок стен, разрезов. $M = 1:25$ (иногда 1:20; следует, однако, отметить, что при этом масштабе возникают в дальнейшем сложности при необходимости его сопоставления с $M = 1:25$), редко — 1:50, используется в большинстве случаев для планов кладок стен и сооружений.

Более мелкие масштабы — $M = 1:100$ — 1:200 уже, по сути, не отвечают требованиям археологического обмера и применяются для схематического показа планов отдельных сооружений. Масштабы 1:500 и выше — чаще всего для топосъемок. Разумеется, в случае необходимости могут быть и отступления от этих рекомендаций.

Следует также помнить о необходимости в любом случае показывать на чертеже не только числовой масштаб, но *обязательно* и линейный (в противном случае при утере оригинала чертежа и наличии, например, только лишь фотокопии установить истинный масштаб чертежа будет нелегко).

Порядок проведения обмеров

Выбор порядка и методики проведения обмеров объекта зависит от его особенностей, абсолютных размеров и выбранного масштаба.

Порядок проведения обмеров объектов первой группы масштабов (1:1; 1:2).

Первый этап включает в себя ориентировку детали, подлежащей обмеру, относительно горизонтальной плоскости, от которой будут вестись вертикальные промеры. Вторым этапом — собственно обмер. Методика обмера здесь зависит от того, что нужно обмерять — фасад (например, архитектурной детали или надгробия) или профиль и соответственно — разрез. В первом случае, особенно при криволинейных фигурах, обычно целесообразно использовать метод линейных засечек. Возможно применение протирок с последующим использованием метода линейных засечек.

¹ При обмерах в масштабах 1:10 и более возможно использование и матерчатых рулеток, но при условии их обязательного компарирования с металлическими, поскольку на практике нередко случается, когда матерчатая рулетка может при сравнении с металлической отличаться от нее на 10 и более см общей десятиметровой длине.

² Это может понадобиться при обмерах криволинейных структур, при нечеткости углов либо при недоступности точек, от которых необходимо вести промеры. В последнем случае для выноса таких точек на поверхность кладок стен проще всего использовать метод створов. См. ниже.

корректировкой. Во втором (если нет прибора с выдвигающимися иглами) — метод Дордиант (замеряется высота элемента и его вынос). Обмер ведется с помощью двух прямоугольных треугольников (рис. 1)³. При необходимости обмеров мелкопрофильных деталей дает хорошие результаты гипсовая отливка профиля с последующим его вертикальным сечением.

Порядок проведения обмеров объектов второй группы масштабов (1:10). Представляет собой облегченный вариант обмеров объектов третьей группы масштабов (см. ниже). Основным методом обмера являются линейные засечки.

Порядок проведения обмеров объектов третьей группы масштабов (1:25; 1:50) является наиболее сложным.

Первый этап включает в себя подготовку опорной сети точек, положение которых фиксируется на местности и на чертеже. От точности этой операции будет зависеть и точность всего обмера. Идеальным здесь является создание такой сети — регулярной прямоугольной или полигональной с помощью теодолита. Это неизбежно при значительных размерах объекта (протяженностью более 40—50 м) и больших перепадах рельефа (при падении рельефа более, чем на 15—25 см на 10 м горизонтального положения). В данном случае описывать методику работы с теодолитом мы не будем, поскольку она, во-первых, изложена в многочисленных соответствующих учебных пособиях, во-вторых, требует специальной подготовки и, в-третьих, как уже отмечалось, не входит в задачи настоящей статьи. В связи с этим подчеркнем, что в подобных случаях для разбивки опорной сети необходимо приглашение профессионального топографа. Здесь же рассмотрим те случаи, когда еще возможно обойтись собственными силами.

Второй этап — определение генеральных размеров обмеряемого объекта (одного или нескольких помещений, дома в целом, отдельных стен, хозяйственных ям, земляночных структур и т.п.) и нанесение на план его точной схемы (например, вершин углов помещений). Особый случай представляет собой в этом отношении обмер криволинейных в плане структур. Их следует вписывать (или вписывать в них) в обычные замкнутые многоугольные фигуры и на схематическом чертеже фиксировать вершины углов. Если есть возможность непосредственного измерения диагоналей такой фигуры, то наиболее целесообразна форма четырехугольника. В противном случае рационально использовать треугольник. Последнее, при отсутствии теодолита, дает возможность более или менее надежно обмерять контуры различных насыпей, в том числе курганных.

³ Перемещая треугольник 2 по вертикали вдоль треугольника 1 определяем высоты (h) от вершин углов (полочки, выкружки полуваля и т.п.) обмеряемой детали. Перемещения треугольника 1 параллельно плоскости, на которой стоит деталь, позволяют установить величины выносов (a) обломов. Если высота треугольника 1 меньше высоты детали, можно воспользоваться отвесом. Для этого, однако, необходимо плоскость, на которой располагается деталь, установить горизонтально.

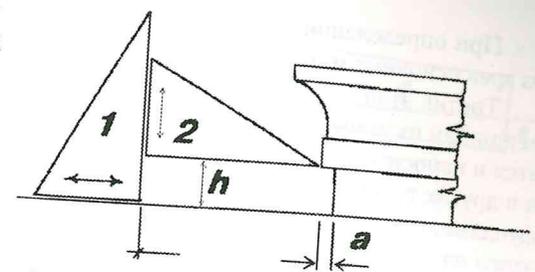

Рис. 1. Схема проведения обмера профиля детали в масштабе 1:1 — 1:2

При определении генеральных размеров сооружений возможно использование любых из трех основных методов обмера — засечками, створами или смешанным методом.

Третий этап — детализация. После установления генеральных размеров помещений, вершинам их углов (внутренних или наружных — принципиальной роли не играет) промеряется и наносится на план толщина стен в углах и в центре каждой стены (при необходимости и в других точках). Затем проверяется прямолинейность фасадов стен в плане в уровнях фундаментов и верхних срезов. Отклонения фиксируются на схематическом плане. После этого измеряется длина и ширина каждого камня верхней плоскости стены и наносится план с последующей тщательной прорисовкой отдельных камней. В случаях обмеров криволинейных структур их контуры наносятся на схематический план методом засечек. Опорные точки этих засечек располагаются на сторонах описанного вокруг обмеряемого объекта (вписанного внутрь) многоугольника.

После прорисовки камней кладок стен выполняются обмеры их фасадов. Для этого по уровню отбивается нулевая горизонталь, местоположение которой по высоте фасада стены определяется произвольно, но должно быть в одной и той же горизонтальной плоскости для всех стен одного и того же помещения. Затем промеряются высоты рядов и длины фасадов камней. Результаты в соответствующем масштабе наносятся на чертеж, после чего прорисовывается фасад каждого камня. Фиксируются также в ортогональных проекциях конструктивные детали стен — выступы, углубления, пазы, подтеки и т. п. Обязательно отражаются все деформации.

Далее проводится нивелировка обмеряемых строительных остатков и выполняются в необходимых местах поперечные разрезы. Устанавливаются высотные отметки уровней вышестоящих, подошв и верхних плоскостей стен, полов помещений, колодцев, ям, каналов и т.п. Для целей нивелировки только лишь отдельных помещений возможно использование обычных уровней. Во всех остальных случаях необходимо применение нивелира или, в крайнем случае, гидравлического уровня.

Четвертый этап — привязка объекта на местности. Здесь, если в непосредственной близости нет каких-либо постоянных ориентиров, в большинстве случаев без инструментальной съемки подручными методами не обойтись. При наличии же таких ориентиров — капитальных сооружений, градостроительных структур, геодезических знаков привязка возможна методами засечек, створов, а также смешанным методом.

Основные методы проведения обмеров

Как уже неоднократно упоминалось, при отсутствии возможности вести инструментальную съемку используются методы обмера линейными засечками, створами и смешанным методом. Последний представляет собой сочетание двух предыдущих. Поэтому ниже мы остановимся только на методах обмеров засечками и створами.

Проведение обмеров методом засечек. Данный метод является универсальным и наиболее точным, поскольку основан на построении треугольников по длинам их сторон. Для его реализации необходимо, прежде всего, построение опорной сети точек, из кото-

рых и будут делаться засечки для непосредственной фиксации объекта, который нужно обмерять. Может использоваться несколько вариантов построения сети опорных точек.

В идеальном случае опорные точки следует располагать на одной прямой, которую в зависимости от конкретных условий прокладывают либо рядом с обмеряемым объектом, либо через него (рис. 2).

Второй вариант — построение сетки квадратов. Для этого на местности прокладываются две параллельные линии на расстоянии, равном или кратном стороне квадрата (в античной археологии обычно используются квадраты со стороной, равной 5 м, но могут быть и меньше или больше в зависимости от размеров объекта и степени его детализации).

На одной из проложенных линий с помощью так называемого «египетского» треугольника (треугольник с простым соотношением сторон 3:4:5, позволяющим получить прямой угол) строится прямой угол, позволяющий

проложить перпендикулярные линии (рис. 3). Затем на линиях откладываются размеры сторон квадратов. После этого полученные квадраты проверяются с помощью измерения диагоналей⁴, и при необходимости корректируется правильность построения прямых углов. Аналогичным образом строится сетка и на чертеже⁵. Однако здесь, если нет треугольника, прямой угол проще и точнее построить следующим способом: на одной прямой из двух произвольно взятых точек⁶ циркулем с радиусом, значительно превышающим расстояние между точками, делаются две засечки — по обе стороны прямой. Линия, проведенная через места пересечения засечки, будет перпендикулярна исходной прямой (рис. 4).

⁴ Диагональ 5-ти метрового квадрата составляет 7,07 м. Метрового — 1,41 м; 2-х метрового — 2,83 м; 3-х метрового — 4,24 м; 4-х метрового — 5,66 м; 10-ти метрового — 14,14 м.

⁵ Для выполнения археологических обмеров лучше всего использовать обычный ватман, но ни в коем случае миллиметровку, поскольку последняя, во-первых, часто имеет отклонения от квадратной сетки, а, во-вторых, наличие мелкой сетки мешает при прорисовке тех или иных деталей.

⁶ В случае, если перпендикуляр нужно восстановить на прямой в конкретной точке, то предварительно из этой точки на прямой делаются циркулем две засечки, из которых уже строятся засечки для проведения перпендикуляра.

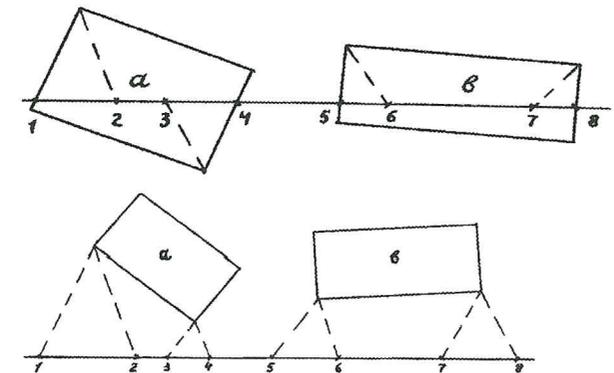

Рис. 2. Расположение опорных точек на одной прямой. 1-8 — опорные точки

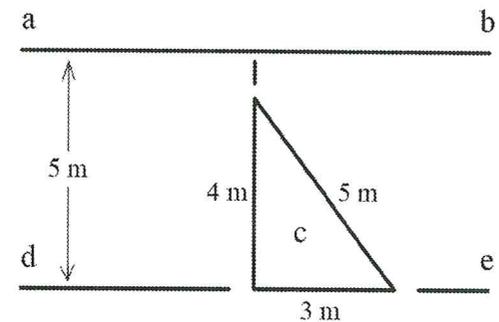

Рис. 3. Схема построения опорной сети: a-b, d-e — параллельные линии; c — «египетский» треугольник

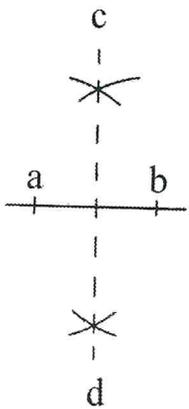

Рис. 4. Схема построения перпендикуляра: a-b — точки, из которых сделаны засечки; c-d — перпендикуляр

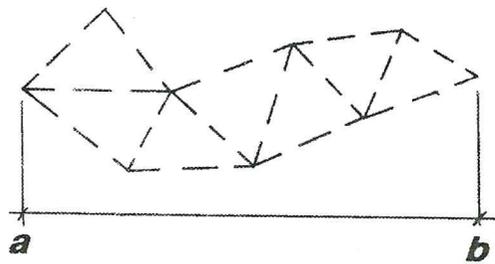

Рис. 5. Система треугольников

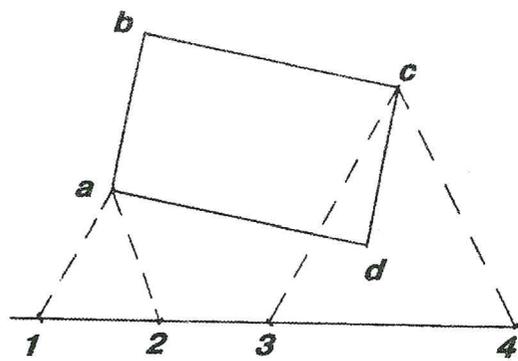

Рис. 6. Схема привязки объекта при помощи линейных засечек: 1-4 — опорные точки; a-c — характерные точки привязываемого объекта

В некоторых случаях может оказаться целесообразным использование принципа триангуляции — расположения опорных точек в вершинах прилегающих друг к другу треугольников (рис. 5). При построении такой сети треугольников для проверки точности целесообразно промерить расстояния между вершинами углов различных не смежных треугольников (например: a-b).

Имея сеть опорных точек можно приступать непосредственно к обмеру строительных остатков. Местоположение каждой характерной точки обмеряемого объекта устанавливается путем промеров не менее чем с двух опорных точек. Затем на чертеже засечками с опорных точек фиксируется расположение искомой точки объекта (рис. 6).

После фиксации на чертеже по данным засечек характерных точек обмеряемого объекта проверяются расстояния между последними. Так, например, при обмерах четырехугольного помещения следует последовательно засечек промерить длины стен и затем — диагонали данного помещения. Следует учесть, что в некоторых случаях с опорных точек не всегда можно зафиксировать все четыре угла обмеряемого помещения. В этом случае четвертый угол определяется промерами от уже имеющихся точек помещения.

Необходимость в корректировках обмера определяется величиной невязок, которые могут возникнуть при контрольных промерах. Особенно важно добиваться максимальной точности при построении опорной сети точек и определении генеральных размеров объекта. В идеале величина невязки не должна превышать толщины линии (около 0,2 мм) на чертеже. Т.е. величина такой невязки в натуре зависит от масшта-

ба чертежа. Для $M=1:1$ — 0,2 мм; $M=1:2$ — 0,4 мм; $M=1:5$ — 1 мм; $M=1:10$ — 2 мм; $M=1:25$ — 5 мм; $M=1:50$ — 1 см.

При проведении обмеров необходимо следить за тем, чтобы не провисала обмерная лента, а её отклонение от горизонтали не превышало нескольких градусов. Для соблюдения этой рекомендации при промерах горизонтальных расстояний между разновысокими точками необходимо использование отвесов. Углы, образуемые между базой двух опорных точек и направлением на фиксируемую (характерную) точку, по возможности должны находиться в пределах $45-60^\circ$. Отклонение от этих рекомендаций скажется на точности обмера и приведет к необходимости проведения повторных измерений. При построении опорных точек и определении генеральных размеров следует использовать карандаши твердостью не менее 1-2 Н.

Обмеры методом створов. Использование этого метода предпочтительнее при промерах (особенно удобно применение этого метода при проверке правильности обмеров прилегающих друг к другу помещений) и привязках уже выполненных обмеров при составлении нового обмерного плана. Там не менее, он может применяться, особенно в тех случаях, когда вновь раскопанные строительные остатки нужно «привязать» к открытым ранее или требуется зафиксировать недоступную для непосредственного обмера точку, например, вершину угла помещения в уровне пола, которая сверху перекрыта покосившимися стенами. Суть метода сводится к тому, что на основе надежно зафиксированных стен или отдельных точек прокладываются створы, которые пересекают вновь выявленные объекты или створы с их стенами.

Поясним ход обмера для случая, когда к уже имеющемуся плану «привязываются» новые раскопанные и обмеренные объекты. Для этого прокладывается в натуре и на чертеже створ со стеной 1-2, который пересекает вновь обмеренный объект в точках А, В (рис. 7). Замеряются в натуре и откладываются на чертеже расстояния 1-4. После чего вновь обмеренный объект совмещается по точкам А и В с выполненным ранее. Возможен и обратный ход промеров — от створов со стенами нового объекта. Следует подчеркнуть, что, как уже говорилось, для метода створов могут использоваться и любые другие надежно зафиксированные точки, например, 3, 4 (створ с этими точками пересекает привязываемый объект в точках А1 и В1). Контроль правильности привязки осуществляется методом засечек.

Для выноса недоступных точек плана, например, вершины угла помещения в уровне пола, которая перекрыта расположенными выше деталями стены, можно использовать принцип створов. От вершины угла в плоскости пола помещения прокладывается прямая линия. Затем в уровне (или выше) верхней плоскости конструкции, перекрытой искомую точку, прокладывается створ с линией, проложенной на полу помещения. Линия створа проецируется на верхнюю плоскость упомянутой конструкции. Далее в уровне пола от вершины угла

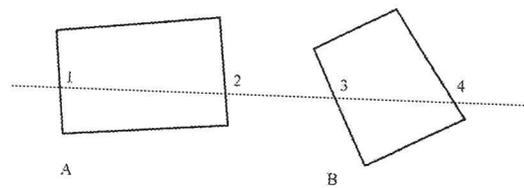

Рис. 7. Схема использования метода створов

помещения откладывается произвольное расстояние. Его конечная точка с помощью от веса проецируется на линию створа. От этой точки на линии створа откладывается расстояние произвольного расстояния, что в свою очередь позволяет спроецировать вершину угла помещения на верхнюю плоскость конструкции перекрывающей внутренний угол помещения.

Литература

Крижицкий и др., 1992. Крижицкий С.Д., Катусков В.О., Паршина О.О. Великие масштабні дистанційні обміри в дослідженні пам'яток культури (на прикладі археологічних та архітектурних пам'яток) // Археологія. 1992. №3.

В. Д. Кузнецов
(Институт археологии РАН)

ЗАМЕТКИ О КУЛЬТУРНОМ СЛОЕ ФАНАГОРИИ

Проблемы формирования культурного слоя античного городища в Северном Причерноморье не часто привлекают внимание исследователей. Одной из немногих работ на эту тему является известная статья В. Д. Блаватского, написанная более полувека назад [Блаватский, 1950, с. 55–58]. В этой небольшой работе обращено внимание на некоторые важные вопросы. В частности, характерной чертой формирования культурного слоя античного памятника, по мнению автора, является его скачкообразный характер. Недавно вышел сборник статей, посвященный культурным слоям археологических памятников различных эпох [Культурные слои археологических памятников, 2006].

Возможно, одна из причин отсутствия пристального внимания к этому весьма важному вопросу кроется в том факте, что на крупных и многослойных памятниках масштабные раскопки с вскрытием слоев на больших площадях не так часты. Именно исследование больших площадей дает возможность проследить наиболее адекватно нюансы отложения культурных напластований. Данная работа посвящена некоторым моментам формирования культурного слоя античного города на примере Фанагории. Это городище отличается от многих других античных памятников не только своими размерами и мощностью культурных напластований, но и тем обстоятельством, что до сего дня на его поверхности отсутствуют какие-либо современные строения. Естественно, что такое положение дел упрощает решение многих задач, которые стоят перед исследователями городища. В частности, границы города вполне отчетливо просматриваются на местности, поскольку его территория несколько поднята над окружающим рельефом. Без особых затруднений можно увидеть следы по крайней мере трех городских ворот (восточные, западные и южные), а также всхолмления, под которыми скрываются городские башни (как фланкирующие городские ворота, так и три башни восточной оборонительной стены). К тому можно добавить несколько ложбин-улиц, ведущих с нижнего плато городища на верхнее.

Фанагория относится к той категории античных памятников Причерноморья, у которых материком служит лесс. Однако конкретно на исследуемом участке городища материком является желтый песок. Этот факт играет важную роль в характере формирования культурного слоя. Если на таких городищах, как Херсонес Таврический, у которых материком является скала, лучше всего сохраняются слои наиболее позднего времени [Буйских, 2008, с. 35], то Фанагория, Ольвия, Гермонасса и др. дают примеры гораздо более лучшей сохранности напластований, начиная со времени основания города.

Рис. 1. Общий вид раскопа «Верхний город» на уровне материка

В течение последних 15 лет археологические исследования в Фанагории ведутся на крайнем верхнем плато в центральной части городища (раскоп «Верхний город»). Здесь на своеобразном холме, образованном северным склоном плато и ложбиной с восточной стороны, находилось историческое ядро города. Именно здесь теосцы основали апойкию, «бежав от насилия персов», и построили первые кварталы города. Позднее на этом месте, укрепленном природой, был устроен акрополь. Последнее обстоятельство сыграло негативную роль в сохранности наиболее ранних культурных напластований, поскольку строительство общественных сооружений в цитадели было связано с довольно частыми планировочными работами. К тому же само по себе строительство крупного публичного здания связано с выкапыванием котлована под фундамент, который разрушал слои предыдущего времени. На исследуемом участке Фанагории это ярко видно на примере здания 144, о котором речь пойдет ниже.

Общая площадь раскопа (который называется «Верхний город») к настоящему моменту достигает 2200 кв.м. Из них 900 кв.м. исследованы до материка (рис. 1). Мы сосредоточили свое внимание на этом последнем участке. Здесь открыты слои, которые датируются от примерно 540 г. до н. э. до IX в. н. э. Сохранность их неодинакова: если слои римского и хазарского времени сохранились хорошо и составляют более трети всей толщины свиты слоев, то напластования архаического, классического и эллинистического времени в значительной части уничтожены строительной и хозяйственной деятельностью последующих периодов истории города. На практике это означает следующее: в различных частях раскопа сохранились остатки слоя какого-либо времени, например, III в. до н. э. Он относительно легко определяется там, где зафиксированы соответствующие строительные объекты. Например, в восточ-

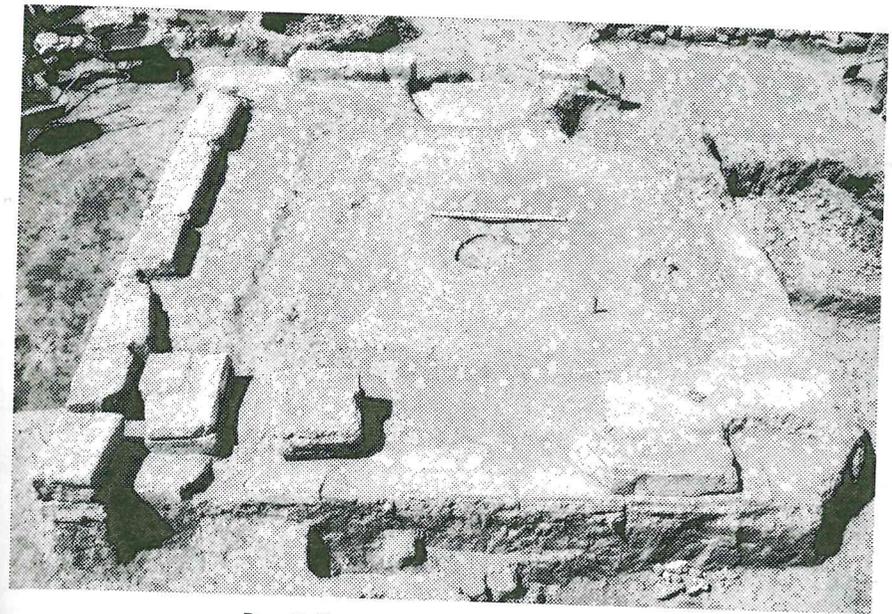

Рис. 2. Храм эллинистического времени

точной части раскопа найден фундамент небольшого храма, который вместе с участком слоя относится к рассматриваемому времени (рис. 2)¹. Там же, где строительные объекты этого времени отсутствуют, выделение слоя затруднено. Это может быть связано как с тем, что слой в данном месте полностью уничтожен, так и с тем, что он сохранился в виде небольших прослоек, которые не поддаются хронологическому выделению. То же самое можно сказать о слое I в. до н. э., который сохранился лишь местами и связан главным образом с большим общественным зданием (о котором мы будем говорить ниже). Ко всему сказанному следует добавить еще одно очень важное обстоятельство — наличие большого количества ям, засыпанных мусорным грунтом. В своем подавляющем большинстве они датируются в промежутке между II и IX вв. н. э. Их количество исчисляется сотнями. Ущерб слоям архаического, классического и эллинистического времени, нанесенный этими ямами, поистине огромен. Картина усугубляется еще и тем фактом, что в течение XIX в. на холме в течение ряда лет производились раскопки несколькими археологами (К. К. Герц, И. Е. Забелин и др.) [Кузнецов, 2007, с. 6]. Раскопки этого времени представляли собой длинные и нередко глубокие траншеи (всего около полутора десятков), которые уничтожили без какой-либо фиксации культурные напластования на большой площади.

Одним из главных строительных объектов, найденных на раскопе (рис. 3), является большое здание общественного назначения, которое датируется IV в. до н. э. (объект 144) (рис. 4). Оно находится в центре раскопа, его площадь равна 130 кв.м. Стены здания местами сохранились на высоту 1,5 м, что является крайне необычным для Фанагории. Как хорошо

¹ Примечательно, что подошва фундамента стоит непосредственно на остатках сырцового строительства второй половины VI в. до н. э.

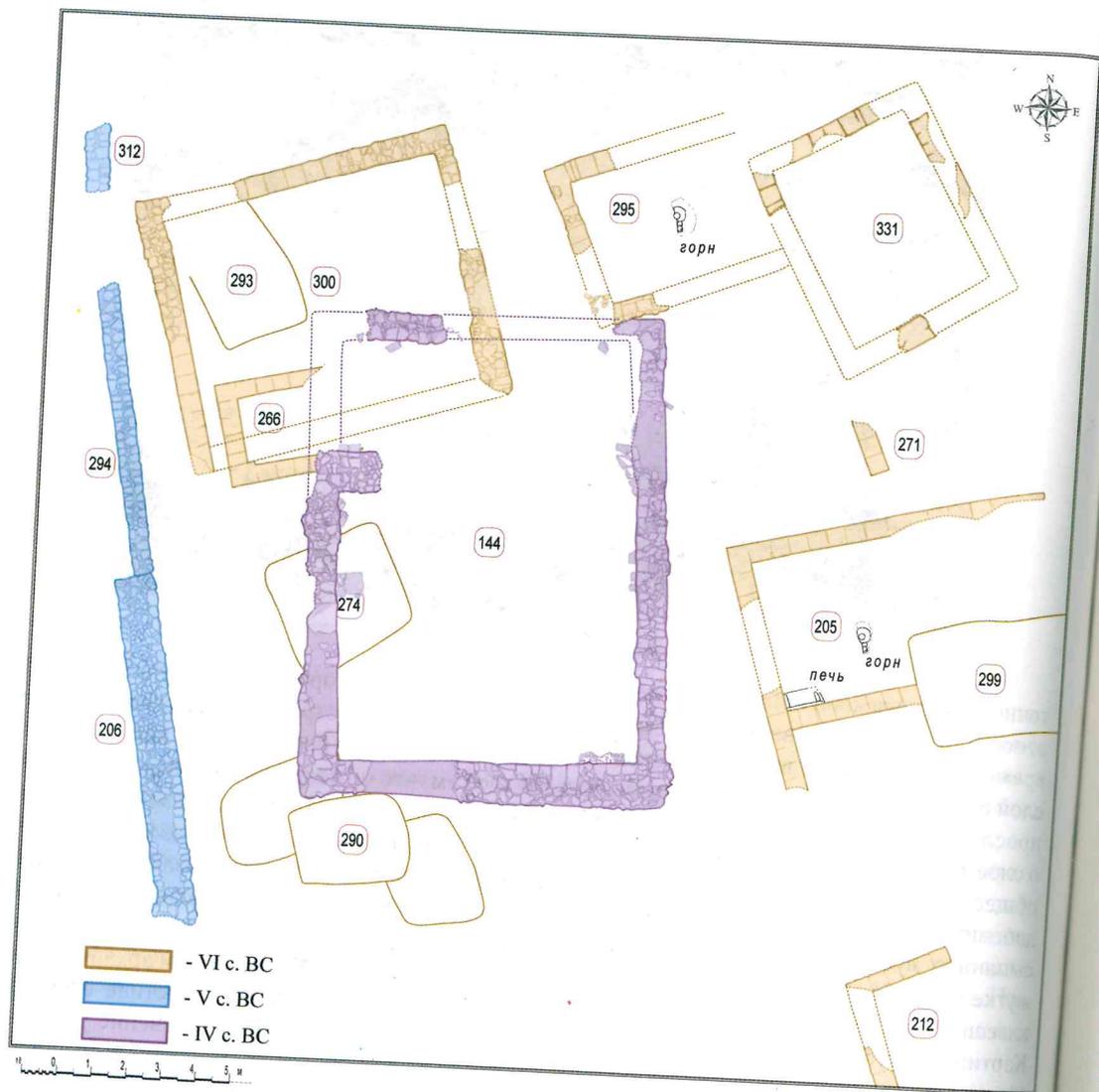

Рис. 3. Схематический план раскопа «Верхний город»

известно, из-за дефицита камня на Таманском полуострове жители греческих полисов активно разбирали для вторичного использования постройки предыдущего времени. Если к этому добавить тот факт, что таманские городища в новое время служили своеобразными каменоломнями для жителей окрестных хуторов и станиц, то станет понятным, почему при раскопках Фанагории, Кеп, Гермонассы и других поселений археологи находят, как правило, лишь обрывки кладок. Единственным приемлемым объяснением хорошей сохранности здания 144

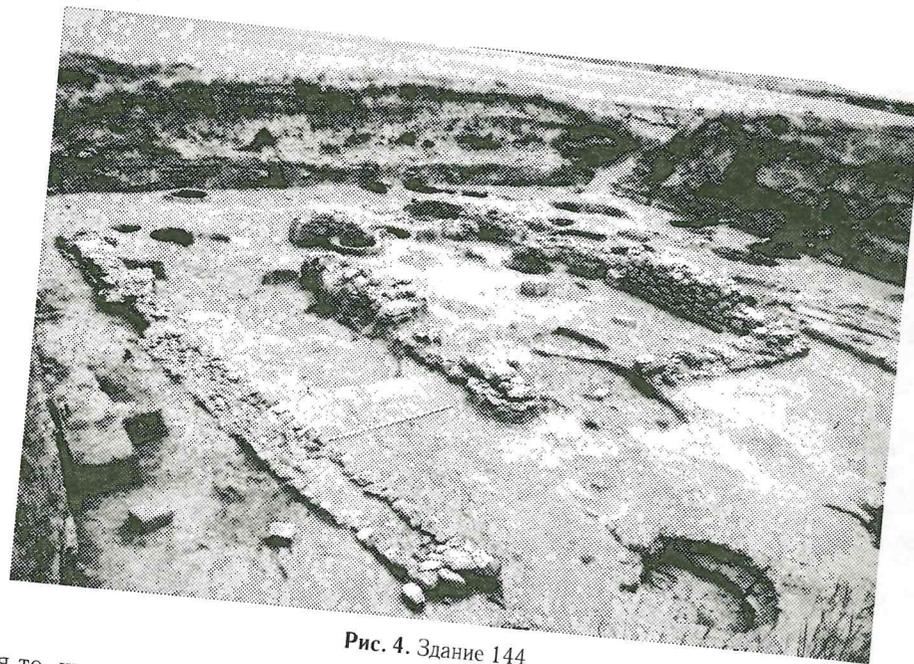

Рис. 4. Здание 144

является то, что нами открыта его нижняя часть, заглубленная в грунт. Другими словами, рассматриваемое общественное сооружение имело подвальное помещение. Именно поэтому его фундамент лежит на материковом песке. В пользу этого свидетельствует и отсутствие какой-либо штукатурки на стенах подвального помещения: трудно себе представить, чтобы стены здания общественного назначения представляли собой открытую кладку из необработанных камней.

Таким образом, при строительстве общественного здания 144 был выкопан котлован размером не менее 150 кв. м. и глубиной не менее 2 м. Он полностью разрушил слои VI—V вв. до н. э. на этом участке. Они сохранились только вокруг здания. Переходим к их рассмотрению.

К моменту появления греческих переселенцев на месте будущей Фанагории поверхность холма «Верхний город» не была плоской и ровной, но имела наклон с юго-востока на северо-запад. Наиболее крутым он становился у края холма. Колонисты построили свои первые дома, не проведя перед началом строительства новой апойки никаких мероприятий по выравниванию поверхности. В процессе раскопок обнаружены многочисленные следы от сырцовых стен в виде полос глины (рис. 5). В некоторых случаях от этих стен сохранились самые нижние ряды кирпичей, в других — только их развалы. Многолетние исследования на холме показывают, что почти все здания архаического времени в Фанагории были построены из сырцовых кирпичей без фундамента. В связи с этим отметим следующую характерную деталь: поскольку сырцовые кирпичи укладывали на неровную поверхность без ее подтески, то горизонтальность рядов кирпичей достигалась тем, что их (рядов) количество увеличивалось по мере понижения поверхности. Исключение составляли, по всей видимости, только

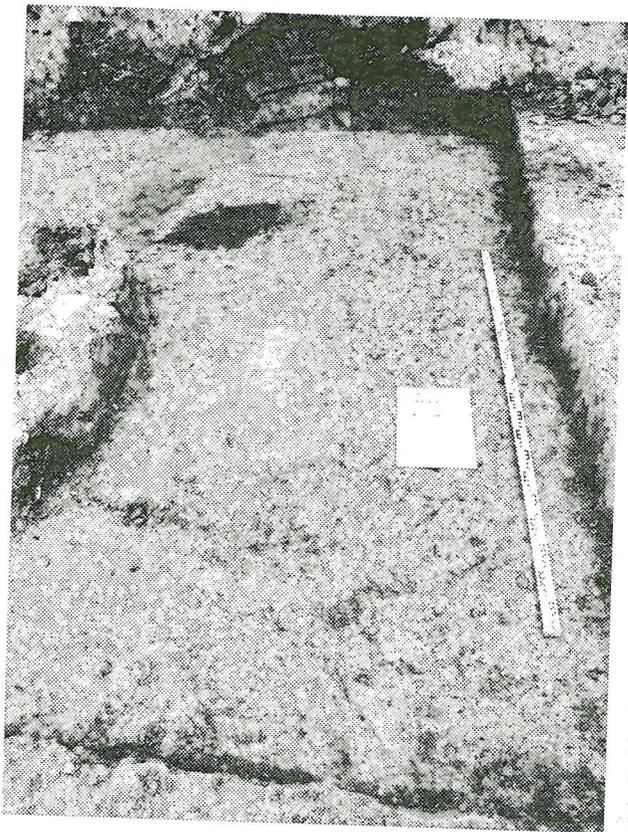

Рис. 5. Развалы стен из сырцовых кирпичей

фундамента была построена и южная стена. Объяснение этому факту очень простое: там, где грунт был надежен, строители не делали фундамент, экономя тем самым дефицитный камень².

Судя по всему, с самого начала кварталы новой апойкии были построены по единому плану. Все здания, открытые на раскопе, имеют одинаковую ориентацию — с северо-запада на юго-восток. Однако этот план не был ортогональным. На сегодняшний день нет оснований говорить о том, что территория древнейшей Фанагории была разделена на равнозначные кварталы-инсулы³. Улицы и переулки были замощены черепками. Поскольку поверхность холма, как уже говорилось выше, перед началом строительных работ не была выровнена, то улицы повторяли рельеф этой поверхности. Так, например, одна из таких улиц, проходящая

² Камень в слоях архаического и раннеклассического времени в Фанагории был привозным, как об этом можно судить по его породам (булыжник, мрамор, камни вулканических пород и т.д.). Совершенно очевидно, что весь этот камень привозился кораблями скорее всего из Ионии.

³ Подробнее см.: [Owens, 1992, p. 51–73].

общественные сооружения, которые отличались от жилых домов не только планировкой, но и размерами — у них фундаменты могли быть каменными. На настоящий момент известно единственное здание (№ 300), построенное из сырцовых кирпичей на каменном фундаменте (рис. 6). Судя по его плану и площади (ок. 75 кв.м.), оно имело общественное назначение, характер которого остается неизвестным. При этом очень интересна и важна такая деталь: фундамент из необработанных камней имеет наибольшую высоту с северной стороны, т.е. там, где древняя дневная поверхность понижается максимально. Это сделано для того, чтобы стена здания в этом месте имела наибольшую опору. Фундаменты же под восточную и западную стены постепенно уменьшались по высоте в противоположную, южную сторону. Когда же эти стены выходили на относительно ровную поверхность у южной стены, то в этом месте они были построены вообще без фундамента — кирпичи положены сразу на грунт. Также без

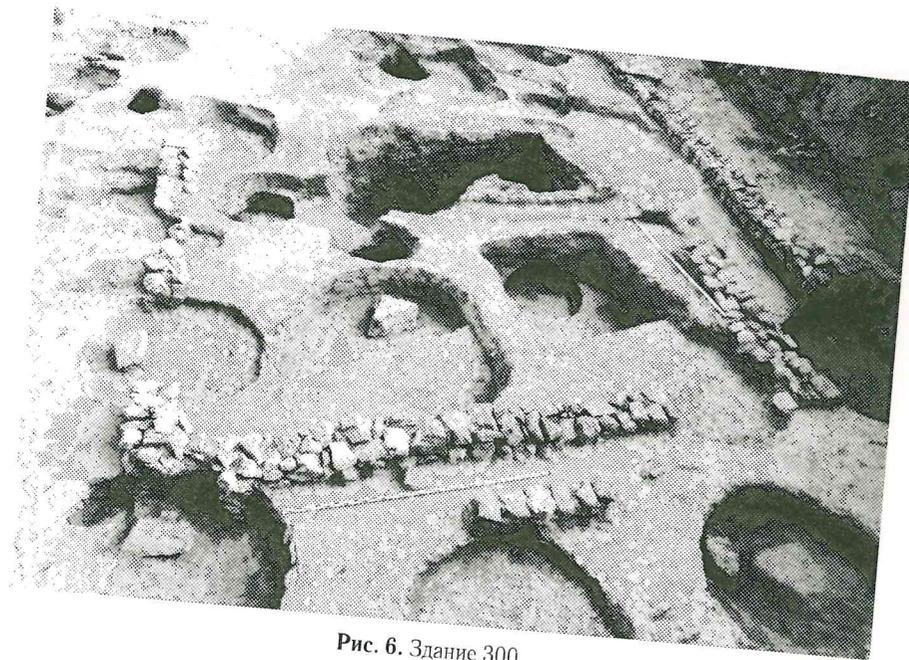

Рис. 6. Здание 300

с западной стороны здания 300, спускалась в северо-западном направлении по совершенно необустроенному склону.

Одна из самых сложных проблем, относящихся к датировке наиболее ранних строительных остатков, связана с формированием древнейшего слоя Фанагории. Везде, где на материке сохранился слой VI в. до н.э., зафиксированы остатки зданий, построенных из сырцовых кирпичей. Если принять в расчет все площади, исследованные до материка на раскопе «Верхний город» за все время работ на нем (начиная с 1975 г., около 1200 кв.м.)⁴, то общее количество таких зданий превышает 15. Говорить о точной цифре затруднительно, потому что от некоторых построек сохранились лишь обрывки сырцовых стен. Некоторые здания построены на поверхности материка (например, дом 212), который представляет собой желтый песок, другие — на прослойке сероватого песка. Последний можно назвать надматериковым слоем, как это делают некоторые археологи. По сути же дела сероватый песок представляет собой самую древнюю прослойку, образовавшуюся в момент прибытия греческих переселенцев в новую апойкию. Их обустройство было связано с нарушением дневной поверхности, в результате чего желтый материковый песок смешивался с гумусом, золой, с каким-то строительным мусором. Оставаясь песком, он приобретает сероватый оттенок, в нем фиксируются угольки, полоски каких-то конструкций в виде полос, образованных поставленными на ребро сырцовыми кирпичами (рис. 7), овальных ямок с горелым грунтом (следы ремеслен-
на всей ее поверхности.

⁴ Еще раз подчеркнем, что на всей этой площади слои VI в. до н.э. открыты фрагментарно, а не

Рис. 7. Сырцовые кирпичи, поставленные на ребро в материковом песке

Рис. 8. Ямка со следами огня в материковом песке

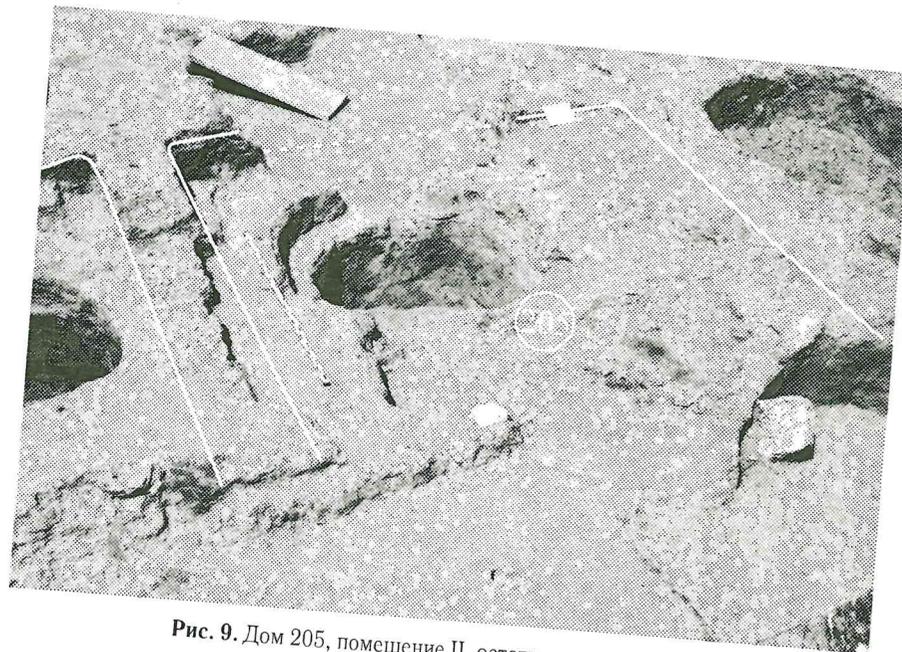

Рис. 9. Дом 205, помещение II, остатки сырцовых стен

ной или хозяйственной деятельности?) (рис. 8), небольших ямок под деревянные столбики (?). Основываясь на стратиграфии, можно полагать, что эти конструкции наряду с обычными жилыми домами, относятся к самому начальному периоду жизни города.

Если перейти к жилым домам, то здесь одна из сложных проблем заключается в их датировке. Дело в том, что в процессе исследований остатков того или иного здания в нем находят по преимуществу артефакты последнего этапа жизни постройки. Соответственно, определить время его строительства представляется во многих случаях трудной задачей. Обратимся к конкретному примеру. Один из жилых домов, раскопанных в Фанагории (дом 205), сохранился относительно хорошо (рис. 9). Например, отрезок его западной стены имеет в высоту 8–9 кирпичей. Дом состоял из жилого помещения и двора при нем. Не исключено, что его план был более сложным, однако утверждать это сейчас невозможно, поскольку объект уходит под восточный борт раскопа. Дом прекратил свое существование в результате каких-то трагических событий. О них свидетельствует находка бронзового наконечника стрелы, а также клад архаических серебряных монет, спрятанный в стене дома. Точную дату этого события установить довольно трудно, но, по всей видимости, речь идет о первой четверти V в. до н. э. Однако более сложен вопрос о времени строительства дома. Находки (в основном керамика), найденные внутри дома, относятся в целом ко второй половине VI — началу V в. до н. э. (амфорная тара). Среди наиболее ранних категорий расписной посуды можно назвать фрагменты ионийского килика, украшенного полосами, и ножку аттического мелкофигурного килика, которые относятся к третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 10. 1, 2). Кроме того, здесь найдены стенка амфоры с чешуйчатым орнаментом, относящейся к кругу клазоменской керамики, край чаши с вертикальными полосами и точ-

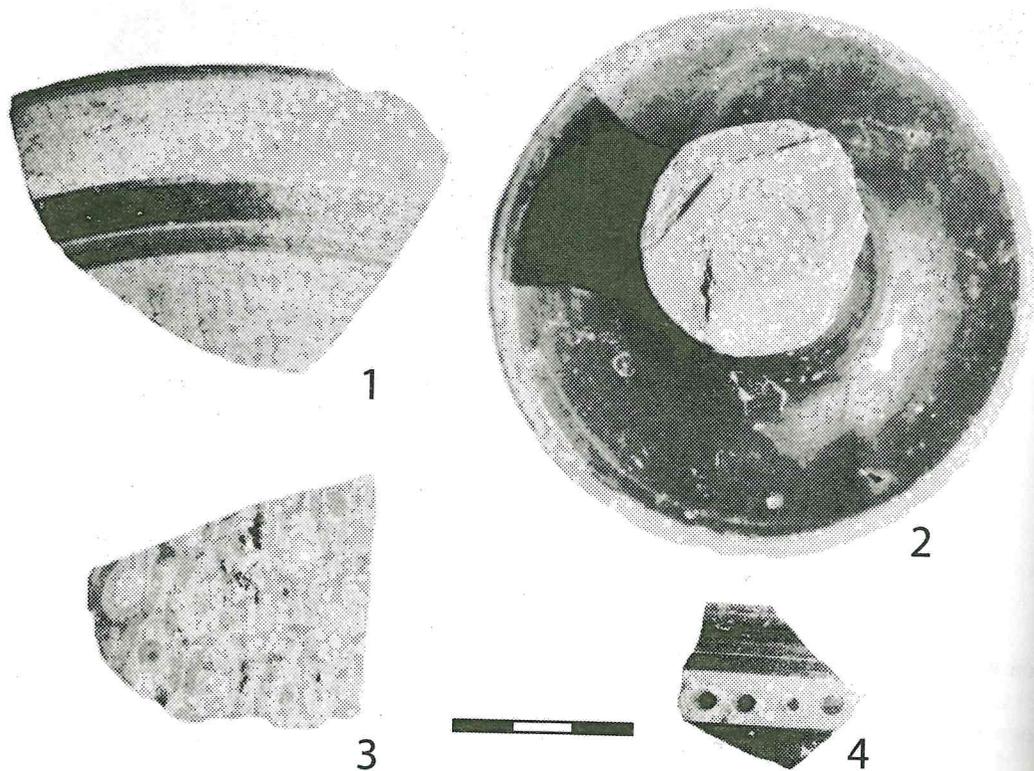

Рис. 10. Фрагменты керамики из дома 205: 1 — край ионийского килика; 2 — ножка мелкофигурного аттического килика; 3 — стенка «клазоменской» амфоры с чешуйчатым орнаментом; 4 — край чаши с точечным орнаментом

ками под отогнутым венчиком (Фасос) (рис. 10. 3, 4). Эти находки датируются третьей и последней четвертями VI в. до н. э. [Özer, 2004, p. 207–208; Petteault, 1999, p. 293]. Уточнить датировку дома позволяют остатки горна, находившегося во дворе. Горн представлял собой очаг, сложенный из верхних частей амфор, которые датируются третьей четвертью VI в. до н. э. [Кузнецов, Завойкин, 2010]. Таким образом, наиболее ранние находки позволяют говорить о том, что дом 205 был построен в течение первых лет после основания Фанагории (например, в 530-е годы) и просуществовал несколько десятилетий (скорее всего, около 50 лет). Судя по стратиграфии, дом 212, о котором упоминалось выше, также относится к начальному периоду существования города (рис. 11). Это подтверждается и полным совпадением ориентации дома 212 с комплексом 205.

Важным обстоятельством для сохранности ранних культурных слоев является рельеф древней дневной поверхности. В частности, в местах ее понижения можно ожидать лучшей сохранности древнейших слоев. Так, первые исследования на раскопе «Верхний город» начались в северной части холма, где его поверхность опускается ниже всего. Здесь культур-

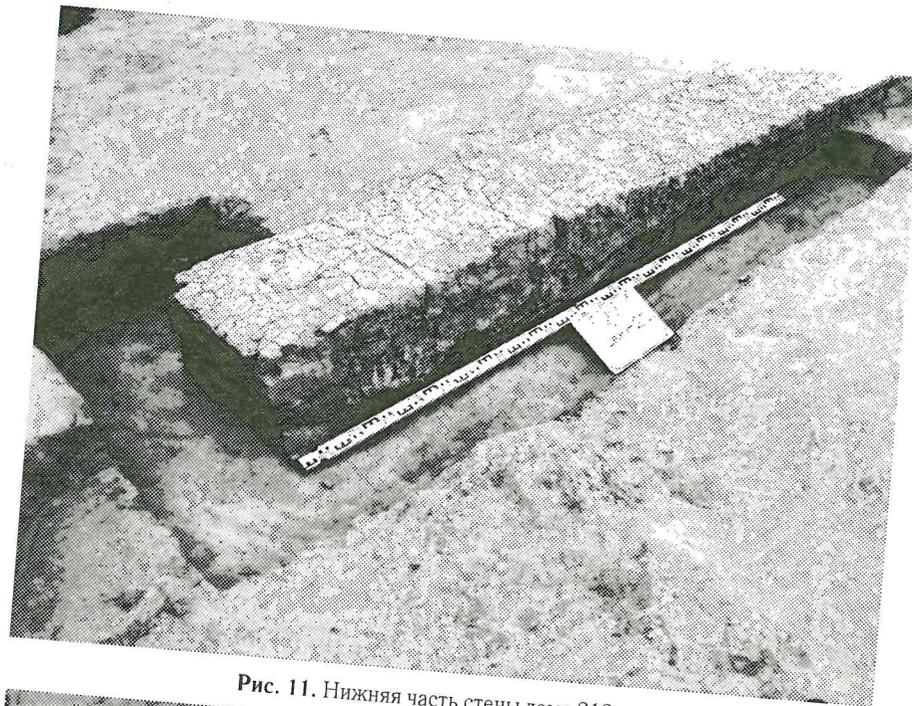

Рис. 11. Нижняя часть стены дома 212

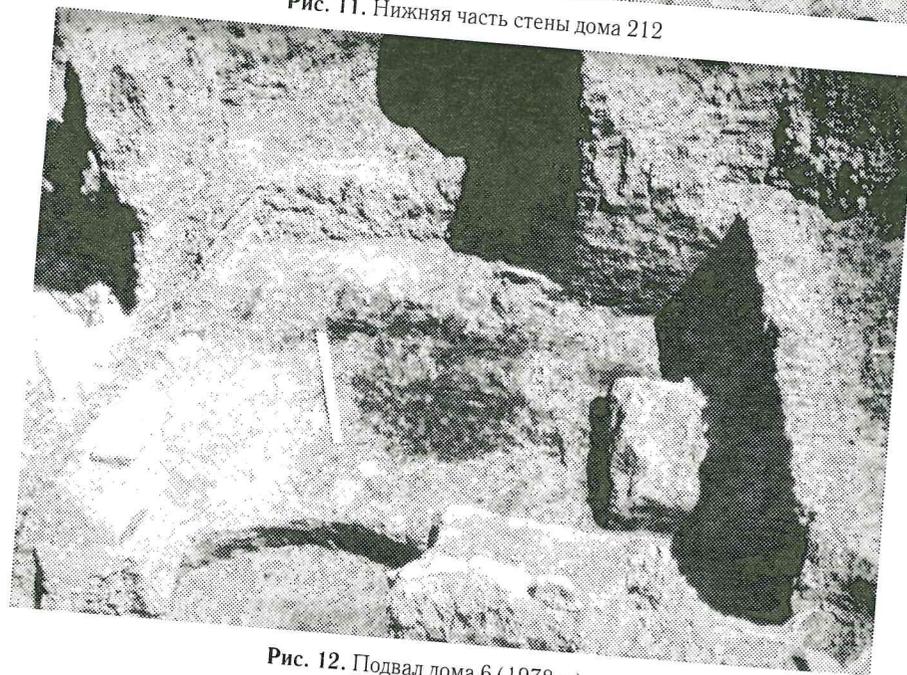

Рис. 12. Подвал дома 6 (1978 г.)

ные напластования архаического времени сохранились лучше всего, поскольку они в этом месте перекрыты более мощными слоями более позднего времени. Именно здесь были найдены редкие по своей сохранности остатки жилого дома в виде подвального помещения (дом 6, 1978 г.) [Кузнецов, 1995, с. 106, 112] (рис. 12). Подвал был заполнен сырцовыми кирпичами, упавшими с наземных стен, после того как дом погиб в сильном пожаре в первой четверти V в. до н. э. Стратиграфические наблюдения и наиболее ранние находки позволяют отнести время строительства комплекса к третьей четверти VI в. до н. э.

Однако гораздо больше противоположных случаев, когда наиболее ранние слои оказываются полностью уничтоженными в результате строительных работ последующих периодов. Об этом сообщают многие исследователи [например, Крыжицкий, Лейпунская, 2009, с. 249; Толстикова, 2001, с. 383]. Одним из наиболее ярких примеров такого рода являются Кепы. Здесь на раскопе чуть более 900 кв. м. открыт слой II—III вв. н. э., лежащий на материковом песке. В то же время под этим слоем найдено несколько десятков ям второй и третьей четвертей VI в. до н. э. (а также ямы более поздних периодов), впущенных в материк [Кузнецов, 1992, с. 29—30]. Это означает, что культурные напластования архаической и последующих эпох были полностью уничтожены в римский период. Еще один пример из Фанагории: каменный фундамент большого общественного здания (№ 294), построенного из сырцовых кирпичей (еще не до конца исследованное, предварительная датировка — первая половина V в. до н. э.), покоится на остатках, по всей видимости, жилого дома, от которого сохранилось лишь три ряда сырцовых кирпичей (рис. 13).

Подведем некоторые итоги. Образование культурных напластований на исследуемом участке Фанагории было процессом крайне сложным. Естественное отложение слоя постоянно нарушалось в течение многовековой истории города в результате многочисленных строительных работ и планировочных мероприятий, осуществлявшихся с определенным постоянством. Это происходило не только во время строительства какого-либо конкретного здания, но и в момент общегородских планировочных работ. Такие работы могли стать следствием разрушений на большой территории в результате, например, военных действий или перестройки городских кварталов по причине расширения площади города. Такие факты не были редкостью в истории любого античного города⁵.

Важным обстоятельством являются местоположение конкретного участка города и его функциональное назначение. Наши исследования построены на материалах из раскопа «Верхний город», который расположен в центральной части фанагорийского акрополя. Естественно, что здесь основная масса зданий носила общественный характер. Многие из них отличались значительными размерами. Выше мы уже говорили о здании 144 (IV в. до н. э.), при строительстве которого был полностью, до материка, уничтожен довольно большой участок культурного слоя предшествующего времени. Еще одно здание (№ 85), которое мы условно называем «резиденцией Митридата VI», занимало площадь более 500 кв. м. (раскопано не полностью, т. к. его часть уходит под южный борт раскопа). Здание было полностью разрушено в результате сильного пожара, которым был в 63 г. н. э. охвачен весь акрополь, о чем сообщает Аппиан (Mithr. 108) [Абрамзон, Кузнецов, 2010, с. 80—81]. При его строи-

⁵ См., например, надпись IV в. до н. э. из Колофона, где говорится о реконструкции старого города и увеличении стен [Migeotte, 1992, no. 69].

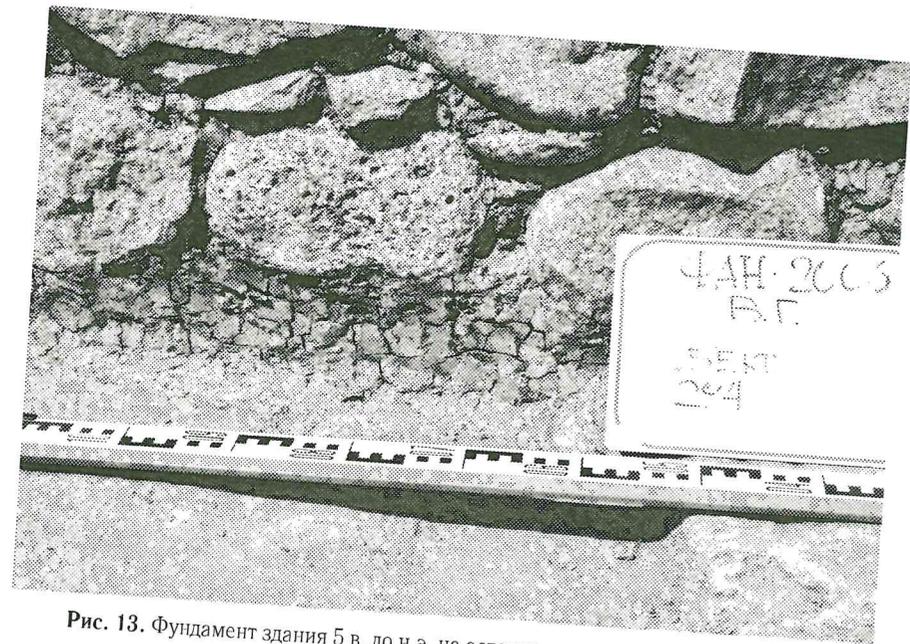

Рис. 13. Фундамент здания 5 в. до н. э. на остатках сырцовой стены 6 в. до н. э.

тельстве был выкопан огромный котлован, разрушивший напластования эллинистического и частично классического времени. Фундаменты здания 85 оказались лишь немногим выше уровня строений IV в. до н. э. В частности, здание 460, гибель в пожаре которого датируется по амфорным клеймам 460—450 гг. до н. э., находится к северу от комплекса 85 и ниже него всего лишь на полметра. В свою очередь, с северной стороны к общественному зданию 460 почти вплотную примыкает черепяная вымостка улицы, которая датируется римским временем. Отсюда следует, что слои того или иного времени сохранялись участками, в зависимости от строительной ситуации, складывавшейся на нем. Соответственно, чем выше была строительная активность в какой-либо период времени истории города, тем большему разрушению подвергались слои предыдущих периодов. И наоборот. В этом отношении на акрополе Фанагории лучше всего сохранились напластования римского (по преимуществу II—III вв. н. э.) и раннесредневекового времени (VII—IX вв. н. э.). В первом случае строительная активность была невысокой. Что же касается самого позднего слоя, то он неплохо сохранился только потому, что позднее город уже не существовал.

Еще один важный аспект сохранности слоя — хозяйственные и прочие ямы. Для городов и поселений, находящихся на Таманском полуострове, характерна следующая картина. Если для периода с эпохи архаики до эллинизма такие ямы относительно редки, то для римского и раннесредневекового времени они настолько многочисленны, что подчас можно говорить о почти полном разрушении слоев на тех или иных участках того или иного поселения. Приведем лишь один пример: на уже упоминавшемся раскопе в Кепях на площади чуть более 900 кв. м. было открыто четыре сотни ям, преимущественно римского времени. Другими словами, на каждые два кв. м. раскопа приходится одна яма. Причину появления большого ко-

личества ям на рассматриваемых памятниках в позднеантичное время определить непросто. Не исключено, что она стала следствием резкого ухудшения функционирования городского хозяйства (исчезновение водостоков и канализации, прекращение централизованного вывоза мусора за пределы города и т.д.).⁶

Список литературы

- Абрамзон, Кузнецов, 2010. Абрамзон М. Г., Кузнецов В. Д. Фанагорийское восстание 63 г. до н. э. (Новые нумизматические материалы) // ВДИ. 2010. № 1.
- Блаватский, 1950. Блаватский В. Д. Культурный слой античного городища // КСИИМК. XXXV. 1950.
- Буйских, 2008. Буйских А. В. Пространственное развитие Херсонеса Таврического в античную эпоху. Симферополь, 2008.
- Крыжицкий, Лейпунская, 2009. Крыжицкий С. Д., Лейпунская Н. А. Об интерпретации напластований в жилых домах (на примере жилых кварталов эллинистического времени в Ольвии) // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы. Боспорские чтения. Вып. X. Керчь, 2009.
- Культурные слои археологических памятников, 2006. Культурные слои археологических памятников. Теория, методы и практика. М., 2006.
- Кузнецов, 1992. Кузнецов В. Д. Раскопки в Кепях 1984–1989 гг. // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992.
- Кузнецов, 1995. Кузнецов В. Д. Ранние типы греческого жилища в Северном Причерноморье // БС. 1995. Вып. 6.
- Кузнецов, 2007. Кузнецов В. Д. Фанагория: история исследований и новые находки // РА. 2007. № 2.
- Кузнецов, Завойкин, 2010. Кузнецов В. Д., Завойкин А. А. О мастерских фанагорийских ювелиров второй половины VI в. до н.э. // Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Ремесла и промыслы. Керчь, 2010.
- Толстиков, 2001. Толстиков В. П. Ранний Пантикапей в свете новых археологических исследований // ДБ. 2001. Т. 4.
- Migeotte, 1992. Migeotte L. Les souscriptions publiques dans les cités grecques. Genève–Québec, 1992.
- Özer, 2004. Özer B. Clazomenian and Related Black-Figure Pottery from Klazomenai: Preliminary Observations // Klazomenai, Teos and Abdera: Metropoleis and Colony. Ed. by A. Moustaka, E. Scarlatidou, M.-C. Tzannes and Y. Ersoy. Thessaloniki, 2004.
- Owens, 1992. Owens E. J. The City in the Greek and Roman World. L.–N.Y., 1992.
- Perreault, 1999. Perreault J. Y. Production et distribution à l'époque archaïque: le cas d'un atelier de Thasos // The Complex Past of Pottery. Production, Circulation and Consumption of Mycenaean and Greek Pottery. Ed. by J. P. Crielaard, V. Stissi, G. J. van Wijngaarden. Amsterdam, 1999.

⁶ Ср.: [Крыжицкий, Лейпунская, 2009, с. 252].

И. И. Марченко, Н. Ю. Лимберис
(НИИ археологии Кубанского госуниверситета)

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ МЕОТСКИХ ГОРОДИЩ ХУТ. ЛЕНИНА № 2 И СТАРОКОРСУНСКОГО № 2¹

Изучение фортификации городищ является перспективным направлением в меотской археологии, которое дает возможность решить ряд важных проблем истории племен Прикубанья. Однако до сих пор это направление остается не разработанным, так как оборонительные сооружения меотов исследованы очень мало. Причина в том, что и сами городища практически не раскапывались, хотя еще М. И. Ростовцев считал раскопки древних поселений Кубани «задачей будущих исследователей» [Ростовцев, 2003, с. 92, 93]. Один из первооткрывателей меотской культуры М. В. Покровский также ощущал необходимость крупных исследовательских работ на городищах Прикубанья (в особенности у станиц Старокорсунской и Воронежской). Он отмечал, что многие большие кубанские городища имеют сложную оборонительную систему с сильно укрепленной центральной частью, валами и рвами для защиты со стороны степи [Покровский, 1937, с. 4].

Слабая изученность оборонительной системы меотских городищ привела к возникновению противоположных гипотез о времени и причинах появления укреплений. Так, В. А. Городцов, исследуя Елизаветинское городище, предложил следующее объяснение существующей планиграфии памятника. Укрепления в восточной части городища (так называемое Восточное городище) он связал с революционным скачком в III в. до н. э., который понизил значение центра и возвысил окраины, где проживала беднота [Городцов, 1935, с. 182]. В 1952 г. В. П. Шилов, проведя раскопки на этом памятнике, установил, что Восточное городище не являлось поселением, а служило убежищем для скота и населения ближайшей округи [Шилов, 1955, с. 230]. Никто из исследователей не ставил вопроса о одновременности отдельных оборонительных линий на городищах. Время сооружения рвов или валов определялось в основном по косвенным признакам, а порой на основании раз установленной для всей культуры даты — самые первые оборонительные сооружения возникают на меотских памятниках в IV в. до н. э. Хотя эта дата не вызывает у нас сомнения, надо отметить, что и она до наших исследований на городище № 2 хут. Ленина не была подтверждена археологически. Н. В. Анфимов, подводя итог разведочным работам на Кавказском шестом городище, писал: «В IV в. до н. э. (вернее всего в I-й половине) поселение обносится валами и рвами, т.е. преобразуется в городище. К этому времени, возможно, выделяется и «центральная» укреплен-

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ проект № 08-01-91100a/U

ная часть — цитадель. Хотя в разведочном шурфе и не было встречено раннего материала, это не может являться доказательством позднего происхождения цитадели, так как почти вся ее площадь... уничтожена в результате оползней» [Анфимов, 1981, с. 71]. Нам приходится только догадываться, на каком основании было установлено время сооружения рвов, да еще с уточнением даты до полувека.

Часто при описании памятника и составлении топографического плана фиксировались только хорошо видимые на поверхности рвы и валы, а заплывшие рвы и валы, разрушенные распашкой, не замечались. В результате наши представления о фортификации памятника могут сильно отличаться от реальной ситуации. Например, на Старокорсунском городище № 2 М. В. Покровским и Н. В. Анфимовым в 1937 г. было отмечено наличие одного рва и курганной группы к северу от него [Покровский, Анфимов, 1937, с. 268]. Наличие других рвов они не зафиксировали. Проводя работы на этом городище в 1969—1976 гг., Н. В. Анфимов также не выявил других укреплений. При публикации результатов раскопок гончарных печей I—III вв. н. э. И. Н. Анфимов привел план городища 1969 г., на котором отмечены только один ров и вал [Анфимов И.Н., 1985, табл. I], хотя ещё в конце 1980-х годов ров, подходящий к двум большим курганам, читался довольно хорошо, а вот курганы, за исключением двух больших, были сильно распаханы и уже плохо прослеживались на поверхности.

И. С. Каменецкий, обследовавший большую часть меотских городищ, на которых было выявлено по несколько рвов, считает, что этот факт свидетельствует о постепенном расширении их заселенной площади. Это расширение, по его представлению, «происходило двояко: либо поселение разрасталось во все стороны, и тогда рылись концентрические рвы, либо рвы окружали отдельные участки, примыкавшие к центральной части» [Каменецкий, 1989, с. 239, табл. 94, 4]. Последовательность присоединения и укрепления жилой территории была восстановлена И. С. Каменецким для Васюринско-Воронежского I городища. На этом памятнике к древнейшей, по его мнению, центральной части был сначала присоединен восточный, а затем западный участок, так как их рвы «начинаются от рва центральной части» [Каменецкий, 1998, с. 195—197]. Возможно, это и так, но здесь важно отметить одно обстоятельство. Эти модели расширения городищ построены только на основании топографии и сбора подъемного материала, которые дают время функционирования памятника, но отнюдь не время сооружения рвов. Без раскопок оборонительных сооружений невозможно определить дату их возведения, за исключением городищ, существование которых измеряется коротким отрезком времени. Ярким примером таких памятников являются небольшие городища, возникшие в I в. н. э., такие как Елизавето-Марьянские, Советское, Шапка, Батарея и др.

Достаточно подробно описана оборонительная система Новоджерелиевского III городища, расположенного на р. Кирпили в Восточном Приазовье [Шевченко, 1995, с. 132—134, 138]. Наличие «цитадели», защищенной глубоким ровом, внутреннего рва, окружавшего «основную часть» городища, и напольного рва с валом сближает ее с укреплениями городищ правобережья Кубани. Концы рвов выходили к реке и, так как берег здесь низкий, рвы, в отличие от правобережных городищ, могли заполняться водой [Каменецкий, 1989, с. 239].

Датировка укреплений Новоджерелиевского городища до конца не ясна. По наблюдению автора раскопок, уничтожение внешнего рва было связано с заселением посада, в процессе

которого ров «постепенно заплывал культурным слоем». Заселение посада началось в конце II или начале I в. до н. э. (так датируются здесь «ранние горизонты» культурного слоя), а в I в. до н. э. его территория уже была занята могильником [Шевченко, 1995, с. 132]. По-видимому, внешний ров как стратегический объект использовался относительно короткий период.

Первый ров окружал участок, «по площади немного меньший будущей цитадели». Второй ров находился в 100 м от него и ограничивал основную часть городища. Н. Ф. Шевченко пишет, что временная разница между этими рвами небольшая, так как «датировка ранних горизонтов цитадели и основной части городища совпадает». Внутренний ров² просуществовал недолго, видимо, в связи с необходимостью расширения территории. Ров засыпали грунтом, перемешанным с глиной, и плотно утрамбовали, после чего здесь сразу же появились жилые и хозяйственные постройки. Этот участок был окружен новым, более мощным ровом, до настоящего времени заметным на поверхности [Шевченко, 1995, с. 132]. Самые нижние строительные горизонты цитадели первоначально были датированы Н. Ф. Шевченко второй половиной II в. до н. э. [Шевченко, 1995, с. 134]. Позднее эта дата, на основании новых материалов и стратиграфических наблюдений, была автором пересмотрена и сужена до 80—60-х годов I в. до н. э. [Шевченко, 2005, с. 299].

Таким образом, получается, что цитадель возникла и была укрепена в этот период, а существовавший ранее ров защищал первоначальное жилое пространство, где она впоследствии была построена. Второй ров защищал основную часть городища, территория которой до I в. до н. э. предназначалась для содержания скота, в то время как население обитало на цитадели [Шевченко, 1995, с. 134].

Могильники меотских городищ часто располагались под защитой укреплений. Это отмечено на городищах № 2 хут. Ленина и Старокорсунском № 2. Аналогичная ситуация с курганным могильником была прослежена на Краснодарском городище на Дубинке [Беренштам, 1879, с. 301] и на Елизаветинском (Восточном) городище, где курганный могильник также находится внутри укрепленной части [Шилов, 1955, с. 230].

К настоящему времени наиболее ясное представление об оборонительной системе меотских городищ дают исследования Краснодарской археологической экспедиции на городищах хут. Ленина № 2 и Старокорсунском № 2.

Городище № 2 хут. Ленина

Городище (рис. 1, 2) расположено в 2,8 км к ЮВВ от ЮВ окраины хут. им. Ленина, на правой высокой террасе р. Кубань (в настоящее время — берег Краснодарского водохранилища). Через территорию городища и могильника с запада на восток проходит дорога. Площадь городища к северу от дороги в середине 80-х годов прошлого века была застроена дачами. Между дорогой и берегом вырос лес из одичавших фруктовых деревьев и акации. Береговая полоса городища и могильника постоянно размывается водами водохранилища.

² Н. Ф. Шевченко не опубликовал план городища, поэтому неясно, какой из двух рвов он называет «внутренним» — первый ров, защищавший цитадель, или второй, ограничивавший основную территорию. По отношению же к внешнему рову, оба эти рва являются внутренними.

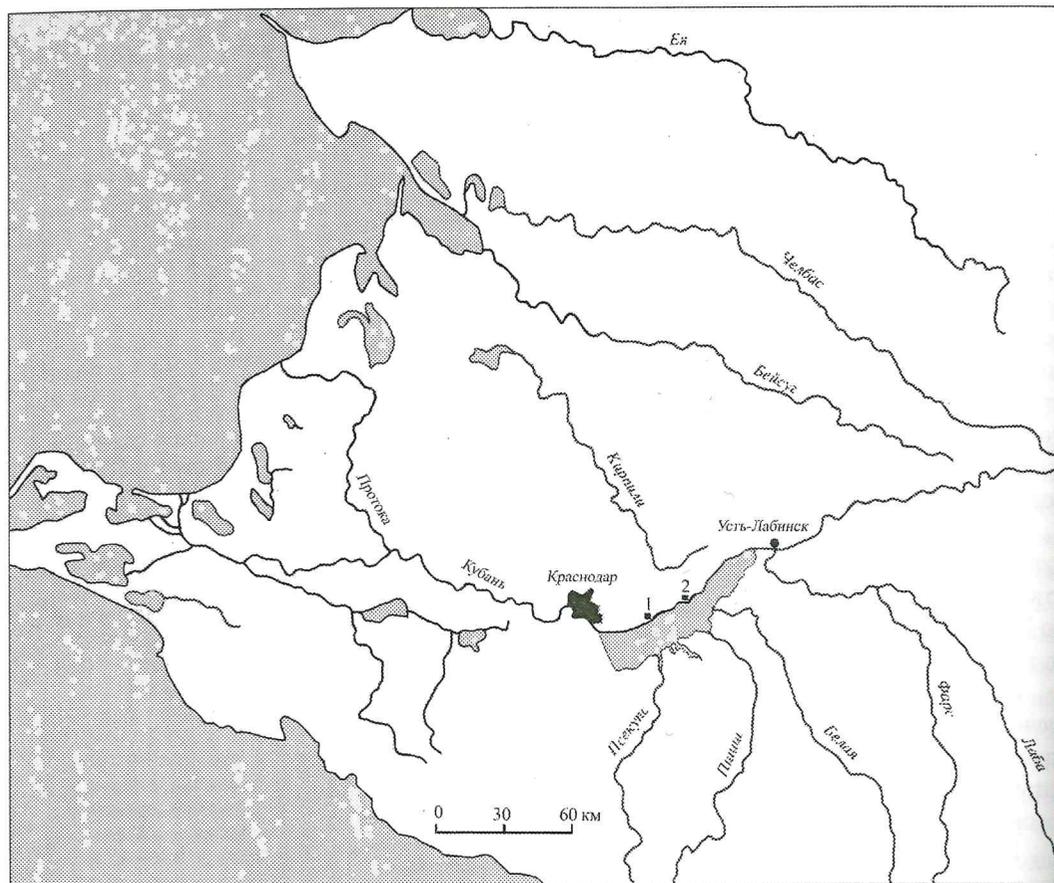

Рис. 1. Местоположение городищ хут. Ленина № 2 и Старокорсунского № 2:
1 — городище № 2 хут. Ленина; 2 — Старокорсунское городище № 2

Городище имеет двойную систему земляных укреплений, состоящую из хорошо видимых рвов и слабозаметных валов. Центральная часть городища с трех сторон ограничена подковообразным в плане рвом, современная глубина которого колеблется от 1 до 2 м, а ширина — около 50 м. К началу 1980-х годов размеры центральной части городища вместе с валом и рвом по линии С—Ю составляли 310 м, по линии В—З — 400 м. Ров с запада и востока от городища выходил в овраги на берегу террасы. Удобным спуском к реке с городища была небольшая ложбина, которая делила его береговую часть на две почти равные половины. Между этой ложбиной и восточным участком рва, на краю берега, стояла «цитадель», окруженная рвом. За ложбиной, в которую выходил ров с восточной стороны, находилась еще одна возвышенность диаметром 30х40 м, высотой около 40 см. Скорее всего, это был курган, что не исключает его принадлежности к оборонительной системе. К 1980—1983 гг. эти объекты уже обрушились, а к настоящему времени берег обвалился на 100—120 м.

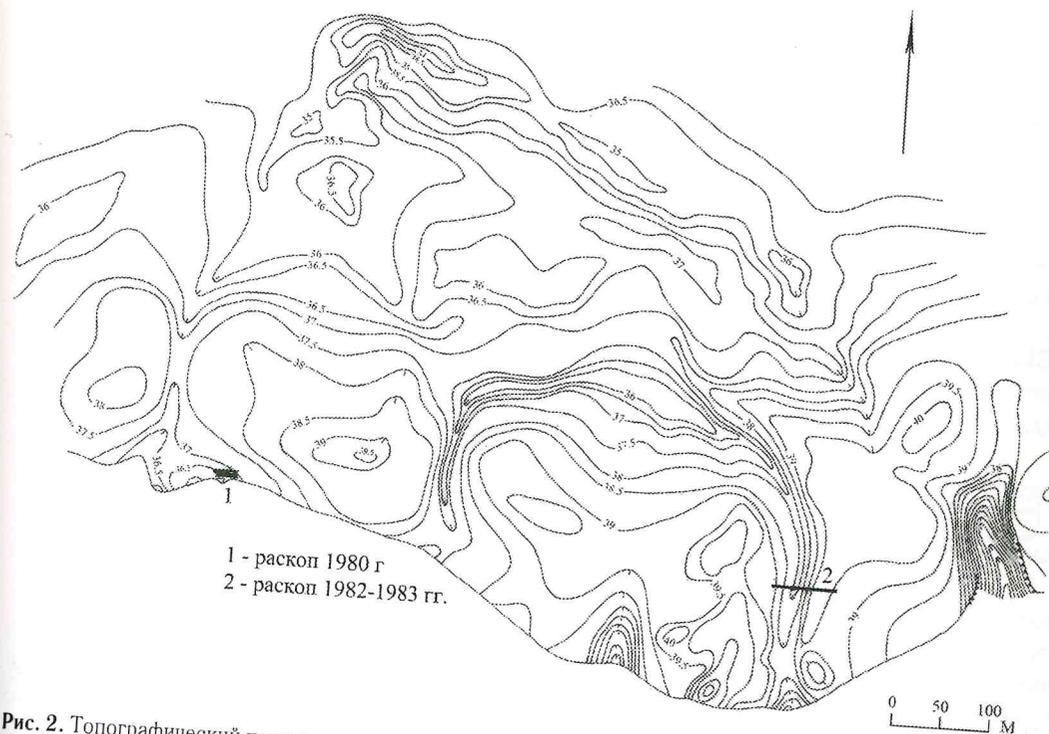

Рис. 2. Топографический план городища № 2 хут. Ленина: 1 — раскоп 1980 г.; 2 — раскоп 1982—1983 гг.

Внешний ров находится в 210—280 м к западу от внутреннего рва. Здесь он также начинался от небольшой естественной ложбины на краю берега и тянулся к ССВ на расстояние около 180 м. Затем ров поворачивает на СВ и продолжается еще примерно на 300 м. Отсюда ров почти под прямым углом поворачивает к ЮВ. На этом участке его длина составляет почти 800 м. Выходит ров в большую ложбину на берегу, за которой расположен уже другой памятник (могильник городища № 3 хут. Ленина). Глубина рва на уровне современной поверхности редко превышала 1 м, а ширина — 1—2 м. В СЗ части между внутренним и внешним рвами на площади размером примерно 250х300 м располагается некрополь. До середины 1980-х годов эта территория была занята колхозным садом, а позднее застроена дачами.

Участок внешнего рва городища был открыт в 1980 г. отрядом под руководством А. М. Ждановского³ при раскопках предполагаемого неукрепленного селища. В процессе исследования выяснилось, что этот участок (на краю ложбины, в 210 м к западу от внутреннего рва городища) относится к городищу № 2 хут. Ленина и непосредственно прилегает к внешнему рву с внутренней стороны. На раскопе был выявлен ровик, входивший в систему большого внешнего рва. В плане участок ровика ориентирован по линии ЮВ—СЗ, длина — 10,4 м. С ЮЗ стороны ровик разрушен хозяйственными ямами. В разрезе (рис. 3, 1) ровик

³ Благодарим А. М. Ждановского за возможность использовать материалы из его раскопок.

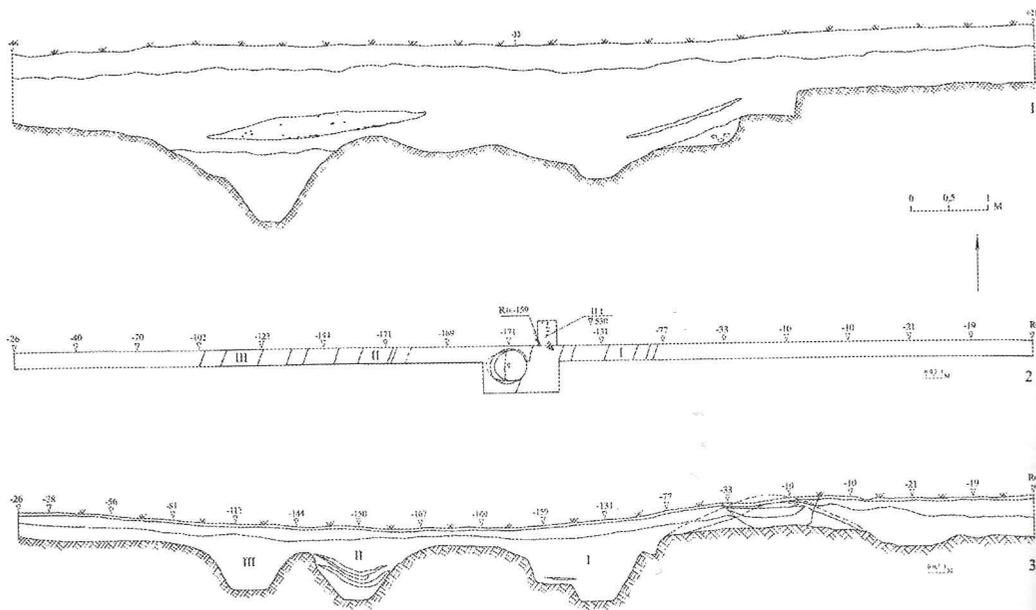

Рис. 3. Городище № 2 хут. Ленина:

1 — разрез внешнего рва; 2 — план траншеи; 3 — разрез внутреннего рва и вала

усеченно-конический, дно плоское, стенки резко расширялись вверх, края плавно закруглялись. Размеры ровика: ширина по верхнему краю — около 5 м, ширина по дну — 0,52 м, глубина от прослеженного края — около 2 м. По наблюдению автора раскопок, территория, прилегающая к ровику, была «углублена искусственно» [Ждановский, 1986, л. 8]. Об этом свидетельствует уступ от естественного уровня глины высотой 0,57 м, который прослеживается в разрезе на расстоянии 11–12 м к востоку от края ровика. По сторонам ровика находилось множество ям разной конфигурации, которые прорезали друг друга. Ямы, скорее всего, предназначались не для свалки мусора, а для добычи глины, которую использовали для строительных работ и гончарного производства. Заполнение ровика и ям одинаковое — темный гумусированный суглинок. По-видимому, ровик и ямы были засыпаны одновременно, причем специально принесенным грунтом, так как в нем почти не было культурных остатков. После выравнивания площади над засыпанным ровиком постепенно сформировался золистый культурный слой мощностью 2,00–2,20 м. По мнению А. М. Ждановского, это мог быть участок типа зольника, куда сбрасывали мусор с прилегающей части городища. В то же время, он отметил объекты, которые предположительно можно рассматривать как остатки жилищ или хозяйственных построек — значительные вкрапления обожженной обмазки и угольков, вымостка из фрагментов керамики [Ждановский, 1986, л. 15, 19].

На основании амфорного материала А. М. Ждановский сделал вывод, что время формирования слоя, перекрывавшего ров, приходится на IV–III вв. до н. э. Он отметил также, что «нижний» слой может датироваться концом V — IV в. до н. э., так как в нем присутствуют

фрагменты амфор V в. до н. э. и меотских чернолощенных ковшей [Ждановский, 1986, л. 20, 21]. В настоящее время амфорный материал из этих раскопок был изучен заново В. В. Улитиним⁴. Он тоже выделил несколько фрагментов V в. до н. э. В пределах четвертой четверти V в. до н. э. датируется ножка мендейской амфоры (рис. 4, 13) раннего варианта II–A по С. Ю. Монахову, а фрагменты протофасосских амфор (рис. 4, 4) — первой половиной V в. до н. э. [Улитин, 2006, с. 24]. Скорее всего, этот немногочисленный материал связан с разрушенными при строительстве рва раннемеотскими погребениями или с культурным слоем неукрепленного поселения. Основное количество фрагментов относится к IV в. до н. э.

Менда — ножки и фрагменты венцов (рис. 4, 2, 3, 12, 18) вариантов портичелло (II–B) первой половины IV в. до н. э. и мелитопольского (II–C) второй–третьей четверти этого же столетия [Монахов, 2003, с. 91–95].

Кос — фрагменты венцов, характерных для конца IV в. до н. э. [Монахов, 1999, с. 445].

Книд — венчики (рис. 4, 8) варианта I–D второй–третьей четверти IV в. до н. э. и придонная часть с кубаревидной ножкой (рис. 4, 15) варианта II–B третьей трети IV — начала III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 106, 107, 110].

Пепарет — одна ножка (рис. 4, 14) от амфоры чертомлыкского варианта I–B середины — третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 99, 100].

Фасос — ножки (рис. 4, 17) биконического варианта серий II–B–1 и II–B–2 первых трех четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 66, 67, 76].

Гераклея — фрагменты венчиков и ручек (рис. 4, 9–11) от амфор типов I, I–A, II первой половины — середины IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 143, 144]. Имеется также фрагмент

горла с клеймом ΚΟ]ΑΣ ΕΠΙ ΚΕΡΚΙΝ]Ο⁵ (рис. 4, 5). По хронологической классификации В. И. Каца клеймо входит во II магистратскую группу, подгруппу B. Деятельность магистрата Керкина относится к 70-м годам IV в. до н. э. [Кац, 2007, с. 240, 241, приложение V, 3; VI].

Хиос — ножка (рис. 4, 16) колпачкового варианта V–B первой–третьей четверти IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 24].

Колхида — одна ножка (рис. 4, 19) середины — второй половины IV в. до н. э. [Цецхладзе, 1992, с. 92, 93, рис. 1, 3].

Синопа — ножки и фрагменты горла с ручками (рис. 4, 6, 7, 20) от амфор типов I и II первой трети IV — первой половины III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 160].

Херсонес — ручка (рис. 4, 1) с круглым монограммным клеймом ΠΑΣΙ (Пасиад) типа A, варианта 3e (немагистратское). Клеймо относится к 1-й хронологической группе (1B, B; 2A) фабрикантских клейм, которая датируется в пределах 315–285 гг. до н. э. [Кац, 1994, с. 29, 76, 79, 125, рис. 6, 3e, табл. 3, 5, кат. 2A-33, 5, табл. CVI].

Среди фрагментов меотской сероглиняной керамики чаще всего встречаются миски с треугольным бортиком, характерные для второй четверти IV — третьей четверти III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 233]. Найден также фрагмент сероглиняного рыбного блюда (рис. 4, 21) местного производства. Такие находки единичны в культурных слоях меотских городищ. Целые сосуды пока известны только в Прикубанском могильнике IV в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 159].

⁴ В данной работе с разрешения В. В. Улитина использованы его рисунки.

⁵ Клеймо было прочитано и определено В. И. Кацем.

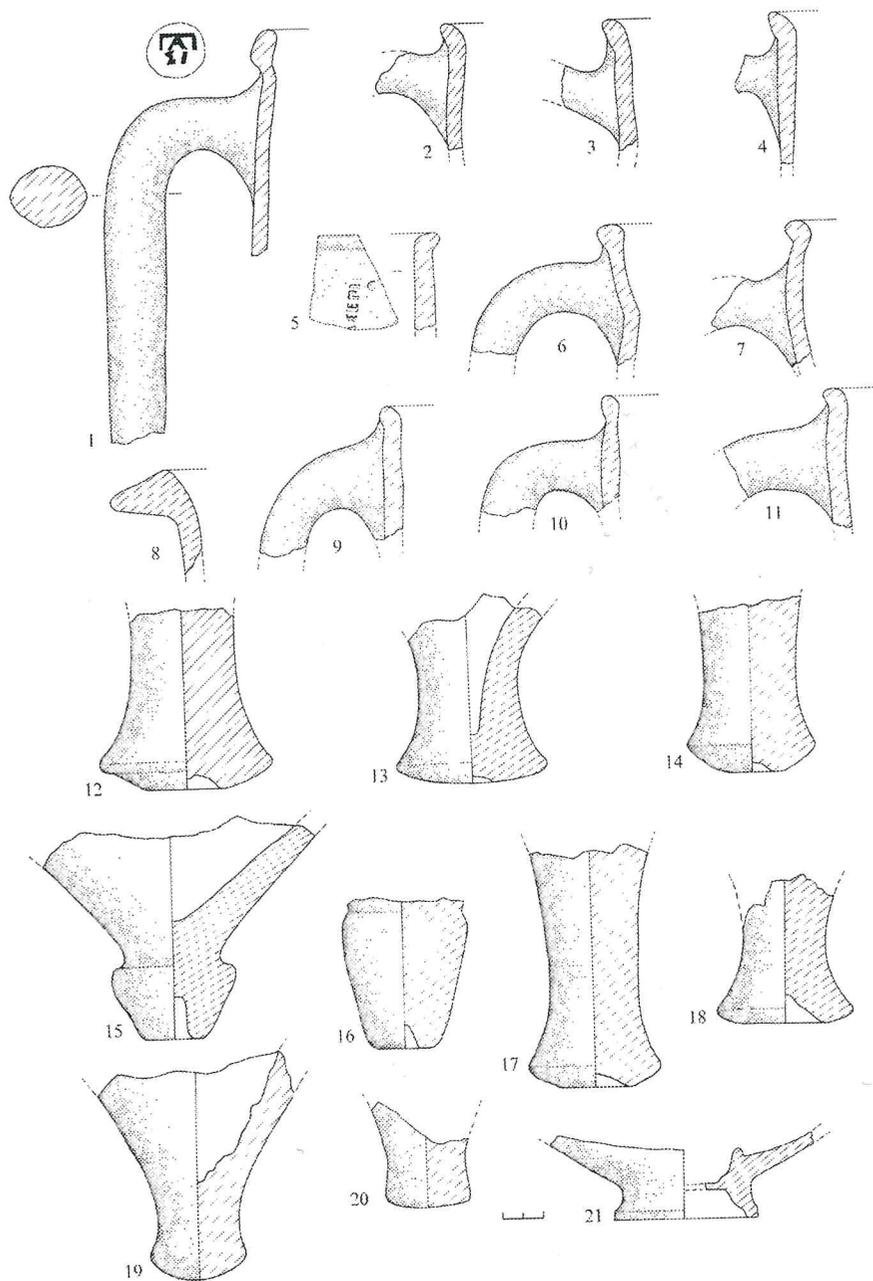

Рис. 4. Городище № 2 хут. Ленина. Фрагменты керамики из слоя, перекрывавшего внешний ров

Получается, что внешний ров был засыпан в конце IV — начале III в. до н. э. В 1982—1983 гг. нами был исследован ЮВ участок внутреннего рва и вала между могильником и восточным участком городища. Траншея (рис. 3, 2) длиной 66 м, шириной 1 м была ориентирована по линии В-3 и поделена на участки длиной по 2 м, начиная от восточного края. Все находки распределялись по глубине и участкам. Разрез был зафиксирован с северной стороны (рис. 3, 3). Дневная поверхность разреза плавно понижалась с востока и запада в районе ровиков и повышалась над валом. Максимальный перепад высот составлял 1,71 м. По всей длине разреза залегал дерновый слой толщиной 15—22 см, а под ним — почвенный (плотный гумус черного цвета). Наибольшей мощности почвенный слой достигал на западном конце — до 1,10 м. Толщина гумуса на восточном конце — до 0,70 м, между I и II ровиками — около 0,30 м. Ниже залегал слой плотного гумусированного суглинка коричневого цвета. Материк представлял собой глину желтого цвета. Уровень его залегания от R_0 в восточной части разреза (под валом) — 1,80—2,20 м, в средней (между I и II ровиками) — до 3 м, на западном конце — 2,15 м.

Разрез позволил выявить систему укреплений, которые состояли из вала, расположенного с напольной стороны, и трех ровиков. Всю центральную часть вала разрушила до основания современная яма (с обломками кирпичей и костей животных). Вал был возведен на уровне глины, причем ее поверхность была предварительно выровнена. Насыпь вала состояла из суглинка желто-коричневого цвета. Высота — около 1,50 м, ширина по основанию — 11,20 м. С восточной (напольной) стороны вала верхняя граница слоя глины неровная, с прогибом, так как ее поверхность была перекопана в древности. С этой стороны насыпь не доходила до края площадки на 0,45 м. С западной стороны до края рва I также оставалось свободное расстояние — 1,25 м. Это может косвенно указывать на существование второй насыпи (из гумусированного суглинка), которая не была прослежена. Реконструируемая высота вала с двумя насыпями составляет около 2,00 м.

Вал перекрывал погребение (рис. 7) второй половины V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 47, 74].

С западной стороны вала, на 1,15 м ниже его основания, была выявлена ступенька шириной 0,75—0,80 м. Ступенька имела наклон к валу и представляла собой дорожку, идущую вдоль его внешней стороны. От уровня ступеньки восточная стенка I ровика довольно круто спускалась ко дну. Ровик в разрезе трапецевидный, дно ровное, горизонтальное. Вдоль западной стенки ровика проходила вторая дорожка — более широкая. Она прослеживалась в виде горизонтального уступа шириной 2,15 м на высоте 1,10 м от дна. Размеры ровика: ширина по дну — 2,28 м; ширина на уровне верхней дорожки — 8,00 м, ширина на уровне нижней дорожки — 3,15 м, глубина от основания вала — 4,15 м. Заполнение ровика до уровня нижней дорожки — гумусированный суглинок коричневого цвета, ниже — глина желтого цвета. Над уступом в западной части, выше на 0,45—0,35 см, залегала узкая прослойка желтой глины, мешаной с гумусом. Длина прослойки — 2,10 м, максимальная толщина — 0,15 м.

В ровике (на уступе) было исследовано погребение, а на его западном краю — хозяйственная яма (рис. 5, 1—6).

Второй ровик (II) находился на расстоянии 8,55 м к западу от первого. Промежуток между ровиками имел вид вала с уплощенной вершиной и округленными сторонами. Мож-

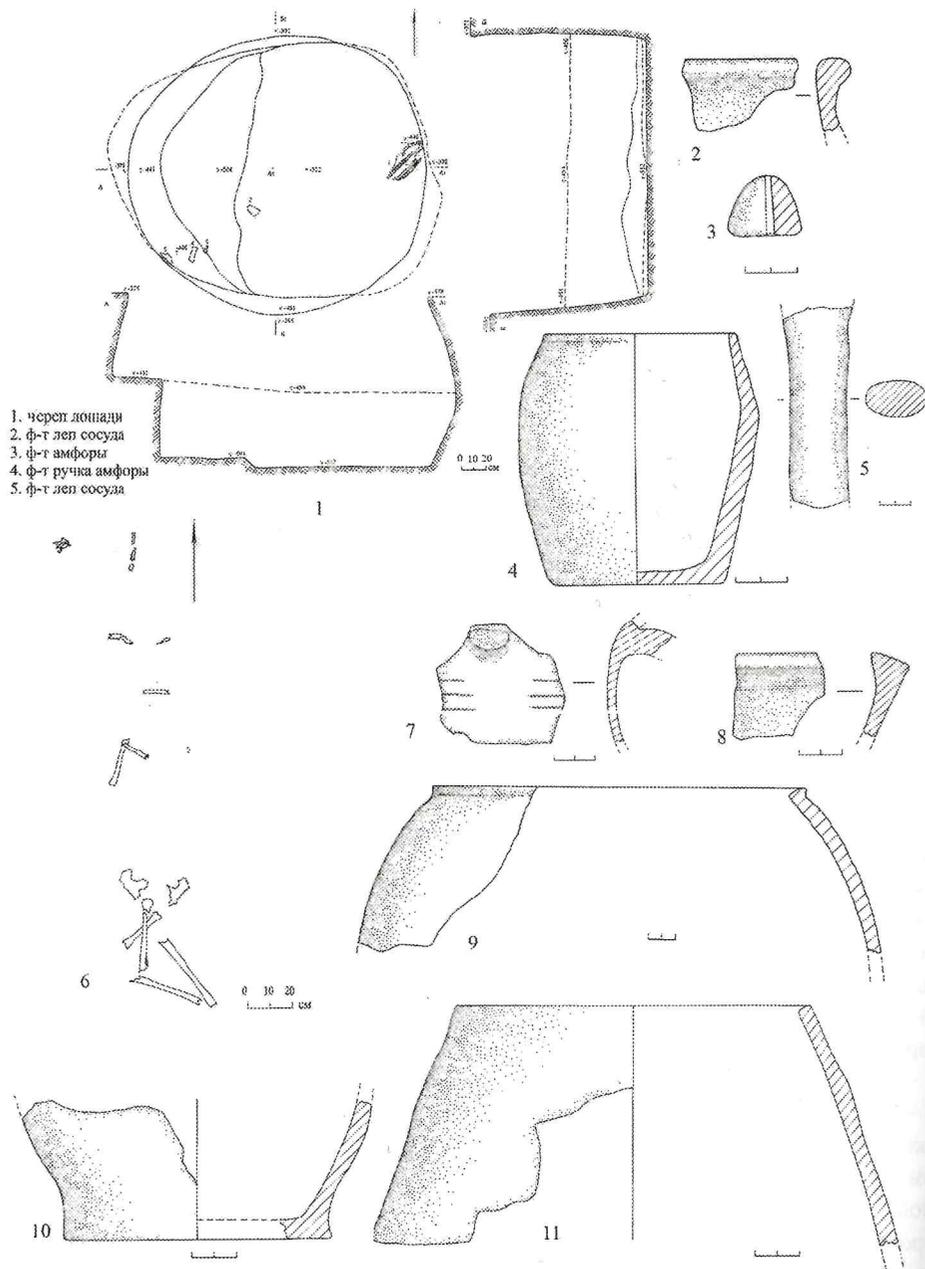

Рис. 5. Городище № 2 хут. Ленина: 1 — план и разрезы хозяйственной ямы; 2—5 — находки из заполнения хозяйственной ямы; 6 — план погребения в ровике I; 7—11 — фрагменты керамики из заполнения ровика I

но предположить, что здесь была подсыпка из гумусированного суглинка, не прослеженная нами. Ровик в разрезе усеченно-конический, дно плоское, стенки резко расширялись кверху. Размеры ровика: ширина по верхнему краю — около 8 м, ширина по дну — 1,50 м, глубина от верхнего края — 3,15 м. У верхнего края восточной стенки, на высоте 2,30 м от дна, имеется уступ шириной 0,25 м. Ровик был заполнен гумусированным суглинком с прослойками, представляет собой суглинок, насыщенный золой, две нижележащие — затечный илистый грунт зеленовато-серого цвета. Максимальная толщина прослоек — 0,25–0,30 м. Между илистыми прослойками имеется промежуток гумусированного суглинка толщиной 0,25 м.

Третий ровик (III) прослеживался в разрезе на расстоянии 1 м к западу от ровика II. Останец между ровиками имел почти остроконечную вершину. В разрезе ровик трапециевидный. Ширина по верхнему краю — 2,60 м, ширина по дну — 2,30 м, глубина от верхнего края — 2,40 м. Заполнение — гумусированный суглинок.

Меотская керамика из ровиков и слоя, перекрывавшего ров в западной части, датируется второй половиной IV — серединой III в. до н. э. Это фрагменты лепных горшков с наклонным внутрь краем (рис. 5, 9, 10, 11), сероглиняных кувшинов на высоких кольцевых поддонах (рис. 6, 6–8) и с характерным креплением ручки под краем венчика (рис. 5, 7). Миски с коротким загнутым или треугольным в сечении бортиком (рис. 5, 8; 6, 1, 4) часто встречаются в меотских погребениях второй четверти IV — третьей четверти III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 233]. Малочисленный амфорный материал относится к тому же периоду. Следует отметить рюккообразную ножку (рис. 6, 5) мендейской амфоры мелитопольского варианта II—С второй—третьей четверти IV в. до н. э. и часть горла книдской амфоры (рис. 6, 2) воротничкового варианта II—С первой трети III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 95, 110].

Стратиграфические наблюдения и анализ керамического материала позволяют определить время строительства внутреннего рва и вала в пределах второй половины IV в. до н. э. Укрепления прослужили недолго, ров постепенно превратился в свалку. Наиболее вероятно, что уже в конце IV — начале III в. до н. э. ров утратил стратегическое значение. Таким образом, период функционирования внешних и внутренних укреплений городища совпадает.

Между внутренним и внешним рвами расположен грунтовый могильник, в 1980–1981 гг. его раскопки проводил А. З. Аптекарев. Здесь было исследовано 130 погребений, в основном, IV–III вв. до н. э., небольшая часть погребений относится ко II в. до н. э. [Аптекарев, 1980, 1981]. А. З. Аптекарев писал, что могильник был перекрыт культурным слоем, насыщенным керамикой IV–II вв. до н. э., и средневековой «салтовского типа» [Аптекарев, 1981, с. 95]. Средневековый слой действительно фиксируется на этом участке, как и на многих меотских городищах и некрополях правобережья Кубани. А вот меотский слой здесь отсутствует. Меотская керамика немногочисленна и ее наличие в грунте объясняют разрушенные погребения, встреченные на могильнике, и мусор, который выносился за пределы поселения. Трудно представить, чтобы на площади поселения меоты устроили некрополь. Да и как может перекрываться могильник синхронным ему слоем? В 1981 г. мы⁶ принимали участие в работе экспедиции на хут. Ленина и можем утверждать, что культурный слой IV–II вв. до н. э. на этой площади отсутствует. Выраженный меотский слой не зафиксирован и

⁶ И. И. Марченко в 1981 г. был начальником этой экспедиции.

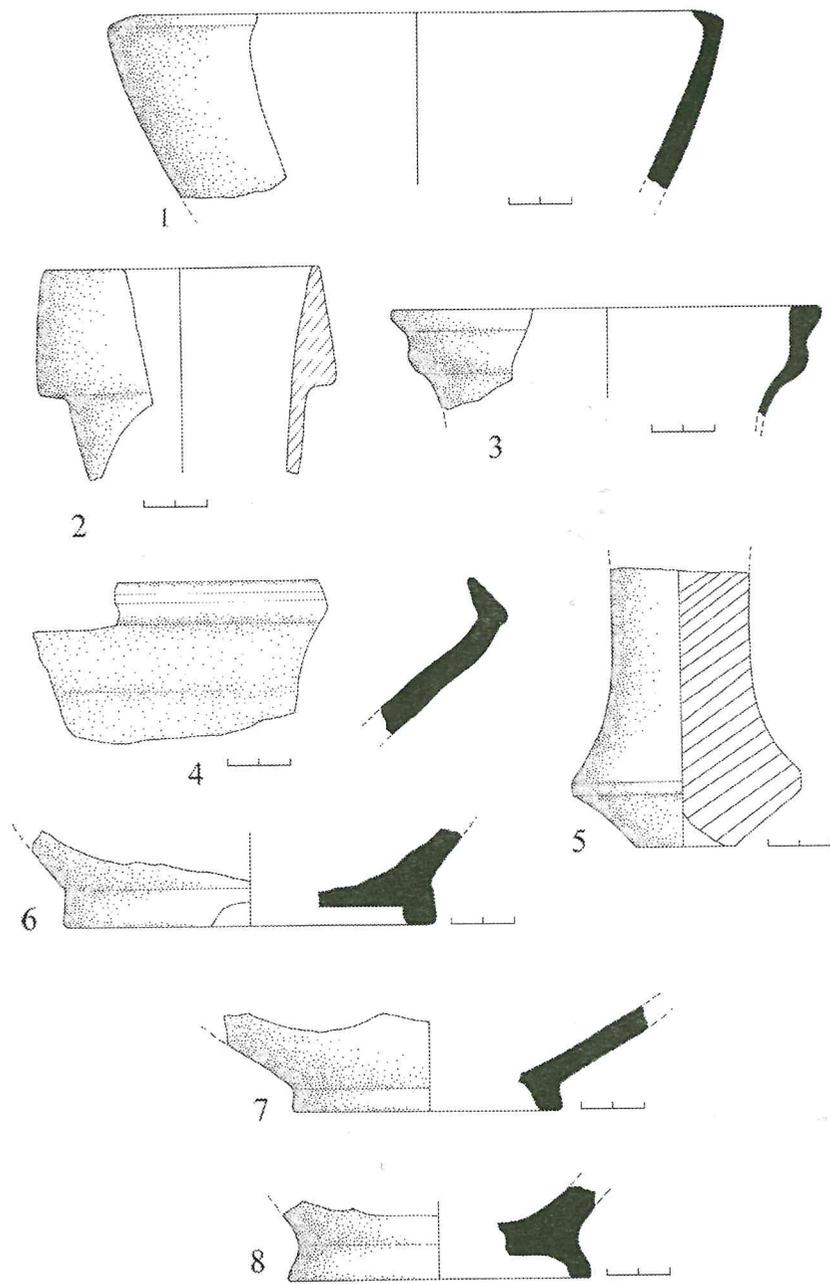

Рис. 6. Городище № 2 хут. Ленина. Фрагменты керамики из заполнения ровика II

в обнажениях берега на участке, окруженном внешним рвом, за исключением участка, прилегающего к его юго-западному концу. Именно здесь и производил раскопки А. М. Ждановский, который, как уже отмечалось, пришел к выводу, что ров был засыпан перемещенным культурным слоем IV—III вв. до н. э. [Ждановский, 1980, л. 15, 20].

Таким образом, плотно заселенный участок на памятнике не выявлен. Он разрушен Кубанью и водохранилищем. В 1979 г. И. С. Каменецкий во время разведок по северному берегу Краснодарского водохранилища на этом памятнике отметил наличие «цитадели», большая часть которой уже обвалилась [Каменецкий, 1989, с. 235]. Сохранившаяся часть городища, окруженная внутренним рвом, вероятно, предназначалась для содержания скота и использовалась для каких-то хозяйственных нужд. Территория между внутренним и внешним рвами в восточной части городища в IV—II вв. до н. э., как показали раскопки А. З. Аптекарева, использовалась для захоронения соплеменников. В настоящее время северная часть городища между рвами застроена дачами, при строительстве которых, со слов местных жителей, находили керамические сосуды и человеческие кости. Поэтому у нас есть все основания полагать, что и эта территория в древности была отведена под некрополь.

Старокорсунское городище № 2

Сложная система фортификации была выявлена на Старокорсунском городище № 2, расположенном в 4 км к СВВ от восточной окраины ст-цы Старокорсунской (рис. 7). Как мы уже отмечали, исследователи зачастую фиксировали на городищах только хорошо видимые на поверхности рвы и валы. Чтобы выявить плохо читаемые визуальными остатками оборонительных сооружений, на Старокорсунском городище № 2 электронным тахеометром была проведена топографическая съемка. В результате был создан микрорельефный топографический план памятника и его компьютерная модель (рис. 8, 10). На основе анализа компьютерной модели городища в формате 3D были выявлены рвы, которые окружали два больших кургана. Рвы вокруг курганов входили в оборонительную систему и соединялись с третьим оборонительным рвом городища, который визуально практически не читается на местности. Между курганами проходила древняя дорога, ведущая в центральную часть городища. Определено место, где находились древние ворота. Оно расположено в восточной части вала и четко читается на компьютерной модели. Интересно, что на плане, составленном Н. В. Анфимовым и опубликованном И. Н. Анфимовым, «въезд» на городище расположен в том месте, где вал прорезали скреперные траншеи Н. В. Анфимова 1975 г. [Анфимов, 1985, табл. I], т. е. в западной части вала. М. В. Покровский и Н. В. Анфимов в 1937 г. указывали на то, что с северной стороны городища имеется три заплывших «въезда» [Покровский, Анфимов, 1937, с. 268]. За прошедшее время, особенно после строительства водохранилища, в Кубань обвалилась значительная часть городища вместе с двумя «въездами» и «цитаделью», которая в середине 1970-х гг. еще существовала.

Кроме топографических работ на памятнике была произведена магнитная разведка (рис. 9). К сожалению, эти работы выполнены на небольшой площади — на тех участках, где можно было работать с магнитометром. Наиболее информативным оказался восточный

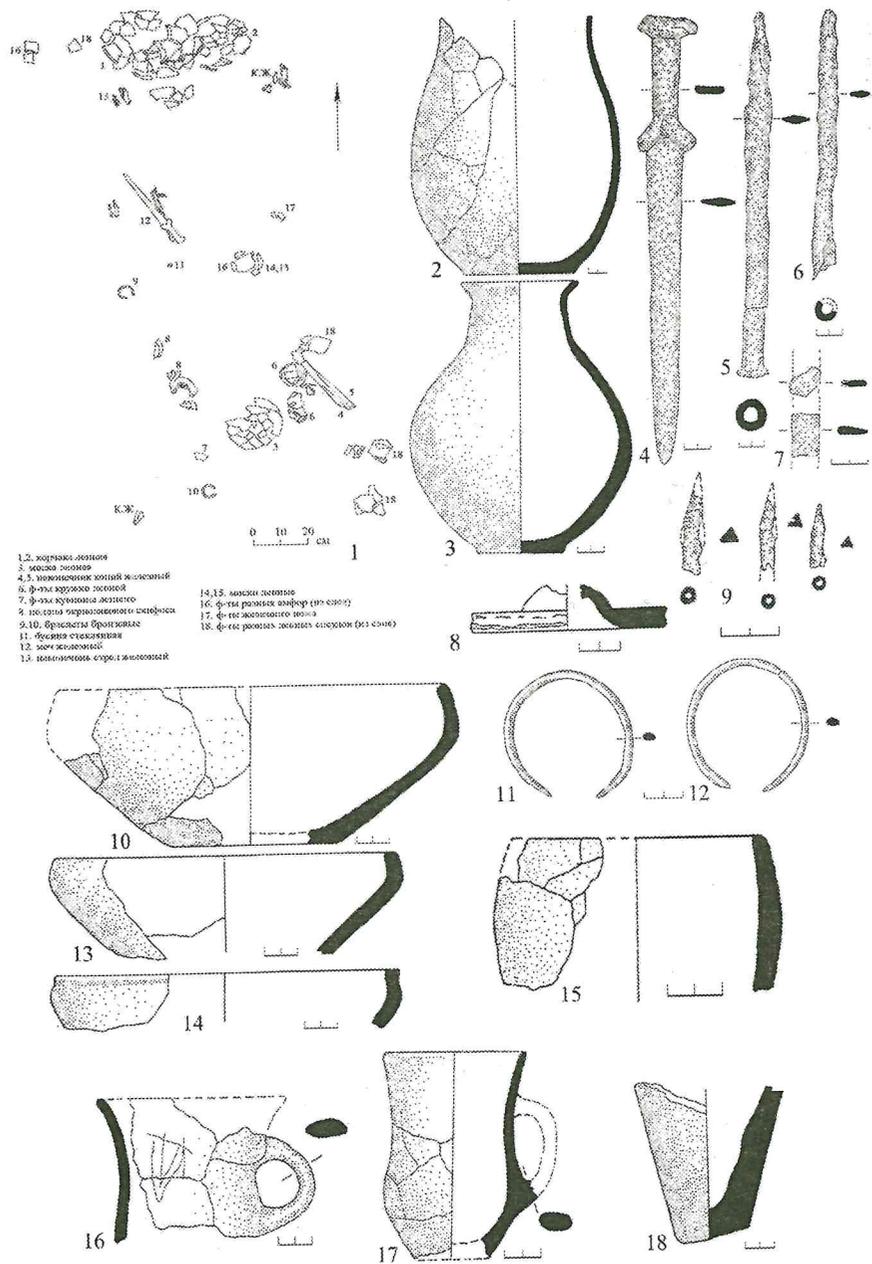

Рис. 7. Городище № 2 хут. Ленина. Погребение под внутренним валом (план и инвентарь)

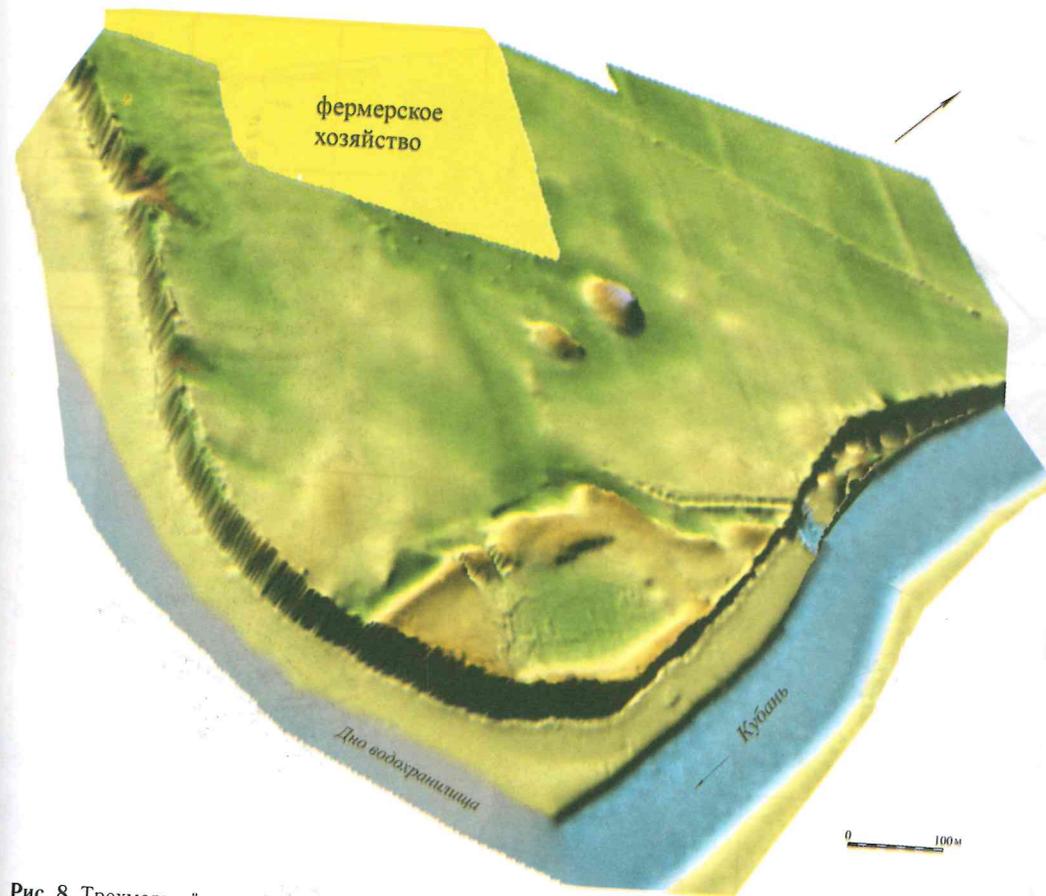

Рис. 8. Трехмерный план Старокорсунского городища № 2 с прилегающей территорией могильников участок городища у больших курганов. Анализ данных магнитной разведки и микрорельефа памятника позволил выявить остатки рвов, которые очень плохо прослеживаются в обрыве берега. Участки некоторых рвов были исследованы в ходе раскопок. До настоящего времени на поверхности хорошо видны укрепления первой оборонительной линии — ров и вал, защищавшие центральную часть городища (рис. 8–10). Сохранился их западный участок длиной около 500 м, остальное уничтожено водохранилищем. В 1975 г. Н.В. Анфимов прорезал вал двумя скреперными траншеями шириной около 8 м каждая. Результаты этих раскопок остались неизвестными, что и побудило нас произвести в 1994 г. зачистку одной из старых траншей. За прошедшие два десятка лет края траншей оплыли, заросли кустарником и деревьями, так же как и вал на всей сохранившейся протяженности. Современная поверхность вала неровная. Его наполная (западная) сторона более крутая, так как спускается в ров, который почти полностью заплыл. С внутренней (восточной) стороны вал достаточно пологий. Современная высота вала от западной полы составляет 3,35 м,

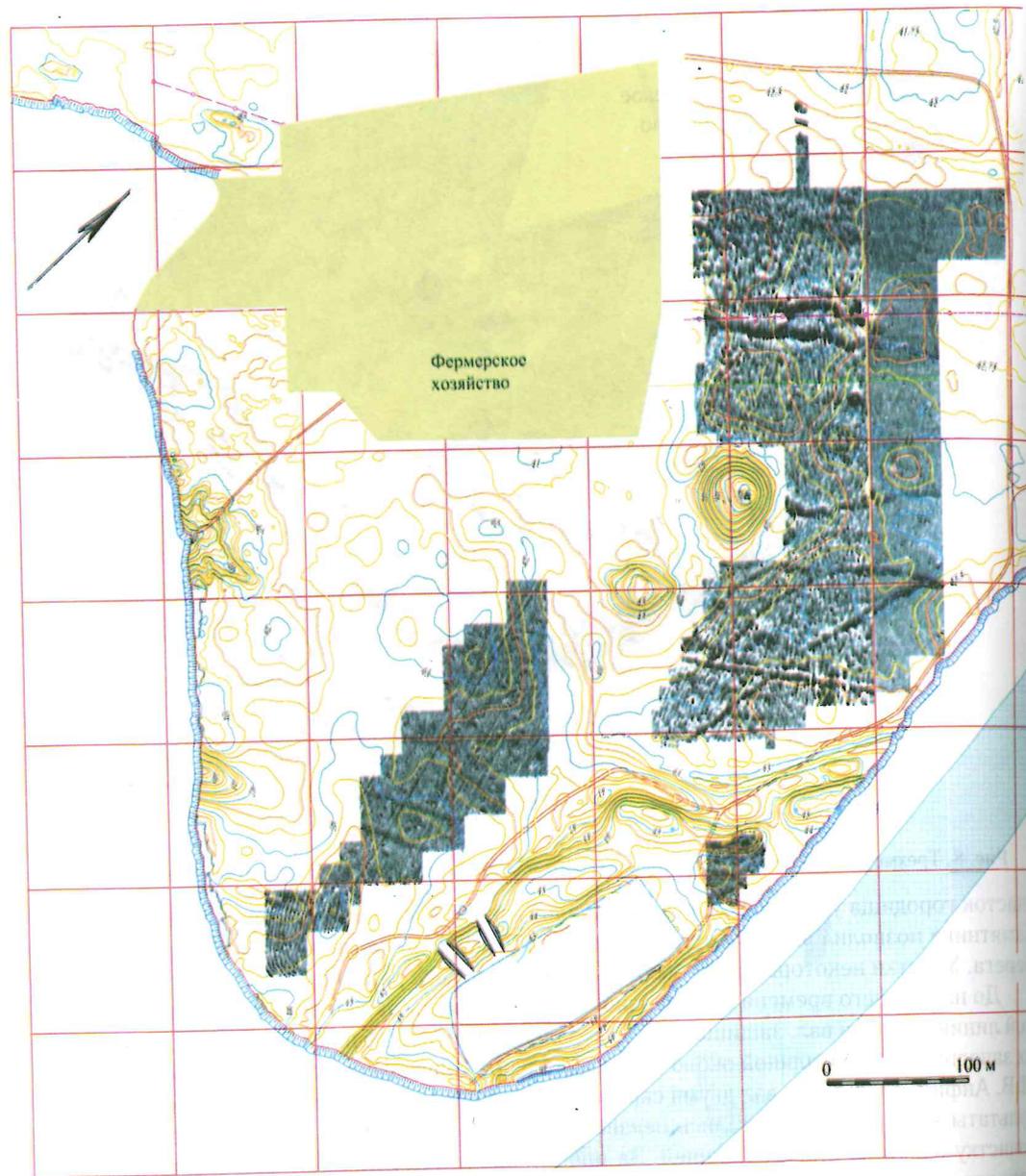

Рис. 9. Топографический план Старокорсунского городища № 2 с участками магнитной разведки

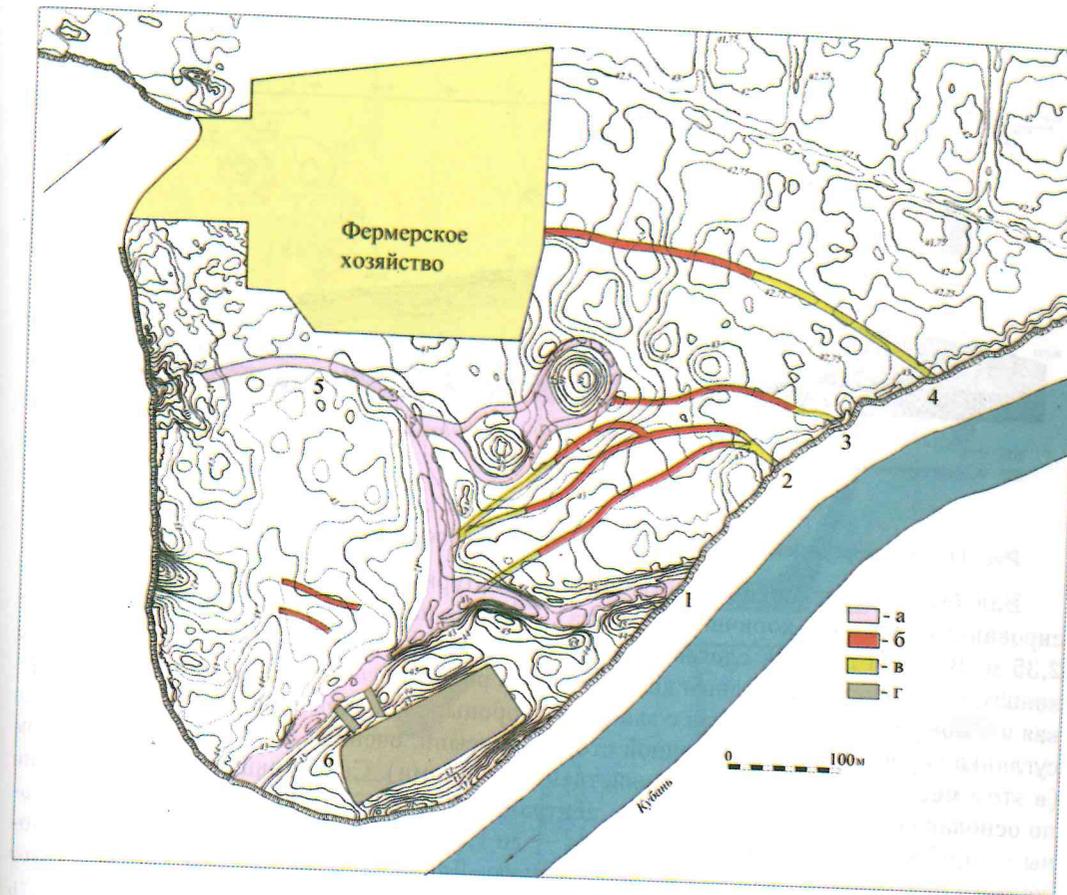

Рис. 10. Схема оборонительных укреплений Старокорсунского городища № 2:
1-6 — линии обороны; а — укрепления, видимые на поверхности и читаемые по микрорельефной топосъемке;
б — рвы, выявленные магнитной разведкой; в — реконструируемые участки рвов;
г — скреперные раскопы Н. В. Анфимова

от восточной — 2,13 м. Для выяснения стратиграфии вала была сделана зачистка южной стороны одного из разрезов (рис. 11, 2), который расположен ближе к берегу водохранилища. Разрез по длине был разбит на семь участков по 4 м длиной. По высоте вал был разделен на шесть горизонтальных уровней высотой 1 м, по которым и снимался оплывший грунт. Находки фиксировались по уровням и участкам. Длина разреза — 30 м, высота в центре — 3,95 м, на восточном конце — 1,70 м, на западном — 0,60 м.

Поверхность вала сильно задернована. Толщина дернового слоя на вершине достигала 0,30–0,32 м, на концах — до 0,55 м. Ниже залегал слой гумусированного суглинка серо-желтого цвета, концы которого лежали на погребенной почве. Мощность этого слоя на вершине разреза — 0,75 м, на концах — до 1,0–1,25 м.

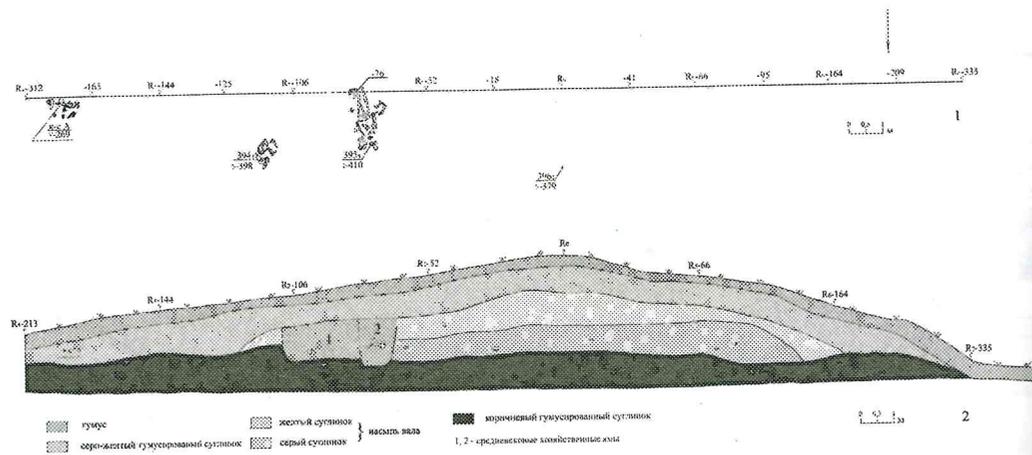

Рис. 11. Старокорсунское городище № 2: 1 — общий план погребений в траншее; 2 — разрез вала

Вал был возведен непосредственно на культурном слое городища (сильно гумусированный суглинок коричневого цвета). Глубина залегания от вершины разреза — 2,35 м. Верхняя граница слоя в средней части разреза ровная, немного выпуклая, на концах — волнистая, западный конец уходил в ров. Вал состоял из двух насыпей. Первая насыпь — довольно крутая с западной стороны, с плоской вершиной, сооружена из суглинка серого цвета. С восточной стороны насыпь, очевидно, сливалась с рельефом (в этом месте слои разрушены хозяйственными ямами). Сохранившаяся длина насыпи по основанию — 12,4 м, мощность в центральной части — 0,80 м, с восточной стороны — 0,65 м, высота с западной стороны — до 1,20 м. Вторая насыпь из суглинка ярко-желтого цвета полностью перекрывала первую. Длина насыпи в разрезе соответствует ширине вала по основанию — 18,0 м, мощность на вершине — до 1,0 м. Поверхность вала неровная. Вершина была несколько уплощена (ширина площадки — около 2 м). Восточная (внутренняя) пола горизонтальная, вероятно, для удобства подъема на вал. Ее длина до начала площадки на вершине — 6,70 м. С западной (напольной) стороны вал плавно понижался к основанию, не доходя до края рва на 3,85 м. Общая высота вала — 1,80 м.

С восточной стороны в полу вала были впущены две хозяйственные ямы, связанные с раннесредневековым болгарским селищем VIII—X вв. Ямы прорезали обе насыпи и немного углублены в культурный слой городища, западный край ямы 1 был обрезан ямой 2. Заполнение ям золистое, серого цвета, с фрагментами салтово-маяцкой керамики и кусками обожженной глиняной обмазки. На восточном конце разреза (рис. 11, 1) находилась еще одна хозяйственная яма (комплекс «А»), которая не прослеживалась в разрезе и в плане. В заполнении были расчищены разрозненные кости коровы и фрагменты салтово-маяцкой керамики. Несколько фрагментов меотской керамики из ямы относятся к VI—V вв. до н. э. и I—II в. н. э.

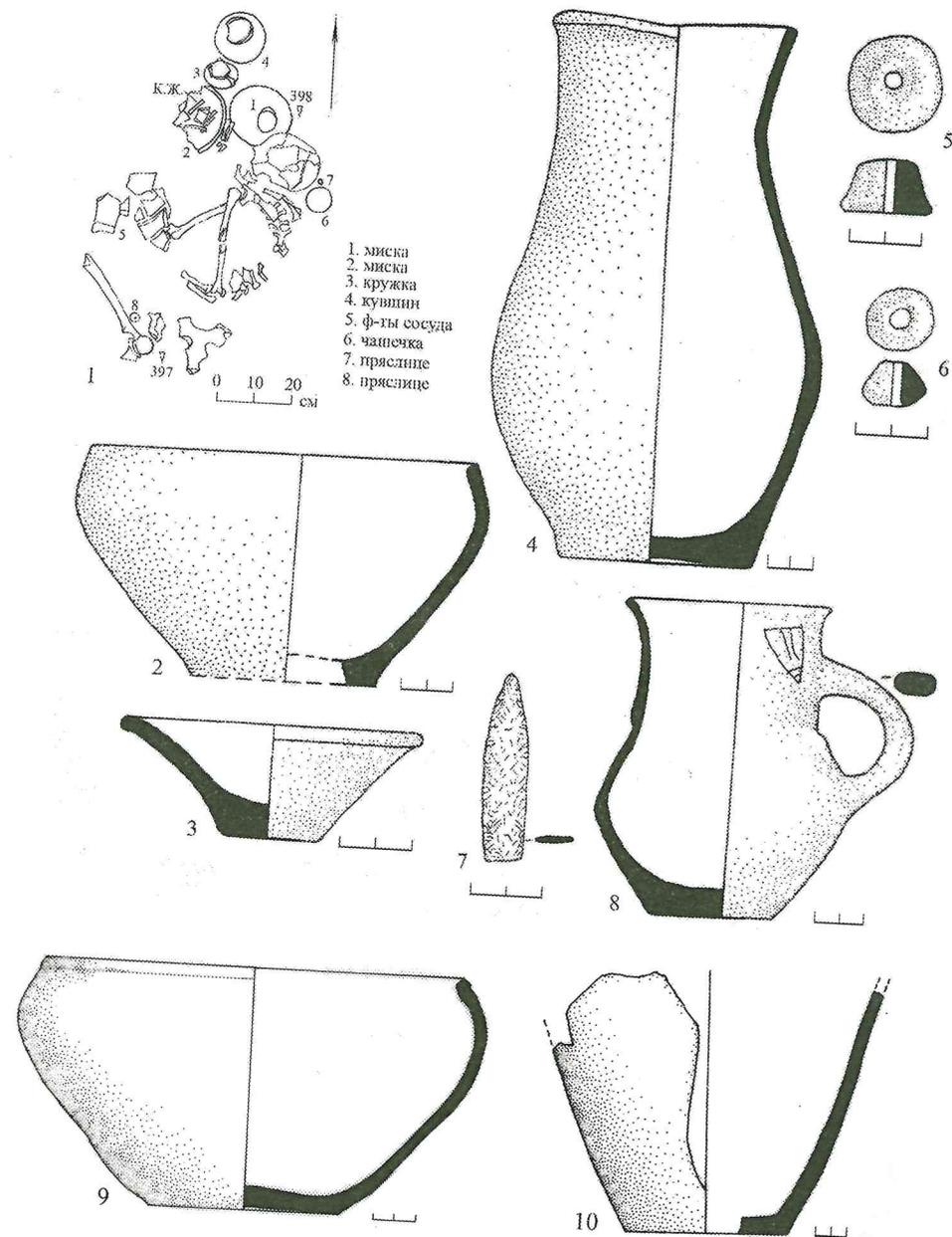
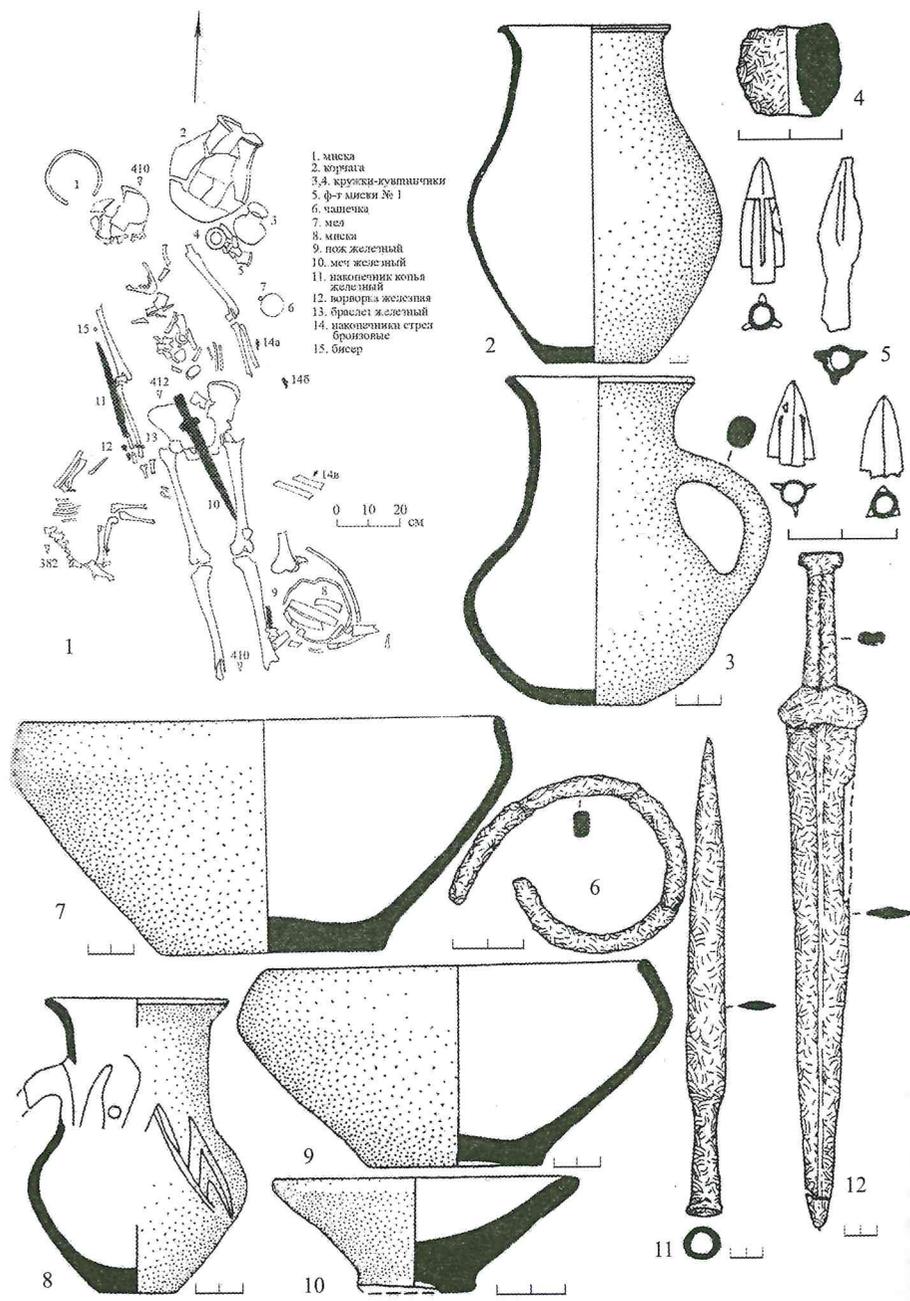

Рис. 12. Старокорсунское городище № 2. Погребение 394z (план и инвентарь)

- 1. миска
- 2. кувалда
- 3, 4. кругляки-бултычки
- 5. ф-г миски № 1
- 6. чашечка
- 7. метал
- 8. миска
- 9. нож железный
- 10. меч железный
- 11. наконечник копья железный
- 12. воронка железная
- 13. браслет железный
- 14. наконечники стрел бронзовые
- 15. бисер

Рис. 13. Старокорсунское городище № 2. Погребение 395з (план и инвентарь)

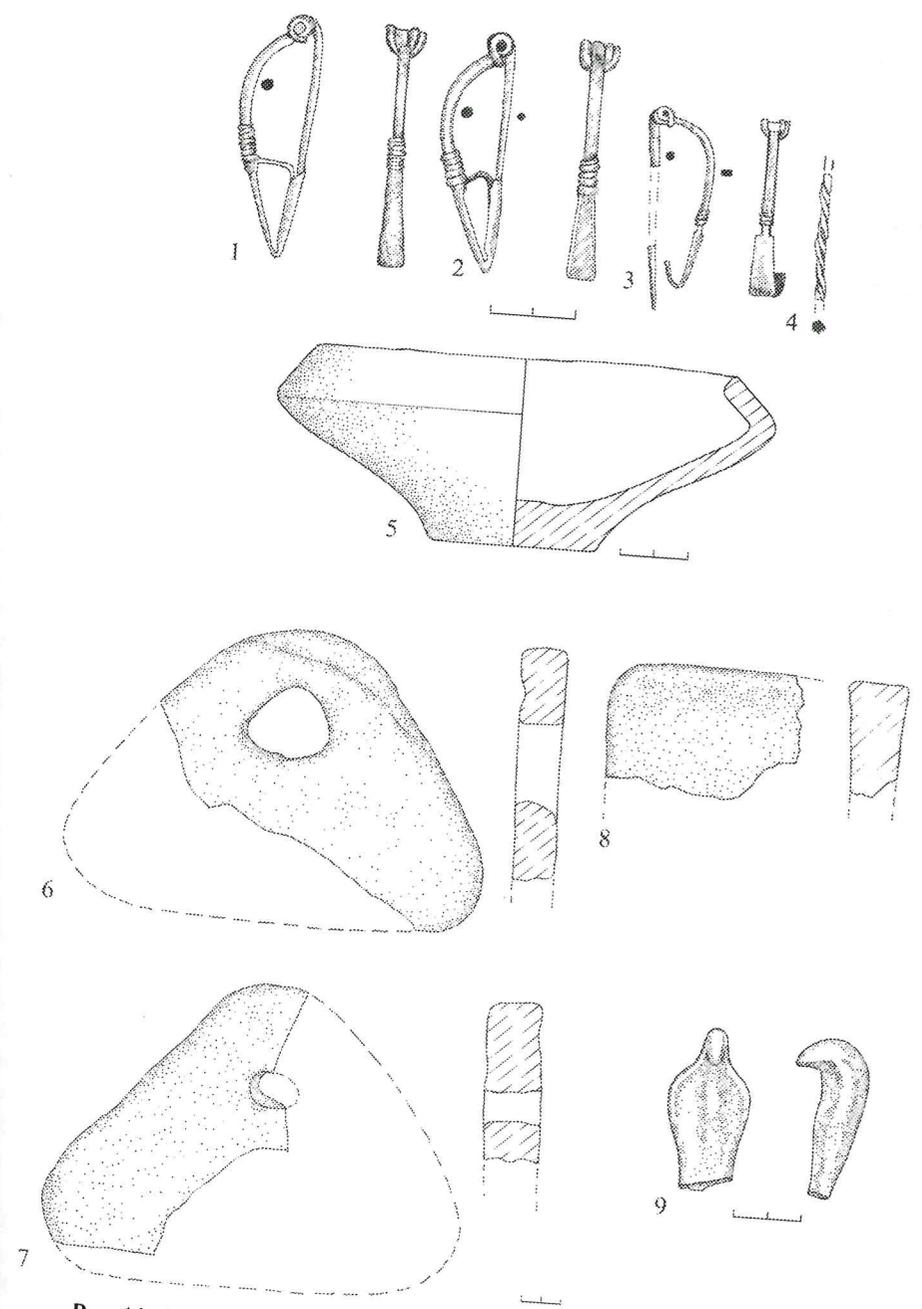

Рис. 14. Старокорсунское городище № 2: 1-5 — инвентарь погребения 396з; 6-9 — фрагменты керамических изделий из зачистки вала

Меотская керамика из насыпи вала представлена почти всеми распространенными видами сероглиняных сосудов (кувшины, миски, канфар, вазочка, пифосы) и лепных горшков местного производства. Найдено также несколько фрагментов глиняных рыболовных грузил (рис. 14, 6, 7), стоячих плиток и «таблеток» (рис. 14, 8), характерных для культурных слоев первых веков н. э. меотских городищ, и фрагмент зооморфной ручки в виде птицы (рис. 14, 9). Находки фрагментов красноглиняной боспорской керамики (миска, кувшин, пифос) и амфор единичны. Подавляющее количество керамики относится к I в. до н. э. — II в. н. э. Встречались также фрагменты лепных чернолощенных сосудов VI—V вв. до н. э.

Под валом было исследовано три погребения (рис. 11, 1; 12; 13; 14, 1—5). Два погребения (394з и 395з) конца VI — начала V в. до н. э. были перекрыты валом [Лимберис, Марченко, 2001, с. 66—68, 73, 74, рис. 21, 1, 8; 42]. Стратиграфия третьего погребения (396з) не ясна. Однако маловероятно, чтобы оно было впущено с поверхности вала на такую большую глубину. Скорее всего, вал перекрыл это погребение, которое могло быть совершено на рубеже II—III вв. н. э., до строительства вала [Лимберис, Марченко, 1998, с. 47]. Таким образом, вал и ров первой линии представляют собой самые поздние по времени оборонительные сооружения городища.

Ров второй линии укреплений проходит южнее двух больших курганов и читается только по данным магниторазведки (рис. 9, 10), так как никаких внешних признаков на современной поверхности не сохранилось. Он не исследовался, и установить точное время его сооружения сейчас невозможно. На этом памятнике, как и на городище № 2 хут. Ленина, могильники расположены между внутренними и внешними укреплениями. Между второй и четвертой линиями обороны находится некрополь IV—I вв. до н. э., а между первой и второй — первых вв. н. э. Культурный слой на площади, которую охватывает ров второй линии, практически отсутствует. Вполне вероятно, что эта защищенная территория предназначалась не только для могил соплеменников, но и для охраны скота.

В третью оборонительную линию (рис. 10) включались два больших кургана. Между ними в древности существовал проезд в центральную часть городища. С СВ стороны ров выходил к реке, а с ЮЗ примыкал ко рву пятой линии.

Выходы ровиков третьей оборонительной линии прослеживаются в 185 м к северу от рва и вала первой линии обороны, в обрыве берега. В 1989 г. на могильнике Старокорсунского городища № 2 работал отряд Северо-Кавказской экспедиции ИА АН СССР (начальник О. А. Ульянова). Им были раскопаны участки двух небольших ровиков. В 1990 г. под бровкой, разделявшей раскопы, нами была доследована северная стенка ровика I (рис. 15). В 1991 г. оба ровика были доследованы нами на длину 4,70—5,00 м (рис. 16). Общая длина исследованных участков ровиков составила около 9,00 м. Участки ровиков параллельны, ориентированы по линии СВВ—ЮЗЗ, расстояние между ними 3,75—6,25 м. Оба ровика были выявлены на уровне глины.

Ширина ровика I колеблется от 1,60 до 2,50 м, глубина от прослеженного края — 1,70—1,90 м. Вдоль краев имелись уступы шириной 0,30—0,50 м, высотой до 0,90 м. В разрезе ровик трапециевидный, ширина по дну — 0,95—1,40 м, дно горизонтальное. В заполнении прослеживалось 8—10 слоев и прослоек разного грунта толщиной от 0,20 м до 0,50 м. Самый верхний слой — зольный, пепельно-серого цвета. Ниже, с прогибом к центру, залегало

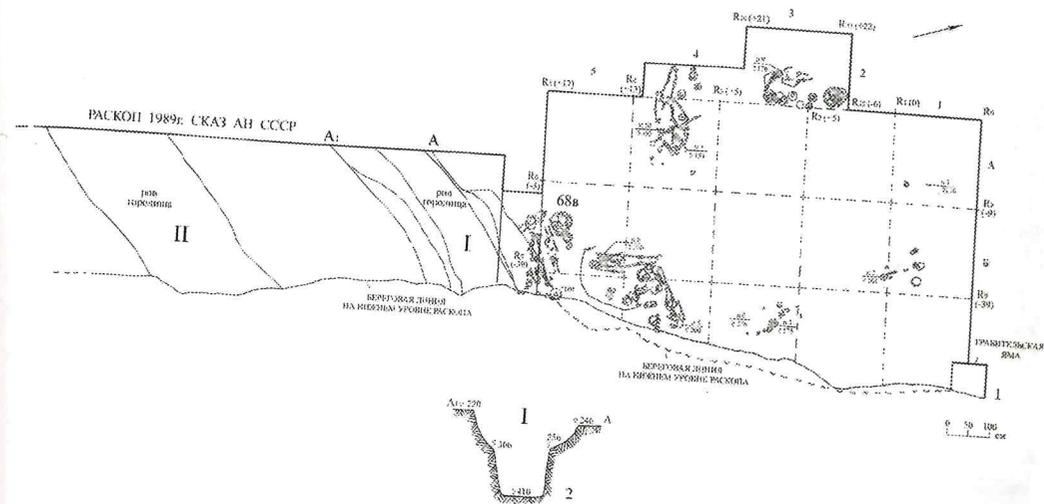

Рис. 15. Старокорсунское городище № 2. 1 — план раскопов 1989—1990 гг. с участками ровов третьей линии обороны; 2 — разрез ровика I

несколько слоев и прослоек чистого листового и мешаного грунта, гумуса затечного происхождения и желтой глины. На дне лежал слой гумуса. В верхней части заполнения (глубина 0,40—0,70 м от края) находилось большое скопление фрагментов меотской керамики и костей лошади (рис. 16, 1; 21, 2—6)). Листовое заполнение ровика, многочисленные осколки костей животных, фрагменты амфор и сероглиняных меотских сосудов свидетельствуют о том, что со временем ров I был превращен в свалку.

Ровик II имел горизонтальное дно и практически вертикальные стенки. Ширина — 2,05—2,25 м, глубина от прослеженного края — около 1,20 м. Заполнение однородное — суглинок, мешаный с желтой глиной.

В 2006 г. исследование ровика I было продолжено, вскрыт участок длиной 12 м (рис. 17). В плане ровик был выявлен на уровне глины, а в разрезе прослеживался уже в гумусированном суглинке, т. е. он копался непосредственно с поверхности этого слоя. Участок ровика ориентирован по линии ЮЗ—СВ, его конфигурация в разрезе изменилась: он полукруглый, горизонтальная ступенька была выявлена только вдоль южного края. Дно вогнутое, местами плоское. Ширина ровика по верхнему краю — 1,60—1,90 м, по дну — 0,70—0,90 м. Глубина от прослеженного верхнего края — 1,10 м. Ступенька находилась на 0,30 м выше дна. С этой же стороны в разрезе видна вторая ступенька высотой 0,40 м. Заполнение однородное — гумусированный суглинок серо-коричневого цвета.

Скорее всего, третья линия обороны так и не была достроена. Об этом свидетельствуют маленькие размеры ровиков, а также неравномерная глубина и разная конструкция ровика I, что было выявлено на небольшом по протяженности (21 м) участке. Местами ровики были замусорены, а затем засыпаны вынутым при их же строительстве грунтом.

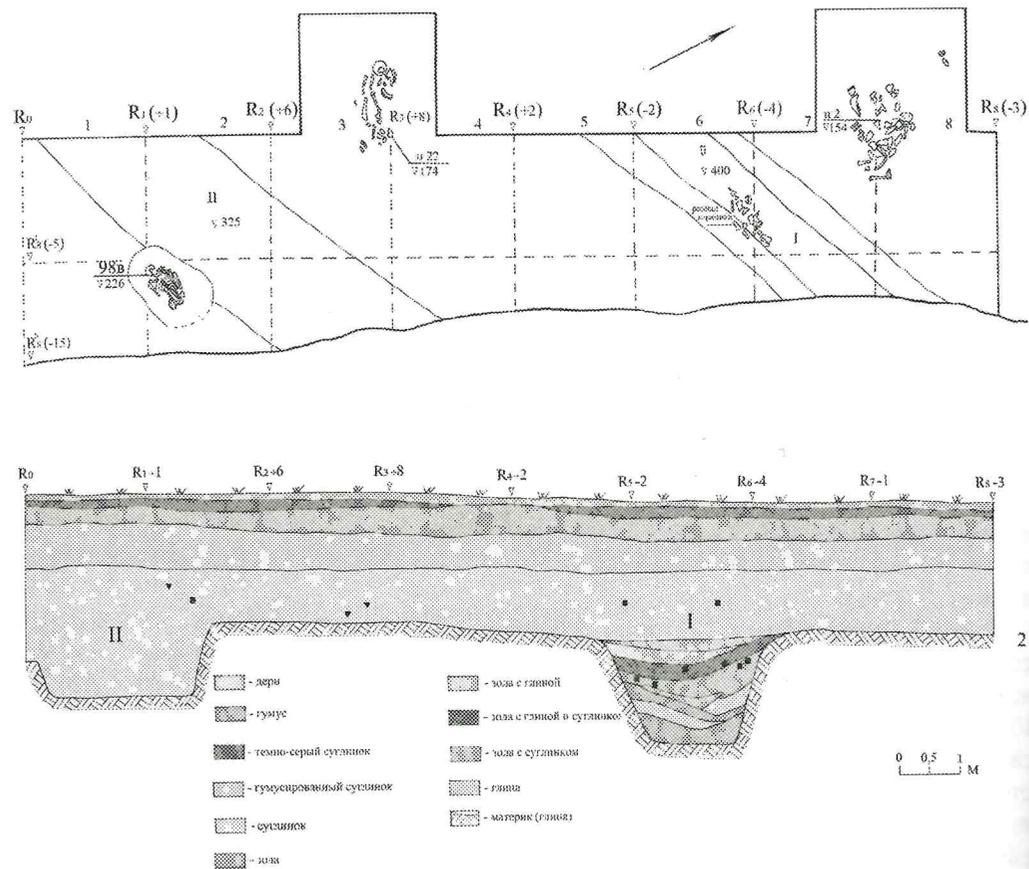

Рис. 16. Старокорсунское городище № 2:

1 — план раскопа 1991 г. с участками рвов третьей линии обороны; 2 — разрез с ровиками

Еще до строительства ровиков эта территория была занята могильником IV в. до н. э. Захоронения здесь продолжались и после уничтожения укреплений, вплоть до II—I вв. до н. э. Край ровика I перекрывало погребение 68B (рис. 15, 1; 20) конца IV — начала III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, 247, 248]. При строительстве ровика I было разрушено два погребения (рис. 17, 1): 235B (комплекс «А») и 236B (рис. 22) середины — второй половины IV в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2007, с. 70–74]. В заполнение ровика II было впущено безинвентарное погребение 98B (16, 1; 21, 1).

В развале костей и керамики, расчищенном в заполнении ровика I, было найдено несколько полных профильных частей сероглиняных меотских мисок (рис. 21, 3, 5, 6) и фрагмент вазочки (рис. 21, 4). Короткий загнутый бортик и треугольный в сечении край, как уже отмечалось, характерен для сосудов второй четверти IV — третьей четверти III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 233]. Этим же периодом датируются фрагменты местных сероглиняных кувшинов (рис. 18, 1, 2). Из немногочисленных амфорных фрагментов (рис. 18,

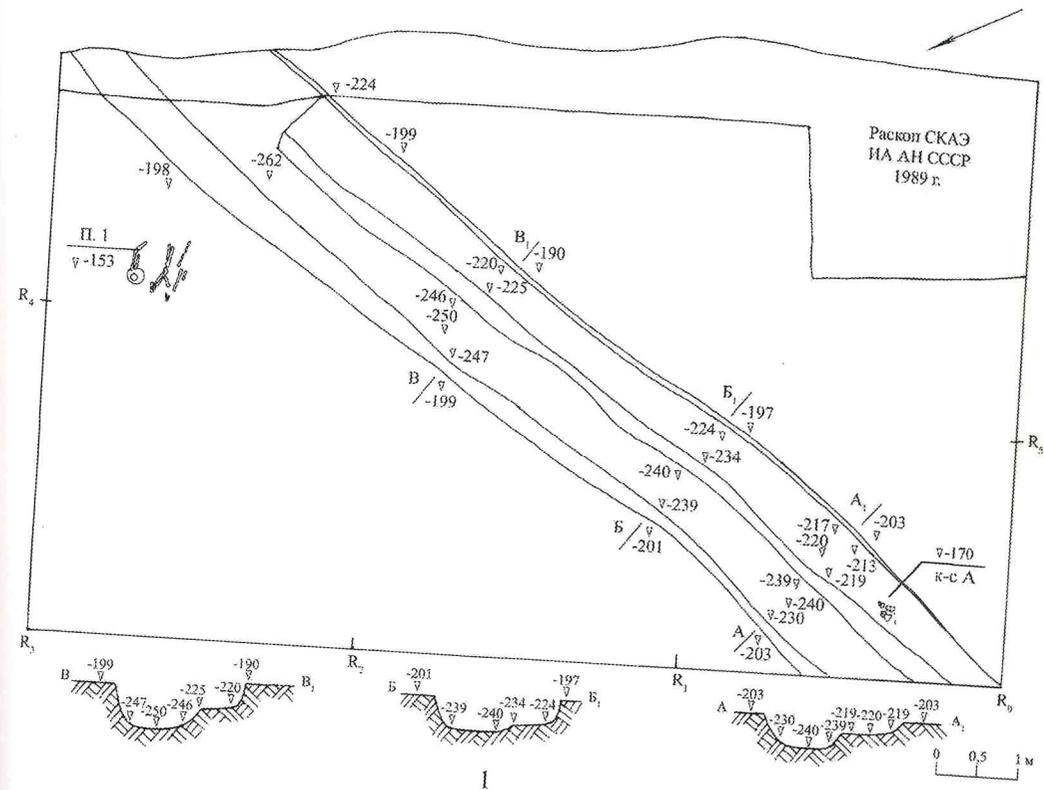

Рис. 17. Старокорсунское городище № 2:

1 — план раскопа 2006 г. с участком ровика I третьей линии обороны; 3 — разрез с ровиком I

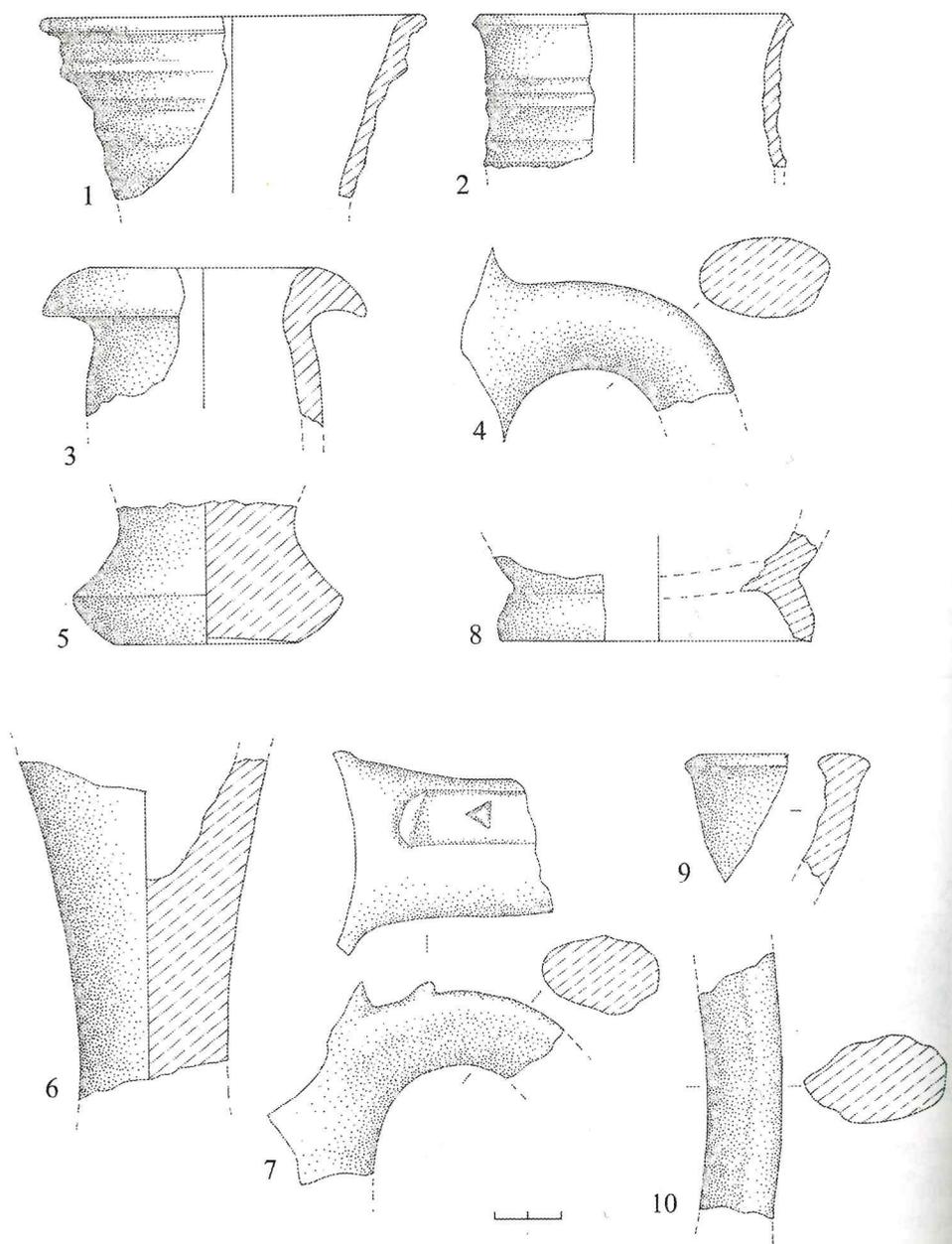

Рис. 18. Старокорсунское городище № 2. Керамика из ровиков третьей линии:
1—7 — фрагменты керамики из заполнения ровика I; 8—10 — фрагменты керамики из заполнения ровика II

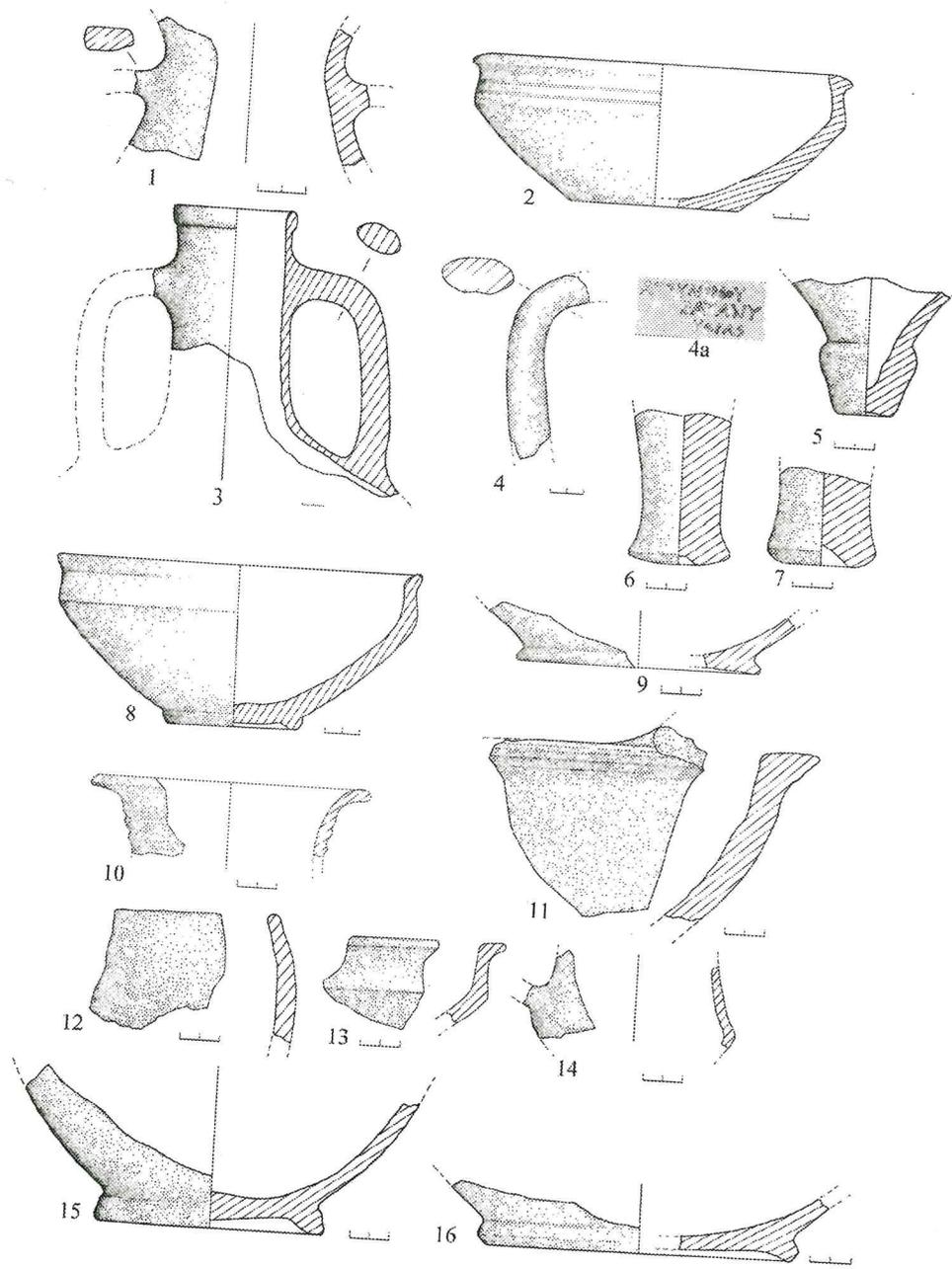

Рис. 19. Старокорсунское городище № 2. Фрагменты керамики из заполнения ровика I третьей линии

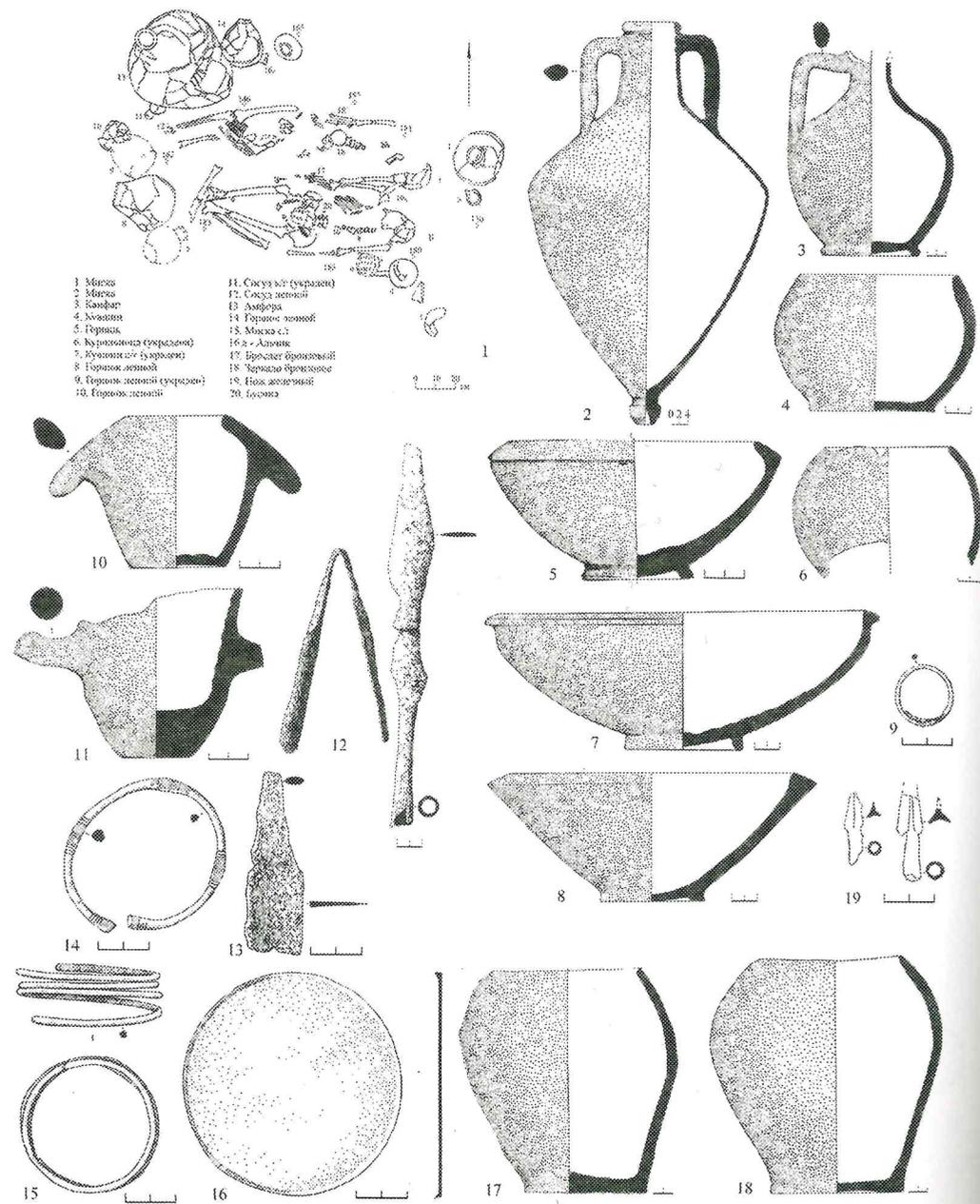

Рис. 20. Старокорсунское городище № 2. Погребение 68в (план и инвентарь)

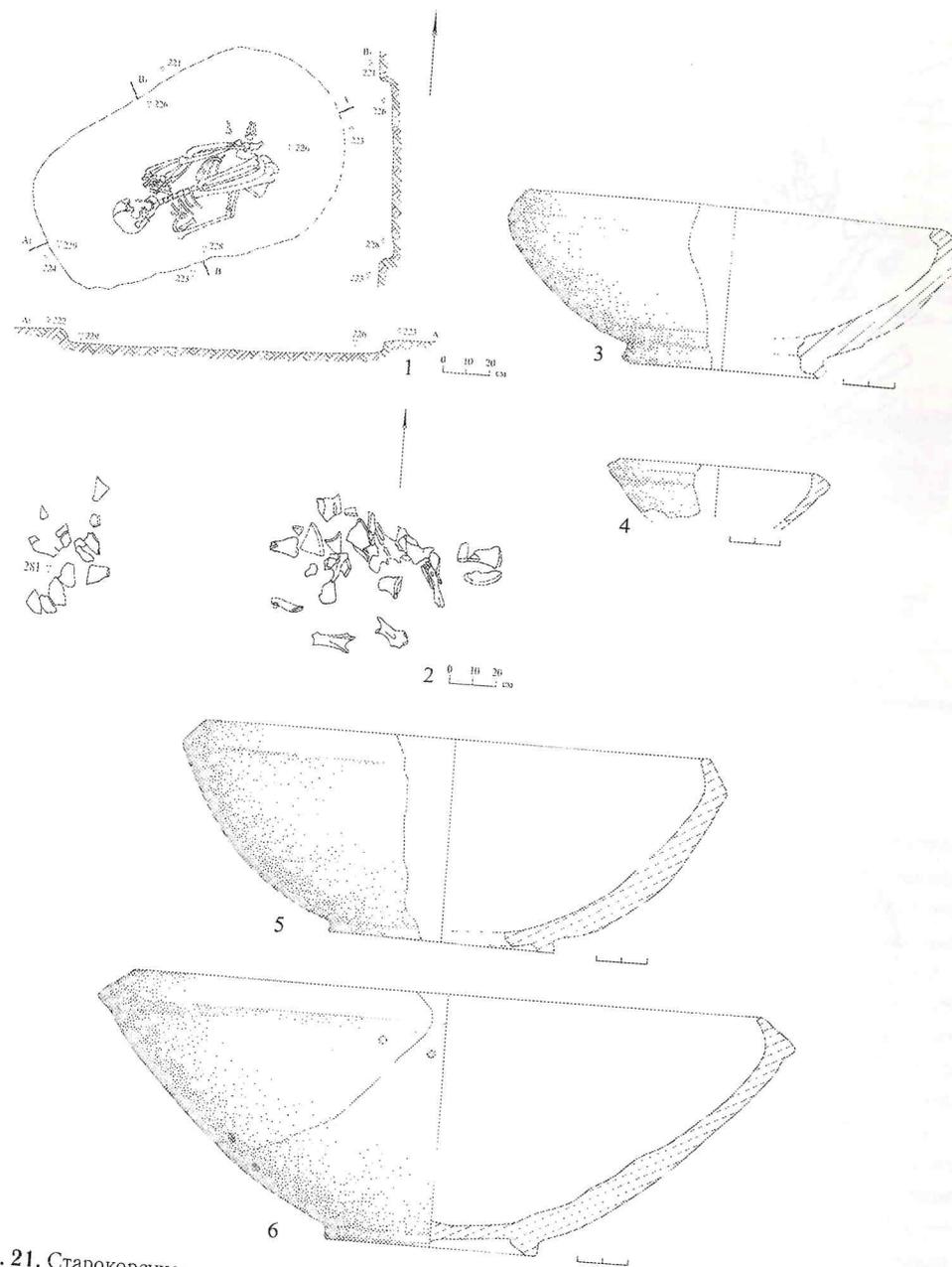

Рис. 21. Старокорсунское городище № 2: 1 — план и разрезы могильной ямы погребения 98в; 2 — чертеж развала керамики и костей в заполнении ровика I третьей линии; 3-6 — сероглиняные сосуды из развала в ровике I

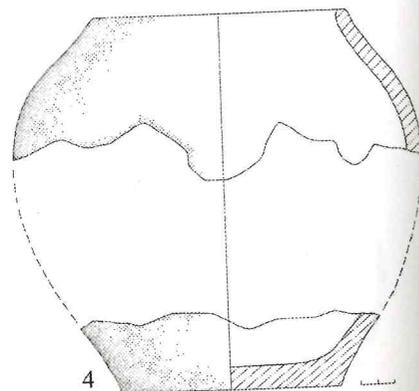
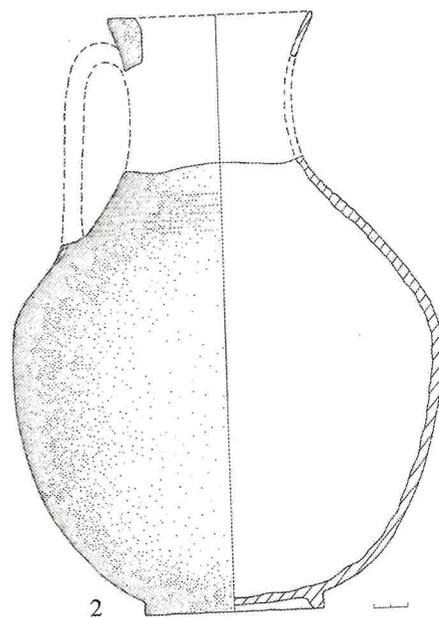
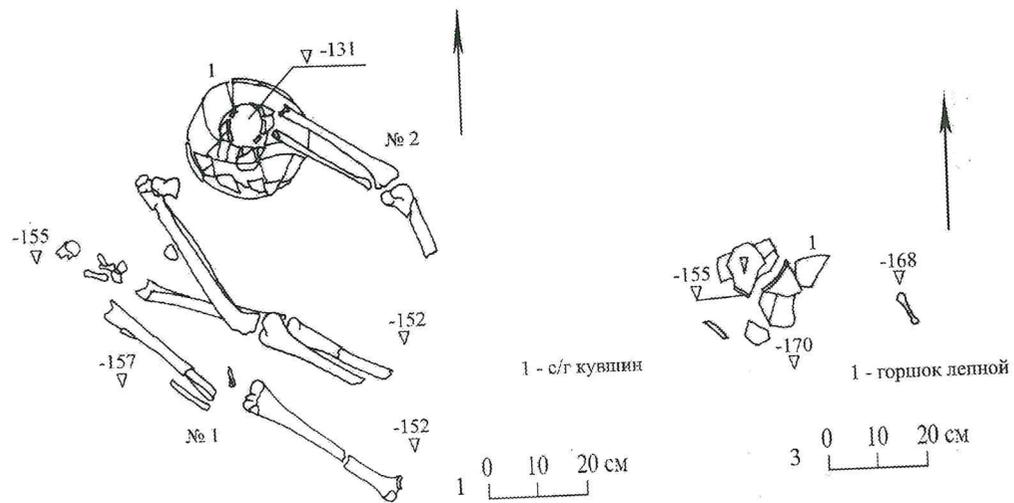

Рис. 22. Старокорсунское городище № 2: 1 — план погребения 236в; 2 — сероглиняный кувшин из погребения 236в; 3 — план погребения 235в (комплекс «А»); 4 — лепной горшок из погребения 235в

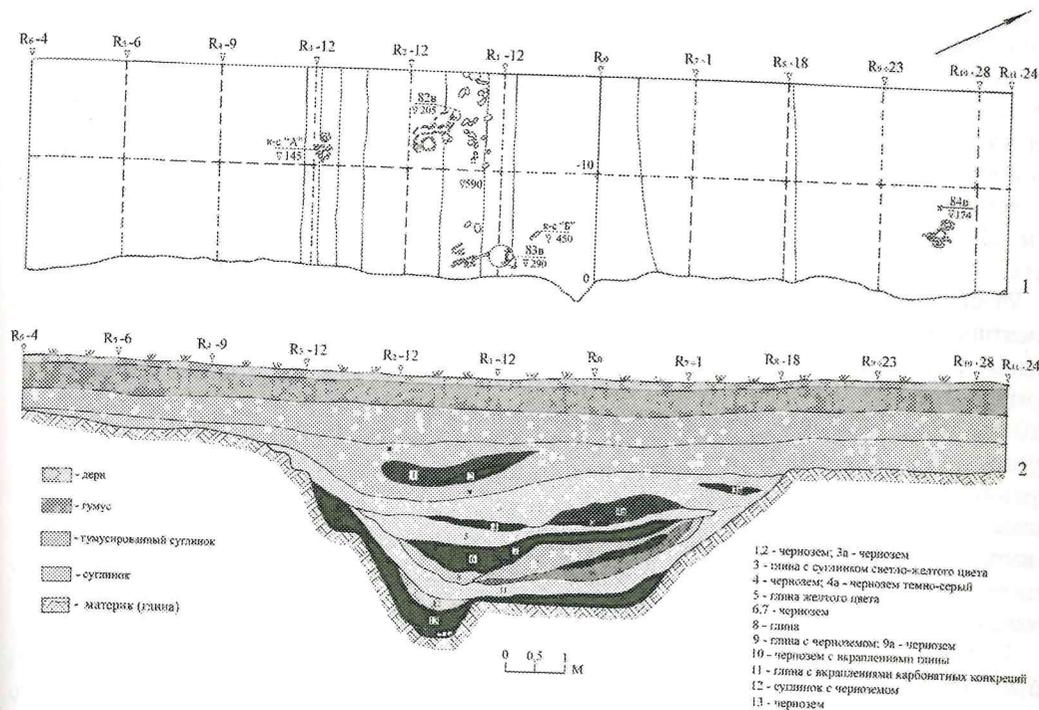

Рис. 23. Старокорсунское городище № 2: 1 — план раскопа 1991–1992 гг. с участком рва четвертой линии обороны; 2 — ров в разрезе 3–6), относящихся к продукции Гераклеи, Фасоса, Менды и неустановленного восточно-средиземноморского центра, нужно отметить ручку с анэпиграфным треугольным клеймом (рис. 18, 7) от мендейской амфоры мелитопольского варианта II–С второй–третьей четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 95]. Из заполнения ровика II происходит всего несколько фрагментов меотской керамики, в том числе, от сероглиняной миски с треугольным краем, и ручка амфоры (рис. 18, 8–10). По керамике из заполнения ровиков и дате погребения 68в время возникновения третьей оборонительной линии городища ранее мы относили к середине — второй половине IV в. до н. э., а уничтожение — к концу IV — началу III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 1998, с. 47–50, 56]. Теперь, учитывая дату погребений 235в и 236в, строительство укреплений, скорее всего, нужно датировать второй половиной IV в. до н. э.

Новые материалы из заполнения ровиков пока не дают возможности уточнить время их засыпки. Для датировки важен фрагмент ручки синопской амфоры с астиномным клеймом Гекатея второго и эмблемой «нос корабля» (рис. 19, 4, 4а) подгруппы Va конца 80-х — начала 70-х гг. III в. до н. э.⁷ Ножки гераклейских амфор (рис. 19, 19, 4, 4а) принадлежат типу I-A, хронологические рамки которого определяются в границах первых трех четвертей IV в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 132–134, 143, 144]. Найдена также ножка кидской амфоры

⁷ Благодарим В. И. Каца за определение и датировку клейма.

(рис. 19, 19, 4, 4a) варианта II–В третьей трети IV — начала III в. до н. э. [Монахов, 2003, с. 106, 107, 110), а в придонной части рва — горло средиземноморской амфоры неустановленного центра (рис. 19, 19, 4, 4a). Фрагменты сероглиняных и лепных сосудов (рис. 19, 2, 8–13, 15, 16) относятся к IV в. до н. э. (кружка, кувшины, миски, mortar, горшки). Есть и фрагменты чернолощенных сосудов (рис. 19, 1, 14) VI–V вв. до н. э. из разрушенных при строительстве рва раннемеотских погребений.

Четвертая линия (рис. 10) проходила севернее третьей, расстояние между ними около 85 м. СВ конец рва прослеживается в обрыве берега, ЮЗ, возможно, выходил в лагуну, где расположена база рыболовов.

Участок рва четвертой линии укреплений (рис. 23) был исследован в 1991–1992 гг. Он ориентирован по линии ЮВВ–СЗЗ, длина в плане — 4 м, ширина — 10,40 м. Это наиболее мощный ров из раскопанных на городище. Более полно он прослежен в разрезе: ширина по верхнему краю — 10,85 м, по дну — 5,00 м, глубина от прослеженного края в СВ части — 3,10 м, в ЮЗ — 4,00 м. С ЮЗ стороны в стенке рва имелись две маленьких горизонтальных ступеньки высотой 10–25 см, шириной 30–35 см. На 1,15 м ниже второй ступеньки находился горизонтальный уступ шириной 0,65 м. Вдоль ЮЗ края рва в дне была прорыта канавка. Дно канавки узкое — 0,60 м, ширина по верхнему краю в придонной части — 1,65 м. Верхний край канавки с ЮЗ стороны совпадал с краем уступа (глубина канавки с этой стороны — 2,07 м). Дно рва в СВ половине ровное, горизонтальное, на расстоянии 2,15 м от стенки обрывалось в канавку, глубина которой здесь составляла 0,75 м. По дну канавки были разбросаны камни.

В заполнении рва прослеживалось множество слоев и прослоек. Обилие их, возможно, объясняется тем, что ров был засыпан грунтом вала, который находился с СВ (напольной) стороны рва. Сверху ров перекрывался мощным (0,55–1,25 м) слоем светло-коричневого суглинка. В ЮЗ части в слое суглинка прослеживалась двойная прослойка чернозема. Ниже суглинка заполнение рва состояла из 10–12 слоев и прослоек чернозема, глины и мешаного грунта. На дне рва и на его ЮЗ стенке до высоты второй ступеньки лежал слой плотного черного гумуса. Его толщина на дне канавки — 0,55 м, в СВ половине рва — до 0,30 м. Скорее всего, этот слой образовался до засыпки рва.

В заполнении рва (даже на дне) практически отсутствовали находки фрагментов керамики, костей животных и другого хозяйственного мусора. Значит, ров функционировал недолго. Стратиграфические наблюдения показали, что ров был засыпан грунтом вала.

Ножка мендейской амфоры (рис. 24, 3) раннего варианта II–А из заполнения рва датируется четвертой четвертью V в. до н. э. (Монахов 2003, с. 91, 95]. Фрагменты меотских сосудов (миски, кувшины, чашечка, вазочка) из характерной серо-голубой глины (рис. 24, 1, 4–9, 11, 13) и фрагмент стенки курильницы (рис. 24, 2) типа I или II с наклепным орнаментом [Лимберис, Марченко, 2005, с. 134–139) относятся к IV–III вв. до н. э. Под валом (рядом с погребением 84в) была найдена боспорская красноглиняная чашечка с горизонтальной ручкой (рис. 24, 12). Близкими аналогиями ей являются однотипные чаши V–IV вв. до н. э. неустановленного центра производства из некрополя Панское I [Рогов, Тункина, 1998, с. 169, рис. 4, 1–6]. Меотские реплики одноручных чаш известны в грунтовом могильнике Прикубанский, преимущественно в комплексах второй половины IV в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 157, 159].

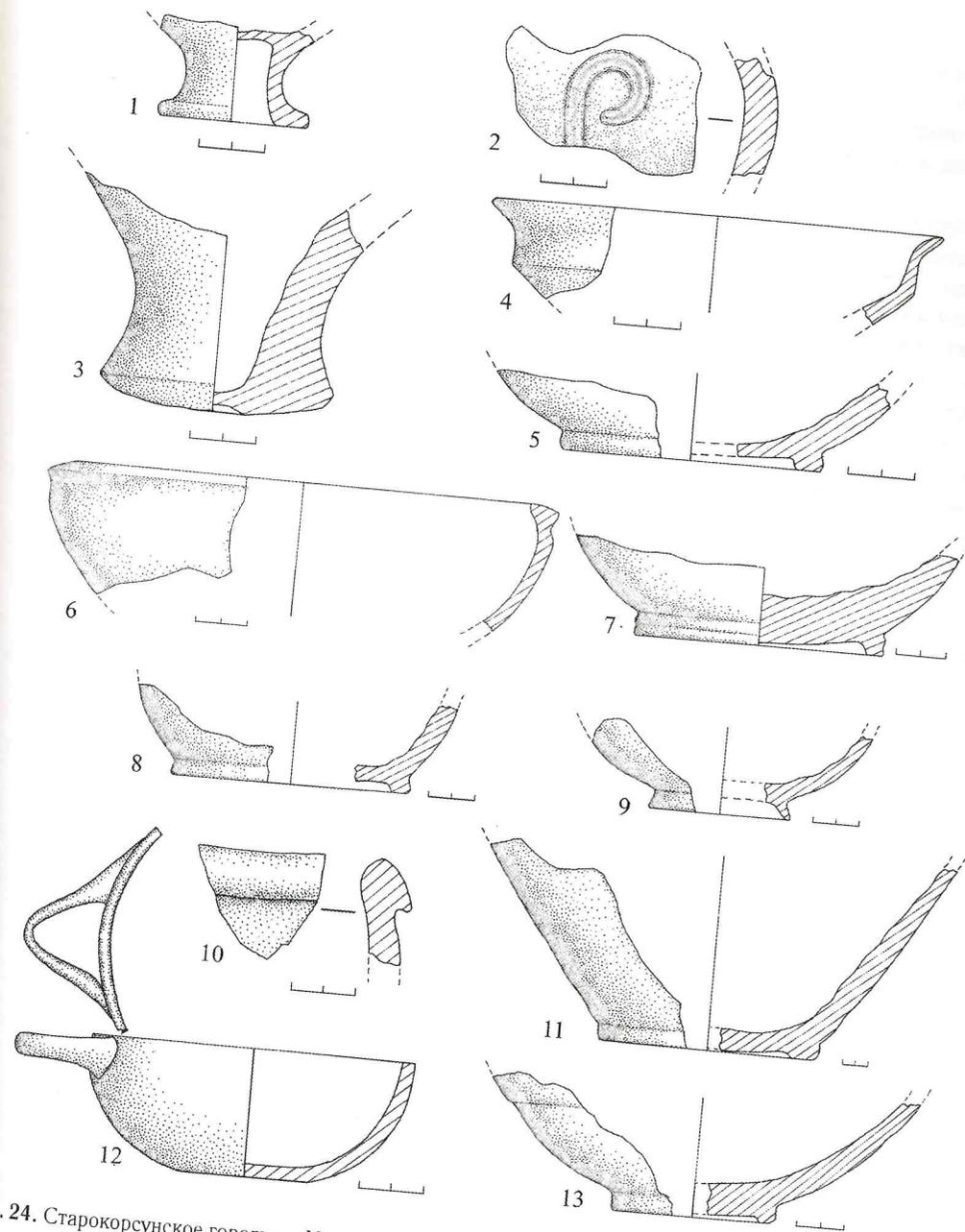

Рис. 24. Старокорсунское городище № 2: 1–11, 13 — фрагменты керамики из заполнения рва четвертой линии; 12 — красноглиняная чашечка, найденная под валом четвертой линии

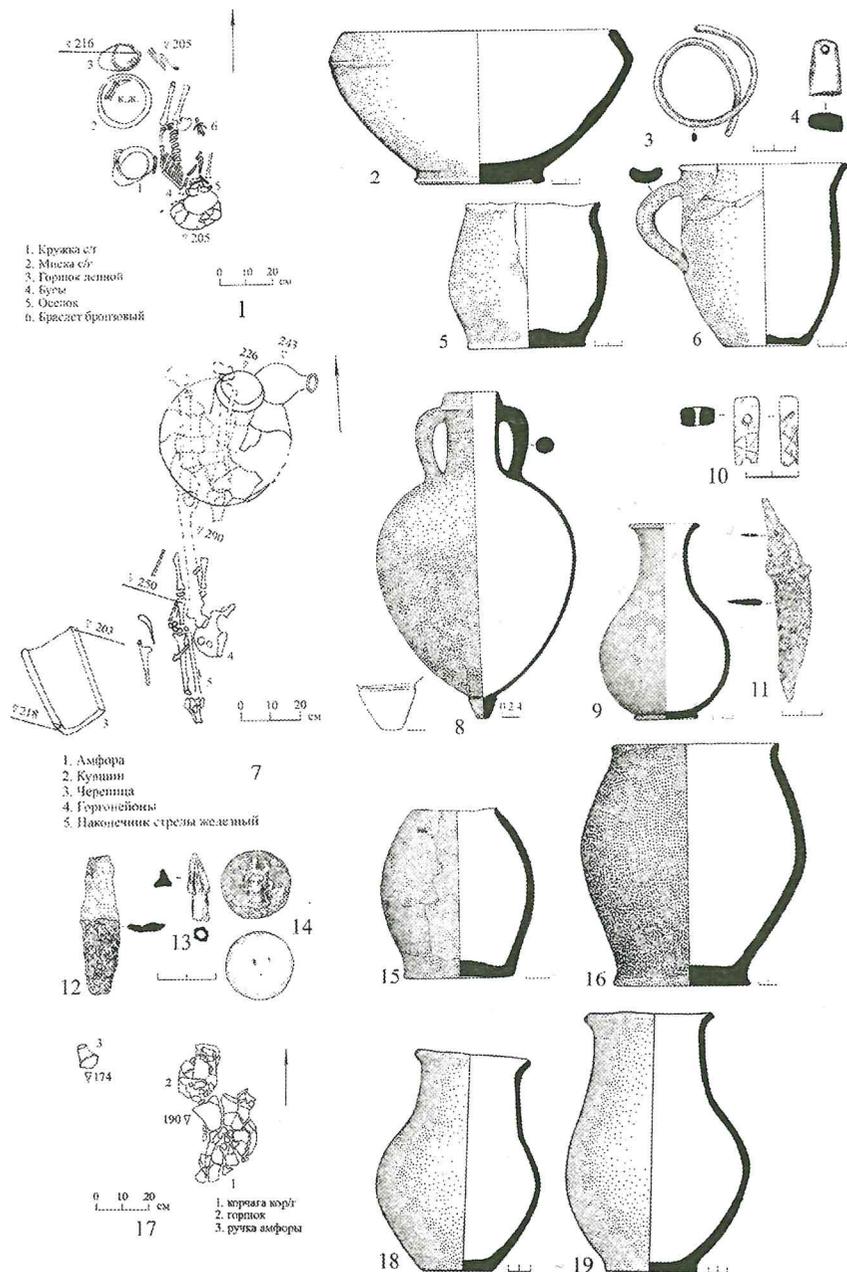

Рис. 25. Старокорсунское городище № 2: 1–6 — погребение 82в (план и инвентарь); 7–16 — погребение 83в (план и инвентарь); 17–19 — погребение 84в (план и инвентарь)

Ров был засыпан грунтом вала, под которым находилось погребение 84в (рис. 23, 1; 17–19) V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 49, 76], а в засыпь рва были впущены два погребения: 82в (рис. 23, 1; 25, 1–6) III в. до н. э. и 83в (рис. 23, 1; 25, 7–16) кон IV — начала III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, 248, 249]. Дату строительства четвертой оборонительной линии мы можем ограничить второй половиной IV в. до н. э., время уничтожения рва и вала отнести к концу IV — началу III в. до н. э.

Интерпретация данных магнитной разведки, микрорельефной съемки и результатов археологических раскопок 1990–2006 гг. позволили прийти к выводу, что городище имело пять линий обороны, сооруженных в разное время (рис. 9, 10). Первая линия защищала центральную часть городища и была сооружена на рубеже II–III вв. н. э. Вторая линия, состоящая из трех рвов, усиливала оборону на въезде в городище. Время ее строительства пока не установлено. Третья линия включала два кургана, окруженные рвом, и находившиеся по краям въезда на городище. От курганов ров отходил в СВ направлении — к берегу Кубани. Этот участок рва, как показали раскопки, относится ко второй половине IV в. до н. э. С ЮЗ стороны ров третьей линии соединялся со рвом пятой линии. Ров четвертой линии, построенный во второй половине IV в. до н. э., окружал мыс, на котором находится городище, с напольной стороны. Ров пятой линии дугообразно охватывал ЮЗ часть городища, где находится могильник IV вв. до н. э. — II в. н. э. С западной стороны он выходил в глубокую балку на берегу Кубани, а на востоке сливался со рвом первой линии. Таким образом, ров пятой линии был сооружен раньше первой линии, и, скорее всего, одновременно с третьей.

В ЮЗ части городища магнитной разведкой были выявлены два участка параллельных рвов (рис. 9, 10). Судя по направлению, на ЮЗ они уходили в балку на берегу Кубани, а с СВ стороны примыкали к первой линии обороны. Эти рвы отделяли участок могильника I–II вв. н. э. Дата их сооружения пока неизвестна.

Рвы третьей и четвертой линии были засыпаны в древности, причем рвы третьей линии так и не были докопаны. Можно только гадать, по какой причине они потеряли свое оборонное значение. И. С. Каменецкий считает, что засыпались рвы, оказавшиеся внутри поселения, а внешний ров «должен был поддерживаться до конца» [Каменецкий, 2000, с. 24]. На Старокорсунском городище № 2 были засыпаны именно внешние рвы. Можно предположить существование еще одного напольного рва, следы которого, вроде бы, читаются на поверхности в 500–550 м к СЗ от четвертой оборонительной линии.

Предлагая схемы расширения меотских городищ, И. С. Каменецкий исходит из того, что центральная их часть — наиболее древняя, а внешние линии укреплений являются более поздними. На Старокорсунском городище № 2 древнейшим является внешний ров (вторая половина IV в. до н. э.), а внутренние укрепления — самыми поздними (рубеж II–III вв. н. э.). Вполне вероятно, что основная жилая территория в IV–I вв. до н. э. располагалась не на месте сохранившейся до настоящего времени центральной части, так как там отсутствуют культурный слой этого времени, а может быть, даже в разных местах в разные хронологические периоды. Можно также предположить, что в первых веках н. э. была сделана перепланировка центральной части городища и древний культурный слой сброшен в Кубань. Среди подъемного материала под городищем встречаются фрагменты меотской керамики и амфор IV–I вв. до н. э.

Как показали наши исследования, известная нам охраняемая территория городищ Старокорсунского № 2 и хут. Ленина № 2 в IV—I вв. до н. э. не была заселена, а занята могольниками, и, возможно, служила для содержания скота. Этот фактор нужно учитывать при расчетах количества населения меотских городищ.

Укрепления на всех известных меотских городищах состоят из рвов и валов. Если исходить из практики строительства фортификационных сооружений, то при рытье рва грунт из него укладывается в сооружаемый рядом вал [Каменецкий, 1998, с. 205; Масленников, 2003, с. 242]. Наши исследования выявили два способа возведения валов. Внутренний вал на городище № 2 хут. Ленина (как и внешние укрепления) был возведен на уровне глины, причем площадка под него предварительно была выровнена, а на Старокорсунском городище № 2 внутренний вал был сооружен непосредственно на культурном слое. Валы на этих городищах были насыпаны не из глины, как следовало бы ожидать, а из чернозема и культурного слоя. Засыпь рва четвертой линии Старокорсунского городища № 2, который был засыпан срытым грунтом вала, состояла из прослоек глины, суглинка и чернозема. Значит, глину, добытую при сооружении рвов, использовали для других целей (может быть, для строительства жилищ, гончарного производства).

Нашими раскопками были выявлены рвы сложной конструкции, состоящие из двух-трех параллельных ровиков. Ровики могли разделяться промежуточными валами (такую систему мы предполагаем для укреплений городища хут. Ленина № 2). В стенах некоторых рвов были вырублены ступеньки для облегчения спуска и подъема, а широкие уступы в придонной части представляли собой дорожки для продвижения защитников городища. Подробная фиксация структуры грунта засыпки рвов и насыпи валов показала, что некоторые рвы засыпались грунтом вала, другие — специально привезенным грунтом (стерильным или содержащим хозяйственный мусор, который вывозили с территории городища), третьи просто замусоривались со временем.

Для датировки укреплений важно одновременно давать анализ керамического материала из заполнения рвов и культурного слоя с прилегающей территории, а также подробные публикации комплексов, связанных стратиграфически с оборонительными сооружениями. В дальнейшем это может пригодиться в связи с уточнением хронологии отдельных категорий археологических материалов (особенно амфор) и избавит исследователей от необходимости обращаться к отчетам, тем более, что не у всех имеется такая возможность.

ОПИСАНИЕ КОМПЛЕКСОВ, СТРАТИГРАФИЧЕСКИ СВЯЗАННЫХ С ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ СООРУЖЕНИЯМИ ГОРОДИЩ

Городище № 2 хут. Ленина

Погребение под валом (рис. 7).

Находилось под насыпью вала с восточной стороны. Обнаружено в скреперной траншее, проложенной строителями, в 4 м к югу от разреза вала, на глубине 2,19 м от R_0 . Скелет был разрушен при строительстве вала, но положение восстанавливалось по фрагментам костей, лежавшим *in situ*. Погребенный лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮВ. В ногах справа находились две корчаги (1, 2). В головах справа вверх дном стояла миска (3). Справа от погребенного были положены два копья. Наконечники копий (4, 5) лежали острием к ЮВ на расстоянии 18 см от края миски. Между миской и наконечниками копий и к ЮЗ от миски были разбросаны фрагменты кружки (6) и кувшинчика (7). Около нижней челюсти, под фрагментом ключицы, и в 7 см к ССЗ лежали фрагменты поддона античного скифоса (8). В области левого предплечья находился браслет (9). Второй браслет (10) был выброшен из погребения. Он лежал на 28 см выше уровня черепа, в 34 см к ЮЮВ. На расстоянии 46 см к северу от нижней челюсти, также в заполнении, была найдена бусина (11). Наискосок от правой бедренной кости, острием к СЗ, лежал короткий меч (12). Около фрагмента нижнего эпифиза правой большеберцовой кости (с внутренней стороны) были расчищены наконечники стрел (13). Справа от погребенного (в области правого предплечья) стояли две миски (14, 15). Над ними, на 37 см выше, находилась придонная часть гераклейской амфоры (16) из насыпи вала. В 17 см к СВ от мисок лежали фрагменты ножа (17). Среди фрагментов лепных сосудов из перекрывавшего погребение слоя присутствовала часть лепного горшочка (18), возможно, происходящего из погребения. Под фрагментами корчаги (1) был обнаружен фрагмент наконечника стрелы (19).

Инвентарь.

1. Корчага (рис. 7, 3) лепная лощеная с округлым туловом и невысоким, немного сужающимся кверху, широким горлом. Край устья резко отогнут, кромка венчика округлена. Дно плоское, выделено. Глина серо-коричневого цвета с примесью песка и шамота. Обжиг неравномерный. Высота — 37,5 см, высота до наибольшего диаметра — 17 см, наи-

больший диаметр — 30,5 см, высота горла — 11,5 см, диаметр устья — 16,2 см, диаметр дна — 11,8 см.

2. Корчага (рис. 7, 2) лепная лощеная с бочковидным вытянутым туловом, плавно переходящим в невысокое широкое горло (верх утрачен в древности). Дно плоское, слегка выделено. Глина коричневого цвета с примесью песка и шамота. Обжиг неравномерный. Высота сохранившейся части — 25,5 см, высота до наибольшего диаметра — 11 см, наибольший диаметр — 19 см, сохранившаяся высота горла — 7,5 см, диаметр дна — 9,6 см.

3. Миска (рис. 7, 10) лепная чернолощенная с ровными стенками и наклонным подостро-реберным бортиком. Венчик скошен внутрь. Дно плоское. Глина черного цвета с примесью песка и шамота. Высота — 9,1 см, диаметр устья — 23 см, наибольший диаметр — 24,5 см, диаметр дна — 9,5 см.

4. Наконечник копья (рис. 7, 5) железный с узким ланцетовидным пером, уплощенно-ромбовидным в сечении и длинной втулкой, основание которой обрамлено валиком. Переход от втулки к перу не выражен (отдел I, тип 1, подтип III, вариант 2¹). Длина — 30,2 см, длина втулки — 17 см, ширина пера — 1,8 см, диаметр втулки — 2,5 см.

5. Наконечник копья (рис. 7, 6) железный того же типа. Нижняя часть втулки и острие пера утрачены. Длина сохранившейся части — 22 см, ширина пера — 1,4 см, диаметр втулки — 1,5 см.

6. Кружка (рис. 7, 17) лепная чернолощенная с округленными стенками тулова и высоким горлом, расширяющимся к устью. Ручка (утрачена в древности) крепилась нижним концом на линии наибольшего диаметра, верхним — к средней части горла. Дно плоское. Глина черного цвета с примесью песка. Высота — 11 см, диаметр устья — 8,5 см, наибольший диаметр тулова — 8 см, диаметр дна — около 4 см.

7. Кувшинчик (рис. 7, 16) лепной чернолощенный с горлом-раструбом и маленькой ручкой-петелькой. Ручка в сечении овальная, с заостренными краями. На горле процарапано несколько линий, образующих треугольную фигуру. Нижняя часть сосуда утрачена в древности. Глина черного цвета с примесью песка. Высота сохранившейся части — 7,2 см, диаметр устья — около 10 см.

8. Поддон (рис. 7, 8) античного скифоса широкий кольцевой, с полой ножкой (сохранилась половина). Лак бурый, край поддона оставлен в цвете глины. Глина розовато-коричневого цвета с примесью песка и микроскопическими блестками слюды. Высота — 3,1 см, диаметр — 10,6 см.

9. Браслет (рис. 7, 11) бронзовый с несомкнутыми заостренными концами. Стержень в сечении овальный. Диаметр — 6,1 см.

10. Браслет (рис. 7, 12) бронзовый того же типа. Диаметр — 6,1 см.

11. Бусина округлая из глухого зеленого стекла с тремя выпуклыми голубыми глазками, обведенными белыми кружками (тип 29в²). Диаметр — 0,8 см, диаметр отверстия — 0,4 см.

12. Меч (рис. 7, 4) железный с брусковидным навершием из двух сваренных пластин и бабочковидным перекрестием с опущенными концами. Рукоять уплощенная. Клинок в се-

¹ Типология Н. Ю. Лимберис и И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2006, с. 152, 154].

² Здесь и далее типология бус дана по Е.М. Алексеевой [Античные бусы Северного Причерноморья, 1975, 1978, 1982].

чении уплощенно-линзовидный, равномерной ширины, немного сужающийся к концу. Длина — 37,2 см, длина рукояти — 8,4 см, ширина клинка — 3,1 см.

13. Наконечники стрел (рис. 7, 9) железные трехгранные втульчатые, 3 экз. Основания граней косо срезаны ко втулке. Острия пера и основания втулок обломаны. Длина — около 3 см, длина втулки — около 1,7 см, ширина грани — 0,5–0,7 см, диаметр втулки — 1,5 см.

14. Часть лепной чернолощенной миски (рис. 7, 13) с ровными стенками и коротким, слегка наклонным подостро-реберным бортиком. Венчик срезан горизонтально. Высота сохранившейся части — 7,1 см, диаметр устья — около 20 см.

15. Часть лепной чернолощенной миски (рис. 7, 14) с коротким, округленным внутри бортиком. Венчик горизонтально срезан, с выступающей наружу закраиной. Глина черного цвета с примесью песка. Высота сохранившейся части — 4–5 см, диаметр устья — около 20 см.

16. Придонная часть гераклеийской амфоры (рис. 7, 18) из насыпи вала.

17. Фрагменты железного ножа (рис. 7, 7) с прямым однолезвийным клинком и плоским черенком. Длина сохранившейся части клинка — 2,3 см, ширина клинка — 1,4 см.

18. Фрагмент верхней части лепного горшочка (рис. 7, 15) со слегка округленным внутри краем. Глина темно-серого цвета, без видимых примесей. Диаметр устья — около 9 см, высота сохранившейся части — 6 см.

Дата: вторая половина V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 47, 74].

Хозяйственная яма (рис. 3, 2; 5, 1–5).

Яма была вырублена в глине на западном краю ровика I. Пятно было выявлено по заполнению серо-коричневого цвета, на глубине 3,71–3,78 м от R₀ (2,10–2,20 м от современной поверхности). На верхнем уровне яма в плане овальная, вытянута по линии В–З, размерами 2,35x2,17 м. В придонной части яма практически округлая. Размеры по дну по линии С–Ю — 2,00 м, З–В — 2,17 м. Дно в восточной половине ровное, горизонтальное. В западной части на дне имеется ступенька высотой около 7–8 см, шириной до 0,67 м. С северной и южной стороны стенки в нижней части ровные. Восточная стенка вогнутая, западная — вертикальная в нижней части. До уровня 0,62–0,65 см от дна яма была засыпана гумусированным суглинком серо-коричневого цвета. После подсыпки на высоте 0,60 м от дна с западной стороны яма была расширена на 0,30–0,40 м. В этой части стенки ямы имеют наклон к верхнему краю. Выше подсыпки яма была заполнена гумусированным суглинком коричневого цвета, перемешанным с суглинком и глинистым грунтом, обвалившимся со стенок. Стенки и дно ямы были закопчены, местами прокалены на толщину до 1 см. Общая глубина ямы от выявленного верхнего края — 1,34–1,42 м.

На глубине 32 см от верхнего края ямы у восточной стенки находился череп лошади без нижних челюстей, лежавший основанием вверх. На этом же уровне у ЮЗ стенки и ближе к середине ямы были расчищены два фрагмента стенок лепных сосудов, фрагмент стенки амфоры и часть ручки амфоры (рис. 5, 5). В процессе выборки заполнения на верхнем уровне были найдены фрагмент стенки амфоры, фрагмент венчика с/г сосуда (рис. 5, 2), фрагменты лепного горшка (рис. 5, 4), часть ткацкого грузика, лепное пряслице (рис. 5, 3) и два камня со сколами. В заполнении нижней части ямы были обнаружены: фрагмент стенки амфоры,

три фрагмента стенок лепных сосудов, кремневый отщеп и неопределенный фрагмент кости животного.

Керамика из ямы относится к IV—II вв. до н. э.

Погребение во рву (рис. 3, 2; 5, 6).

Было обнаружено при зачистке северной стенки траншеи. Кости человека лежали на уровне западного уступа (глубина от R_0 — 5,30 м) в ровике I. Череп отсутствовал. Сохранились фрагментированные длинные кости рук, ног и кости таза. Кости таза и ног лежали в анатомическом порядке. Судя по ним, человек лежал на животе с согнутыми в коленях ногами, головой на север. Остальные кости были разбросаны на расстоянии 1,50 м к северу от нижней части скелета (расташены грызунами). В разрезе ровика над погребением (глубина от R_0 — 4,90 м) прослеживалась тонкая подсыпка глины с гумусом (рис. 3, 3). Вероятно, обезглавленный труп человека был слегка присыпан землей.

Дату погребения можно определить в пределах второй половины IV — начала III в. до н. э. (время функционирования оборонительной линии).

Старокорсунское городище № 2

Погребения, связанные с первой оборонительной линией

Погребение 394з (рис. 11, 1; 12).

Было обнаружено в траншее на восточном конце разреза вала (глубина от R_0 — 3,98 м). Скелет (женщина, *Senilis*³) лежал скорченно на правом боку, черепом на ССВ. Правая рука была согнута в локте таким образом, что кисть находилась перед лицом. Левая рука была согнута под острым углом и лежала на туловище. Правая нога была согнута в тазобедренном суставе под прямым углом к линии позвоночника. Перед лобной частью черепа стояла вверх дном миска (1), в дне которой было пробито большое круглое отверстие. Вплотную к ней, с западной стороны находилась вторая миска (2). В миске находились кости овцы (часть лопатки и несколько ребер), а под ними — нож (9). С севера от мисок стояли кувшинчик (3) и корчагообразный сосуд (4). Около правого локтя были расчищены фрагменты корчаги (5), у затылочной части черепа — чашечка (6). Между черепом и чашечкой лежало пряслице (7). Еще одно пряслице (8) было найдено в районе правого тазобедренного сустава.

Инвентарь.

1. Миска (рис. 12, 2) лепная с ровными стенками и округленным наклонным внутрь бортиком. Венчик скошен внутрь. Дно плоское, выделено. Почти по всему диаметру дна преднамеренно пробито отверстие. Поверхность темно-серого цвета, черепок в изломе коричневый. В глине примесь песка с блестками слюды и шамота. Высота — 9,2 см, высота до наибольшего диаметра — 7,0 см, диаметр устья — 16 см, наибольший диаметр — 17,1 см, диаметр дна — 6,3 см.

³ Половозрастные определения к.и.н. Балабановой (Волгоградский государственный университет).

2. Миска (рис. 12, 9) лепная чернолощенная с округленными стенками и округленным наклонным внутрь бортиком. Венчик утолщен, подчеркнут снаружи, кромка скошена внутрь. Дно плоское. Черепок в изломе черный или коричневый. Глина с примесью песка с блестками слюды и шамота. Высота — 10,5 см, высота до наибольшего диаметра — 9 см, наибольший диаметр — около 19 см, диаметр устья — около 17 см, диаметр дна — 9,2 см.

3. Кувшинчик (рис. 12, 8) лепной чернолощенный с пропорциональным биконическим туловом и невысоким, широким цилиндрическим горлом с плавно отогнутым краем. Основание горла выделено рельефным утолщением и продавленным желобком. На горле процарапан треугольник вершиной вниз. Внутри треугольника процарапаны две продольные линии, не доходящие до вершины, а у вершины — две горизонтальные. Ручка в сечении уплощенная, крепится верхним концом к средней части горла, нижним — на линии наибольшего диаметра тулова. Дно плоское. Глина черная, с примесью песка с блестками слюды и шамота. Высота — 12,2 см, высота горла — 5 см, высота до наибольшего диаметра — 4 см, наибольший диаметр — 9,7 см, диаметр устья — 8,4 см, диаметр дна — 4,5 см.

4. Сосуд (рис. 12, 4) лепной корчагообразный с вытянутым овальным туловом и коротким, слабо выделенным в основании горлом, расширяющимся к устью. Венчик скошен на ружу. Дно плоское, выделено. Глина светло-коричневого цвета с примесью мелкого песка с блестками слюды и шамота. Высота — 22,4 см, высота до наибольшего диаметра — 7,6 см, высота горла — 5 см, наибольший диаметр — 14 см, диаметр устья — 11,2 см, диаметр дна — 8 см.

5. Придонная часть лепной корчаги (рис. 12, 10) с резко расширяющимися кверху стенками и плоским дном. Диаметр дна — около 12 см.

6. Чашечка (рис. 12, 3) чернолощенная с ровными стенками, резко расширяющимися к устью. Венчик слегка округлен, подчеркнут снаружи. Дно плоское. Глина с примесью песка и шамота. Высота — 2,9 см, диаметр устья — 8,4 см, диаметр дна — 2,8 см.

7. Пряслице (рис. 12, 6) лепное биконическое, лощеное. Глина серо-коричневая с блестками слюды. Высота — 1,0 см, наибольший диаметр — 1,8 см, диаметр отверстия — 0,4 см.

8. Пряслице (рис. 12, 5) лепное чернолощенное усеченно-конической формы. Края основания выступающие. Глина черная с примесью шамота. Высота — 1,3 см, наибольший диаметр — 2,6 см, диаметр отверстия — 0,5 см.

9. Нож (рис. 12, 7) железный однолезвийный с прямым клинком и невыделенным заостренным черенком. Конец клинка утрачен в древности. Длина сохранившейся части — 5,1 см, ширина клинка — 1,1 см.

Дата: конец VI — начало V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 66, 67, 73, 74, рис. 21, 1—8].

Погребение 395з (рис. 11, 1; 13).

Находилось в 2,5 м к западу от погребения 394з, на глубине 4,10 м от R_0 . Скелет (мужчина, *Maturus*-I) лежал вытянуто на спине, черепом на ССЗ. Правая рука была вытянута вдоль туловища, кисть — у бедра. Левая слегка согнута в локте и немного отведена в сторону. Ноги вытянуты параллельно и смещены к югу. В головах погребенного стояла миска (1). В области левого плеча лежала, завалившись устьем к СВ, корчага (2). Около левой плече-

вой кости находились два кувшинчика (3, 4) и фрагмент миски (1). У левого локтя стояла чашечка (5), рядом лежал кусочек мела (14). Рядом с левой голенью стояла лепная миска (6). Вдоль миски и вокруг нее лежали фрагменты ребер и разрубленная бедренная кость коровы. Вдоль левой голени лежал нож (7). К поясу погребенного был подвешен короткий меч (8), рукоять которого находилась на правом крыле таза, а острие касалось левой бедренной кости. Вдоль правой руки лежал наконечник копья (9), острием на ССЗ. В области правого запястья были расчищены ворворка (10) и фрагменты браслета (11). Слева от скелета, вдоль предплечья и бедренной кости, лежали три наконечника стрел (12). Около середины правой плечевой кости был найден фаянсовый бисер (13). Под костями левого предплечья находились два кусочка мела. Справа от погребенного, очевидно на край могильной ямы (на 30 см выше дна), была положена туша свиньи без головы. Между костями животного было расчищено несколько древесных угольков.

Инвентарь.

1. Миска (рис. 13, 9) лепная чернолощенная с ровными стенками и высоким, сильно загнутым острорезным бортиком. Кромка венчика косо срезана внутрь. Дно плоское, выделено. Глина с примесью песка с блестками слюды и шамота. Высота — 8,4 см, высота до наибольшего диаметра — 6 см, наибольший диаметр — 18,2 см, диаметр устья — 16,5 см, диаметр дна — 7,6 см.

2. Корчага (рис. 13, 2) лепная с овальным туловом и широким коническим горлом, не выделенным в основании. Край устья отогнут, венчик выступает наружу. Обжиг неровный, глина серого цвета с примесью мелкого песка с блестками слюды. Высота — 33,4 см, высота до наибольшего диаметра — 14,0 см, наибольший диаметр — 29,4 см, диаметр устья — 17,8 см, диаметр дна — 11,4 см.

3. Кувшинчик (рис. 13, 3) лепной чернолощенный с округлым поперечно-сжатым туловом и высоким цилиндрическим горлом. Край устья отогнут, кромка венчика скошена наружу. Ручка в сечении овальная, верхним концом крепится к середине горла, нижним — на линии наибольшего диаметра. Дно плоское. В глине примесь шамота и мелкого песка с блестками слюды. Высота — 13,8 см, высота до наибольшего диаметра — 4,5 см, высота горла — 6,5 см, наибольший диаметр — 11,2 см, диаметр устья — 8,1 см, диаметр дна — 4,1 см.

4. Кувшинчик (рис. 13, 8) лепной чернолощенный с пропорциональным биконическим туловом и невысоким, широким цилиндрическим горлом. Край устья отогнут, кромка венчика скошена наружу. На горле и верхней части тулова — процарапанный орнамент. Ручка в сечении овальная, верхним концом крепится к середине горла. Дно плоское. В глине примесь шамота и мелкого песка с блестками слюды. Высота — 12,2 см, высота до наибольшего диаметра — 4,0 см, высота горла — 5,3 см, наибольший диаметр — 9,7 см, диаметр устья — 8,4 см, диаметр дна — 4,5 см.

5. Чашечка (рис. 13, 10) лепная черноглиняная с ровными стенками, резко расширяющимися к устью. Венчик округлен. Дно на низкой кольцевой ножке. Глина с примесью песка и шамота. Высота — 3,4 см, диаметр устья — 8,6 см, диаметр дна — 3,3 см.

6. Миска (рис. 13, 7) лепная чернолощенная с ровными стенками и невысоким загнутым подострорезным бортиком. Венчик округлен, дно плоское, выделено. В глине примесь

шамота и мелкого песка с блестками слюды. Высота — 10,5 см, высота до наибольшего диаметра — 8,5 см, наибольший диаметр — 22,2 см, диаметр устья — 22,4 см, диаметр дна — 10,5 см.

7. Нож железный с прямым клинком. Черенок утрачен в древности. Длина сохранившейся части — 8,1 см, ширина клинка — 1,8 см.

8. Меч (рис. 13, 12) железный с бабочковидным перекрестием и брусковидным навешиваемым слабо выступающим ребром. Рукоять с продольным желобком, немного сужается к навершию, клинок с продолговатым слабо выступающим ребром. Длина — 43,1 см, длина рукояти — 8,7 см, ширина клинка в верхней части — 4,5 см, ширина рукояти у основания — 2,5 см.

9. Наконечник копья (рис. 13, 11) железный с узким листовидным пером, уплощенным линзовидным в сечении, и короткой втулкой, основание которой обрамлено валиком. Перехват от втулки к перу отмечен четким перехватом, края пера у основания округлены (отдел II, тип 2, подтип I, вариант 1⁴). Длина — 30,7 см, длина втулки — 8,5 см, ширина пера — 2,5 см, диаметр втулки — 2,2 см.

10. Браслет (рис. 13, 6) железный с обрубленными концами, сечение подпрямоугольное. Диаметр — около 5 см.

11. Ворворка (рис. 13, 4) железная бочковидной формы. Диаметр — 1,8 см, высота — 1,6 см, диаметр отверстия — 0,4 см.

12. Наконечники стрел (рис. 15, 5):
а) железный втульчатый трехлопастной. Головка удлиненная треугольная, основания лопастей утрачены. Втулка немного расширяется к основанию. Длина — 3 см, ширина пера — 0,7 см, диаметр втулки — 0,6 см;

б) бронзовый трехлопастной с короткой выступающей втулкой. Головка сводчатая, основания лопастей срезаны горизонтально. Длина — 2,2 см, ширина пера — 0,7 см, диаметр втулки — 0,55 см;

в) бронзовый трехлопастной с короткой выступающей втулкой. Головка сводчатая, с отогнутым основанием лопастей срезаны горизонтально. Длина — 1,5 см, ширина пера — 0,7 см, диаметр втулки — 0,6 см;

г) бронзовый трехгранный со скрытой втулкой и сводчатой головкой. Длина — 1,4 см, ширина — 0,7 см, диаметр втулки — 0,5 см.

13. Бисер из египетского фаянса белого цвета, 1 экз. (тип 7).
Дата: конец VI — начало V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 67, 68, 73, 74, рис. 42].

Погребение № 396з (рис. 11, 1; 14, 1–5).

Погребение находилось на уровне дна скреперной траншеи (на глубине 3,79 м от R₀), пробитой Н. В. Анфимовым в 1975 г. и, очевидно, было разрушено скрепером. От скелета (ребенок, Infantilis—I, около 2 лет) сохранился только череп без лицевых костей, лежавший теменной частью на север. У черепа находились три фибулы (1, 2, 3), многочисленные бусы (4) и фрагмент браслета (6). Из погребения происходит также миска (5), найденная рядом в перемещенном скрепером грунте.

⁴ Типология Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2006, с. 158].

Инвентарь.

1. Фибула (рис. 14, 1) бронзовая лучковая, двучленная, с внутренней тетивой и расширенной гладкой ножкой (группа 15, серия III, вариант 1). Длина — 5,5 см.
2. Фибула (рис. 14, 2) бронзовая того же типа. Длина — 5,4 см.
3. Фибула (рис. 14, 3) бронзовая того же типа, но с вырезами у верхнего конца ножки. Длина — 4,1 см.
4. Бусы ожерелья:
 - а) короткоцилиндрические янтарные бусы, 19 экз. (тип 7). Диаметр — 1 см, высота — 0,2–0,5 см, диаметр отверстия — 0,2–0,3 см;
 - б) короткоцилиндрические янтарные бусы с выступающими торцами, 3 экз. (тип 11). Диаметр — 0,5–1,2 см, высота — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,15 см;
 - в) бочковидная поперечно-сжатая янтарная бусина (тип 5). Диаметр — 0,9 см, высота — 0,8 см, диаметр отверстия — 0,15 см;
 - г) округлая бусина из черного стекла (тип 1). Диаметр — 1,6 см, высота — 1,5 см, диаметр отверстия — 0,6 см;
 - д) округлые бусы из прозрачного темно-зеленого стекла, 2 экз. (тип 8). Диаметр — 0,75 см, высота — 0,6 см, диаметр отверстия — 0,3 см;
 - е) биконическая бусина из прозрачного янтарно-желтого стекла (тип 90). Диаметр — 0,7 см, высота — 0,45 см, диаметр отверстия — 0,15 см;
 - ж) бусы в форме параллелепипедов из прозрачного лилового стекла, 2 экз. (тип 128). Ширина — 0,5–0,8 см, длина — 0,8–1 см, диаметр отверстия — 0,3 см;
 - з) округлые бусы из бесцветного стекла с внутренней позолотой, 2 экз. (тип 1а). Диаметр — 0,7–1,2 см, высота — 0,6–0,7 см, диаметр отверстия — 0,2–0,4 см;
 - и) веретеновидная бусина из прозрачного темно-синего стекла с тремя белыми поперечными полосами, орнамент спаянный (тип 174). Диаметр — 0,5 см, длина — 1,1 см, диаметр отверстия — 0,2 см;
 - к) округлая бусина из глухого серо-голубого стекла с тремя глазками из отрезков слоистого сине-желтого прутика (тип 34ж). Диаметр — 1,2 см, высота — 1 см, диаметр отверстия — 0,3 см;
 - л) округлая сердоликовая бусина (тип 2а). Диаметр — 0,7 см, высота — 0,4 см, диаметр отверстия — 0,1 см;
 - м) пронизь сердоликовая в виде уплощенного четырнадцатиранника (тип 15б). Длина — 0,75 см, ширина — 0,3–0,5 см, диаметр отверстия — 0,2 см;
 - н) бусы в форме параллелепипеда из глухого красного стекла, покрытого зеленой патиной, 9 экз. (тип 104). Длина — 0,5 см, ширина — 0,5 см, диаметр отверстия — 0,25 см;
 - о) бусы в форме параллелепипеда из глухого оранжевого стекла, покрытого зеленой патиной, 2 экз. (тип 107). Длина — 0,4 см, ширина — 0,4 см, диаметр отверстия — 0,1 см.
5. Фрагмент бронзового браслета (?) из витой проволоки (рис.). Длина — 2,9 см, толщина сечения — 0,2 см.
6. Миска (рис. 14, 5) лепная черноглиняная с резко загнутым острореберным бортиком и прогнутыми стенками. Венчик косо срезан внутрь. Дно плоское. В глине примесь мелкого песка и шамота. Высота — 5,7 см, высота до наибольшего диаметра — 4,0 см.

наибольший диаметр — 14,8x15,2 см, диаметр устья — 12,7x14,2 см, диаметр дна 4,9x5,4 см.

Дату погребения определяют фибулы гр. 15, сер. III, вар. 1 [Амброз, 1966, с. 52–53, табл. 9, 18–20], относящиеся к II–III вв. н. э. Фибула этого типа с поселения Войтен-1 (черняховская культура) была найдена в заполнении сооружения 2 периода С1в–С2 е: ропейской хронологии [Любичев, 2008, с. 259, 260, рис. 16, 4]. Бусы из погребения также датируются широко. Мы предполагаем, что погребение могло быть совершено на рубеже II–III вв. н. э., до строительства вала.

Погребения, связанные с третьей оборонительной линией

Погребение 68в (рис. 15, 1; 20).

Погребение находилось на краю рва, частично в верхней части его заполнения (глубина от R_0 — 1,37–1,85 м). Погребение парное. Скелет I (женщина, Adultus—Maturus) лежал вытянуто на спине, черепом на ЮВВ, ноги вытянуты к востоку. Руки лежали вдоль туловища. Слева находился скелет II (мужчина, взрослый), который также лежал черепом на ЮВВ, но с меньшим отклонением к югу. Руки были вытянуты вдоль туловища, правое предплечье перекрывалось костями левого предплечья женщины. Левая нога погребенного была согнута в колене, голень прижата к бедру. Правая большеберцовая кость лежала у сведенных нижних эпифизов бедренных костей, перпендикулярно им. Возможно, она была отчленена и положена отдельно. В головах погребенной стояли на ребре две миски (1, 2), вложенные друг в друга. Рядом с мужского скелета лежала лепная чернолощенная курильница с двумя ручками-выступами и каннелюрами на тулове (украдена современными грабителями). Слева от черепа мужчины стоял в заполнении импортный кувшин (4). В 16 см к ЮВ от кувшина находилась часть лепного горшка (5). Между этими сосудами лежал фрагмент горла амфоры, который попал в могилу из заполнения рва. В ногах погребенных по линии С–Ю стояли четыре сосуда, два из которых (сероглиняный узкогорлый кувшин и лепной горшок) были украдены современными грабителями, а два горшка (6, 7) остались на месте. Около правой голени женского скелета стояла (вероятно, в углу могильной ямы), амфоры (8). Между амфорой и правой стопой лежали курильница (9) и миниатюрный красноглиняный сосуд (украден). У придонной части амфоры с другой стороны находились в заполнении горшок (10) и овечий альчик. Рядом лежала вверх дном миска (11), которой были накрыты кости животного. На предплечья женщины были надеты браслеты (12, 13), на позвонках (в области живота) лежало зеркало (14). На левом крыле таза мужского скелета лежал железный нож (15), около поясничных позвонков, слева, находилась бусина (16). В шейных позвонках скелета и в районе груди были обнаружены наконечники стрел (17). В заполнении над правым плечом скелета II и черепом скелета I лежал наконечник копья (18), согнутый пополам. В большом лепном горшке, стоявшем в ногах погребенных, было найдено височное кольцо (19). В заполнение могильной ямы был брошен череп лошади, который лежал над костями ног скелета I.

Инвентарь.

1. Миска (рис. 20, 8) коричневоолощенная с высоким коническим туловом и треугольным в сечении венчиком, выступающим наружу в виде острого ребра. Дно на хорошо выраженном кольцевом поддоне. Глина светло-коричневая, с очень мелкими примесями и редкими блестками слюды. Высота — 10,5 см, наибольший диаметр — 25,5–26 см, диаметр устья — 22–22,7 см, диаметр дна — 9,1 см.
2. Миска (рис. 20, 7) серолощенная с округленными стенками и вертикальным округленным бортиком. Венчик широкий, с выступающей закраиной, скошен наружу. Дно слегка выпуклое снаружи, на высоком (1,2 см), хорошо выраженном кольцевом поддоне. В глине примесь мелкого белого песка с микроскопическими блестками слюды. Высота — 11 см, диаметр устья — 31,6 см, высота до наибольшего диаметра — 8,5 см, диаметр дна — 10,7 см.
3. Канфар (рис. 20, 11) с коническим туловом и круглыми в сечении ручками (верхняя часть тулова, ножка и ручки утрачены в древности). Поверхность внутри и снаружи желто-охристого цвета, заложена, черепок в излом серый, в глине примесь белого песка. Высота сохранившейся части — 8,2 см, диаметр сохранившейся части — 9 см.
4. Кувшин (рис. 20, 3) с округлым туловом и узким невысоким горлом (венчик утрачен в древности). Ручка согнута под прямым углом, в сечении овальной. Верхним концом крепится к горлу под венчиком, нижним — к плечикам. Дно на кольцевом поддоне. Глина светло-охристая с примесью шамота, песка, толченого известняка. Высота сохранившейся части — 20,3 см, диаметр — 17 см, высота до наибольшего диаметра — 9,5 см, диаметр горла — 3,85 см, диаметр дна — 9,9 см.
5. Горшок (рис. 20, 6) лепной с округлым туловом и плавно загнутым краем устья. Кромка венчика скошена внутрь. Обжиг неровный — поверхность в черных и коричневых пятнах. Тесто грубое, с большой примесью толченой ракушки. Половина сосуда утрачена в древности. Высота — 11 см, наибольший диаметр — 15,2 см, диаметр устья — 12 см, диаметр дна — 9,2 см.
6. Горшочек (рис. 20, 4) лепной черноглиняный с округлым поперечно сжатым туловом. Край устья плавно загнут, венчик скошен внутрь. Дно плоское, выделено закраиной. Поверхность грубо заглажена, в тесте примесь шамота. Высота — 10,2 см, наибольший диаметр — 11,5x13 см, высота до наибольшего диаметра — 4,5 см, диаметр устья — 8x9 см.
7. Горшок (рис. 20, 18) лепной бочковидной формы, стенки в нижней части прогнутые. Край устья плавно загнут, венчик неровный. Дно плоское, выделено закраиной. Поверхность тщательно заглажена, серо-коричневого цвета, черепок в изломе черный. В тесте примесь шамота. Высота — 24 см, высота до наибольшего диаметра — 19 см, наибольший диаметр — 24,5 см, диаметр устья — 15,5–14 см, диаметр дна — 12,5x13,4 см.
8. Амфора (рис. 20, 2) книдская (вариант П–В–I⁵) с широким пифоидным корпусом и средней высоты горлом с валикообразным венчиком, очерченным отверстием в основании. На изогнутых, в сечении овальных. Ножка колпачковая, с круглым отверстием снаружи. Ручки круто тулове по линии наибольшего диаметра проведена темно-краской полоса шириной 1 см. Высота — 74,5 см, высота до наибольшего диаметра — 44–45 см, наибольший диаметр — 45 см, высота горла — 17 см, диаметр устья — 10,5x11,5 см, диаметр ножки — 5,8 см, высота ножки — 5,5 см.

⁵ Определение и классификация С. Ю. Монахова [Монахов, 2003, с. 106, 107, табл. 73, 4].

метр — 45 см, высота горла — 17 см, диаметр устья — 10,5x11,5 см, диаметр ножки — 5,8 см, высота ножки — 5,5 см.

9. Курильница (рис. 20, 10) лепная черноглиняная (тип I, подтип IB, вариант 1a⁶) с округлым туловом, расширенным в верхней части. Край устья загнут, венчик скошен внутрь. Ручки-выступы (одна утрачена в древности) прямоугольные, опущены вниз. Дно плоское. В глине примесь шамота. Высота — 7,5 см, высота до наибольшего диаметра — 4,5 см, наибольший диаметр — 8 см, диаметр устья — 4,6 см, диаметр дна — 5–5,7 см.

10. Горшок (рис. 20, 17) лепной с бочковидным туловом и плавно загнутым краем. Кромка венчика скошена внутрь. Дно плоское, выделено закраиной. Поверхность пятнистая, грубо заглажена. Тесто с примесью грубо толченого шамота. Высота — 22,5 см, высота до наибольшего диаметра — 13–14 см, наибольший диаметр — 21,5 см, диаметр устья — 13,4x14,5 см, диаметр дна — 11x12,2 см.

11. Миска (рис. 20, 5) сероглиняная с округленными стенками и сильно загнутым остро-реберным бортиком. Дно на кольцевом поддоне. В глине большая примесь мелкого песка и толченого известняка. Высота — 7 см, высота до наибольшего диаметра — 6 см, наибольший диаметр — 15 см, диаметр устья — 12,5 см, диаметр дна — 5,6 см.

12. Браслет (рис. 20, 14) бронзовый с зональными расширениями и утолщенными концами, орнаментированными поперечными резными насечками. Диаметр — 6,6x5,6 см.

13. Браслет (рис. 20, 15) серебряный в 3,5 оборота, из круглой в сечении проволоки. Концы орнаментированы нечеткими поперечными насечками. Диаметр 5x5,4 см, диаметр сечения — 0,25 см.

14. Зеркало (рис. 20, 16) бронзовое кованое, с загнутым краем диска. Диаметр — 8,65 см.

15. Нож (рис. 20, 13) железный с прямым однолезвийным клинком и длинным, сужающимся к концу черенком, слабо выделенным в основании. Нижняя часть клинка утрачена. Длина сохранившейся части — 7 см, длина черенка — 3,7 см, ширина клинка — 2,3 см.

16. Бусина гагатовая шестигранная бочковидной формы, орнаментирована резными продольными линиями. Поверхность отполирована до блеска. Новый тип. Размеры: диаметр — 12 см, высота — 12,5 см, ширина грани — 0,6–0,8 см, диаметр отверстия — 0,25 см.

17. Наконечники стрел (рис. 20, 19) железные втульчатые трехлопастные:
— основания лопастей опущены, острие утрачено, 1 экз. Длина сохранившейся части — 3,3 см, длина втулки — 1,8 см, диаметр втулки — 0,7 см, ширина пера — 1 см;
— основания лопастей скошены вверх, 1 экз. Длина — 2,8 см, длина втулки — 1,8 см, диаметр втулки — 0,6 см, ширина пера — 0,7 см.

18. Наконечник копья (рис. 20, 12) железный с короткой втулкой и удлиненным, плоским в сечении пером. Форма пера не восстанавливается, т.к. копье было сломано в древности. Длина — около 30 см, длина втулки — 9,5 см, диаметр втулки — 1,7 см, ширина пера — 3,5 см.

19. Кольцо височное (рис. 20, 9) серебряное из круглой в сечении проволоки. Концы заходят друг за друга, орнаментированы поперечными насечками. Диаметр — 2,3 см, диаметр сечения — 0,18 см.

⁶ Типология Н. Ю. Лимберис, И. И. Марченко [Лимберис, Марченко, 2006, с. 135, 138, рис. 3, 3].

Дата: конец IV — начало III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, 247, 248, рис. 8].

Погребение 98в (16, 1; 21, 1).

Погребение было совершено в овальной яме, которая села на южный край ровика II. Пятно было обнаружено на уровне глины (глубина от R_0 — 2,22 м). Яма ориентирована по линии ЮЗ—СВ с небольшим отклонением. Длина — 1,35 м, ширина в центре — 0,74 м, глубина от прослеженного уровня — 5–7 см. Скелет (мужчина, *matigus-senilis*) лежал че-репом на ЮЗ, скорченно на спине. Ноги были сильно согнуты в тазобедренных и коленных суставах и прижаты к туловищу (привязаны?). Левая кисть лежала на левом плече. Правая рука была согнута под тупым углом, кисть находилась в нижней части живота, перекрыта костями правой ноги.

Погребальный инвентарь отсутствовал.

Захоронение завершено после засыпки рва, дата не устанавливается.

Погребение (комплекс «А») 235в (рис. 17, 1; 22, 3, 4).

Остатки разрушенного рвом погребения были обнаружены в ЮВ части исследованного участка на глубине 1,70 м от R_0 . От скелета человека сохранилась одна пястная кость стопы и фрагмент ребра. Рядом лежали фрагменты горшка (1). При расчистке было найдено несколько фрагментов теменной части черепа.

Инвентарь.

1. Горшок (рис. 22, 4) лепной бочковидной формы. Край устья слегка отогнут, венчик округлен. Дно плоское. Глина серо-коричневая с примесью шамота. Наибольший диаметр — около 24 см, диаметр устья — около 15 см, диаметр дна — около 13 см.

Дата: середина — вторая половина IV в. до н. э. (до строительства рва) [Лимберис, Марченко, 2007, с. 71, 74, рис. 3, 2, 4].

Погребение 236в (рис. 17, 1; 22, 1, 2).

Погребение было ограблено через подкоп при строительстве рва I. Оно находилось на глубине 1,53 м от R_0 , в СВ части исследованного участка. Захоронение было парным (мужчины, взрослые). От скелетов сохранились *in situ* только кости ног. Судя по их положению, один из погребенных лежал вытянуто на спине, второй — на спине, с приподнятыми в коленях ногами, оба головой на ЮВ (с небольшим отклонением к востоку). В ногах второго погребенного стоял кувшин (1).

Инвентарь.

1. Кувшин (рис. 22, 2) сероглиняный с овальным туловом и невысоким горлом, расширенным в основании. Основание горла выделено рядами концентрических бороздок. Сохранился фрагмент венчика с округленным краем. Ручка в сечении уплощенная, нижним концом крепилась к плечу, у основания — пальцевое вдавление. Дно на валикообразном кольцевом поддоне. В глине примесь мелкого песка с блестками слюды. Высота сохранившейся

части — 27 см, высота до наибольшего диаметра — 15 см, наибольший диаметр — 24,5 см, диаметр дна — 10 см.

Дата: середина — вторая половина IV в. до н. э. (до строительства рва) [Лимберис, Марченко, 2007, с. 70, 73, рис. 3, 1, 3].

Погребения, связанные с четвертой оборонительной линией

Погребение 82в (рис. 23, 1; 25, 1–6).

Погребение было впущено в ров на глубину 0,60–0,70 м (глубина от R_0 — 2,05 м). Скелет (ребенок, 4–5 лет) лежал скорченно на правом боку, черепом на ЮЮВ. Руки были слегка согнуты в локтях и прижаты к туловищу. Ноги были согнуты в суставах под тупым углом, голени сведены. Слева вдоль скелета стояли три сосуда: около левого предплечья — кружка (1), у левой бедренной кости — миска, у нижних концов берцовых костей — горшок (3). В миске и в горшке находились фрагменты костей овцы. В области шеи и слева от черепа были рассыпаны бусы (4). Справа у черепа лежал фрагмент оселка (5). На правое предплечье был надет браслет (6).

Инвентарь.

1. Кружка (рис. 25, 6) серолощенная с бокаловидным туловом и отогнутым краем устья. Ручка с широким желобком на внешней стороне, крепится верхним концом под венчиком, нижним — на линии наибольшего диаметра. Глина серо-коричневая, мелкопористая, с микроскопическими примесями. Дно плоское. Высота — 12,6–13 см, диаметр устья — 11,8 см, наибольший диаметр — 10,2 см, диаметр дна — 6 см.

2. Миска (рис. 25, 2) сероглиняная с округленными стенками и сильно загнутым остро-реберным бортиком. Кромка венчика округлена. Дно на профилированном кольцевом поддоне. Поверхность не залощена. Глина серо-коричневая, черепок в изломе с серой прослойкой. В тесте мелкоотолченная известь и мелкий белый песок. Высота — 9,8–10,2 см, высота до наибольшего диаметра — 7,6–8 см, наибольший диаметр — 21 см, диаметр устья — 19,7–20 см, диаметр дна — 9,2–9,5 см.

3. Горшочек (рис. 25, 5) лепной баночной формы, край устья отогнут, кромка венчика неровная. Дно плоское, выделено. Обжиг неравномерный, поверхность серо-коричневая, со светлыми пятнами. Черепок в изломе черный, тесто с примесью шамота и песка. Высота — 9,6 см, высота до наибольшего диаметра — 4–6 см, наибольший диаметр — 10,8 см, диаметр устья — 9 см, диаметр дна — 8,5 см.

4. Бусы и бисер:

а) бисер рубленый (тип 166). Диаметр — 0,15–0,35 см, высота — 0,15–0,3 см.:

— стекло полупрозрачное синее, 75 экз.;

— стекло глухое бирюзовое, 124 экз.;

— стекло полупрозрачное зеленое, 97 экз.

б) округлая поперечно сжатая бусина из прозрачного темно-синего стекла, 1 экз. (тип 15). Высота — 0,75–0,85 см, диаметр — 1,3 см, диаметр отверстия — 0,5–0,6 см;

в) округлая бусина из прозрачного стекла с голубоватым оттенком, 1 экз. (тип 17). Высота — 1,5 см, диаметр — 1,65 см, диаметр отверстия — 0,4 см;

г) ребристая бусина из глухого белого стекла, 1 экз. (тип 142). Высота — 0,6–0,45 см, диаметр — 0,95–1,1 см, диаметр отверстия — 0,5 см;

д) ребристая бусина, стекло окислилось и потеряло цвет, 1 экз. (тип не определяется). Высота — 0,65–0,7 см, диаметр — 1,1 см, диаметр отверстия — 0,5 см;

е) пронизи в форме параллелепипеда из прозрачного темно-синего стекла с двойной полосой белого глухого стекла, 31 экз. (тип 170). Длина — 0,75–0,95 см, высота — 0,35–0,4 см, толщина — 0,65–0,85 см, диаметр отверстия — 0,15 см;

ж) веретенovidные бусы из прозрачного темно-синего стекла с тремя белыми поперечными полосами, 4 экз. (тип 174). Размеры: длина 1 — 0,5–0,6 см, длина 2 — 0,4 см, диаметр отверстия — 0,15–0,2 см;

з) бусина неправильной формы, материал достоверно не определен, возможно, меловая порода, 1 экз. Высота — 0,65 см, сечение — 0,8x0,8 см, диаметр отверстия — 0,4x0,5 см.

5. Часть оселка (рис. 25, 4) из плотного серого песчаника, с просверленным отверстием, сечение четырехугольное. Сломан в древности. Длина — 2,5 см, толщина — 1,5 см, ширина — 0,8 см, диаметр отверстия — 0,35–0,4 см.

6. Браслет (рис. 25, 3) бронзовый из круглого в сечении стержня с обрубленными, немного утолщенными концами. Согнут в 1,5 оборота. Диаметр — 4,4x4,7 см, сечение — 0,3x0,4 см.

Дата: III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 1998, с. 53, 54]. Бусы не дают возможности сузить эту дату.

Погребение 83в (рис. 23, 1; 25, 7–16).

Погребение было впущено в ров на глубину 1,50–1,60 м (глубина от R_0 — 2,90 м). Судя по сохранившимся *in situ* костям (погребение было ограблено через подкоп со стороны обрыва, часть его обвалилась в водохранилище), скелет человека лежал вытянуто на спине, черепок на юг. Левая рука лежала вдоль туловища, кисть — у бедра. Между колен стояла амфора (1). Рядом, с СВ, в заполнении находился кувшин (2). На левом крыле таза лежали две терракотовые бляшки, третья была найдена под тазом (3). С внутренней стороны левого предплечья лежал наконечник стрелы (4). Слева от скелета, в заполнении могильной ямы (на 0,82 м выше дна) находилась черепица (5), под которой были обнаружены кости ног овцы и нож (6).

Над левой бедренной костью в заполнении (на 0,40 см выше дна) были расчищены кости ног ребенка (*Infantilis*—I, до 5–6 лет), которые лежали параллельно взрослому скелету (т.е. ребенок был также захоронен головой на юг). В заполнении при расчистке были найдены костяной предмет (7), фрагменты зеркала (8), перстня (9), браслета (10), бусы (11) и раковина перловицы (12). На берегу были собраны фрагменты двух горшков (13, 14) и нож (15), выброшенные грабителями.

Инвентарь.

1. Амфора (рис. 25, 8) коринфская с широким пифоидным туловом и невысоким цилиндрическим горлом с широким воротничковым венчиком. Ножка маленькая колпачковая. Ручки плавно изогнуты, крепятся верхними концами под венчиком, нижними — у основания

горла, к плечикам, в сечении круглые. Глина розоватая, черепок хрупкий, слоистый, примесь дресвы, известняка. Высота — 73,5 см, высота до наибольшего диаметра — 37,4 см, наибольший диаметр — 45 см, высота горла — 18 см, диаметр устья — 12 см.

2. Кувшинчик (рис. 25, 9) серолощенный с округлым туловом и узким горлом с валикообразным венчиком. Дно плоское на наклепном кольцевом поддоне. Глина серо-голубая, с примесью толченого известняка и мелкого песка, попадаются камушки. Высота — 18,5 см, высота до наибольшего диаметра — 6,5–7 см, наибольший диаметр — 12,6 см, высота горла — 6,5 см, диаметр устья — 6,8 см, диаметр дна — 6,3 см.

3. Бляшки круглые терракотовые, штампованные. Глина светло-коричневая, с примесью очень мелкого белого песка. Покрыты красной краской. Лицевая сторона поверх красной покрыта еще светло-желтой краской и слоем позолоты (утрачена). На обратной стороне имеются две дырочки от бронзовой петельки (утрачена). Край диска с лицевой стороны орнаментирован рубчиком. Выделяются изображения двух типов:

— изображение головы Афины в трехрогом шлеме (рис. 25, 14), 2 экз. Диаметр — 2,45 см;

— изображение Медузы Горгоны с частыми мелкими завитками на голове, остальное — стерто, 1 экз. Диаметр — 2,5 см.

4. Наконечник стрелы (рис. 25, 13) железный втульчатый трехлопастный с широкой треугольной головкой. Основание лопастей срезано горизонтально по отношению ко втулке. Длина — 2,4 см, длина пера — 1,35 см, ширина пера — 0,75 см, диаметр втулки — 0,5 см.

5. Часть античной прямоугольной черепицы (солена) с бортиком, ровно обколотой с двух сторон. Глина коричневая, с большой примесью крупнотолченого известняка и мелкого песка с блестками слюды. Размеры: 31x23,5x3 см, высота бортика — 3,5 см.

6. Нож (рис. 25, 12) железный с прямым однолезвийным клинком и широким прямоугольным черенком. Размеры: длина сохранившейся части — 5 см, ширина — 0,25 см, толщина — 1,4 см.

7. Костяной предмет (рис. 25, 10) прямоугольной формы, с двумя просверленными отверстиями (часть утрачена в древности). С обеих сторон имеется резной орнамент в виде перекрещивающихся линий. Длина сохранившейся части — 2,6 см, ширина — 0,7 см, толщина — 0,9–1,0 см, диаметр отверстия — 0,4 см.

8. Фрагменты тонкой кованой бронзовой пластинки (зеркала?). Размеры: 3,4x2,7x0,08 см.

9. Фрагмент плоской шинки бронзового перстня. Размеры: диаметр — 1,5–1,6 см, ширина — 0,25 см.

10. Фрагменты (2) железного браслета из круглого в сечении стержня одинаковой толщины. Диаметр не восстанавливается, диаметр сечения — 0,8–1 см.

11. Бусы и бисер:

а) бусина биконическая из синего прозрачного стекла, 1 экз. (тип 94). Длина — 0,7 см, диаметр — 0,95 см, диаметр отверстия — 0,15–0,3 см;

б) бисер рубленый (тип 166). Высота — 0,2–0,35 см, диаметр — 0,3 см, диаметр отверстий — 0,1–0,25 см;

— стекло синее прозрачное, 51 экз.;

- стекло желтое глухое, 11 экз.;
- стекло светло-зеленое глухое, 2 экз.;
- стекло бирюзовое глухое, 1 экз.

12. Речная раковина-перловица. Размеры: 5,6х3,5 см.

13. Горшок (рис. 25, 16) лепной с бочковидным туловом, расширенным в средней части. Край устья отогнут, кромка венчика неровная. Дно плоское, выделено. Обжиг неравномерный, поверхность грубо заглажена щепочкой. Глина черно-коричневая, с большой примесью шамота. Высота — 23 см, высота до наибольшего диаметра — 12–14 см, наибольший диаметр — 21 см, диаметр устья — 16 см, диаметр дна — 12,5–13,6 см.

14. Горшок (рис. 25, 15) лепной с бочковидным туловом, расширенным в средней части. Край устья плавно загнут, кромка венчика неровная. Дно плоское, выделено. Обжиг неравномерный, тесто рыхлое, с большой примесью шамота. Высота — 14,3–14,7 см, высота до наибольшего диаметра — 8–8,5 см, наибольший диаметр — 13,2 см, диаметр устья — 7х9 см, диаметр дна — 8,5–9,2 см.

15. Нож (рис. 25, 11) железный с горбатой спинкой и криволинейным лезвием. Черенок заостренный, с круглым отверстием. Длина — 10,7 см, толщина — 1,9 см, ширина — 0,4 см.

Дата: конец IV — начало III в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2005, с. 223, 248, 249, рис. 10].

Погребение 84в (рис. 23, 1; 25, 17–19).

Погребение находилось в 3 м к СВ от края рва (глубина от R₀ — 1,74 м), под валом, грунтом которого был засыпан ров. Кости человека отсутствовали, так как погребение было разрушено при строительстве оборонительной линии. In situ сохранились два сосуда (1, 2).

Инвентарь.

1. Горшок (рис. 25, 19) лепной корчагообразный с асимметричным округлым туловом и довольно высоким широким горлом, слабо выделенным в основании. Край устья резко отогнут, кромка венчика скошена наружу. Дно плоское, выделено. Обжиг неровный, поверхность светло-коричневая с черными пятнами. В глине примесь крупнотолченого шамота. Высота — 29 см, высота горла — 9 см, высота до наибольшего диаметра — 13 см, наибольший диаметр — 21–22 см, диаметр устья — 14–15 см, диаметр дна — 11–11,5 см.

2. Горшок (рис. 25, 18) лепной корчагообразный того же типа. Основание горла местами выделено процарапанной по сухой глине линией. Дно плоское. Поверхность слабо залощена. Высота — 19–20 см, высота горла — 7,2 см, высота до наибольшего диаметра — 7–8 см, наибольший диаметр — 14 см, диаметр устья — 14 см, диаметр дна — 6 см.

Дата: V в. до н. э. [Лимберис, Марченко, 2001, с. 49, 76, рис. 23, 1, 3].

Литература

Алексеева, 1975. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1975. Вып. Г1–12.

- Алексеева, 1978. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1978. Вып. Г1–12.
- Алексеева, 1982. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. 1982. Вып. Г1–12.
- Амброз, 1966. Амброз А. К. Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н. э. — IV в. н. э. // САИ. 1966. Вып. Д1–30.
- Анфимов, 1981. Анфимов Н. В. К вопросу о восточной границе распространения меотских племен // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1981.
- Анфимов, 1985. Анфимов И. Н. Меотские гончарные печи I–III вв. н. э. (Старокорсунское городище № 2) // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1985.
- Беренштам, 1879. Беренштам В. Л. Дневник археологических работ, веденных на Кавказе в 1879 г. Труды V археологического съезда. Протоколы подготовительного комитета, изданные под редакцией Мансветова. М., 1879.
- Городцов, 1936. Городцов В. А. Елизаветинское городище и сопровождающие его могильники по раскопкам 1935 года (Предварительное сообщение) // СА. 1936. № 1.
- Ждановский, 1986. Ждановский А. М. Раскопки городища № 2 у хут. Ленина (северный берег Краснодарского водохранилища). Отчет за 1980 г. // Архив НИИ археологии КубГУ.
- Каменецкий, 1989. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. — III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — Археология СССР. М.
- Каменецкий, 1998. Каменецкий И. С. Меотские городища на Кубани // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. VI. Симферополь, 1998.
- Каменецкий, 2000. Каменецкий И. С. План Степного II городища // Старый Свет: Археология, история, этнография. Краснодар, 2000.
- Кац, 1994. Кац В. И. Керамические клейма Херсонеса Таврического. Каталог-определитель. Саратов, 1994.
- Кац, 2007. Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения). // БИ. 2007. Вып. XVIII.
- Лимберис, Марченко, 1998. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Некоторые итоги исследования оборонительных сооружений Старокорсунского городища № 2 // Археология и этнография Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Краснодар, 1998.
- Лимберис, Марченко, 2001. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Импортная и местная керамика из погребений нового меотского могильника в Прикубанье // БФ: Колонизация региона, формирование полисов, образование государства. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2001.
- Лимберис, Марченко, 2001. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Погребения VI–V вв. до н. э. из грунтовых могильников меотских городищ правобережья Кубани // МИАК. 2001. Вып. 1.
- Лимберис, Марченко, 2005. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Хронология керамических комплексов с античными импортами из раскопок меотских могильников правобережья Кубани // МИАК. 2005. Вып. 5.

- Лимберис, Марченко, 2006. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Типология и хронология курганных из меотских могильников Прикубанья // МИАК. 2006. Вып. 6
- Лимберис, Марченко, 2006. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Типология и хронология меотских железных наконечников копий из памятников правобережья Кубани // МИАК. 2006. Вып. 6.
- Лимберис, Марченко, 2007. Лимберис Н. Ю., Марченко И. И. Раскопки могильника Старокорсунского городища № 2 в 2006 г. // МИАК. 2007. Вып. 7.
- Любичев, 2008. Любичев М. В. Об этнокультурных процессах позднеимперского времени в зоне днепро-донецкой лесостепи (в свете исследования археологического комплекса Войтенки) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Вып. 1. Тула, 2008.
- Масленников, 2003. Масленников А. А. Древние земляные погранично-оборонительные сооружения Восточного Крыма. М., 2003.
- Монахов, 1999. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII—II веков до н. э. Саратов, 1999.
- Монахов, 2003. Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. Москва — Саратов, 2003.
- Покровский, 1937. Покровский М. В. Городища и могильники среднего Прикубанья // Труды Краснодарского государственного педагогического института. Т. VI. Вып. 1. Краснодар, 1937.
- Покровский, Анфимов, 1937. Покровский М. В., Анфимов Н. В. Карта древних поселений и могильников Прикубанья с IV века до н. э. по III век н. э. // СА. 1937. №4.
- Рогов, Тункина, 1998. Рогов Е. Я., Тункина И. В. Расписная и чернолаковая керамика из некрополя Панское I // Археологические вести. № 5. 1996—1997. СПб., 1998.
- Ростовцев, 2003. Ростовцев М. И. Эллинизм и иранство на Юге России. Изд. 2-е. М., 2003.
- Улитин, 2006. Улитин В. В. Амфорный импорт городища № 2 у хутора имени Ленина // II-я Межвузовская археологическая конференция студентов и аспирантов Юга России (тез. докладов). Ростов-на-Дону, 2006.
- Цецхладзе, 1992. Цецхладзе Г. Р. Производство амфорной тары в Колхиде // Греческие амфоры. Саратов, 1992.
- Шевченко, 1995. Шевченко Н. Ф. Строительные традиции у меотов // Историко-археологический альманах. Вып. 1. Москва — Армавир, 1995.
- Шилов, 1955. Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. Т. XXIII.

А. А. Масленников
(Институт археологии РАН)

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО КРЫМА КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК (МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ И ИНФОРМАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ)

Всякое научное исследование, как известно, предполагает несколько стадий работ. Естественно, первой является постановка задач, вызванная либо чисто научными интересами, либо необходимостью. Нет смысла разьяснять различия этих двух подходов в археологии и сути второго «обстоятельства», «удельный вес» которого постоянно растёт. Гораздо существеннее, как нам кажется, сделать другую оговорку, с которой, несомненно, согласятся все археологи-антиковеды. А именно: мы не случайно выделяем здесь территориальный фактор, хотя, как будто бы могли сделать и более широкие обобщения. Дело в том, что чем масштабнее становятся исследования на сельской территории Боспорского государства, включая окрестности городских центров, тем всё более явственно выступают внешнеархеологические различия между его европейской и азиатской частями. Раскопки поселенческих структур там и там, в силу целого ряда особенностей, а равно субъективных и объективных причин и обстоятельств, заметно отличаются и в методическом отношении. В этой связи отметим, что если для Таманского полуострова до недавнего времени в большей степени были характерны изыскания нераскопчного характера, то для Восточного Крыма, по крайней мере, в послевоенные годы — земляные работы, причём нередко на достаточно больших площадях.

В самом деле, если обратиться к истории раскопок, то следует признать, что на Таманском п-ове и даже шире, т.е., включая районы Нижнего и Среднего Прикубанья и Анапы-Геленджика, в XIX и большей части XX веков археологические разведки самого разного свойства и тщательности решительно преобладали. Из современных — нельзя не упомянуть работы Я. М. Паромова и Г. П. Гарбузова. Не называя здесь сознательно целый ряд известных имён их предшественников, отошлём читателя к соответствующим трудам историографического плана, прежде всего, И. В. Тункиной, а равно и новейшему, блестящему изданию, посвящённому древностям Кубани. Относительно небольшие раскопки под руководством В. Д. Блаватского и несколько более поздние основательные полевые работы Н. И. Сокольского на некоторых памятниках Фонталовского п-ова — вот, пожалуй, и все основные «вехи» такого рода исследований в 50—60-е годы прошлого века. Впоследствии можно отметить раскопки Н. А. Онайко, А. В. Дмитриева, Е. М. Алексеевой, Ю. С. Крушкол и А. А. Малышева в юго-восточной части здешней боспорской хоры. Недавно возобнови-

лись (по большей части, «по случаю», т.е. по необходимости) раскопки ряда поселений собственно Таманского п-ова (Ю. А. Виноградов, С. В. Кашаев, Н. И. Сударев, Г. А. Ломтадзе, Д. В. Журавлёв и н.др.). Можно говорить, что они уже существенно дополнили общую картину изучения местных сельских поселений.

Несколько по иному складывалась ситуация по другую сторону пролива. Тут также весь XIX и часть следующего века мы имели дело лишь с разведочными изысканиями, начало которым положил неутомимый Поль Дюбрюкс и достойно продолжил век спустя не менее упорный и внимательный разведчик В. В. Веселов. Но с начала 50-х годов под руководством И. Т. Кругликовой, а затем и других археологов (В. Н. Корпусова, Т. М. Арсеньева, О. Д. Чевелёв, В. Н. Зинько, А. В. Куликов, С. Л. Соловьёв, Н. И. Винокуров, В. Г. Зубарев, А. В. Гаврилов, И. М. Безрученко, В. К. Голенко, А. Л. Ермолин) тут в разных местах велись раскопки значительного числа античных памятников: в основном поселений и их могильных комплексов. Несколько десятилетий отдал этому делу в Крымском Приазовье и автор данной публикации. Вот почему все нижеследующие наблюдения, выводы и рассуждения касаются, и об этом автор хочет особо предупредить взыскательного читателя, главным образом именно археологических памятников этого района.

При этом исследованные здесь площади нередко исчисляются многими сотнями, а то и тысячами квадратных метров, а некоторые поселения были раскопаны практически полностью. В итоге получен, без преувеличения, огромный и разнообразный фактический материал. Вообще говоря, на этом моменте следовало бы остановиться особо. Как известно, итогом первоначальному этапу изучения сельских поселений Боспора был подведён И. Т. Кругликовой к началу 80-х годов прошлого века. Отдавая ей, и заслуженно, должное, не могу не отметить, что Ирина Тимофеевна, пожалуй, единственная из ведущих полевых исследователей сумела опубликовать материалы практически всех своих раскопок.

За последовавшие почти четыре десятилетия объём наших знаний по рассматриваемой тематике не просто вырос, а вырос почти на порядок. В первую очередь это относится к территории европейского Боспора. Если в 50—70-х годах XX века здесь, в сущности, работала одна-две экспедиции, то в настоящее время (несмотря на все сложности последних десятилетий) постоянно трудятся пять-шесть больших коллективов, проводящих раскопки не менее чем десяти разнотипных и разновременных памятников. При этом сложилось так, что в основном работы ведутся на пространствах т.н. дальней хоры. Думаю, не ущемлю этим самолюбия других начальников экспедиций, если скажу, что особенно масштабными и успешными были работы, проведённые Восточно-Крымской экспедицией ИА РАН в районе Крымского Приазовья. (В какой-то степени мы подытожили их в 1998 г., но в большей — надеемся подвести определённую «черту» в ближайшие годы.) Отметим, что в целом, таким образом, на территории полуострова исследуются поселенческие объекты практически всех эпох боспорской истории, т.е., условно говоря, от VI в. до н. э. до VI в. н. э. Это позволяет не только соответствующим образом существенно заполнить некоторые прежние временные лакуны, но и приступить к определённым историческим реконструкциям. Не выделяя здесь особо раскопки каких-либо памятников, остановимся кратко лишь на некоторых количественных показателях, действительно производящих впечатление. Так, если в сводке И. Т. Кругликовой было учтено немногим менее 500 амфорных клейм разных центров, то на сегодня, только на

памятниках Приазовья их обнаружено более трёх тысяч, а кроме того — более 500 черепичных клейм. Не менее впечатляюща статистика и в отношении монетных находок, терракот, граффити и др. категорий «индивидуальных» артефактов. Что уж говорить о так называемом массовом материале. Всё это, в свою очередь, открывает новые, совершенно недоступные прежде возможности в области статистики, типологизации и хронологии. Особенно следует выделить в этой связи изыскания признанного лидера отечественного (и не только) клеймоведения (или, если кому больше нравится — клеймологии) — Н. Ф. Федосеева. Должно отметить, что одновременно не прекращались и разведочные исследования, также оказавшиеся очень плодотворными. (Могут сказать, что в отдельных, исключительных случаях сельские поселения азиатского Боспора тоже раскапывались на очень больших площадях, например: поселение, вернее, объект Волна 4. Но всякому, знакомому с этими раскопками, ясно, что речь идёт в данном случае, скорее, вообще о масштабных работах. Что, впрочем, не уменьшает их значимости, в том числе и в методическом плане.)

Всё, только что сказанное, плюс естественно-природная специфика обоих упомянутых территорий, существенно влияет на интерпретационный (аналитический) этап исследования. Иными словами, в целом предполагаемый облик, типология, хронология и набор разнообразных артефактов с восточнокрымских сельских поселений нам известны значительно больше и лучше, нежели по другую сторону пролива. Но значит ли это, что данный вид археологических памятников на европейском Боспоре вообще более информативен? Скорее всего, это не вполне так. Просто то, с чем мы имеем дело на Таманском п-ове (но не на всей территории азиатского Боспора) требует, как только что отмечалось, иных методических подходов и раскопочных приёмов и, конечно, времени. Остановимся же на том, что нам более знакомо и близко, подчеркнув, тем не менее, что даже на пространствах Керченского п-ова, методика исследований и информативные возможности поселенческих структур весьма варьируются в зависимости от конкретных особенностей их местоположения, хронологии, типологии и, естественно, сохранности.

Видимо, следует определиться и с тем, что собственно в терминологическом и методическом плане считать археологическим поселением, каковы возможные «уровни» его анализа как археологического источника и основные факторы, влияющие на его характеристику.

Уверен, буду совсем не оригинален, если скажу, что под поселением в широком смысле следует понимать наиболее оптимальный для данного времени и места способ размещения человека (человеческого коллектива) в окружающей среде. Иными словами: отражение его приспособления к природному окружению посредством определённой технологической и социальной организации. (Наверняка, кто-то сочтёт это определение довольно «корявым» и предложит свои варианты. Что ж, может быть, будет прав.)

Относительно второго «обстоятельства», столь же неоригинальным будет мнение о трёх возможных уровнях исследования поселенческих структур: «микроуровень» (рассмотрение отдельных составляющих этой системы: постройки, дома, жилища, башни, стены, улицы, ямы и т.п.); «средний уровень» (изучение всех этих компонентов в их единстве во времени и пространстве) и «макроуровень» (региональные исследования синхронных памятников в их взаимосвязи, иерархии и т.п.).

всего, упомянутым П. Дюбрюксом. Соответствующие примеры, несомненно, хорошо известны специалистам.)

Данное обстоятельство в значительной мере объяснялось большим количеством легко доступного камня, а также выбором места для поселений на естественных, по большей части скалистых, устойчивых в сейсмо-абразийном отношении возвышенностях и мысах. В то же время эти места были малопригодны для распашки, возведения построек более позднего времени и иной хозяйственной деятельности, кроме, пожалуй, полевых укреплений последней войны, от которых многие из них заметно пострадали.

Почти всегда мы имеем тут дело с сочетанием земляных напольных (передовых) укреплений (валы, рвы, естественные крутые склоны) и собственно каменных конструкций (стены, башни, бастионы).

Здесь стоит ещё раз напомнить, что согласно современным представлениям, в полной мере только что сказанное относится к большинству поселений-городищ III в. до н. э. — III—VI вв. н. э. Более ранние — лишены каких-либо фортификационных сооружений, за редким исключением самых крупных и важных из них. Да и там наличествовали земляные укрепления и башни. Функции же куртин выполняли внешние (на каком-то этапе специально усиленные, достроенные) стены жилых построек (см. в качестве примера: Генеральское-западное, Казантип-западный). В определённой мере охранно-оборонительные задачи для ряда усадеб и поселений ближней и дальней хоры европейского Боспора позднеклассического и раннеэллинистического времени обеспечивались компактной общей планировкой строений и особенностями их топографии. Последнее по большей части выражалось в стремлении как бы спрятать оные в закрытых, «укромных» местах (прибрежные долины среди скал, совершенно или частично невидимые со стороны степных пространств).

Не вдаваясь в прочие детали местной сельской фортификационной практики, скажем лишь, что площадь распространения культурного слоя вне пределов основной застройки для античных поселений вышеупомянутого периода в целом, как показывает наш опыт, ограниченная. Там, где позволял рельеф местности (нет обрывов) — не далее нескольких, реже нескольких десятков метров от внешних стен помещений или основной линии укреплений. Никаких особых, внешних, дополнительных ограждений не выявлено, а вот древняя дорога на подступах к одному из усадебных комплексов частично прослежена. Она представляла собой выровненное, достаточно широкое и относительно протяжённое плотное скопление керамического боя, известняковой крошки и земли (усадебка Юго-западный склон).

Отдельный вопрос почти в этой же связи: зольно-мусорные сбросы. В сущности, как святилища и дороги, это уже, так сказать, обустройство сопредельного пространства. Но завершим собственно тему основной площади поселений.

В предшествовавший и в последовавший за только что упомянутыми периодами временные отрезки ситуация была несколько иной.

В первом случае (позднеархаический и классический периоды) её охарактеризовать вообще непросто, поскольку каких-либо определённых и, подчеркнём, античных поселенческих структур на пространствах дальней хоры фактически не выявлено, да и на ближней их немного. Причём, всё это — весьма непритязательные, «эфемерные» во всех отношениях объекты (ямы не вполне ясного назначения, незначительный по площади, мощности и насы-

щенности культурный слой). Границы его распространения нечётки, а то и вовсе неопределённые.

Зато во второй, то есть, поздней (III в. до — III—VI вв. н. э.) группе поселений их основная территория, как уже отмечалось, определяется благодаря наличию более или менее выраженных (сохранившихся) внешних укреплений вполне отчётливо. Это открывает возможность для ранжирования, стратификации городищ в зависимости от размеров укрепленного пространства. Но этим, за исключением самых небольших объектов (не более 0,05га) общая площадь городищ не ограничивалась. Непосредственно по соседству наличествовал подчас достаточно солидный массив культурного слоя и строительных остатков. В плане хронологии и стратиграфии этот «пригород» имел свои особенности: в целом первая была уже, а вторая — проще, нежели на «цитадели».

Наличие ещё одной линии обороны проблематично, но не исключено. Зато, возвращаясь к характеристике сопредельного пространства, можно уверенно говорить не только о существовании относительно недалеко (от нескольких десятков (Золотое-берег, Семёновка), до нескольких сотен метров (Зелёный мыс, Сиреневая бухта, Илурат, Артезиан и др.)) грунто-рыхлых некрополей, но и святилищ, зольников и, возможно, неких передовых, сторожевых укреплений. Подробнее на всех этих объектах и их специфике в силу достаточной на сегодняшний момент, как нам представляется, их изученности и опубликованности, останавливаться не следует. Подчеркнём только необходимость самого тщательного обследования этих ближайших (в радиусе не более километра) окрестностей, как правило, хотя и не всегда, не являвшихся в силу природных особенностей собственно сельскохозяйственными угодьями. Причём успех здесь будет зависеть не столько от применения некоторых естественно-научных методов (как правило, совершенно бесполезных в условиях восточно-крымской специфики, см. ниже), сколько от тщательности, упорства, интуиции «поисковика» и «его величества случая».

Излишне доказывать, что раскопки каждого из упомянутых микрообъектов требуют особых методических тонкостей, о чём частично будет сказано ниже. Что же касается практических приёмов определения границ застройки и распространения культурного слоя собственно городищ, то помимо чисто визуальных наблюдений (особенности микрорельефа, цвета и характера растительного покрова, в редких случаях — сбор подъёмного материала) здесь в определённой мере уместно применение магниторазведки и фосфатного анализа почвы. Однако уповать на них не стоит. Наш солидный опыт (см. ниже) свидетельствует, что даже там, где рельеф явно демонстрировал соответствующую специфику (валы, всхолмления), уверенно выявить магниторазведкой до раскопок скрытые насыпью остатки кладок, как ни странно, не всегда удавалось. Гораздо надёжнее и результативнее — прокладка раскопов-траншей (не уже 1м) снаружи, как бы перпендикулярно выявленным оборонительным стенам. Их протяжённость как раз и обуславливается наличием культурных напластований. При относительно небольших трудозатратах это позволяет не только получить весьма показательный стратиграфический разрез пространства, непосредственно примыкавшего к укрепленной части поселения, включая вал и ров, но и собственно выявить их, если на поверхности соответствующие признаки отсутствовали. Разумеется, в случае наличия остатков застройки площадь траншеи следует в этом месте максимально расширить. Беру на себя смелость

предложить подобный приём вопреки строгому запрещению раскопок посредством траншей в соответствующих методических Положениях и Рекомендациях.

В данной же связи остановимся ещё на одной, самой значительной по численности группе (типе) восточно-крымских поселений. Мы имеем в виду так называемые селища, датирующиеся в массе своей серединой IV — первой третью III вв. до н. э. Впрочем, на них кое-где встречается и несколько более ранний, начиная со второй четверти V в. до н. э., а, может быть, и конца VI в. до н. э. материал. Они расположены, как правило, в глубинных, степных и относительно равнинных районах п-ова. Практически все исследователи отождествляют их с местным варварским населением, «родственным» обитателям аналогичных поселений в центральных, северо-восточных, западных и северо-западных районах степного Крыма.

Эти пространства по большей части в настоящий момент распаханы, что облегчает сбор и фиксацию обломков керамики. Но даже там, где территория селищ сейчас относительно нетронута, прежняя распашка, долговременный выпас скота, выветривание также в известной мере нарушили верхний горизонт и без того не очень мощного культурного слоя. Довольно слабая, особенно на каменистых участках, задернованность и частые степные пожары ещё более обнажают эти напластования. Добавим к этому строительство дорог, газо- и водопроводов, каналов и т.п., антропогенные воздействия новейшего времени — и картина соответствующих разрушений станет ещё более очевидной. Для сохранности памятников данного типа всё это, конечно, имело отрицательные последствия, но зато зона распространения подъёмного материала, в принципе, фиксируется уверенно. Правда... никто этим до сих пор не занимался основательно, например, с привлечением методики, удачно апробированной недавно Г. П. Гарбузовым и А. А. Завойкиным по другую сторону пролива. Наши представления о площади, структуре, стратиграфии и хронологии этих селищ опираются в основном на самые приблизительные, общие наблюдения, сделанные ещё И. Т. Кругликовой. Относительно непродолжительные соответствующие раскопки велись в 70—80-х годах прошлого века лишь на немногих селищах: в Кировском районе, около Ак-Ташского озера (Н. А. Гаврилюк, С. С. Бессонова) и вблизи Караларского побережья (А. А. Масленников). В последнем случае довольно широко применялась и магниторазведка (Т. Н. Смекалова). Есть информация о разведочных работах и небольших раскопках на селищах того же времени в юго-восточной и северо-западной частях п-ова (А. В. Куликов, А. Л. Ермолин, А. В. Гаврилов). Кажется, такие же объекты в сходных природных условиях во множестве были выявлены совсем недавно в ряде районов Западного Крыма (Т. Н. Смекалова). Думается, в данном случае при благоприятных обстоятельствах в исследовании этого типа памятников открывается самое широкое поле деятельности, включая, разумеется, и собственно раскопки, которые наверняка потребуют некоторой методической специфики. Так, совершенно очевидно, что они должны вестись очень большими, сплошными площадями (не менее нескольких сотен кв.м). В противном случае мы рискуем никогда не узнать ничего конкретного об облике строений жилого и хозяйственного назначения, их размещении в рамках одной поселенческой структуры (наличии оград, «кустов-скоплений» построек и ям, элементов правильной планировки, соотношении могильник — поселение и т.п.) и не выявить особенности стратиграфии, прежде всего, хронологические периоды. Последнее особенно важно в плане общих реконструкций этно-культурной и политической ситуации в Крыму накануне и на раннем этапе античного

периода местной истории, а равно и эволюции варварских культур, начиная с эпохи поздней бронзы. Позволю себе, опираясь на собственные наблюдения, дополнить данный тезис ещё одним обстоятельством. Дело в том, что в ряде случаев непосредственно вблизи селищ (до площадных раскопок сложно сказать — вблизи или примыкая и даже как бы на их территории) располагались не только гробницы в виде грубых каменных ящиков или столь же примитивных склепов под невысокими насыпями из камней и грунта, но и странные загородки из поставленных на ребро, кое-где в два ряда, достаточно больших камней. Иногда между ними встречаются довольно высокие и заметные. Эти «аллеи менгиров» тянутся на несколько десятков метров и более, образуя какие-то конструкции-ограды или «дороги» и располагаются, кажется, в топографическом отношении несколько выше собственно района поселений. Впрочем, более определённо высказаться о них сложно, опять-таки вследствие неясности стратиграфической и иной «раскопчной» ситуации. В любом случае, триединство упомянутых объектов (селище, гробница, ограда) представляется очевидным и примечательным.

Следующая из основных задач — определение характера и площади застройки внутри поселений. Сюда входит выяснение принципов общей планировки, размеров, облика и специфики жилых и хозяйственных построек и помещений, и, если это позволительно, степени благоустройства поселения в целом и отдельных жилых блоков в частности. Отсюда же — возможные выводы палеодемографического плана.

В данном контексте также очень заманчивая, хотя, как показывает опыт раскопок, редко успешно решаемая задача — поиск и выделение строений и пространств общественно-культурного назначения (святилища, площади, коллективные алтари, колодцы и т.п.). Работа с соответствующим материалом, как, впрочем, и с оборонительными сооружениями, требует особой тщательности, внимания к различным деталям, достаточно высокого уровня общей и специальной подготовки исследователя, прежде всего, знания соответствующей литературы и аналогий. Зато, будучи обнаруженными, аккуратно раскопанными и документированными, объекты такого рода предоставляют в распоряжение исследователей чрезвычайно информативный и важный материал для реконструкции духовной жизни и этноса древнего населения, а в какой-то мере — его социального статуса и имущественного положения. Как и в отношении сакральных объектов вне территории собственно поселений, тут чрезвычайно важен принцип «неторопливой основательности», максимальное внимание к различным, могущим впоследствии оказаться весьма существенными, деталям. (Положение отдельных предметов относительно друг друга и окружающего пространства, их состояние, характер грунта, присутствие в нём необычных включений и т.п. Крайне желательны локальные разрезы и профили, дополнительные, с разных позиций, фото- и графическая фиксации и, конечно, самое подробное описание.)

Весьма перспективно в этой же связи выявление примерного соотношения общей площади жилой и общественной застройки (и незастроенного пространства: улиц, площадей). Этот «показатель» в немалой степени определяет не только статус данного населённого пункта среди прочих синхронных ему поселенческих структур, но и его место в весьма сложной и противоречивой системе: город-поселение. Что, в свою очередь, позволяет прийти к некоторым выводам социально-исторического порядка. В самом деле: проблема археологических критериев, разграничивавших античный городок и рядовое, подчеркнём,

античное же сельское поселение, по мере накопления наших знаний в области боспорской археологии, вырисовывается всё отчётливее. Совершенно очевидно, что прежние представления об этом, основанные на противопоставлениях типа: большой — маленький, бедный — богатый, культурный — варварский и т.п., вряд ли всегда обоснованны и могут теперь считаться удовлетворительными. А, так сказать, основополагающие положения (город — сосредоточение ремесла, политико-административный и культурный центр) далеко не всегда подтверждаются, точнее, могут подтвердиться археологически. Так при раскопках некоторых сельских поселений дальней хоры мы всё чаще сталкиваемся с очень качественными постройками и находками вполне городского уровня (примеры правильной фортификации и высокого уровня строительного дела, богатого интерьера и экстерьера ряда жилых строений, элементы общественного благоустройства, погребальные сооружения, подчас, ничем не уступавшие городским некрополям, отдельные яркие артефакты или даже обилие достаточно редких находок и т.п.). Автор позволит себе не конкретизировать эти примеры. Такие случаи, находки и объекты или «на слуху», или уже малость позабыты. Разумеется, облик и статус отдельных населённых пунктов на протяжении их истории (подчас весьма продолжительной) не мог не меняться в силу целого ряда объективных и субъективных причин. И тогда проблема хронологии, т.е. в основном максимально адекватного прочтения стратиграфии, выступает на первое место. Отсюда так важен самый тщательный подход к особому рода археологическим деталям, специфическим предметам или их отсутствию, вышеупомянутому соотношению условно жилой и нежилой застройки и, конечно, масштабность самих раскопок.

Последнее обстоятельство хочется подчеркнуть ещё и ещё раз, несмотря на всю сложность работ на античных памятниках. (А это и непростая, подчас очень запутанная стратиграфия слоёв и строительных остатков, нередко усложнённая нарушениями и разрушениями самого разного времени и причин, и большое количество массового материала, порой противоречивого в плане «узких» датировок, и весьма трудозатратный характер самих работ, и многое, многое другое. В общем, всё то, что наверняка знакомо всякому полевику-антиковеду.) Да и памятник памятнику рознь. И тем не менее, с неизбежными оговорками касательно тщательности раскопок и соответствующих фиксаций исследователь, проводящий кратковременные и незначительные по площади изыскания, рискует уподобиться слепым в известной индийской притче об «идентификации» слона. Смее утверждать, что, по крайней мере, на большинстве поселенческих объектов ближней и дальней хоры европейского (и тем более азиатского) Боспора сезон, на протяжении которого вскрытая до материка площадь составила менее 250—300 м, — почти потерянный сезон. Ведь только одна специфика античного строительного дела и домостроения в частности предполагает вполне определённый минимальный «модуль» постройки и организации прилегающего пространства. И он, особенно с учётом планировки общей застройки (улицы, кварталы, ориентация стен и т.п.), никак не «вписывается» в площадь не только одного-двух, но нередко и нескольких стандартных (принятых у антиковедов) квадратов. (Не случайно на заведомо бедных строительными остатками поселениях Таманского п-ова со слабонасыщенным культурным слоем и несложной стратиграфией в последнее время практикуются рабочие «отсеки» размером 10x10м).

Возвращаясь же к проблематике: «город-деревня», следует, видимо, определиться с тем, что собственно считать сельским поселением любого вида. А это не так просто, как кажется на первый взгляд. В самом деле: если речь идёт о неких поселенческих структурах на территориях, более или менее уверенно отождествимых с хорой городов, такое определение вполне уместно. В классическом варианте это, собственно, загородные усадьбы, (виллы) или их «агломерации», а также, возможно, какие-то пограничные, несколько более крупные поселения, своего рода городские выселки. Если о первых, по крайней мере, для эпохи поздней архаики и эллинизма, мы имеем некоторое представление, то о последних можно говорить пока только предположительно. Но, как уже неоднократно отмечалось практически всеми исследователями, ближней (городской) хорой всё пространство так называемой сельской территории Боспора не ограничивалось. Скорее всего, гораздо более значительный массив земель имел иной статус (см. выше). И если для позднеклассического и раннеэллинистического времени в отношении царских земельных владений можно уверенно писать о больших усадебных комплексах и сопутствовавших им, подчас сезонных и почти наверняка специализированных (рыбаков, скотоводов, виноградарей и т.п.) относительно небольших и неукреплённых «посёлках» и сторожевых пунктах, то для более позднего времени ситуация существенно сложнее. Начиная, видимо, со второй трети — середины III в. до н. э. и вплоть до конца античной эпохи облик и статус поселений на пространствах дальней хоры кардинально меняется. Причём, несмотря на последующие «потери» и «приобретения», а также изменения и инновации, он в целом сохранялся впоследствии вплоть до конца рассматриваемого времени, т.е. примерно до середины — третьей четверти VI в. н. э.¹ Не останавливаясь на этом подробно, скажем лишь, что крупнейшие городища имели не только весьма большую (по местным меркам) общую площадь, солидные и качественные укрепления, но и правильную планировку, элементы общественного благоустройства. При этом они располагались как в глубине полуострова, наверняка на основных дорогах и являлись узлами локальной обороны, объединённой общим замыслом в единую систему с прочими укреплениями и специально обустроенной пограничьем, так и на побережье. Однако основные принципы планировочного «решения», да и сам облик глубинных и прибрежных поселений существенно различались (см. ниже).

Разумеется, эта система сложилась не сразу, и не все её «составляющие» существовали на протяжении всего указанного времени. Но в данной связи для нас важно то, что некоторые из поселений вполне могли не только иметь городской статус, но и являться таковыми. Естественно, со всеми соответствовавшими времени и месту оговорками, то есть, спецификой (Илурат, городище у села Белинское и в Артезианском урочище, может быть, Тасуново и Михайловка, Зенонов Херсонес а ранее — Золотое Восточное). Обращает на себя внимание то, что в подавляющем большинстве эти городские признаки фиксируются на городищах «глубинки». (Прибрежные, точнее, Приазовские поселения этого времени, даже самые крупные, выглядят в этом отношении более варварскими.) Не случайно, согласно мнению некоторых исследователей, целый ряд населённых пунктов в глубинных районах

¹ Отметим попутно, что ситуация на ближней городской хоре в данный период нам мало известна, что весьма досадно, но в тоже время по своему показательно. Ведь её состояние и структура почти напрямую отражали наличие и трансформацию прежних полисных традиций и установлений.

Крыма, упомянутых Клавдием Птолемеем, следует отождествлять с крупнейшими городищами Керченского п-ова.² Естественно, окончательное решение этого вопроса лежит уже только в археологической плоскости. (И делается здесь в последние годы усилиями ряда специалистов немало.) Лишь в одном, кажется, случае мы имеем дело явно со значительным по площади и характеру укреплений поселением, городской статус которого весьма вероятен, благодаря счастливой, хотя и спорной, эпиграфической находке. Мы имеем в виду так называемый Савроматий — городище, расположенное практически в середине Керченского п-ова, непосредственно на линии Узунарского вала, т.е. как бы в центре всей системы оборонительных сооружений, выделяется своим явно городским характером оборонительных сооружений (наличие круглых и квадратных башен, ровных стен, аккуратно сложенных из крупных известняковых блоков и даже квадров, иногда грубо обработанных иногда под руст). Показательна находка обломка массивного известнякового солена, делающая весьма вероятным предположение о наличии здесь очень солидной и значимой постройки, например, «дворца» — ставки боспорского царя Савромата II. Именно временем его правления и датируется упомянутая надпись. Такой датировке не противоречит и весь археологический контекст с его довольно узкими хронологическими рамками (вторая половина II, первая половина III вв. н. э.)³.

Теперь остановимся на некоторых палеодемографических моментах. Источников по данной тематике вообще немного, а для почти бесписьменной истории рассматриваемой территории их, почитай, и вовсе нет. В какой-то степени это некрополи, но все соответствующие подсчёты и реконструкции здесь весьма относительны, и, не побоюсь этого слова, порой маловразумительны. Иное дело поселенческие памятники. Ведь, в сущности, они как бы более однозначны: вот дом, в нём могло жить максимум столько-то человек, минимум столько-то. А состав средней семьи был в это время примерно таким. Ну, и т.д. При этом о последнем факторе, как только что писалось, можно судить хотя бы приблизительно (сельская община того времени и цивилизационной принадлежности — это, как принято считать, соседская община, состоявшая из группы так называемых малых, (неразделённых?) семей, включавших представителей двух-трёх близкородственных поколений): в среднем 4—8 человек. Вряд ли много больше. О прочих же — лишь исходя из общей и конкретной (частной) площади жилой застройки и этажности домов. Правда, здесь надо условиться о том, что мы считаем жилым помещением. Иными словами, какие из них и сколько «вмещали» спальных мест. Почему именно этот показатель здесь важен? Да потому что, скорее всего, жизнь обитателей даже античных сельских населённых пунктов на далёкой полуварварской окраине проходила в повседневном, в

² Напомним, в разделе о Таврическом Херсонесе (Ptol. VI, 5) он перечислял их именно, как полисы, т.е. города, что для современного историка довольно-таки странно с учётом того, что мы и древние авторы понимали под, так сказать, классическим полисом. И, тем не менее, при всех соответствующих оговорках, с данным обстоятельством, вероятно, хоть в какой-то степени следует считаться.

³ Впрочем, этот городок-ставка мог носить и другое название: Никея. Во всяком случае, существование такового на пространствах именно этой части Боспора, и именно в указанную эпоху допускает уже на основании ещё одной надписи В. П. Яйленко.

прямом смысле этого слова, труде.⁴ И домоседство, надо думать, было редким исключением, позволительным детям, немощным и в непогоду. В остальном же семья собиралась в жилище, как правило, на ночь. Наличие очагов и особенно печей — также немало важный элемент. (Одна или две одновременно действовавших, схожих по конструкции и размерам печи могут свидетельствовать о кухне в «коммуналке».) Немало места должно было отводиться хранению запасов, возможно, на некоторых поселениях коллективных, а также хотя бы частичного или временного содержания скота. Разумеется, и тут неизбежны кое-какие вопросы. Но главное всё же — число домов и площадь их пригодных для сна и трапезы помещений. И то и другое непредставимо без достаточно полных, а лучше — абсолютно полных раскопок поселения.

Вопроса о примерной численности населения отдельных городских центров и даже государств Северного Причерноморья в своё время касались В. Д. Блаватский, С. Д. Крыжицкий, Н. А. Щеглов, В. М. Отрешко. Но они использовали в основном, так сказать, косвенные источники и наблюдения. Пожалуй, впервые, исходя из вышеизложенного археологического «контекста», смогла позволить себе это сделать И. Т. Кругликова, опиравшаяся на результаты масштабных раскопок Семёновского поселения в Крымской Приазовье. Следует при этом заметить, что в этом случае мы имеем дело как бы с поселением-казармой, где практически все дома-помещения были весьма схожей площади и планировки. Иное дело — усадебные комплексы типа Генеральского-западного, где перед нами существенно более продвинутое, тщательно и правильно спланированные помещения, возможно, хотя бы отчасти обитаемость которых за исключением особых случаев — примеров изолированных сторожевых постов-фортов — маловероятна, на подавляющем большинстве сельских поселений европейского Боспора самого разного типа и времени пока археологически ничем не доказана.) Их обитатели и тем более владельцы явно были менее стеснены и даже могли позволить себе некоторый комфорт. Но это уже детали проблемы, которую мы вовсе не собираемся здесь решать. Ясно лишь, что любые формулы и математические ухищрения могут «заработать» не сами по себе, а только тогда, когда степень археологической изученности объекта будет максимальной. Последнее означает не столько полную, сколько достаточную для уверенной реконструкции всего «подобного» раскопанность памятника. В принципе, данное обстоятельство уместно и правомерно для всех прочих рассматриваемых аспектов проблемы.

Массовый материал из раскопок соответствующих памятников, как известно, ценен в плане хронологии и суждений, естественно, относительных, о благосостоянии и достатке жителей сельских поселений. В известной степени он позволяет делать выводы о прямых и опосредованных торгово-обменных связях, степени развития товарно-денежных отношений. Работа с каждой категорией этих артефактов требует своей специфики и специальной узкодисциплинарной подготовки (нумизматика, малая эпиграфика, столовая посуда, коропластика и др.). И здесь важны и статистические подсчёты, и стилистические наблюдения, и некоторые естественнонаучные методы (разного рода анализы). Из последних достижений в этой области упомянем первые опыты археомагнитного датирования. Более или ме-

⁴ Да что там далёкая окраина! «Центр мира» — Италия — требовала от сельского труженика почти постоянной занятости, вспомним хотя бы советы Катона

нее успешно апробированные на предметах коропластики, они пока не испытаны на самых массовых категориях находок: амфорной таре и гончарной посуде. Ещё более проблематичны соответствующие результаты в отношении лепной керамики, хотя тут всё же уже есть обнадёживающий опыт. Должен отметить, что в отношении радиоуглеродного анализа наш оптимизм куда меньше, чем у специалистов по эпохе бронзы и ещё более ранних археологических культур и периодов. Предельно достижимая здесь точность, как правило, уступает уже разработанным традиционным хронологическим реперам, а главное — письменным источникам.⁵

В этой же связи, а также и в свете вообще всего выше- и нижесказанного, нельзя остановиться на оценке весьма распространённых в настоящее время методов, так сказать, непрямых, внеархеологических исследований (магнито- и электроразведки, георадары, отчасти — ГИС-технологии и т.п.). Как хорошо известно, они появились уже достаточно давно, постоянно совершенствуются и испытываются на самых разных памятниках большинства исторических эпох. Успешно защищено несколько соответствующих, в том числе докторских диссертаций. Наконец, автор сам имеет очень продолжительный (около 30 лет) опыт такого полевого сотрудничества. Можно, как нам кажется, подвести и основные итоги, по крайней мере, применительно к рассматриваемым объектам и территории. (Сделать это, пусть и не профессионально, всё же следует, поскольку сами профессионалы в данной области по понятным причинам спешить с этим не собираются.) Особо оговоримся, что речь не идёт об общей, так сказать, площадной разведке, как таковой. Здесь все традиционные и нетрадиционные способы если не одинаково успешны, то вполне допустимы и даже желательны. Иное дело непосредственная работа на памятниках, в данном случае — поселениях. С одной стороны это как бы тоже разведка. Но разведка уже не предполагающая поиска поселения вообще, а попытка выявления его внутренней, скрытой в глубине культурных напластований структуры. Это вроде бы следующий этап исследования. И тут «картина» представляется гораздо более неоднозначной, если не спорной.

Итак, совершенно очевидно, что, во-первых, выше употреблённое «совершенствуются» применимо, в сущности, к приборам и технике, а не к методике этих изыскательско-разведочных работ. Исходя из собственного опыта, скажем следующее. Немногие вполне положительные и даже показательные результаты на поселениях Крымского Приазовья, позволившие впоследствии в целом более или менее адекватно отождествить выявленные аномалии с действительными строительными остатками, ямами, печами и н. др. объектами, были получены уже довольно давно и с помощью весьма простых по современным представлениям приборов. Иными словами: их совершенствование и удорожание сами по себе уже не приводят к качественно новым, да и просто качественным результатам. То же касается и «новейших» георадаров.

Во-вторых, не менее очевидно, что эти успехи, да и вообще, хоть какие-то реальные достижения, подчеркнём, были достигнуты лишь на условно однослойных памятниках хорошей сохранности, да и то только при определённых обстоятельствах (см. ниже).

⁵ В общем, автору неоднократно приходилось «суфлировать» специалистам упомянутых и некоторых других естественных методик, корректируя, порой, как бы негласно, их выводы и наблюдения. Тогда где же объективность?

В-третьих, всякая интерпретация результатов этих изысканий, а точнее, неких выявленных аномалий, по большей же части (на подавляющем большинстве поселенческих структур) не просто спорна и неоднозначна, но, вообще, невозможна по причине недоработок «теоретической базы» таких исследований и разнообразной специфики самих памятников. А, следовательно, несовершенства методических приёмов.⁶ Нередко такая интерпретация как бы вторична (то есть, не независима), являясь следствием наблюдений непосредственных археологических реалий или учёта мнений специалистов-антиковедов. Упомянутая же специфика археологических объектов (поселений) создаёт на пути геофизических изысканий порой совершенно непреодолимые препятствия объективного и субъективного характера. Первые — обилие камня и каменных конструкций подчас достаточно неплохой сохранности. С одной стороны, это очень даже благоприятствует их обнаружению и более или менее уверенному отождествлению. С другой, — сплошные каменные завалы стен практически сводят это же преимущество на нет. Лишь там, где завалы каменной минимальны или вовсе по каким-то причинам отсутствовали, полученные результаты были вполне приемлемы. Но такие примеры в нашей практике единичны. Чрезвычайно осложняет задачу геофизического поиска, а точнее, истолкования полученных с помощью магниторазведки результатов, характер подстилающих культурные слои материковых пород. А это очень часто — всё те же, что и стены, известняки, причём залегающие нередко на различной глубине даже на ограниченной площади. Именно их выходы нередко принимаются за искусственные конструкции порой весьма причудливых или, напротив, «знакомых» очертаний. Если же добавить ко всему этому иные аномалии, а равно и наложение, а нередко и «переплетение» различных по сохранности, протяжённости и сопутствовавшему грунту и камню строительных конструкций, то «картинка» становится ещё более ирреальной. Наконец, не столько объективный, сколько привнесённый, субъективный фактор: значительная засорённость рассматриваемых территорий относительно современными металлическими предметами (осколки снарядов и иного железа ВОВ, гвозди и жёсть от сожжённых ящиков и банок — недавние следы туристов и браконьеров и т.п.). Всё это, так сказать, поверхностные наблюдения и суждения дилетанта. В реальности же таких причин, наверняка, больше, и они сложнее.

Несомненно, похвально желание облегчить и упростить процесс познания, особенно сложный и во всех отношениях затратный и тяжёлый в археологической полевой практике. И желание это, что столь же несомненно, вполне искреннее. Автор убеждён в этом, будучи связан долготными и самыми дружескими узами с ведущими российскими геофизиками-полевыми. Но, думается, на современном уровне такого рода изысканий и методических разработок они в значительной степени представляют собой вариант подмены профессиональных исследований некими «косвенными» способами, приёмами, очевидно более дешёвыми и быстрыми. Автор совершенно убеждён, что самостоятельного значения, даже в плане чистых, первоначальных разведок, все эти методы не имеют. Никто и ничто не заменит кропотливого и нелёгкого во всех отношениях труда археолога. В том числе (а то и в особенности) тех, кто исследует античные памятники, в частности — сельские поселения. Говорят, Мао-Цзедуну принадлежала нехитрая мудрость: «Чтобы узнать вкус груши надо засунуть её

⁶ Специалисты-геофизики, опять-таки по понятным причинам, упорно не хотят анализировать свои неудачи, вольно или невольно рекламируя подлинные и мнимые достижения.

в рот и раскусить». Копать надо, и только раскопки есть главнейший и надёжнейший (хотя тоже по-своему неоднозначный) источник нашей информации, как бы сложна, дорога и трудоёмка эта работа ни была. Образно говоря, «отряд хилых и тупых пионеров» (естественно, при известном усердии со стороны «администрации») на раскопках, безусловно, предпочтительнее бригады дипломированных специалистов-геофизиков. Ибо они, пионеры, хоть что-то раскопают. И вообще, лучше тщательно раскопать хотя бы небольшую площадь, выявив если и не показательную, то всё же объективную стратиграфию, открыв строительные остатки и не показательную, то всё же объективную стратиграфию, открыв строительные остатки, ки пусть и плохой сохранности и собрать массовый (а иногда и не только) материал, полученный таким образом, удовлетворение от качественных и вполне внятных результатов, нежели ломать голову над «картинкой» чего-то неопределённого, виртуального, трактуемого «и так, и сяк, и наосьяк», а главное, не могущего служить основанием для сколь-нибудь однозначных, обоснованных выводов, и, следовательно, исторических реконструкций.

Читателю, очевидно, известно, что интерес к естественнонаучным методам полевых разведок у археологов по разным причинам то возрастал, то угасал. В целом, можно, вероятно, выделить не меньше двух-трёх таких этапов. И всякий раз надежды на технические новшества оказывались, мягко говоря, не вполне оправданными даже применительно к сельским территориям. Что уж говорить о сложнейших античных городищах, отождествляемых с большими городскими центрами!

Из всего сказанного, разумеется, вовсе не следует, что магнитометры и георадары следует выбросить или сдать в утиль. Просто надо думать над особенностями их использования, пределами возможностей и совершенствованием соответствующей методики. Иными словами, причинами удач и — что случалось много чаще — неудач. Количественный же этап этих изысканий, очевидно, пройден. Однако все призывы такого рода к коллегам-геофизикам остаются по понятным причинам «гласом вопиющего...».

В заключение же этого достаточно скандального раздела (впрочем, уверен, не обидевшего моих друзей-геофизиков) скажем несколько слов об относительно новой «болезни», охватившей всё околоархеологическое «сообщество». Речь пойдёт о металлодетекторах. Об их пользе, а, в основном, вреде сказано и написано уже немало. Юридической и, так сказать, бытовой (мотивировочной) стороны этой проблемы мы, естественно, не касаемся. Она очевидна. Правила же использования металлоискателей археологами также зафиксированы в соответствующих директивных методических «Положениях» РФ («Положение о порядке проведения...» раздел 3, 13. ИА РАН, М., 2007). Нельзя обойти этот вопрос и в связи с нашей тематикой.

Во-первых, их применение на рассматриваемой территории совершенно оправдано и даже необходимо (см. выше) как этап, предшествующий геофизическим измерениям (съёмке). Во-вторых — ради работ «на опережение». (За последние годы не помню случая, чтобы в ходе раскопок или после их завершения «мои» археологические объекты не посещались местными или приезжими «поисковиками».) Одно утешает: из опыта знаю, что ничего или почти ничего путного потеряно для науки здесь, к счастью, не было. Более того, по милости Божией или по счастливой случайности вполне ценные для археологов находки оставались необнаруженными. Достаточно вспомнить судьбу знаменитого мирмекийского клада. (Чего тут больше: везения или несовершенства приборов — не знаю.) Иное дело — некрополи...

Скромно надеюсь, что ажиотаж вокруг металлоискателей, как средства обогащения или коллекционирования (что, подчас, одно и то же) со временем пройдёт ввиду дальнейшей «нерентабельности» этого промысла. Во всяком случае, это произойдёт раньше принятия изменений в соответствующем законодательстве. Но и тут не могу удержаться от некоторых сравнений. Пространства и памятники северной части Приазовья в целом, в силу упомянутых выше естественных и искусственных причин, сами по себе далеко не везде удобны, вернее результативны для такого рода поисковых работ. В этом их громадное отличие от равнинных, по большей части распаханых и существенно менее насыщенных камнем и посторонним железом территорий, степных районов Восточного Крыма и тем более Таманского п-ова. Общеизвестно и весьма примечательно, что в последнее время именно оттуда поступает информация о многочисленных находках редких прежде монет и иных, главным образом металлических предметов, к великому сожалению, в основном остающихся вне поля зрения специалистов. Но и тут, насколько мне известно, крымские «коллеги» счастливчиков «новой волны» куда менее удачливы и вовсе не по причине меньшего рвення или худшей оснащённости. Хотя и тут есть примеры поистине варварской (с помощью бульдозеров и экскаваторов) «обработки» некоторых местонахождений, то есть поселений.

Нет худа, без добра: эта информация делает ещё более очевидным существенное различие в динамике освоения сельской округи двух основных районов боспорского государства. Особенно этот касается ранних периодов местной истории.

Вероятно, следующий пункт «программы» надо было поставить первым в нашем перечне, но мы оставим его на этом месте. Всякое античное сельское поселение своим местоположением, «привязкой» к водным источникам, дорогам и иным путям сообщения, топографией, степенью удалённости друг от друга и от городских центров и т.п. было тесно связано с природным фактором — окружающим ландшафтом. Не исключение — разумеется, со всей соответствующей спецификой местных условий — и разнообразные поселения ближней и дальней хоры европейского Боспора.

Отсюда и целый круг сопутствующий тем. Например, эволюция микрорельефа вследствие береговой абразии или иных негативных природных факторов. Динамика уровня Азовского и Чёрного морей показывает, что процессы, связанные с первым фактором, протекают постоянно и наверняка учитывались древними строителями. Во всяком случае, приазовские городища демонстрируют своим расположением как данное обстоятельство, вернее, опасность, так и то, что интенсивность этих разрушений в последнее время нарастает. Появляется всё больше почти неоспоримых данных (раскопки городища Артезиан Н. И. Винокуровым, наши работы на городищах Полянка, Золотое Восточное и др.), свидетельствующих о катастрофических разрушениях и необратимых природных изменениях вследствие сильнейших землетрясений. И здесь, на пространствах хоры, в отличие от городских центров они подчас гораздо однозначнее и внушительнее. Существенно меньшая интенсивность жизнедеятельности, так сказать, антропогенной нагрузки на природу и памятники сохраняет для исследователей сельских поселений больше разного рода фактов и следов. Данное обстоятельство, вообще, следует выделить особо, ибо оно имеет подчас решающее значение при исторических реконструкциях. Например, целый ряд наблюдений и бесспорных выводов, основанных на, подчеркнём, масштабных и профессиональных раскопках таких восточно-крымских горо-

дищ, как Артезиан и Белинское позволяют со значительной долей уверенности судить о некоторых событиях и даже периодах боспорской истории, совершенно не отражённых или до крайности запутанных в письменных источниках (процесс освоения греками-боспорянами и характер организации пространств п-ова; перипетии первого этапа Боспоро-Римской войны середины I в. до н. э. и Боспоро-Херсонесских войн IV в. н. э. и др.). А чего стоят новейшие открытия в области «сельской» фортификации и сакральной практики сельского населения! (Раскопки Н. И. Винокурова, В. Г. Зубарева, А. Л. Ермолина.) Не останавливаясь на всём этом по понятным причинам подробнее, не могу не воскликнуть: «Да мы просто ничего не знаем про Боспор! По крайней мере, про его сельскую территорию! И ещё меньше понимаем то, что знаем, вернее, узнаём». (Последнее — естественное следствие нашего невольного желания объяснять всё новое и непонятное с точки зрения современной логики и знаний. Ход же мыслей и логика поступков древних были подчас совсем другими и... вряд ли вообще постижимы нами.) Но вернёмся к теме изложения.

Чрезвычайно интересным является вопрос о водоснабжении местных поселений в античную эпоху. Он связан также, по-видимому, с периодическими изменениями климата (число осадков, полноводность рек и родников, среднегодовой максимум и минимум температур, роза ветров) и с уже упоминавшейся сейсмоактивностью региона. Сильные землетрясения, возможно, как-то влияли на уровень залегания грунтовых вод. Их исчезновение или смещение горизонта — не менее очевидная причина прекращения жизни на некоторых поселениях, нежели политические неурядицы, войны или этнические перемены. Напомним, только на азовском побережье экспедицией обнаружено более двух десятков явно старинных, а, не исключено, ещё боспорских колодцев. Сами по себе они — очевидная античная новация. Традиция их строительства прежде тут отсутствовала. Некоторые из колодцев были раскопаны экспедицией и подтвердилась их принадлежность именно указанному времени. В какой-то степени эти работы тоже можно считать методическими «приобретениями». Колебания уровня моря и здесь, естественно, имели самое существенное значение для местного населения.

Ещё менее разработан вопрос о древних путях сообщения. Лишь отдельные примеры (судя по данным аэрофотосъёмки и топографии курганных могильников) позволяют говорить об их вероятном наличии и направлениях. В любом случае, связь с поселенческими структурами здесь очевидна в плане организации обороны сельской территории и охраны коммуникаций. При этом прибрежные поселения (городища), естественно, ориентировались (наличием бухт, выбором места, контрольными высотами поблизости) на морские пути сообщения. Глубинные — располагались (изначально?) в больших и малых «узлах» таких дорог. Впрочем, повторяем, здесь многое требует уточнения и конкретизации.

Вообще, пространственная организация поселенческих структур подразумевает как бы два варианта их адаптации к местным природным условиям. Либо они органически вписываются в локальный ландшафт, то есть, их местоположение, общая и частная планировки, строительные приёмы почти полностью подчинены особенностям рельефа, основным направлениям господствовавших ветров, источникам питьевой воды, естественным путям сообщений и т.п. Либо всё это учитывалось лишь частично. Поселение строилось по предварительному, подчеркнём, правильному плану, ориентированное своими основными планировочными «решениями» по важнейшим астрономическим азимутам (частям света или

направлением сезонных «событий»). Под его местоположение подстраивались важные до-роги, рылись колодцы, выравнивались склоны и вершины холмов и т.д. Поселения первой группы, как правило, прибрежные. Второй — условно, степные, «глубинные». Само собой, речь идёт только о населённых пунктах, так сказать, античного типа.

Отдельно выделим и такой весьма специфический вопрос, как особенности формирования культурного слоя на сельских памятниках рассматриваемого региона. Насколько мне известно, он вообще никогда не ставился. А между тем, тут накоплен уже немалый запас наблюдений. Хотя его обобщение практически не начиналось, и мы вынуждены судить об этом в самых общих чертах. В первую очередь следует сказать, что, как уже отмечалось и наверняка известно всем специалистам соответствующего «профиля», здесь есть и условно однослойные и весьма сложные в плане стратиграфии объекты. Во вторую — нельзя не считаться с особенностями местного климата, розой ветров, характером материковых пород (нередко это скала, а не глинистые отложения, как на Тамани), рельефом местности, особенностями почвообразования, степенью антропогенного воздействия и, вероятно, не-которые другими факторами, каждый из которых заслуживает внимания. В третью — все они проявляли себя неодинаково в разных районах полуострова и, конечно, на памятниках разной типовой и хронологической принадлежности. Последнее обстоятельство несколько легче конкретизировать в зависимости от того, с чем непосредственно имеем дело: варварские селища, прибрежные (приазовские) усадьбы и городища, «правильные» укрепления типа Ново-Отрадное, Артезиан, «города» (Илурат, Белинское, Савроматий), святилища вне поселенческих структур, зольники-холмы и зольники-сбросы, искусственные террасы, валы и нивелировочные подсыпки, заполнения помещений и иных «закрытых» комплексов (рвы, ямы). О каждом можно сказать нечто, что определяет его своеобразие в данном отношении. И, конечно, требует от раскопщика особых приёмов работ, фиксации слоя и соответствующих материалов.

Но, как известно, прежде всего культурный слой является отражением человеческой жизнедеятельности в самых разных её проявлениях, хранит косвенную информацию об уровне социально-экономического и даже культурного развития конкретного коллектива. Причём конкретного не только в пространстве, но и во времени. Что я хочу этим сказать? А то, что соответствующие памятники Приазовья как бы разделяются на несколько хронологических групп, между прочим, и по цвету грунта культурного слоя или отдельных слоёв. Так для всех поселений античного типа середины IV — первой трети III в. до н. э. в целом характерен коричневый суглинок разных оттенков. Для синхронных варварских селищ — скорее серый, отчасти золистый в нижних горизонтах. Зато практически все прибрежные городища, начиная с III в. до н. э., отличаются в этом плане явно более светлыми, серыми тонами, обусловленными существенно большим содержанием золистых включений. (Разумеется, подчеркнём при всём этом слово «в целом».) Создаётся (и не без оснований) впечатление, что на протяжении всех последующих веков и уровень «благоустройства», и характер топливной базы, а равно степень интенсивности и традиции отопления и приготовления пищи, да и её «составляющие» заметно изменились. Добавим к этому опять-таки среднестатистическую (то больше, то меньше) насыщенность этого слоя раковинами морских моллюсков (мидий и отчасти устриц и морского гребешка), костями животных, а также явные перемены в чис-

ленности и самом наборе прочих, уже чисто археологических артефактов. Так повсеместно несколько сокращается число амфорных обломков и столовой посуды, исчезает черепица и растёт доля лепной керамики.⁷ Иными словами, на рубеже указанного времени на всей территории дальней хоры происходят довольно резкие перемены в рационе питания и образе жизни, отразившиеся напрямую в характеристике культурного слоя. За этим стоят радикальные культурно-экономические и, в конечном счёте, этнические изменения. (Напомним, об этом же говорят соответствующие инновации в облике лепной посуды, строительной техники, погребального обряда, способе хозяйствования и т.п.) Вектор этих перемен на рассматриваемой территории указывает на запад и отождествляется с так называемой позднескифской культурой со всеми её особенностями. Это с одной стороны. С другой, культурный слой в каждый конкретный период — это показатель интенсивности и качества жизни сельского населения в сравнении с городским. И здесь следует подчеркнуть, что за исключением неоднократно упоминавшихся селищ IV—III вв. до н. э., опять-таки в целом, эти различия не были уж столь существенными. Более того, на ряде памятников т.н. царской хоры (Генеральское-Западное, прежде всего) средняя насыщенность слоя такими значимыми находками, как монеты, амфорные и черепичные клейма, терракоты, фрагменты чернолаковой посуды, граффити была не ниже среднестатистической (и синхронной!) по городским центрам Боспора. Данную тему можно было бы продолжать и конкретизировать по историческим периодам, но и сказанного, кажется, достаточно, чтобы... обратить на неё внимание.

Ну а следующий раздел нашей проблематики и вовсе почти не изучен. Мы имеем в виду проблему «насыщенности» сельской территории, её демографического и экономического потенциала, определения зон хозяйственного разграничения каждого или крупнейших из поселений. Пока вся конкретика ограничивается здесь лишь общетеоретическими положениями, да недавними раскопками сельских святилищ, скорее всего, выполнявших роль и своего рода пограничных «меток».

Может быть, в стороне остались ещё какие-то аспекты темы поселений и методики их исследований, конкретика которой оказалась освещённой, осознаём это, весьма скупо. И всё же, как нам кажется, важно ещё раз подчеркнуть три взаимосвязанных условия успешного решения вышеупомянутых задач. Во-первых, высокий уровень общей подготовки и полевой практики исследователя, тем более руководящего раскопками. Во-вторых, работа на поселенческих памятниках должна вестись непременно большими площадями, достаточноми для уверенного выяснения большинства упомянутых «обстоятельств». В идеале следует добиваться полной раскопанности относительно небольших или интенсивно разрушаемых объектов. На прочих — оставлять значительные площади, для исследователей будущего, наверняка вооружённых иной, более совершенной методикой, располагающих новыми возможностями естественнонаучного поиска, а равно и ставящих другие задачи в плане исторических реконструкций. В-третьих, именно последнее обстоятельство, а также и вопросы хронологии массового археологического материала настоятельно требуют параллельного изучения нескольких однотипных памятников. Естественно, эта «параллельность» относительна во времени и далеко не всегда в силу ряда причин возможна практически. Но хорошее

⁷ Мы не касаемся менее «тонких», так сказать, изменений в ассортименте находок, знакомых всякому археологу-антиковеду.

знание работ предшественников обязательно. Именно повторяемость, как известно, является основой закономерности, проверкой объективности наших результатов. А то и другое — это уже связующее звено между «конкретикой» и «аналитикой». В нашем же случае — археологией и историей.

К ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЕТОДИКИ РАСКОПОК БОЛЬШИХ СКИФСКИХ КУРГАНОВ

В 1763 г. по поручению генерал-губернатора Новороссийского края генерал-поручика А. П. Мельгунова неподалеку от форта Св. Елизаветы (совр. Кировоград) у с. Копани Знаменского р-на был раскопан большой скифский курган Литая Могила высотой 10,5 м, вошедший в науку под названием Мельгуновского кургана. И хотя имеющиеся сведения о раскопках крайне скудны и противоречивы, великолепный комплекс скифских вещей, здесь найденный, впервые дал представление об облике материальной культуры легендарных скифов времени походов в Переднюю Азию второй половины VII в. до н. э. [Придик, 1911]. Эти в общем-то случайные, предпринятые исключительно из любознательности, раскопки знаменуют начало скифской полевой археологии в России.

Не менее значительным событием в изучении скифских древностей и становлении отечественной археологии стали раскопки кургана Куль-Оба в 1830 г., где при добыче камня под 10-метровой каменной насыпью был обнаружено богатейшее скифское царское захоронение [ДБК, 1854; Мозолевский, 1983, с. 47–64]. О какой-то методике раскопок здесь говорить не приходится — насыпь кургана механически разбиралась, о ее конструкции неизвестно ничего. В самых общих чертах известна конструкция склепа с уступчатым сводом и длинным дромосом. Информация о самом погребении в склепе из-за вмешательства грабителей в раскопки неоднозначная — дискуссия о существовании первичного погребения под полом склепа продолжается [Furtwangler, 1883, S. 17, und folg.; Артамонов, 1966, с. 58–64; Алексеев, 1992, с. 156; 1996, с. 104; 2003, с. 262; Чежина, Алексеев, 1994, с. 108].

Александропольский курган был первым скифским царским курганом, специально раскопанным с научными целями, четко сформулированными Л. А. Перовским. Поскольку изначально предполагалось, что курган находится в Герросе, области захоронения скифских царей, и великолепные вещи, найденные крестьянами накануне раскопок указывали именно на скифскую принадлежность кургана, ставилась задача исследования именно гробницы скифского царя. Впервые исследователю вменялось в обязанность ведение журнала с подробными описаниями ежедневных работ. На протяжении 1852–1855 гг. А. В. Терещенко и А. Е. Люценко полностью раскопали насыпь, а в 1855–1856 гг. А. Е. Люценко исследовал многочисленные подземные сооружения кургана [ДГС, I, с. 1–25, рис. на с. 1, 24, 23, табл. А, I–XXI], среди которых М. И. Ростовцев выделил три погребения. Насыпь кургана, в отличие

от всех остальных курганов, исследованных в этот период, была раскопана полностью и, как полагал М. И. Ростовцев, образцово для того времени [Ростовцев, 1925, с. 428–429].

Эту похвалу можно отнести лишь к тому, что насыпь Александропольского кургана действительно была полностью раскопана по всей площади, включая крепиду, а также к заключительному этапу исследования основания насыпи, сложных подземных погребальных сооружений и многочисленных ходов, блестяще осуществленных А. Е. Люценко в 1854–1856 гг.

К сожалению, А. В. Терещенко оказался непригодным для раскопок, весьма ими тяготился и при любой возможности занимался поездками по ближним и дальним окрестностям, результатом чего стало появление «Очерков Новороссийского края» и статьи о курганах и каменных бабах [Терещенко, 1853-А; 1853-Б; 1866]. Ведение ежедневного журнала (нынешнего полевого дневника) свелось к формальным записям о проведенных за неделю работах, составлявшихся задним числом, мало содержательных и невнятных, с крайне неопределенными, иногда прямо противоположными, координатами находок.¹ Чаще всего заметки вроде «С восточной стороны... кроме земли, ничего не отрывалось. С западной и южной тоже одна земля: местами рыхлая, а местами твердая» [О командировании, 1852–53, л. 88]. В целом достаточно непросто сориентироваться в последовательности работ. В итоге нет внятного представления о гигантской крепиде кургана, существование каменного панциря, покрывавшего поверхность кургана, едва угадывается. Нередко детали подменялись эмоциями. Камни из крепиды, по словам А. В. Терещенко, то ли 5 чел. (первоначальные записи в самом начале работы [О командировании, 1852–53, л. 19–25]), то ли 8 чел. (чуть позднее в частном письме [Бухтеев, 1853, с. 539]), то ли 12 чел. (несколько позже в текущих официальных рапортах [О командировании, 1852–53, л. 79–82, 84], то ли 15 человек (как это значит в заключительном рапорте и вошло в публикации), едва могли сдвинуть с места [О командировании, 1852–53, л. 22-об.; Извлечения, 1855, с. 51; ОАК 1859, с. IV].²

В конце концов бесконечная работа по снятию гигантской насыпи Александропольского кургана настолько надоела А. В. Терещенко, что летом 1854 г. раскопки кургана на глубине около 9 саженей от вершины были прекращены по причине обнаружения, как он докладывал, материка, наличие которого было установлено по необычайной твердости грунта, который «ни заступ, ни топор не могли разбивать», и отсутствию каких-либо примет гробниц [Об арх. разысканиях, 1852–1854, л. 32–33, 107–110].

Видимо, к этому времени относится рассказ В. Г. Тизенгаузена о «методике» А. В. Терещенко, заставлявшего своих рабочих поливать основание кургана и трамбовать грунт с тем, чтобы продемонстрировать его небывалую плотность, что, по его мнению, означало материк [Веселовский, 1911, с. 100]. Л. А. Перовский крайне скептически оценил

¹ «На западной стороне был найден отломок от ручки кувшина, который лежал между насыпью, в пяти саженях от основания». И это на площади кургана около 100 м в диаметре [О командировании, 1852–53, л. 87-об.].

² По оценке И. Е. Забелина, журнал А. В. Терещенко крайне неудовлетворителен и позволяет лишь очень приблизительно судить о местах находок. Кроме того, названия вещей настолько произвольны, что часто непонятно, о чем идет речь. А поскольку многие вещи из раскопок А. В. Терещенко были утрачены, то нет возможности их правильного определения [ДГС I, с. 3–4].

доклад А. В. Терещенко. Присланный ему на смену бывший инженер корпуса путей сообщений директор Керченского музея древностей А. Е. Люценко блестяще разобрался в ситуации. С помощью топографической съемки он установил превышение якобы подошвы кургана более чем на сажень над уровнем окружающей местности, с помощью диаметральных разрезов останца обнаружил материковые выкиды из гробниц, провел последовательное планомерное снятие основания насыпи до материка по всей ее площади и успешное исследование многочисленных подземных сооружений кургана в 1855-56 гг. [ДГС I, с. 1—25]. К сожалению, судьба Александропольского кургана оказалась печальной. А. Е. Люценко, уже в ходе раскопок готовивший полную публикацию кургана, потерял все написанное и свои архивы по раскопкам в огне пожара на его квартире в г. Екатеринославе. Повторно возобновить утраченное он не взялся, несмотря на предложение Председателя Археологической Комиссии С. Г. Строганова. Предполагавшееся роскошное издание материалов Александропольского кургана по образцу Древностей Восточного Киммерийского увидело свет в гораздо более скромном виде и было подготовлено И. Е. Забелиным по рапортам А. В. Терещенко и А. Е. Люценко в виде отчета [ДГС I, с. 1—25, рис. на с. 1, 24, 23, табл. А, 1—XXI]. Помощник А. Е. Люценко по раскопкам Александропольского кургана и сотрудник по Керченскому музею А. Лазаревский, взявшийся за подготовку к изданию после отказа А. Е. Люценко, так и не создал полноценное исследование [Лазаревский, 1894].

Дальнейшие исследования больших скифских курганов в России продолжались в направлении выработки наиболее дешевого способа добычи скифских древностей из-под земли. Раскопки Александропольского кургана показали крайне высокую цену полного исследования насыпи кургана, большую длительность по времени при абсолютно негарантированном результате, как это было хорошо известно по многочисленным раскопкам полностью ограбленных курганов в окрестностях Керчи. Дальнейшие раскопки больших скифских курганов производились узкой траншеей, сквозной или глухой, расширявшейся в случае обнаружения гробниц, максимально быстро и с минимальными затратами.

В сущности, применявшиеся во второй половине XIX — начале XX ст. способы раскопок больших скифских курганов трудно даже назвать какой-либо методикой. В названии краткой заметки Н. И. Веселовского «...О приемах при производстве раскопок» курганов отражена суть — набор технических действий по максимально быстрому, с минимальными затратами, прохождению насыпи для достижения подкурганной гробницы. Действия археологов по способам ничем не отличались от работы «счастливчиков», терминологию которых они с удовольствием заимствовали и нередко бравовали ею. И чем дальше, тем такое сходство становилось большим. Если И. Е. Забелин свои траншеи снимал послойно, ведя наблюдения по конструкции насыпей [Яценко, 2002], внимательно просматривая грунт, что давало многочисленные находки в насыпях курганов (Чертомлык, Краснокутский), то Н. И. Веселовский практиковал ускоренный способ проходки траншей методом подкапывания и обваливания максимально огромных глыб грунта для его скорейшего вывоза. Результат: о находках в насыпях курганов, раскопанных Н. И. Веселовским, не известно ничего, чего не может быть, учитывая характер памятников. Н. И. Веселовский также прославился и крупными промахами, когда в результате крайней спешки из-за

экономии средств оставались незамеченными гробницы, становившиеся добычей грабителей (Огуз, Деев курган). К тому же, невысокие по уровню раскопки Н. И. Веселовского еще и крайне плохо документированы — нет ни одного нормального отчета [Мозолевский, Полин, 2005, с. 20—29, 35].

Только в последние годы существования Археологической Комиссии начало складываться понимание порочности методики частичных раскопок кургана, проводившихся фактически без полевой фиксации, что «раскопки прежних поколений ученых — сплошная порча памятников» и необходимости исследования скифского кургана в целом при максимальной фиксации всего и вся [Спицын, 1910, с. 9]. По инициативе М. И. Ростовцева в 1914 г. было начато такое исследование 1-го Мордвиновского кургана на Херсонщине, которое в дальнейшем должно было послужить образцом методики раскопок больших скифских курганов. На кургане работали чертежники, производилось постоянное фотографирование всех действий и объектов. К сожалению, в связи с началом Первой мировой войны раскопки кургана были осуществлены только наполовину [Макаренко, 1916]. Документация по этим раскопкам не сохранилась.

После раскопок Н. И. Веселовского в 1916—1917 гг. в Нижнем Поднепровье исследования больших скифских курганов в Северном Причерноморье надолго прервались. Мотивировалось это тем, что Императорская археологическая комиссия вела исследования памятников исключительно для пополнения драгоценными экспонатами Императорского Эрмитажа в Санкт-Петербурге, что соответствовало истине, поскольку объектами раскопок были только средние и большие курганы. Курганы раскапывались частично, чаще всего одной глухой траншеей, в надежде на быстрое обнаружение подкурганной захоронений. И при появлении явных признаков ограбления, когда надежды на богатые находки исчезали или определялась принадлежность кургана к более древним эпохам, где драгоценные находки были заведомо исключены, раскопки нередко прекращались, курганы бросались недокопанными.

Правдой было и то, что мелкие скифские курганы, принадлежавшие рядовому населению, не исследовались и были неизвестны науке. Поэтому в советский период под лозунгом необходимости изучения памятников, характеризующих жизнь трудящихся масс, исследования (городища и поселения). Все это было совершенно необходимо для получения объективной картины жизни скифского общества. В то же время, за идеологическими лозунгами скрывалась и бедность археологии. Бюджетные ассигнования на плановые полевые исследования на Украине всегда были невелики. А ручные или механизированные раскопки больших курганов по новой методике, с полным снятием и изучением насыпи и подкурганной поверхности, требовавшие очень больших средств, которых никто не давал. Со временем исчезли и специалисты, обладавшие опытом раскопок больших курганов.

Исключением были раскопки скифского царского кургана в г. Мелитополе в 1954 г., случайно открытого при хозяйственных работах. А. И. Тереножкин и Е. Ф. Покровская обнаружили на месте разрушенного кургана два ограбленных скифских погребения IV в. до н. э., сопровождавшихся захоронениями лошадей. Несмотря на ограбление, здесь было обнаружено весьма значительное количество замечательных находок — золотых

украшений одежды, личных украшений, орудий труда, вооружения, узды, керамики, деталей повозки и многое другое. Наиболее замечательная находка — золотая обивка горита, идентичная найденной в Чертомлыцком кургане. Здесь были сделаны интересные наблюдения по устройству насыпи. Стенки разрезов были как бы выложены из разноцветных плиток. После высыхания грунта из них начали вываливаться крупные комья, оказавшиеся «самым подлинным вальком, сбитым очень плотно». Как писал А. И. Тереножкин, «основание кургана не насыпь, а сплошная глинобитная кладка. Курган не только не насыпали, но его в прямом смысле строили». К сожалению, о структуре верхней части Мелитопольского кургана ничего не известно, поскольку ко времени раскопок она была уничтожена. По заключению профессора почвоведения Пархоменко, посетившего раскопки, грунт в прослойках имел болотистый характер. Так как в окрестностях кургана почва состояла из каштанового чернозема, почвовед пришел к выводу, что грунт для строительства кургана доставлялся из поймы р. Молочной, находящейся в 4 км от кургана. Здесь эти вальки формовались, высушивались и затем перевозились к месту сооружения кургана. Вальки были очень плотными и нередко извлекались из насыпи целыми. Форма их овальная, ширина равнялась 0,2–0,3 м. А. И. Тереножкин называл эти вальки «примитивными сырцовыми кирпичами». На Мелитопольском кургане также пришлось столкнуться с большими глубинами гробниц — до 10 м, что очень сильно осложняло их исследование. Потребовалось привлечение горного инженера, обеспечения крепления котлованов сверхглубоких раскопов для обеспечения безопасности археологических исследований [Тереножкин, 1955, с. 30; 1955-А, с. 60; Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 19; Іллінський, Мурзін, 1999, с. 102]. Позднее, в конце 1960 — 1970-х гг., это стало нормой, а тогда все было внове, впервые, очень трудно, сложно и просто по-человечески страшно.

Более подробные сведения об этих раскопках заинтересованный читатель найдет в литературе, посвященной истории исследований скифских курганов [Артамонов, 1966; Брашинский, 1967; 1979; Лесков, 1974; 1981; Мозолевский, 1983].

Выработка подлинно научной методики раскопок больших и малых скифских курганов началась лишь в конце 1960 — 1970-х гг., в годы размаха новостроечных работ в южноукраинских степях. Эти годы были временем разработки и становления методики раскопок курганов с помощью землеройных машин. В начале 60-х годов делались только первые шаги в этом направлении. И хотя уже в то время в методических разработках по раскопкам курганов изучению всех элементов насыпи придавалось большое значение [Авдусин, 1959, с. 117–145], на практике это соблюдалось далеко не всегда. Исследователи курганов эпохи бронзы сравнительно быстро пришли к пониманию сложности конструкции насыпей этой эпохи и необходимости их тщательного изучения для выявления последовательности погребений. В 1960-х гг. при раскопках курганов эпохи бронзы в Нижнем Подонье В. С. Бочкарев, С. Н. Братченко, В. Я. Кияшко, А. Н. Мелентьев разработали методику раскопок курганов параллельными траншеями для получения максимального количества разрезов курганов на всей площади, что позволяло получить максимум информации для реконструкции пространственно-временной структуры памятника [Отрошенко, 2001, с. 7]. И хотя предполагалось использование этой методики

и для раскопок скифских курганов [Телегін, Братченко, 1974, с. 109], к сожалению, в среде скифологов к исследованию насыпей скифских курганов такие требования долго не предъявлялись. Исходя из хронологических разработок М. И. Ростовцева, от насыпи кургана не ожидалось ничего заслуживающего особого внимания. Считалось вполне достаточным снятие кургана до уровня древнего горизонта или материка, оставление одной борозки для получения одного-двух разрезов, вполне достаточных для представления о конструкции кургана. По-прежнему считалось, что основная информация о кургане со-держится в погребениях.

Таким образом были раскопаны курганы Глеваха, Бориспольские курганы, Страшная и Толстая Могилы, Мордвиновские и Красноперекопские курганы и многие другие. Долгое время не считались нужными раскопки кольцевых рвов в курганах, не уделялось внимания изучению тризн. Только постепенно утвердилось представление о высокой информативной ценности всех элементов скифского кургана и необходимости тщательнейшего исследования насыпи, крепиды, рва, тризны, не говоря уже о погребениях.

Тогда никто и не предполагал существования сложных скифских курганов. И только с накоплением информации о многовариантности конструкций скифских курганов, в процессе учебы на ошибках возникла потребность тщательного изучения скифских насыпей. Так В. И. Бидзиля при изучении крепиды Гаймановой Могилы уловил ее трехслойность и установил связь слоев крепиды с различными досыпками кургана. Но к тому времени насыпь кургана и верхний третий слой крепиды уже были сняты, и полноценно зафиксировать его в чертежах уже не удалось. Десять сделанных уже после этого разрезов крепиды продемонстрировали наличие двух нижних и лишь остатков третьего верхнего слоя крепиды без насыпей и оплыва последней из них. При исследовании Гаймановой Могилы, поскольку не предполагалась сложная структура насыпи и крепиды, акцент был сделан на расчистке крепиды в плане по всей площади кургана. В результате была получена очень зрелищная панорама кольца расчищенной крепиды и отрывочная информация по структуре насыпи кургана. Как показывает сегодняшний опыт раскопок, необходимо было «нарезание» всего кургана максимальным количеством параллельных траншей, с зачисткой максимального количества разрезов кургана, из которых периферийные разрезы имеют ничуть не меньшее информационное значение, чем центральные. Для изучения крепиды кургана были бы достаточными расчистка сегментов крепид в останках с точной и западной сторон курганов.

Раскопки Желтокаменской Толстой Могилы впервые продемонстрировали сложнейшую структуру насыпи скифского кургана. И хотя связь ее основных элементов с конкретными погребальными сооружениями была надежно установлена, при нескольких разрезах насыпи была бы получена дополнительная информация по пространственной последовательности сооружения ее первичной и сложнейшей второй насыпи. Поэтому с середины 1970-х гг. и при раскопках скифских курганов также начали применять методику раскопок с возможно большим количеством параллельных профилей, что дало колоссальный эффект. Такая методика позволяет максимально точно определить стратиграфию кургана, последовательность захоронений в нем и выявить максимум конструктивных элементов и деталей различных конструкций. Так исследовались Вишневая Мо-

гила, Чертомлык³, курганы в Золотой Балке, у с. Львово, в Первомаевке, Дудчанах⁴, Водославке, Бабина, Водяна и Соболева могилы [Мозолевский, Полин, 2005, с. 33–48, 72, 94, 143, 236–298 — здесь все ссылки по курганам).

С возобновлением раскопок больших скифских курганов в 1960–1970-х гг. советские скифологи в стремлении побыстрее добраться к сокровищам скифских погребений заново прошли путь от практики быстрой механической ликвидации насыпи к восприятию скифского кургана как целостного памятника, где все его «верхние» элементы (насыпь, крепиды, ров, тризна) имеют не меньшее значение, чем захоронения и содержащиеся в них драгоценные вещи.⁵

³ В начале доисследования Чертомлыка в 1979 г. Б. Н. Мозолевский зачистил южную стенку траншеи И. Е. Забелина, ориентированной с востока на запад, давшую полное представление о структуре насыпи кургана. Позднее курган был разрезан с севера на юг и зачищены поперечные разрезы, подтвердившие ранее зафиксированную картину. Дополнительный разрез юго-восточного останца в направлении северо-запад — юго-восток дал то же, что и предыдущие разрезы [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 27–28, рис. 8]. В дальнейшем исследование насыпи кургана Р. Ролле производила с помощью мощного карьерного бульдозера «Чебоксарец», крупнейшего из существовавших в СССР, довольно странным образом. Высокие останцы были сняты примерно до 4 м высоты от материка, а затем бульдозер боковым краем ножа постепенно последовательно срывал вертикальный край каждого из останцов черноземной насыпи по всей длине, параллельно подчищая подкурганную площадь на уровне материка. В каждый раз возникавшем новом обвалившемся обнаруженное захоронение виночерпия можно было что-либо заметить. Таким образом, единственное обнаруженное захоронение виночерпия в 1984 г. в северо-западном останце из группы сопровождающих захоронений, исследованных И. Е. Забелиным, было наполовину снесено бульдозером и обнаружено лишь по костям верхней половины скелета, вывезенным в отвал [Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991, с. 68, рис. 43, 44].

⁴ В публикации этого уникального по конструкции насыпи кургана в результате досадного недоразумения по вине издательства не опубликован общий план этого интереснейшего кургана и планы трех погребений, имеются лишь многочисленные разрезы насыпи [Фридман, 1987, с. 159–166, рис. 2]. Фактически курган необходимо публиковать повторно.

⁵ С глубоким прискорбием узнал, что в последние годы один из опытных в прошлом раскопщиков скифских курганов Ю. В. Болтрик начал проповедовать идею скифского кургана как единого ансамбля, заключающуюся в провозглашении абсолютно одновременными всех без исключения объектов скифского кургана. При этом также искажается достоверная информация — грабительские ходы превращаются в дромосы, вторые входные ямы подзахоронений объявляются одновременными с первичными и т.д. и т.п. В Гаймановой Могиле в угоду концепции автора объявляются одновременными все захоронения кургана, при том что первичное и позднее захоронения кургана разделяют не менее 20 лет и в этом промежутке в курган впущены две гробницы, сопровождавшиеся собственными досыпками и крепидами [Полин, 2009]; в Чертомлыке объявляются одновременными Центральная Гробница и Северная впускная, для чего соединяющий их грабительский ход объявляется изначально сооруженным дромосом, произвольно изменяется по размерам и конструкции [Полин, 2003]; также произвольно интерпретируется как полностью одновременный Огуз [Болтрик, 1997, с. 33–35; 2000, с. 130–135; Болтрик, Фялко, 1995, с. 5–7]. В последнее время дело дошло и до малых курганов, где одновременными произвольно объявляются два погребения кургана, вопреки тому, что второе погребение впущено в край первичной насыпи, выкид из него лежит дугами по основанию первичной насыпи и все это перекрыто второй насыпью. При этом не публикуется разрез кургана, делающий очевидным нелепость предлагаемой интерпретации [Болтрик, Трейстер, 2010, с. 62, рис. 1]. Подавляющее большинство интерпретаций Ю. В. Болтрика абсолютно неприемлемо, поскольку основано на полном игнорировании данных стратиграфии и планиграфии курганов о последовательности погребений, связанных с ними выкидов, насыпей и крепид — принципов, на которых зиждется археология как наука.

Однако, как показывает дальнейшее изучение скифских курганов, даже исследование большого скифского кургана, включая его кольцевой ров, не полностью охватывает исследуемый памятник.

Окончание строительства кургана завершалось отправлением общей тризны, что зафиксировано в подавляющем большинстве скифских курганов — и больших, и малых. Остатки тризны, как правило, находятся во рвах курганов с западной или, очень редко, с восточной стороны курганов [Мозолевский, Полин, 2005, с. 287–294]. В какой-то мере можно их считать отдаленной репликой тризны возле курганов скифских царей, совершавшейся через год после похорон, столь ярко описанной Геродотом (*Herod. IV, 72*). Долгое время исследователи практически не обращали внимание на тризны. Рвы курганов не раскапывались, лишь отмечалось наличие находок фрагментов амфор и костей животных. Но постепенно ситуация выправилась. Особенно последовательным в этом отношении был Б. Н. Мозолевский, который после раскопок Толстой Могилы убедился в высочайшей информативности остатков тризны [Бибикова, 1973, с. 67; Мозолевский, 1979, с. 167] и раскапывал рвы всех скифских курганов независимо от их величины без исключения. Тем не менее, как показывают имеющиеся данные, пределы распространения тризн в курганах не ограничиваются их рвами.

Остатки тризны в Водяной Могиле высотой 6,5 м, где найдены фрагменты не менее чем 32 амфор и костей более 40 особей лошадей, крупного рогатого скота, овцы и благородного оленя, были обнаружены во рву, а также на пахотном поле с внешней стороны СЗ участка рва. Дальность распространения остатков тризны в поле установлена не была и ее исследования за пределами рва не проводились. Здесь среди измельченных вспашкой фрагментов амфор найдена ручка фасосской амфоры с клеймом, играющим важную роль в датировке кургана [Мозолевский, Полин, 2005, с. 79].

В Бабиной Могиле высотой 8 м остатки тризны и связанные с нею поминальные приношения представлены в значительно большем объеме. Здесь прослеживается несколько последовательных тризн, связанных с разными захоронениями. Особый интерес представляет наиболее мощный комплекс остатков тризны и поминальных приношений, связанный с гробницей №2. Большинство находок обнаружено во рву, а часть между рвом и последней крепидой в западной части кургана, а также за пределами рва к западу от него на удалении до 15 м, где на поверхности вспаханного поля встречалось значительное количество измельченных плугом мелких обломков амфор и костей животных. В 4–5 м к северо-западу от рва на протяжении около 40 м по дуге были зафиксированы остатки кольцевого окологурганного вала. В составе тризны найдены фрагменты более 90 амфор, чернолаковых сосудов, набор украшений погребальной повозки, включавший более 430 бронзовых блях различной формы, бронзовые уздечные украшения, кости более 60 особей лошадей, крупного рогатого скота, овец, собаки, благородных оленей и диких кабанов. Заслуживает внимания находка в тризне плечевой кости руки человека. Распространение остатков тризны за пределами рва на поле, а также окологурганного вала не исследовались [Мозолевский, Полин, 2005, с. 94, 104–107, рис. 27].

В Соболевой Могиле высотой 6 м остатки тризны найдены во рву по обе стороны от западного прохода. Часть фрагментов амфор была уложена в вымостку над сопровождающим погребением №8. Обнаруженные остатки тризны в Соболевой Могиле — весьма скромные.

для кургана такого размера: найдены фрагменты менее 30 амфор и кости животных не более чем от десятка особей быка, лошадей, овцы, собаки и диких кабанов. Вопрос о распространении тризны за пределами кургана не ставился.

В Гаймановой Могиле высотой 8 м, где ров отсутствовал, помимо богатейших поминальных приношений, найденных под основанием крепиды, также зафиксировано распространение тризны на поле с западной стороны кургана. Исследования тризны на поле не производились. Возле Желтокаменной Толстой Могилы высотой более 8 м, по рассказам старожил, во время посадки деревьев лесополосы в середине 1950-х гг. крупные части амфор выпахивались на расстоянии до 50 м к западу от рва кургана. Тризны за пределами рва или кромлеха курганов также отмечены в Двугорбой Могиле (высота 5 м), Шолохово кург. №4 (высота 4,3 м), Вольная Украина-II кург. №29 (высота 2,3 м) [Ольховский, 1991, с. 131]. Возле кургана Плоская Могила высотой 5,3 м, раскопки которого были проведены в 1972 г., спустя пять лет в 20–30 м к северо-западу от кургана в углублении до 1 м от уровня поля найдены более 250 бронзовых блях, украшавших погребальную повозку и лошадей. В кургане во рву по обе стороны от западного прохода в нем найдены обломки не менее 12 амфор и кости лошадей [Болтрик, Савовский, 1991, с. 98, 103, рис. 4.1–19]. Сюда следует добавить Чмыреву Могилу высотой 6 м, возле которой крестьяне в XIX ст., накануне раскопок, выпахали бронзовые наверхия и уже в наше время, в 1970-х гг., там же, на пашне, были подобраны еще два наверхия [Браун, 1906, с. 114, рис. 70 и 72; Болтрик, Фіалко, 1996].

Во всех этих курганах места распространения околочурганной тризны были разрушены многолетней распашкой. Везде ее исследования ограничивались сбором подъемного материала, по которому собственно и отмечалось наличие таких тризн. Неожиданная возможность исследования околочурганной тризны представилась при доисследовании давно известного памятника — скифского царского Александропольского кургана.

Благодаря стечению обстоятельств в 2004 г. удалось открыть остатки околочурганной тризны Александропольского кургана, где впервые представилась возможность ее исследования в полном объеме, поскольку в силу уникальных обстоятельств остатки тризны оказались дважды законсервированными: в первый раз после окончания погребальных церемоний, в скифское время, они были закрыты метровой толщей околочурганного вала и в 1852–1856 гг. были дополнительно перекрыты толщей отвала грунта, вывозившегося с кургана при его раскопках. Если бы не счастливое открытие околочурганной тризны в 2004 г., у нас было бы представление о тризне Александропольского кургана, как о чем-то малозначительном. Как ни странно, ров Александропольского кургана содержал очень мало остатков тризны — как обломков амфор, так и костей животных.

На протяжении шести сезонов (2004–2009 гг.) было установлено, что остатки могучей поминальной тризны Александропольского кургана находились за пределами рва и залежали вдоль западной стороны кургана (рис. 1) широкой дуговидной полосой шириной около 15 м на протяжении около 110 м (рис. 2). Характер распространения остатков поминальной тризны на протяжении полосы был неравномерным. На протяжении около 20 м возле западного прохода это был сплошной слой фрагментов амфор и костей животных (рис. 3, 4). Далее к северу и югу высокая концентрация остатков наблюдалась только возле человеческих погребений. В целом площадь распространения поминальной тризны составляла 2491,8 м².

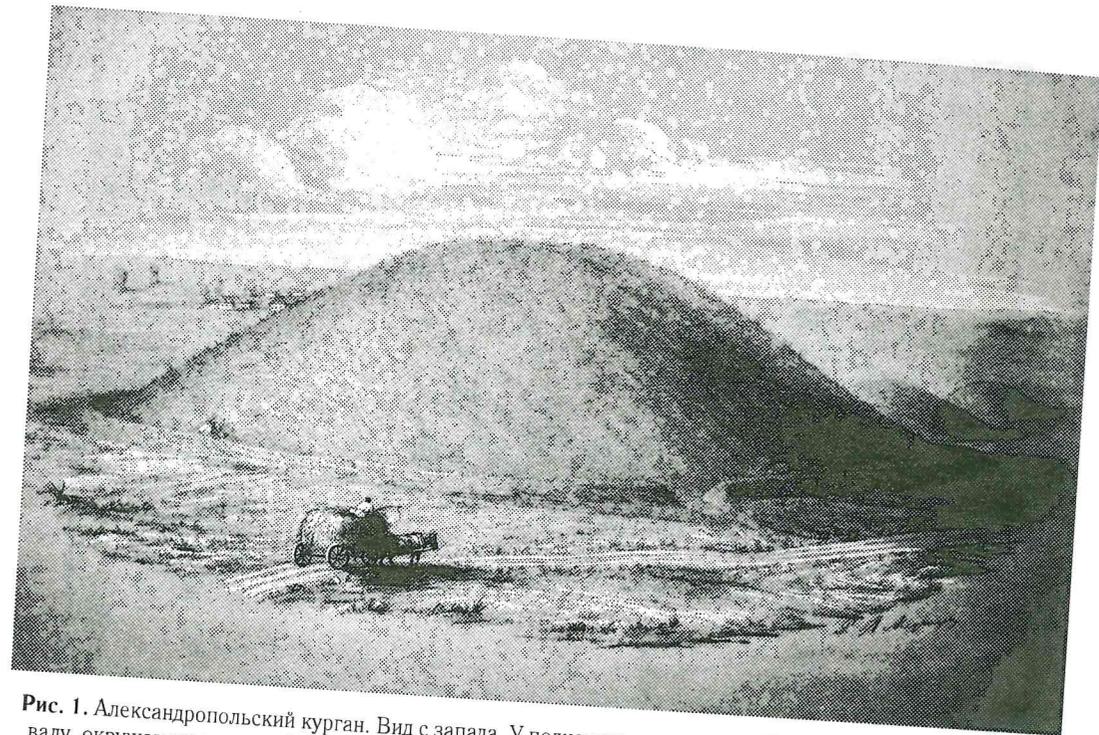
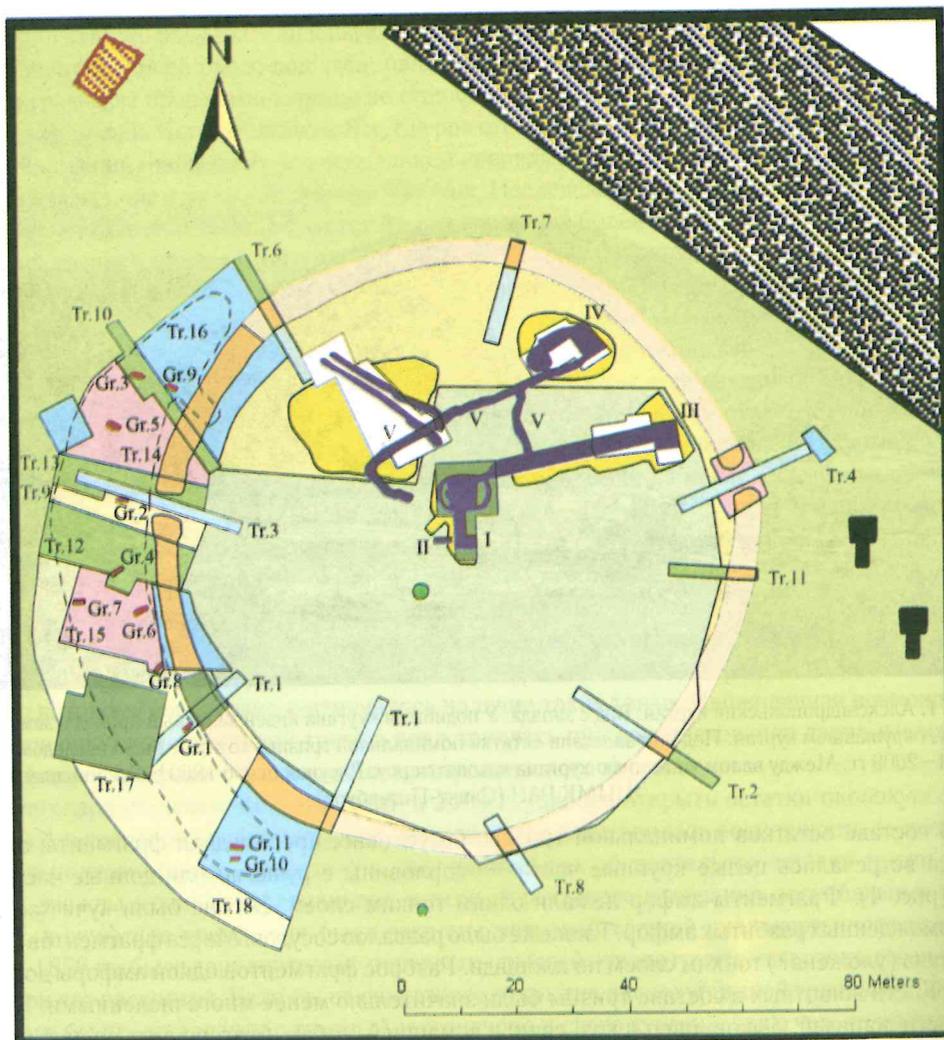

Рис. 1. Александропольский курган. Вид с запада. У подножия кургана виден западный проход в земляном валу, окружавшем курган. Под ним залежали остатки поминальной тризны, которые были исследованы в 2004–2009 гг. Между валом и насыпью кургана находится ров. Рисунок около 1860 г. Рукописный архив ИИМК РАН (Санкт-Петербург)

В составе остатков поминальной тризны, безусловно, преобладали фрагменты амфор, иногда встречались целые крупные части — горловины с ручками или донные части амфор (рис. 4). Фрагменты амфор лежали одним тонким слоем. Это не были кучи хаотично нагроможденных разбитых амфор. Также не было развалов сосудов. Масса фрагментов амфор рассеяна (уложена?) тонким слоем по площади. Разброс фрагментов одной амфоры достигал 20 м. Кости животных в составе тризны были значительно менее многочисленными. Найдены кости лошадей, быков, овец и коз, свиньи домашней, собак, благородных оленей и неизвестной птицы (определения О. П. Журавлева). Встречались также единичные фрагменты скифских лепных сосудов и немногочисленные металлические изделия — бронзовые и железный наконечник стрелы, бронзовые колокольчик и уздечная бляха, железные удила и псали, гвозди, скобы, обломок стеклянной поделки.

Впервые в составе поминальной тризны было найдено скопление мелких золотых нашивных аппликаций. Вероятно, здесь в процессе отправления поминальной тризны было брошено женское покрывало или накидка. Три типа таких аппликаций были найдены в Центральной гробнице кургана в 1855 г. [ДГС I, табл. VIII. 2, 4, 6, 13; IX. 27, 28]. Четвертый тип с изображением головы Афины в шлеме является новым и для Александропольского кургана и Европейской Скифии в целом [Полин, Дараган, 2010, рис. 7].

- Тrenches and excavations 2009 g.
- Тrenches and excavations 2008 g.
- Тrenches and excavations 2007 g.
- Тrenches and excavations 2006 g.
- Trench 2005 g.
- Trench 2004 g.
- P. 1-11 - burials of people in the trizna
- Investigated areas of the trizna
- Non-investigated areas of the trizna
- Limits of the trizna distribution
- Our reference points.
- Underground burial structures and underground passages. Excavations A.E. Lyudenko 1855-1856 g. I - Central grave, II - Konyasaya tomb, III - Sub-burial in the central grave, IV - North-eastern grave, V - underground passages (grave-diggers?).
- Outlines of excavations A.E. Lyudenko 1855-1856 g.
- Modern outlines of excavations A.E. Lyudenko.
- Modern buildings.

Рис. 2. Александропольский курган. Доисследование кургана в 2004—2009 гг. Расположение окологурганной тризны с западной стороны кургана

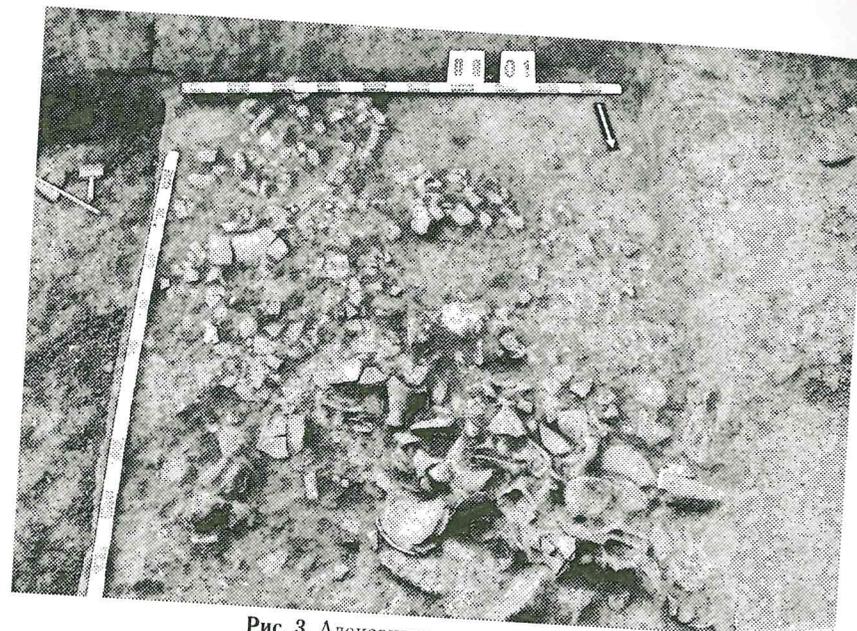

Рис. 3. Александропольский курган. Слой фрагментов амфор в окологурганной тризне вблизи западного прохода во рву кургана в траншее №9

Рис. 4. Александропольский курган. Горловины амфор в окологурганной тризне вблизи западного прохода во рву кургана в траншее №9

В пределах распространения тризны открыто 11 человеческих захоронений, являющихся ее элементом (рис. 1). Погребения перекрыты горловинами амфор, камнями или досками. Вокруг большинства из них наблюдалась максимальная концентрация фрагментов амфор и костей животных. Погребения устроены в узких неглубоких ямах, едва углубленных в материк. Скелеты ориентированы головой на запад. В большинстве погребений захоронены мужчины в возрасте 20–55 лет, в двух — дети 3–5 и 10–14 лет и в одном — женщина 25–35 лет (определения А. Д. Козак). Во всех погребениях сопровождающие вещи крайне немногочисленны. Тем не менее, некоторые погребения были ограблены и разрушены в древности. Найденные в нескольких погребениях по 1–2 наконечника стрел первоначально рассматривались нами в качестве сопровождающих вещей, перемещенных грызунами. Но находка в погребении №6 железного наконечника стрелы, застрявшего в толще черепной кости, заставила изменить это мнение. Все наконечники найдены среди костей скелетов, что, по-видимому, указывает на их нахождение в тканях тела. Вероятно, в процессе отправления тризны производился своеобразный «отбор» (точнее, отстрел) кандидатов для сопровождения верховного царя в мир иной.

Среди остатков поминальной тризны также найдены несколько обломков человеческих костей, принадлежащих молодой женщине и ребенку. В Александропольском кургане уже были подобные находки — в 1853 г. обломок человеческой челюсти был найден в насыпи кургана [ДГС I, с. 5]. В курганах Европейской Скифии в составе поминальных тризн подобные находки хорошо известны [Мозолевский, Полин, 2005, с. 292].

Остатки околукурганной тризны были перекрыты земляным валом. Вал с двумя проходами с западной и восточной стороны, окружавший курган за пределами рва, упоминается во всех описаниях XIX ст. и изображен на известном рисунке (рис. 1). Вал представлял собой широкое плоское возвышение. Под основанием вала на уровне древней дневной поверхности и залегал слой остатков поминальной тризны (рис. 5). Высота вала колебалась в пределах 0,6–1,1 м, также и ширина — от 7 до 18 м. Максимальная ширина вала отмечена в районах максимального разброса остатков тризны. Это показывает, что постройка земляного вала после полного завершения поминальной тризны, кроме ритуальных целей должна была и скрыть остатки тризны. После сооружения вала возможность новых дополнений в состав тризны была исключена. Среди остатков тризны в 2004–2009 гг. найдены остатки не менее 389 амфор 13 различных центров-производителей амфорной тары (рис. 6), с которыми связаны 51 амфорное клеймо, позволяющие уточнить датировку кургана в пределах третьей четверти IV в. до н. э., около 340–330 гг. до н. э. Открытие поминальной тризны возле кургана является событием не только для Александропольского кургана, но и для скифской курганной археологии в целом [Полин, 2010; 2010-А; Полин, Дараган, 2010].

Насколько широко распространены подобные тризны в курганах скифской знати, ответить сложно, поскольку никто не изучал этот вопрос. Но представляется, что вероятность открытия таких тризн в курганах высотой от 4–5 м весьма высокая. В более мелких курганах наличие околукурганных тризн проблематично. Пока что единственная проверка наличия околукурганной тризны возле кургана №32 высотой 2 м возле г. Орджоникидзе в 2007 г. на расстоянии до 20 м к западу от рва кургана показала ее отсутствие. В тризне этого кургана во рву обнаружено до 40 различных амфор и кости животных [Полин, Черных, Дараган, 2010].

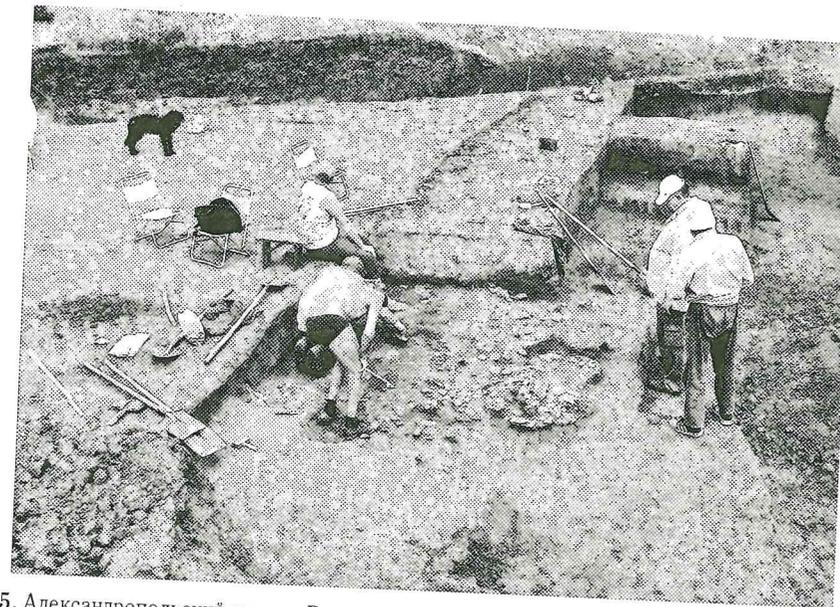

Рис. 5. Александропольский курган. Расчистка слоя фрагментов амфор в околукурганной тризне в траншее №14. В вертикальном срезе стенки квадрата хорошо видно материковое ядро околукурганного вала, накрывающее слой тризны

Рис. 6. Александропольский курган. «Добыча» 2005 г. в околукурганной тризне в траншее №9

ган, Разумов, 2008, с. 141]. В то же время, такая тризна упоминается к западу от мощной крепиды-стены в кургане №29 группы Вольная Украина-II высотой 2,3 м. Правда, здесь она не исследовалась.

Из всего изложенного следуют два вывода.

1. При раскопках больших скифских курганов высотой более 2—3 м в Северном Причерноморье⁶ исследования также должны охватывать полосы не менее 20 м шириной к западу, а в редчайших случаях расположения поминальной тризны к востоку от кургана — с восточной стороны кургана, где целесообразно проводить ручные раскопки с целью поиска и исследования околокурганной тризны. Особое внимание следует обратить на курганы, где сохранились земляные валы, окружающие курганы или имеются сведения о существовании таких валов в прошлом, которые могут надежно укрывать остатки поминальных тризн.

2. При паспортизации крупных скифских курганов непосредственные границы самого памятника должны охватывать до 20 м от краев насыпи кургана с полным запретом производства любых работ в них. Охранная зона памятника должна отсчитываться уже от этих границ.

Литература

- Авдусин, 1959. Авдусин Д. А. Археологические разведки и раскопки. М., 1959.
- Алексеев, 1992. Алексеев А. Ю. Скифская хроника. Скифы в VII-IV вв. до н.э.: историко-археологический очерк. СПб., 1992.
- Алексеев, 1996. Алексеев А. Ю. Скифские цари и «царские» курганы V-IV вв. до н.э. // ВДИ. 1996. №3.
- Алексеев, 2003. Алексеев А. Ю. Хронография Европейской Скифии. СПб., 2003.
- Алексеев, Мурзин, Ролле, 1991. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н. э. Киев, 1991.
- Артамонов, 1966. Артамонов М. И. Сокровища скифских курганов. Прага — Ленинград, 1966.
- Бибикова, 1973. Бибикова В. И. К интерпретации остеологического материала из скифского кургана Толстая Могила // СА. 1973. №4.
- Болтрик, 1997. Болтрик Ю. В. Про місце жіночих поховань в курганах скіфської еліти // Археологія. 1997. №1.
- Болтрик, 2000. Болтрик Ю. В. Скифский курган как единый ансамбль // Скифы и сарматы в VII-III вв. до н. э. Палеоэкология, антропология и археология. Сб. статей памяти Б. Н. Гракова. М., 2000.
- Болтрик, Савовский, 1991. Болтрик Ю. В., Савовский И. П. Курган Плоская Могила // Курганы степной Скифии. Киев, 1991.

⁶ Как мне сообщил В. С. Бочкарев, в курганах Прикубанья тризны, подобные нижнеднепровским, неизвестны. Искренне признателен за ценную информацию.

- Болтрик, Трейстер, 2010. Болтрик Ю. В., Трейстер М. Ю. Срібна фіала з Семикиної Могили // Археологія. 2010. №2.
- Болтрик, Фіалко, 1995. Болтрик Ю. В., Фіалко О. Є. Могили скіфських царів другої половини IV ст. до н. е. // Археологія. 1995. №2.
- Болтрик, Фіалко, 1996. Болтрик Ю.В., Фіалко О.Є. Повернення до Чмиревої Могили // Музейні читання. Тези доповідей наукової конференції Музею історичних коштовностей України. Грудень 1994 р. Київ, 1996.
- Брашинский, 1967. Брашинский И. Б. Сокровища скифских царей. М., 1967.
- Брашинский, 1979. Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979.
- Браун, 1906. Браун Ф. Отчет о раскопках в Таврической губ. // ИАК. 1906. Вып. 19.
- Бухтеев, 1852. Бухтеев М. Александропольский курган // ЗООИД. 1852. Т.3.
- Веселовский, 1911. Веселовский Н. И. Записка по вопросу о приемах при производстве раскопок // Труды XIV Археологического съезда. М., 1911. Т.3.
- ДБК, 1854. Древности Боспора Киммерийского, хранящиеся в императорском музее Эрмитажа. Т. I-III. СПб., 1854.
- ДГС, I. Древности Геродотовой Скифии. Сборник описаний археологических раскопок и находок в Черноморских степях. Вып. I. СПб., 1866.
- Извлечение, 1855. Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 году. СПб., 1855.
- Іллінський, Мурзін, 1999. Іллінський А. О., Мурзін В. Ю. До історії вивчення Мелітопольського кургану // Археологія. 1999. №3.
- Лазаревский, 1894. Лазаревский Я. Александропольский курган. Могила скифского царя // ЗРАО. 1894. Т. 7. Вып. 1-2.
- Лесков, 1974. Лесков О. Скарби курганів Херсонщини. Київ, 1974.
- Лесков, 1981. Лесков А. М. Курганы, находки, проблемы. Л., 1981.
- Макаренко, 1916. Макаренко Н. Е. Первый Мордвиновский курган // Гермес. 1916. №12.
- Мозолевський, 1983. Мозолевський Б. М. Скіфський степ. Київ, 1983.
- Мозолевский, Полин, 2005. Мозолевский Б. Н., Полин С. В. Курганы скифского Герроса IV в. до н. э. (Бабина, Водяна и Соболева могилы). Киев, 2005.
- ОАК, 1859. ОАК за 1859 г. СПб., 1862.
- Об арх. разысканиях, 1852-1854. Об археологических разысканиях в Екатеринославской губернии в 1852, 1853 и 1854 гг. // РАИИМК РАН. Ф. 9. Д. №43.
- О командировании, 1852-53. О командировании коллежского советника Терещенко для археологических разысканий на юге России и расследовании Луговой Могилы // РАИИМК РАН. Ф. 9. №6.
- Ольховский, 1991. Ольховский В. С. Погребально-поминальная обрядность населения степной Скифии (VII-III вв. до н.э.). М., 1991.
- Отрощенко, 2001. Отрощенко В. В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.
- Полін, 2003. Полін С. В. Про пограбування скіфських курганів в районі Чортомлика // Археологія. 2003. №2.

Полин, 2009. Полин С. В. Датировка Гаймановой Могилы // Материалы конференції «Проблеми скифо-сарматської археології Північного Причорномор'я» (до 110-річчя з дня народження Б. М. Гракова). Старожитності Степового Причорномор'я і Криму. Т. XV. Запоріжжя, 2009.

Полин, 2010. Полин С. В. Амфоры Александропольского кургана (по материалам раскопок 2004–2009 гг. // АМА. 2010. Вып. 14.

Полин, 2010-А. Полин С. В. Исследования скифского царского Александропольского кургана в 2009 г. // Археологічні дослідження в Україні 2009 р. Київ, 2010.

Полин, Дараган, 2010. Полин С. В., Дараган М. Н. Работы на Александропольском кургане в 2008 г. // СΥΜΒΟΛΑ. Античный мир Северного Причерноморья. Новейшие находки и открытия. Вып. 1. Москва — Киев, 2010.

Полин, Черных, Дараган, Разумов, 2008. Полин С. В., Черных Л. А., Дараган М. Н., Разумов С. Н. Исследования курганов эпохи бронзы и скифского периода у г. Орджоникидзе (Украина) в 2007 г. (предварительное сообщение) // Revista Arheologie. 2008. 4/1-2.

Придик, 1911. Придик Е. Мельгуновский клад 1763 г. // МАР. 1911. №31.

Ростовцев, 1925. Ростовцев М. И. Скифия и Боспор. Л., 1925.

Спицын, 1910. Спицын А. А. Археологические раскопки. СПб., 1910.

Телегін, Братченко, 1974. Телегін Д. Я., Братченко С. М. Розкопки курганів епохи бронзи за допомогою механізмів // Археологія. 1974. №13.

Тереножкин, 1955. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе // КСИА АН УССР. №5. Киев, 1955.

Тереножкин, 1955-А. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе // Тез. докладов на сессии отделения исторических наук, на пленуме ИИМК и сессии ученого совета Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, посвященных итогам археологических и этнографических исследований 1954 г. М., 1955.

Тереножкин, Мозолевский, 1988. Тереножкин А. И., Мозолевский Б. Н. Мелитопольский курган. Киев, 1988.

Терещенко, 1853-А. Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853. Ч. 78. №4-6.

Терещенко, 1853-Б. Терещенко А. Очерки Новороссийского края // ЖМНП. 1853. Ч. 79. №7-9.

Терещенко, 1866. Терещенко А. О могильных насыпях и каменных бабах в Екатеринославской и Таврической губ. // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. Кн. IV. М., 1866.

Фридман, 1987. Фридман М. И. Скифские курганы у с. Дудчаны на Херсонщине // Древнейшие скотоводы степей юга Украины. Киев, 1987.

Чежина, Алексеев, 1994. Чежина Е. Ф., Алексеев А. Ю. Олень из кургана Куль-Оба // Памятники древнего и средневекового искусства. СПб., 1994.

Яценко, 2002. Яценко И. В. Представления И. Е. Забелина о строении насыпи кургана Чертомлык // РА. 2002. №4.

Furtwaengler, 1883. Furtwaengler A. Der Goldfund von Vetttersfelde // Berliner Winckelmanns-Programm. 43. Berlin, 1883.

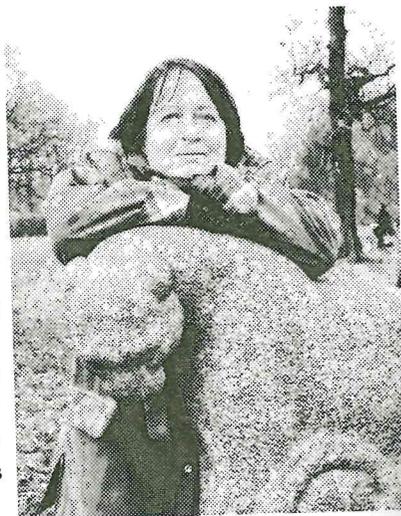
СОКРАЩЕНИЯ

- АГСП — Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955;
АМА — Античный мир и археология. Саратов;
АО — Археологические открытия. М.;
АС — Археологический съезд;
БИ — Боспорские исследования. Симферополь — Керчь;
БС — Боспорский сборник. М.;
БСЭ — Большая советская энциклопедия;
БФ — Боспорский феномен. Материалы международной конференции. СПб.;
ВДИ — Вестник древней истории. М.;
ВИА — Всеобщая история архитектуры. Т. 2. Кн. 1. М., 1949;
ДБ — Древности Боспора. М.;
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб.;
ИА РАН — Институт археологии Российской академии наук;
ИАК — Известия Императорской Археологической комиссии. СПб./Пг.;
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры. Л.;
ИИМК РАН — Институт истории материальной культуры Российской академии наук;
ИНИОН РАН — Институт научной информации общественных наук РАН;
КСИА — Краткие сообщения Института археологии. М.;
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М. — Л.;
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь;
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.;
МИАК — Материалы и исследования по археологии Кубани. Краснодар;
ОАК — Отчет Императорской Археологической комиссии. СПб.;
ПИФК — Проблемы истории, филологии, культуры. Москва — Магнитогорск;
РА — Российская археология. М.;
СА — Советская археология. М.;
САИ — Свод археологических источников. М.;
СГАИМК — Сообщения Государственной академии истории материальной культуры;
СГМИИ — Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.;
ТС — Таманская старина. СПб.

ОБ АВТОРАХ

Гаврилюк Надежда Авксентьевна 28.07.1951

Д.и.н., в.н.с. отдела античной археологии Института археологии НАН Украины, начальник Скифо-античной (Каменской) экспедиции Института археологии НАН Украины, в прошлом — председатель Полевого комитета. Специалист в области методики полевых исследований, охраны памятников, истории и экономики раннего железного века степной части Северного Причерноморья, греко-скифских связей. Автор более 220 работ и шести монографий по археологии раннего железного века, методики полевых археологических исследований и музеефикации погребальных памятников позднего средневековья.

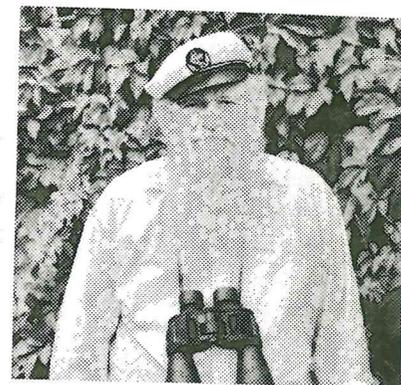
Завойкин Алексей Андреевич 15.01.1959

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, д.и.н., в.н.с. отдела классической археологии ИА РАН, специалист в области археологии, истории и культуры Боспорского государства и Северного Причерноморья. Более 30 лет работал и руководил экспедициями на Таманском п-ове; зам. нач. Фанагорийской комплексной экспедиции ИА РАН; автор около 90 печатных работ, в том числе монографии.

Каменецкий Игорь Сергеевич 02.02.1930

Окончил кафедру археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, к.и.н., в.н.с. отдела теории и методики ИА РАН, специалист в области скифо-сарматской археологии и методики археологических исследований. Участник и руководитель многих экспедиций, главным образом на территории Северного Кавказа. Автор более чем 150 публикаций. Доцент Московского гос. университета культуры и искусств.

Крапивина Валентина Владимировна 29.08.1950

К.и.н., с.н.с. отдела античной археологии Института археологии НАН Украины, начальник Ольвийской экспедиции Института археологии НАН Украины, член Полевого комитета. Специалист в области полевой археологии, истории и археологии Ольвии и ее окружи, хронологии, экономики и культуры античных государств Северного Причерноморья. Автор 180 статей и трех монографий по археологии античных центров Северного Причерноморья.

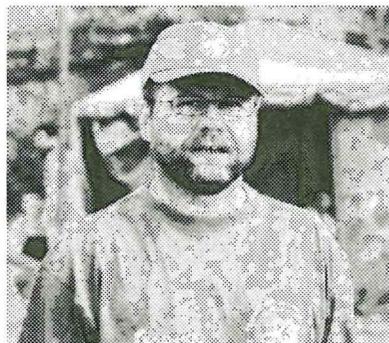
Крыжицкий Сергей Дмитриевич 11.12.1932

К.и.н., доктор архитектуры, профессор, чл.-корр. НАН Украины, заведующий отделом античной археологии Института археологии НАН Украины, научный руководитель Ольвийской археологической экспедиции. Ведущий специалист в области истории, экономики, культуры античных государств Северного Причерноморья. Автор более 200 статей и нескольких монографий по археологии и архитектуре Ольвии и других античных центров Северного Причерноморья.

Кузнецов Владимир Дмитриевич
20.08.1953

Окончил МГУ им. М.В. Ломоносова, д.и.н., в.н.с. ИА РАН, с 2009 г. заведующий отделом классической археологии ИА РАН, специалист в области античной археологии и истории Северного Причерноморья и Средиземноморья. Начальник комплексной Фанагорийской экспедиции. Автор более 70 печатных работ, в том числе двух монографий.

Лимберис Наталья Юрьевна
04.11.1953

В 1973 г. поступила в Ленинградский гос. университет, а в 1978 г. окончила Кубанский госуниверситет, с.н.с. НИИ археологии Кубанского гос. университета. Работала в Краснодарском историко-археологическом музее-заповеднике и в Северо-Осетинском гос. университете. С 1981 г. занимается исследованиями меотских грунтовых могильников и степных курганов Прикубанья; признанный специалист в области изучения меотской культуры. Автор более 70 научных статей и монографий.

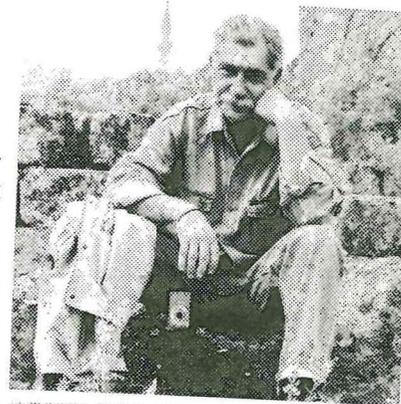
Марченко Иван Иванович
22.09.1955

Окончил Кубанский гос. университет, где работает доцентом кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории; к.и.н. Сфера основных научных интересов — археология и история народов Прикубанья в античную эпоху. Руководитель и участник многих экспедиций в этом регионе; автор около 90 печатных работ, в том числе трех монографий.

Масленников Александр Александрович
23.10.1948

Д.и.н., проф., в.н.с. ИА РАН, зав. отделом полевых исследований; специалист в области античной истории и археологии Боспора и Северного Причерноморья. Участник целого ряда экспедиций в различных регионах СССР и РФ; с 1975 г. начальник Восточно-Крымской экспедиции ИА РАН. Автор 190 печатных работ, в том числе одиннадцати монографий.

Полин Сергей Васильевич
14.09.1952

К.и.н., с.н.с. отдела скифо-сарматской археологии Института археологии НАН Украины, начальник Скифской Степной экспедиции Института археологии. Специалист в области методики исследования больших скифских курганов, занимается хронологией скифских и раннесарматских памятников, изучением материальной культуры степных скифов. Автор более 80 работ, из них две монографии.

**Греческие и варварские памятники
Северного Причерноморья.
Опыт методики российских и украинских
полевых исследований**

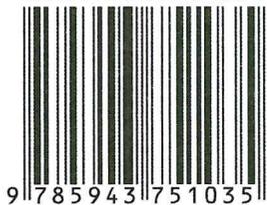
Научное издание

Подписано в печать 24.03.2011. Формат 70 x 90/16
Усл.печ.л. 14,0. Уч.-изд.л. 17,8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 50 экз. Заказ № 393.

Институт археологии РАН
117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Отпечатано в ЗАО «Гриф и К»
300062, г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а.
Тел.: +7 (4872) 47-08-71, тел./факс: +7 (4872) 49-76-96
grif-tula@mail.ru, www.grif-tula.ru

ISBN 978-5-94375-103-5

9 785943 751035